

БАЙКИ И БЫЛИ 4

НИИГА - ВНИИ ОКЕАНГЕОЛОГИЯ

1948 - 2016

На обложке использованы фотографии из фотоархивов
В.А. Виноградова
Е.А. Кораго
В.Ф. Непомилуева
П.В. Реканта

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
памяти наших соавторов
по «Байкам и Былям – 1-3» и
всех геологов-геофизиков НИИГА-ВНИИОкеангеологии,
не доживших до сегодняшних дней*

БАЙКИ и БЫЛИ 4

НИИГА - ВНИИОКЕАНГЕОЛОГИЯ

(1948 – 2016)

Редактор:

Супруненко О.И.

Компьютерная обработка:

Медведева Т.Ю.

Минина М.В.

© Отдел нефтегазоносности Арктики и Мирового океана
E-mail: onaimeo@centurion.vniio.nw.ru

Санкт-Петербург
2016

От редактора

Когда мы завершали подготовку «**Баек и былей – 3, 1948-2012**», мыслей о возможном продолжении «издательской» деятельности даже не возникало. Преобладало чувство удовлетворения от того, что сделано полезное дело... Компакт-диск с записью всех вышедших «**Баек и былей**» (1, 2 и 3) мы передали в редакцию газеты «Российские недра», и в газете (а затем в её электронном преемнике – «Геологическом вестнике») достаточно регулярно стали появляться «наши» байки, правда, только с фамилиями авторов, без ссылок на «**Байки и были**». Но и на том, как говорить, спасибо...

А задумались мы впервые о новых «**Байках...**», пожалуй, после внезапной смерти нашего любимого соавтора и старшего друга *Виталия Ивановича Устрицкого* (12 апреля 2013 г.), месяц и один день не дожившего до своего 90-летия. До и после этого ушли из жизни *В.Э. Волк, В.И. Ушаков, В.А. Милашев, Г.Н. Карцева*, а уже в этом году *Б.И. Ким* – соавтор и «лицо на обложке» наших первых «**Баек**», *А.А. Лайба* и в начале июня – соавтор всех наших «**Баек**», включая эти, - К.Н. Белоусов И стало ясно: новые «**Байки**» необходимо выпускать и посвящать их нашим соавторам, безвременно покинувшим нас, и всем геологам и геофизикам НИИГА-ВНИИОкеангеологии, не дожившим до сегодняшних дней.

Понятно, что в целом, «**Байки... - 4**» твердо следуют главной линии предыдущих сборников: вспомнить, в каких условиях и как осваивалась геологами Арктика, что за люди они были. Тон здесь, как и обычно, задают ветераны арктической геологии, но уже обязательными становятся голоса их более молодых коллег, постепенно накапливающих опыт арктических «полей». Самое же интересное: начинает оформляться новая рубрика воспоминаний, которую можно назвать «Неарктические края, где мы тоже побывали». В их число сейчас вошли Алтай, окрестности Туапсе, о. Сааремаа, Иран, Япония, Африка, а также, как это ни покажется странным, послевоенный Ленинград в воспоминаниях *Е.А. Кораго*. Последнее вызвало поначалу вопросы, но, крепко подумав, решили: да ведь это же нужно обязательно прочесть, понять и прочувствовать молодым нашим соотечественникам, каким был и как воспринимался послевоенный коммунальный Ленинград сознанием мальчишки, приехавшего из украинской провинции. И, конечно же, мы надеемся, что все наши читатели с интересом и, не побоимся сказать, с удовольствием прочтут «продолговатое» эссе того же *Евгения Александровича Кораго* о животных, окружающих геолога в его полевых буднях. Эти рассказы свидетельствуют, на наш взгляд, не только о тонкой наблюдательности автора, обязательной для настоящего естествоиспытателя, но и о его добром сердце, открытом окружающему миру, как это присуще подавляющему большинству наших коллег-геологов.

Ну и, конечно же, не могли мы хотя бы вскользь не коснуться некоторых сторон жизни последних десятилетий как в части полевых исследований, так и взглядов руководства отрасли на организацию деятельности геологических научно-исследовательских организаций в XXI веке. И того, как мы в этих условиях живем и сохраняем веру в то, что не все успехи советской/российской геологии в прошлом и что будет еще на нашей улице праздник!

О.И. Супруненко

Содержание

И. Байки.....	7
К.Н. Белоусов.....	7
Алтайский этюд	7
Сааремаа, ах Сааремаа...	9
Ямал: начало и конец	11
Затянувшаяся островная осень	14
Е.А. Гусев	17
Ну почему я никогда ничего не нахожу?	17
Следы человека в Арктике	18
В.А. Виноградов.....	27
Экстремальные ситуации в жизни геолога	27
Мое вхождение в геологию и в Арктику	38
.....	51
В.Л. Иванов.....	53
Байки из ненаписанной иранской тетради	53
Записная книжка	59
Е.А. Кораго.....	64
Послевоенный Ленинград. (Литейный пр. д. 31, кв. 23)	64
ЛЮДИ и ЗВЕРИ	75
М.К. Косько	112
Из канадских опытов	112
А.А. Крылов	116
Японские байки	116
Н.А. Куринный	124
Из жизни морских изыскателей	124
Т.Ю. Медведева.....	130
Путевые заметки или руководитель всегда на высоте	130
М.В. Минина	139
Тяжело в учении...	139
В.Ф. Непомилуев	144
Особенности проведения геологической съемки в африканской республике Гана	144
Байки геолога Ивана Рудокопова	147
Геологическая наука в стихах	154
Л.В. Нехорошева.....	156
Блицконкурс	156
Архангельск поездом	156
А.Н. Сироткин.....	158
Шпицбергенско-узбекский сибиряк Боря Климов	158
Н.М. Столбов	163
Близкий Дальний Восток	163
О.И. Супруненко.....	168
Как должны работать геологические НИИ в наше время?	168
«Лихие двухтысячные»	168
Жизнь изобретательнее	168

Окончательный диагноз	169
Ученый совет СЗ филиала	170
А.И. Трухалев.....	172
<i>Вся жизнь в НИИГА-ВНИИОкеангеологии. Наиболее запомнившиеся периоды, эпизоды</i>	
	172
Н.К. Шануренко	190
<i>Через тернии к звездам!</i>	
	190
О.Г. Шулятин	197
<i>Жертва апартеида</i>	
	197
<i>Бегемот на закуску</i>	
	200
II. Нашим юбилярам	207
Ю.Ф. Манухин	207
<i>Ярославу Владимировичу Неизвестному</i>	
	207
С.И. Андреев	209
<i>Негасимые искры нашей памяти (стихи хорошим людям)</i>	
	209
<i>Посвящается Ю.П. Хованской</i>	
	209
<i>Михаилу Константиновичу Косько – 80!</i>	
	210
<i>Юрию Константиновичу Бордукову – 70!</i>	
	211
III. Фотоархивы.....	212
Е.А. Кораго	212
<i>Новая Земля</i>	
	212
<i>Западная Чукотка</i>	
	223
<i>Северо-Восток Азии. Колымо-Омолонское междуречье</i>	
	225
П.В. Рекант	241

І. Байки

К.Н. Белоусов

Алтайский этюд

До 1957 года, счастливого времени, когда я связал свою жизнь в НИИГА, Севморгео и Полярной экспедицией, проработал три года на Алтае в системе Аэрогеологии. Это была не только хорошая геологическая школа (геологическая съемка м-ба 1:200 000), но и знакомство с необычно красивой страной – Горным Алтаем. С благодарностью вспоминаю и коллег той поры – *Игоря Кунаева, Сергея Шульца* и, конечно, начальника партии *Василия Григорьевича Молчановского*, участника Великой Отечественной войны с первых ее дней. Светлая им память.

Вспоминаются и несколько, на мой взгляд, любопытных, эпизодов полевой жизни, которые и попытаюсь привести ниже.

Эпизод первый

Вершины гор скрыты хмурыми серыми облаками, которые иногда рвутся и пропускают на пару минут косой луч солнца. Изредка накрапывает дождь. И нам – мне, студенту практиканту *Исидору* и другой паре маршрутчиков, приходится останавливаться, слезать с лошадей, доставать и напяливать плащи. Но как только плащи надеты, капанье прекращается и приходится их снимать.

До верховьев ручья доехали вчетвером и здесь наши дороги разошлись. Я со своим напарником-радиометристом, полезли вверх по склон, с целью перевалить в другую долину. Крутой подъем с большими осыпями и коренными выходами острозубых сланцев сменился резким спуском по залесенному северному склону. Плотным кольцом нас обступила темно-хвойная алтайская тайга с изобилием поваленных деревьев. Перешагивая где можно и обходя завалы, спустились, наконец, к реке. Поток, шумно пенясь, стекал по узкому каменистому руслу, зажатому с обоих берегов крутыми лесистыми склонами. Переправились удачно и двинулись по долине, которая скоро расширилась и облегчила наш путь. В верховьях высокая трава закрывала лошадей почти с головой. Такая трава - лучшее лакомство для наших четвероногих друзей. Мой «Ванька»

и Исидоров «Пионер» поминутно останавливались, чтобы побольше сорвать травы. Кто мог знать, что этот «завтрак» станет последним для одной из наших лошадей.

Кончился луг и снова мы поднимаемся по склону. Он становится все круче и осложнен частыми лесными завалами. Спешиваюсь и веду лошадь через завалы. Несмотря на предупреждение, *Исидор* продолжает ехать верхом. Подъем кажется бесконечным, пот струится по спине и, наконец, за последним уступом подъем становится пологим. Оглядываюсь назад и не вижу *Исидора*. Привязываю «Ваньку» и спускаюсь вниз. Около громадного ствола с острыми суками лежит «Пионер». *Исидор* что-то кричит мне и пытается поднять коня. Вблизи вижу большую рваную рану на боку лошади, из которой, пульсируя, растекается кровь. Вдвоем пробуем вытянуть застрявшие под стволом ноги животного. В довершение оказывается, что одна его нога сломана в двух местах. «Пионер» периодически пытается встать, но сразу же падает и скатывается вниз по склону. Расседлываем лошадь и пытаемся привязать ее уздечкой к дереву.

«Пионер» делает отчаянную попытку встать и, падая, затихает. Глаза лошади стекленеют. Жалость подступает к сердцу, но в помощи погибающему животному мы бессильны.

Забираем спальный мешок, седло, переметные сумы и начинаем лезть вверх по склону к «Ваньке». Видим его повернутую к нам голову, ищущую своего напарника. Встречает он нас жалобным ржанием. Навьючиваем на коня двойной груз и осторожно спускаемся в долину широкой реки с удобным местом для ночевки.

Наутро целый день уходит на возвращение в базовый лагерь. А дальше идет рутинная работа по списанию колхозной лошади, где главная роль принадлежит вызванному ветеринару.

Лошадь – доброе животное, всегда близка к человеку. В процессе работы мы со своими четвероногими друзьями сходились близко. И потому потеря этого живого существа очень болезненно нами переживалась.

Эпизод второй

Он произошел более мажорно. В следующем году мы продолжили геологическую съемку в бассейне верховьев р. Бухтармы.

В многодневный маршрут отправился с рабочим *Николаем*. На следующий день он пожаловался на боль в ноге. Оказалось, от гвоздя в сапоге образовался неприятный нарыв. Поскольку наш маршрут пролегал недалеко от отделения мараловодческого совхоза, мы

завернули туда за медицинской помощью. В медпункте нарыв вскрыли, ногу перевязали и рекомендовали пару дней покоя.

На следующий день к нам в палатку пришли представители совхоза и попросили участвовать в загоне маралов – каждый человек был на счету. Показал на наших обычных колхозных лошадей, сказав, что на них будет трудно участвовать в этом мероприятии. Мне сказали, что они предоставят свою лошадь. Утром, оставив *Николая* лечиться, отправился на общий сбор. Там провели краткий инструктаж и подвели мне крупного, здорового коня.

Следует отметить, что совхоз располагался в небольшой межгорной впадине, окруженной невысокими (100-200 м) редко залесенными холмами. Территория в несколько десятков квадратных километров была обнесена деревянным забором.

Нам, двум десяткам всадников, предстояло, выстроившись в ряд (каждый в видимости другого) пройти обзаборенную территорию, чтобы загнать маралов в специальный оборудованный участок. С криками, ударами в тазы и кастрюли, кавалькада двинулась в путь. Мой конь ринулся вверх по склону, как танк. После нескольких часов операция была завершена. Табун маралов оказался в загоне. Моя миссия на этом завершилась, и я превратился в свободного наблюдателя.

От загона шел узкий, огороженный частоколом коридор, который завершался плахой с гильотиной. Туда загоняли марала, укладывали рога на плаху и опускали топор гильотины. Марала выпускали на свободу, а панты складывали в большой ящик.

В завершение всей операции в столовой был устроен торжественный обед с медовухой. Через день нога *Николая* зажила, и мы продолжили свой маршрут. Могу с уверенностью сказать, что из всей экспедиции никто в подобном мероприятии не участвовал, а для меня оно осталось в памяти запоминающимся эпизодом.

Сааремаа, ах Сааремаа...

Солнечным июньским днем автобус взял направление на запад, на Сааремаа. Мне давно хотелось побывать на этом острове, острове, который известен не просто как одна из многочисленных географических точек. С Сааремаа связаны различные исторические события как давно минувших лет, так и совсем недавние, еще хорошо сохранившиеся в памяти нашего поколения. Прежде всего, название этого острова прочно вошло в героическую историю Великой Отечественной войны.

Хотелось познакомиться и с островитянами, столь поэтически *воспетыми Юханом Смуулом*.

О любопытной для новичков переправе на пароме через пролив СуурВяйн распространяться нет смысла - все это гораздо точнее и интереснее показано в фильме "Полуденный паром". Покинув паром, наш автобус быстро пересек с востока на запад остров Муху и устремился к дамбе, проложенной через узкий и мелководный пролив Вяйке Вяйн. Окончилась дамба, и мы наконец-то оказались на острове Сааремаа. Поначалу показалась, что различия с материком нет никакого. Та же полоса асфальта, тот же плоский рельеф и обилие камней на полях. Но тут же бросилось в глаза, что поля здесь другие - нет всходов зерновых, их место занимают кусты можжевельника, и камней заметно больше. Да и редко разбросанные дома выделяются своими камышовыми крышами. Как узнал потом, такая крыша может простоять без малого сотню лет, так мастерски она сделана.

Вдали заголубело море, и показались окраины города Кингисеппа. Город оказался небольшой, но очень опрятный и уютный. В нём старина мирно и органично уживается с современностью: Курессаарский замок XIII века, окруженный старым парком, и стеклянно-прозрачный универмаг, вросший в землю домик и стремительно рвущаяся ввысь водонапорная башня с жилыми квартирами.

Ночевали мы недалеко от города, на хуторе совхозного конезавода, гостеприимно распахнувшего двери своего дома не более и не менее как 25 экскурсантам. И здесь увидели мы сочетание старого и нового. Такие же, как в прошлом веке, хуторские постройки, и, конечно, с камышовыми крышами. Но стоило только распахнуть двери дома, и мы попали в современную трехкомнатную квартиру, обставленную с большим вкусом. Нас угостили чудесной ухой, сваренной на костре в огромном чугуне; за столом было тесно, но дружно и весело.

Хозяин, как и большинство островитян, не отличался разговорчивостью. В его облике самыми красноречивыми были руки - крупные, с почти окостеневшими темными ногтями, руки вечного труженика. Этот скромный человек не раз бывал в Москве на ВДНХ, где демонстрировал племенных лошадей своего совхоза, известных далеко за его пределами, и труд его отмечен почетной медалью выставки.

Самое интересное ожидало нас на следующий день. В автобус вошел очень бодрый и подвижной седой мужчина и представился нам - *Тимофей Васильевич Линне*. Так состоялось краткое, но запоминающееся знакомство с энтузиастом, краеведом, директором Краеведческого музея г. Кингисеппа. С того момента, как он взял в руки микрофон, мы старались не пропустить ни одного его слова. *Тимофей Васильевич* очень интересно и образно, а главное, с большой любовью, рассказывал о достопримечательностях острова, среди которых, безусловно, самой главной был метеоритный кратер "Каали". Выйдя из автобуса, мы стояли на краю этого кратера, представляющего собой овальную воронку около 200 м в диаметре, с благоговением. Этот кратер, вместе с шестью другими, меньшими по размерам, привлекает внимание многих ученых мира и является уникальным - в Европе больше не известно кратеров метеоритного происхождения.

Вместе с *Тимофеем Васильевичем* был осмотрен и крупнейший карьер острова, где добывается доломит, шедший на отделку многих архитектурных сооружений СССР. Как и большинство из нас, я положил в карман на память кусочек этого белого камня.

Посетили мы и усадьбу «Михкеля», представляющую собой жилой дом крестьянина прошлого со всеми подсобными постройками, превращенную в настоящее время в своеобразный этнографический музей. Здесь сохранились в первоначальном виде как сами постройки, так и все предметы быта и труда. Все сделано руками самого крестьянина, и мастерству его можно подивиться.

Наконец, автобус остановился у большого зеленого поля. Это был тот аэродром, с которого в ночь на 8 августа 1941 года группа бомбардировщиков под командованием полковника *Н. Преображенского* произвела первый налет на Берлин. Об этом рассказал нам *Тимофей Васильевич* и поведала мраморная плита, установленная на краю аэродрома.

Пришла пора расставаться и с *Тимофеем Васильевичем*, и с островом Сааремаа. Много интересного увидели мы здесь, а главное, познакомились с гостеприимными островитянами. Никто из нас не забудет мужественно-сурового острова, населенного добрыми людьми.

Увы,...это были 70-е годы прошлого столетия, во времена Советского Союза, а соответственно, и Эстонской ССР.

Ныне это зарубежная страна, входящая в блок НАТО и не проявляющая симпатий к России. Городу Кингисепп вернули старое название Курессааре. А место упомянутого аэродрома предано забвению.

Но незабываемым остается географическое положение о. Сааремаа. И выправив эстонскую визу, туда можно отправиться без всяких проблем.

Ямал: начало и конец

С началом 1991 года я ушел на пенсию и покинул Шпицбергенскую партию ПМГРЭ (Полярная морская геологоразведочная экспедиция), в системе которой (НИИГА, СЕВМОРГЕО, ПМГРЭ) проработал с весны 1957 года.

Причина ухода – во-первых, перспектив в экспедиции у меня не было, а во-вторых, мне приходилось тратить на дорогу к работе в один конец 2,5 часа.

Тем не менее, я, 60-летний мужчина, был еще достаточно здоров и активен, чтобы не сидеть без дела. Обратился во вневедомственную охрану и меня направили контролером (охранником) в Дом композиторов г. Ленинграда на улицу Герцена, 45. Дежурил сутки через трое на посту в вершине лестницы композиторского дома. Работа мне здесь понравилась. Круг людей, связанных с этим культурным центром, был интересным. Почти ежедневно на работу приходил всегда оптимистически настроенный глава союза музыкантов города *Андрей Петров*. Запомнился эlegantный композитор *Н. Успенский*, а также недавние эстрадные звезды – *Ринат Асадулин* и *Жан Татлян*.

Несколько дней в интерьерах здания шли съемки фильма «Свадьба Кречинского» по пьесе Сухово-Кобылина. Удалось даже угостить чаем одну из главных героинь фильма – *Л. Чурсину*.

Обстановка в самом доме была великолепная. Бывший особняк Гагариной, построенный в 1840 г. *О. Монферраном*, радовал не только своим фасадом, но и внутренней красотой. Небольшой концертный зал со стенами и потолком, отделанными ценными породами дерева, красная комната с классической мебелью и картинами на стенах. Кстати, именно на одном из диванов этой комнаты я и коротал свои ночи. Но это удовольствие продлилось недолго.

Через четыре месяца мой соратник по Шпицбергенской партии *И.С. Постнов* предложил мне экспедиционную работу в геоэкологическом предприятии «АВГИТ» Российской А.Н., куда я с большой радостью и попал на должность инженера-геолога.

Нам, небольшой группе геологов (3 человека), предстояло провести инженерно-геологическое обследование участка Бованенковского месторождения в средней части полуострова Ямал (междуречье Се-Яха и Морды-Яха). Начальным пунктом был г. Ухта, куда мы и прилетели. Там мы провели несколько июльских дней в ожидании борта на

север. Нас любезно приютили на базе Ямальской экспедиции глубокого бурения (ЯЭГБ). Затем грузовой АН-12 перебросил нас на восточное побережье Ямала в порт-поселок Сапета, откуда вертолет доставил группу на промбазу ЯЭГБ.

База ЯЭГБ

Базовый поселок размещался на правом берегу Се-Яха и состоял из большой промзоны, нескольких 2-х этажных сборных домов и множества жилых «бочек». Кусты буровых скважин располагались на небольшом удалении от базы на другом берегу реки. К ним вели насыпные дороги, которые могли использоваться транспортом только в зимнее время. Летом все переброски осуществлялись только вертолетами.

Участок промбазы ЯЭГБ

Нам предоставили две вполне комфортабельных (для севера) комнаты. В коридоре располагались современные туалеты и душевые. А в столовой кормили от души за небольшую плату, что в те годы было редкостью.

Столовая и гостиница промбазы

Нашей задачей было определение загрязнения ландшафта вокруг буровых скважин, физико-химическое определение состава почв и грунтовых вод. Начались пешие маршруты. Возвращались мы на базу, весьма отягощенные пробами воды и образцами. На дальние скважины нас перебрасывали вертолетами.

В целом, экологическая обстановка на буровых была нормальная, исключая единичные случаи слива горючего. Тем не менее, тундра претерпевала негативные изменения. И только на одной буровой мы были поражены девственной чистотой окружающей среды. Ее монтаж происходил зимой, когда вертолеты доставляли на точку двухметровые в диаметре полые стальные трубы. На этой основе, которая очень слабо давила на поверхность тундры, монтировали настил, где располагались сама буровая, мастерские и бытовка.

Полуторамесячная командировка пролетела быстро. В Ленинграде обрабатывались пробы, писался, как всегда, отчет. Но мне предстояло навестить еще и зимнюю Ухту. Почти месяц проработал в фондах местного геологического управления.

Летом 1992 года мы вдвоем с *М. Благовещенским* продолжили работы в том же районе. Осенью нам предстояло также обследовать обширную территорию ЯЭГБ в Ухте. Конечным результатом было составление экологических паспортов на эту площадь.

Итогом двухлетних полевых работ на Бованенковском месторождении был отчет с составлением геоэкологической карты обследованной территории, которые были приняты руководством ЯЭГБ.

В заключении надо добавить, что свою геоэкологическую работу в Заполярье я начал, будучи еще студентом, в 1952 г. на п-ве Ямал. Это была геологическая съемка м-ба 1:1 000 000. Закончил я геологическую службу на том же Ямале в 1992 г.

Тундра Ямала

Затянувшаяся островная осень

Осенью 1973 года полевой отряд *А.И. Самусина* (Восточно-Сибирская партия) завершал двухгодичную комплексную двухсоттысячную геологическую съемку о-ва Большой Ляховский.

Остров Б.Ляховский

К 15 сентября наш большой (15 человек) коллектив был готов покинуть остров, чтобы к 20-м числам месяца оказаться на базе партии – Чокурдахе.

Внезапно все переменялось. Вертолетов, готовых нас вывезти, по всей Якутии в это время не оказалось. Начальство дало распоряжение выбираться на попутных кораблях. И вот, 16 сентября, наш лагерь, базирующийся в охотничьей заимке Дымное, всполошился. По рации сообщили, что к нам направляется судно. Что делать, куда девать груз, которого много? Решили оставить его на острове, т.к. ветер нагнал к берегу лед и было неясно, смогут ли к нам подойти лодки. В общем, все было не ясно, тем более что водным путем

нас еще никогда не вывозили. Мы взвешивали различные варианты эвакуации, пока начальство не дало отбой – судно к нам не пошло.

Заимка Дымное

17 сентября я отправился сопровождать вездеходы на запад острова – мыс Кигилях.

Везли груз и попутно геофизики доработали два последних маршрута. В Кигилях пришли 21 сентября. На мысе уже скопилось много народу – более двадцати буровиков и геофизиков. Все ждали корабля.

Море бушевало не на шутку. Небольшую бухту с крутыми берегами штормовали черные валы с белыми гребнями. Небо было почти черным с низкими бегущими тучами. А на востоке, над бухтой, возвышалась белоснежная шапка горы. Картина впечатляющая.

Через два дня мы вернулись на Дымную и уже на следующий день нас снова застал аврал с якобы подходящим кораблем. Увы, опять ложная тревога. А нас на Дымной своих 15 человек и еще пятеро тематиков вблизи от лагеря. Решили в первую очередь снять их и перевезти к нам, чтобы отправить на Кигилях, добавив часть нашего отряда. 27 сентября два вездехода с людьми отправились на Кигилях.

Мы остались всемером на Дымной на неопределенное время, пока вывезут вертолетами, возможно, в ноябре.

Остались не без удовольствия. Дом с баней у нас хорошие, продуктов много, народ дружный. Единственный минус – кончилось курево.

Вздохнули спокойно. На следующий день помылись в бане, поставили бидон с брагой на долгое сидение. И вдруг радиogramма – «к вам идет корабль». Перенесли весь груз на берег, но уверенности в вывозе не было – лед закрывал побережье.

«Душ» после бани

На следующий день лед отогнало ветром, но корабль изменил курс и пошел на Кигилях. После обеда кто-то вышел из дома и видел вдалеке судно. Включили рацию – нас вызывали моряки. Свернули личные вещи, отправились на берег. В пять вечера подошел понтон и через час отправился загруженный к кораблю. Второго рейса ждали долго. Уже стемнело, а понтона все не было. Развели костер и наблюдали за красочно иллюминированным кораблем. В 22 часа подошел катер, у понтона «накрылся» двигатель. Погрузились и покинули уже ставший родным остров. Расставаться было грустно, и мы долго глядели на удаляющийся огонек костра.

Корабль «Эдуард Толль» стоял на рейде. Погрузились на него быстро, на море был полнейший штиль. Корабль оказался современным гидрографическим судном, построенным в прошлом году в Финляндии.

Рано утром, еще в темноте, бросили якорь, но разгружаться стали с рассветом. А вывезли нас на северное побережье материка, на мыс Святой Нос с метеостанцией и посадочной полосой для маломерных самолетов.

Здесь к 30 сентября собралось не менее пятидесяти человек, в результате чего вдоль побережья вырос целый палаточный город с печным отоплением, благо дров (плавника) хватало. Жил я в палатке с *А.И. Самусиным* и радистом *Женей*, а также с бидоном браги, которую доблестный *Женя* заварил еще на острове и доставил, как говорится, с корабля на бал!

2 октября прилетел первый АН-2, а всего их понадобился десяток. Через неделю мы прибыли в Чокурдах. На этом многолетняя совместная работа на севере Якутии с *Александром Иосифовичем* закончилась. А через 13 лет оборвалась и его жизнь, но светлая память о нем жива, пока мы живы.

Ну почему я никогда ничего не нахожу?

Всякий солдат мечтает стать генералом, и каждому геологу хочется найти... Что? Да кому что. Поисковикам снятся месторождения, старателям – самородки, минералам – новые минералы, палеонтологам – древние ископаемые организмы хорошей сохранности. Мне, работающему на Севере, всегда хотелось отыскать мамонта. Желательно – целого, а лучше – редкого, уникального. Никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Порой мы находимся от своей цели на расстоянии вытянутой руки. Именно такой курьёз и приключился со мной.

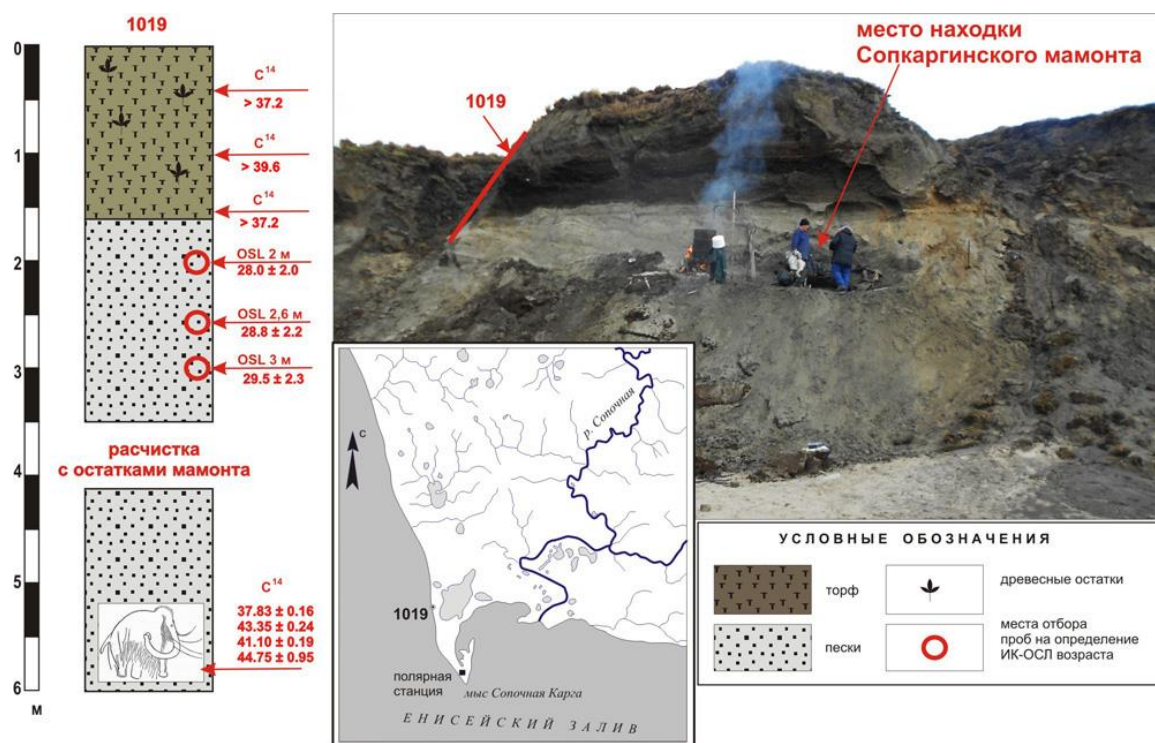
В устье Енисея находится полярная станция Сопочная Карга. Мне довелось там работать в 2004, 2005, 2008-2010 гг. Эх, знать бы, что все эти годы я ходил рядом с уникальным мамонтом, находившемся совсем неглубоко от поверхности, в толще плейстоценовых песков. Последний раз, когда я работал у Сопочной Карги, моё внимание привлёк участок берега, в верхней части которого была пачка торфов, переходивших ниже в аллювиальные пески. Такое строение берег имеет на значительном протяжении. И надо же мне было выбрать кусочек обрыва для расчистки и отбора образцов именно в том самом месте. Образцы сдал в лаборатории на анализы и занимался дальше другими районами Арктики, надеясь ещё вернуться к Енисейскому заливу и его плейстоценовым разрезам.

Сопкаргинский мамонт. Фото ИТАР-ТАСС

И вот, в 2012 году, вернувшись из экспедиции, в которой мне довелось работать на борту подводной лодки, узнаю из интернет-новостей, что летом у Сопочной Карги местным мальчиком, ненцем – *Женей Салиндером* – найдена туша мамонта хорошей сохранности. Находка привлекла внимание палеонтологов, т.к. раньше находили целые туши только детёнышей, а тут – взрослый самец. Посмотрел новостной видеосюжет об этой находке, и холодок пробежал по спине – место, откуда достают тушу – больно похоже на обрыв, который я расчищал два года назад, в 2010-ом. Связался с заместителем директора Зоологического музея, который участвовал в раскопках мамонта, выпросил у него точные GPS координаты находки. Нанёс на электронную карту координаты места находки мамонта и моей расчистки и обомлел – между ними всего 5 метров! Да, стало быть, в 2010 году я мог раскопать тушу мамонта! Промахнулся несколькими метрами! Найденного мамонта окрестили *Женей*. Стало быть, мой тёзка. Вот такая история. Ну почему я никогда ничего не нахожу?!

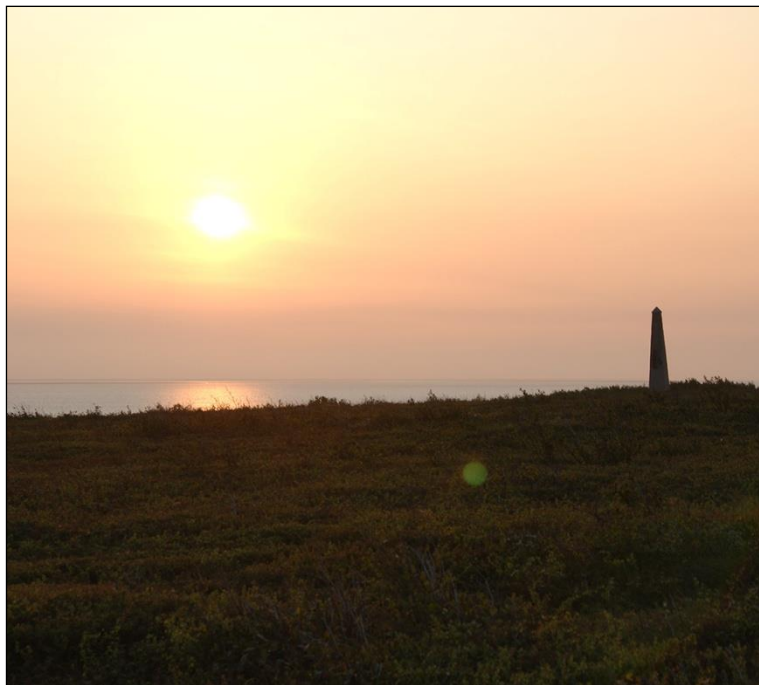
Место находки сопкаргинского мамонта и моя расчистка (№ 1019)

Следы человека в Арктике

Даже в труднодоступных местах планеты человек оставил уже свои многочисленные следы пребывания. В Арктике это в основном следы научных экспедиций, промысловиков и военных. Идешь-бредешь где-нибудь далеко от поселений и полярных станций – и вдруг натыкаешься на остатки избы, или выброшенный на берег корабль, или остатки лагеря, а чаще – старые проржавевшие бочки, а то и на могилу... И понимаешь – и тут прошел человек. Успешно, а может, трагично закончилось его путешествие, как знать. Что хотел и что претерпел он здесь, в суровых условиях Севера? Всегда хочется поразмыслить над этим.

В 2009 г. неподалеку от поселка Усть-Порт на Енисее случайно наткнулся на стелу, на которой приведены имена 18 человек, погибших 16 декабря 1944 года – утонули на вездеходе. Как рассказали мне местные жители, это были геологи и буровики, ехавшие после завершения работ из Малой Хеты в Усть-Порт, среди них были и сотрудники НИИГА.

Стела у пос. Усть-Порт

В устьях богатых рыбой северных рек по берегам разбросаны многочисленные развалины и остатки промысловых изб. Особенно много их на Енисее и в Енисейском заливе. Обычно строения не подлежат восстановлению, крыши провалились, окна выбиты, всё замшелое и прогнившее... А когда-то здесь кипела жизнь, процветал рыбный

промысел, ловили гольца, муксуна, омуля, нельму... Одна из неплохо сохранившихся избёнок – Мироновская, на берегу Енисейского залива. Низенькая, одно узенькое окошечко, дверь тоже узкая, массивная. Из-за этого она и сохранилась, белые медведи не смогли её сломать.

Очень людно в этих местах было в 1930-ых годах, это был пик освоения Арктики. Вот и остатки гидросамолета у полярной станции Сопочная Карга, - судя по бортовому номеру – тоже из тех времён.

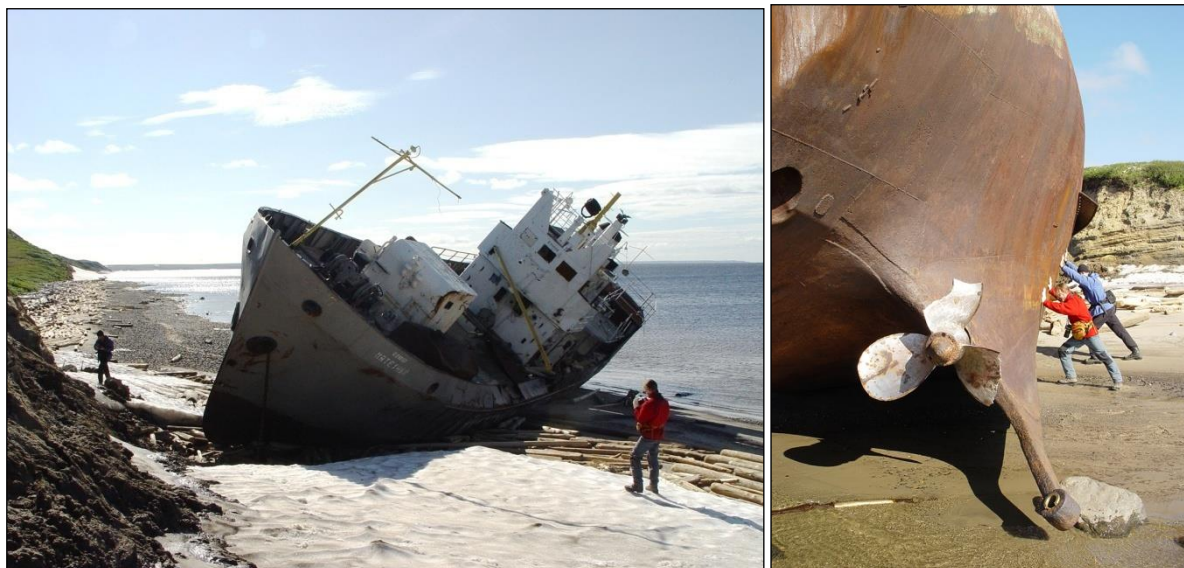
Изба Мироновская на берегу Енисейского залива

Остатки гидросамолета 1930-ых годов у полярной станции Сопочная Карга

Особенно больно смотреть на выброшенные на берег или застрявшие на мели корабли. Довелось видеть их и мне. В Енисейском заливе, у поселка Воронцово, на берегу лежит на боку небольшой корабль – «Мятежный». Из рассказов жителей Диксона, судно сорвало с якоря в штормовую погоду, в тот момент трезвых в команде не было, некому было увести корабль в море подальше от берега.

Судно «Мятежный», у поселка Воронцово, Енисейский залив

Здесь же, неподалеку, вблизи развалин рыболовецкого поселка Троицк, на берегу среди плавника красуется морской буксир МБ-25. Сам Троицк был закрыт в 1976 году, теперь там лишь фундаменты домов и остатки больших бочек для соления рыбы. А вот когда выбросило на берег буксир – неизвестно.

Развалины поселка Троицк, Енисейский залив

Морской буксир МБ-25 у пос. Троицк

На северо-западном Таймыре, в бухте Михайлова, на ее северном берегу выброшен на берег старый баркас, обшитый снаружи даже не досками, а брусом и бревнами. Возможно, его использовали геологи НИИГА в 1950-ых годах при геологосъемочных работах.

Старый баркас в бухте Михайлова (Таймыр)

Есть и другие следы пребывания геологов в Арктике. На северном берегу полуострова Михайлова на Таймыре стоит брошенная буровая ЦАГРЭ. Работы выполнялись в 1990-ые, и были внезапно свёрнуты из-за отсутствия финансирования. Не нашлось даже на ликвидацию работ и вывоз оборудования и техники. На буровой вышке с трудом можно различить выцветшие буквы: «Мы не рабы в руках руководства ЦАГРЭ».

Брошенная буровая ЦАГРЭ. Полуостров Михайлова, Таймыр

Также брошена техника и балки Хуттудинской партии ЦАГРЭ в низовьях реки Хуттуды. На берегу реки – избы, балки, разломанная деревянная лодка, ржавые трактор и вездеход, кучи пустых бочек. У балка на бочке лежит книга *Николая Гайдуга* «Волхитка», 1994 года издания, чистенькая, как будто её только что тут положили, ветер шевелит странички.

Остатки лагеря геологов в устье р. Хуттуда, Таймыр

Брошенный вездеход в устье р. Хуттуда, Таймыр

На острове Свердруп – остатки поселка буровиков, где бурилась скважина Свердруп-1. Сохранился жилой барак, баня, склад. Нашёлся и каптированный забой скважины, где указаны её название и даты начала и окончания бурения.

Баня у развалин поселка буровиков на о-ве Свердруп, Карское море

У восточной оконечности острова Тройной архипелага Известий ЦИК случайно наткнулись на доску, на которой ножом вырезаны слова, с трудом поддающиеся прочтению, можно разобрать лишь «полярная экспедиция» и год – кажется, 1933. Вокруг

ничего другого нет, очевидно, тут всего лишь ненадолго высаживались и оставили памятный знак.

Место находки доски с надписью на острове Тройном (архипелаг Известий ЦИК)

Доска с надписью « .... Полярная экспедиция... 1933»

О таком же кратком посещении одной из экспедиций в сентябре 1946 года гласит надпись на скале на о. Скотт-Гансена в Карском море.

Карское море. Острова Скотт-Гансена. Надпись на скале

Вот лишь некоторые из следов пребывания человека в Арктике, которые мне довелось увидеть. Природа Арктики уязвима, наше пребывание там порой пагубно сказывается, поэтому, конечно, хочется, чтобы таких наших следов там было поменьше...

Экстремальные ситуации в жизни геолога

Это воспоминания о некоторых экстремальных ситуациях в моей жизни во время геологических экспедиций в различные районы Восточной Арктики и даже в Мировой океан. Такие случаи возникают у людей различных профессий, но у геологов, в силу специфики профессии, они происходят чаще. Взяться за перо меня подтолкнули мои друзья и коллеги, с которыми я неоднократно делился воспоминаниями о тех или иных коллизиях в моей жизни на полевых работах. Экстрим, сам по себе, может возникнуть у человека где угодно в любом возрасте, а вот реакция на такую неожиданную ситуацию бывает совершенно различной: от панической до рассудительной. Естественно, и последствия бывают диаметрально противоположными.

Все, о чем я пишу, опирается исключительно на воспоминания без каких-либо дневниковых записей, которых у меня никогда не было.

Первая экстремальная ситуация, в которой я оказался, приходится на начальные годы моей жизни. Она могла закончиться трагически, а обернулась комическим финалом. Опишу ее подробно.

Это произошло на реке Волге в районе старинного русского города Кинешма, где я родился. Сам город стоит на правом западном берегу Волги, а моя семья жила на левом восточном берегу, где находился очень крупный химический завод, построенный в дореволюционное время для производства анилиновых красок и получивший в народе название «анилзавод».

В 30-е годы теперь уже прошлого века началась реконструкция завода с возведением новых цехов. Возникла большая потребность в стройматериалах, в том числе – песке. Им оказался великолепно промытый и отсортированный песок береговых пляжей Волги. А поскольку завод располагался вдоль береговой полосы реки, залежи песка находились буквально под боком. Надо сказать, что доступ к песчаным пляжам преграждала узкая прибрежная протока, которая во время весеннего паводка сливалась с основным руслом Волги, а к лету обсыхала в верхней части и становилась «слепой». Через протоку ежегодно в начале лета возводился временный деревянный мост для доставки песка на завод. Вода в протоке оказывалась более прогретой по сравнению с основным руслом Волги. Это привлекало большое количество детей для купания к месту стройки моста, где находилась масса бревен и досок разного размера. Под ярким горячим солнцем днем здесь стоял сплошной гул детских голосов. Подростки переплывали протоку шириной 25-30м, а младшие, не умеющие плавать, бултыхались у берегов, используя подручные плавсредства. Надо сказать, что глубина центральной части протоки составляла несколько метров. Одним из представителей малышни в то время был и я в возрасте 7 лет. Мне подвернулось небольшое бревно длиной около 2-3 м. За него я и ухватился мокрыми ручонками и стал активно работать ногами, удаляясь от берега. И вот случилось то, что должно было случиться, а именно: на расстоянии, вероятно, не более 3-4 м от берега мокрое скользкое бревно крутанулось, и мои руки соскользнули с него. Я погрузился в воду с головой и ноги опустились на песчаное дно. А дальше со мной произошло какое-то чудо. Я поворачиваюсь под водой на 180° лицом к берегу и начинаю шагать по дну, не открывая при этом рта. Количества сделанных под водой шагов я, конечно, не помню, но моя голова, тем не менее, показалась из воды. Только тогда я открыл рот и вдохнул полной грудью. Это происшествие запомнилось мне на всю жизнь, а вот логика поведения 7-летнего ребенка до сих пор остается для меня загадкой.

Был в моей детской жизни и еще один экстремальный случай на грани жизни и смерти. Во время войны (разумеется, Великой Отечественной) в 12-летнем возрасте я отправился с двумя взрослыми женщинами в лес за грибами. Дело происходило осенью, когда рябины были усеяны гроздьями ярких ягод. Вышли мы к заболоченному берегу небольшой лесной речушки, заросшему рябиной. Одной из женщин очень захотелось набрать спелой рябины. Для меня к тому возрастному периоду не было проблемы, как собрать ягоды с достаточно высокой и тонкой рябины. Я со своими сверстниками постоянно шастал по лесам, и мы ловко лазали по деревьям. Свой опыт я решил продемонстрировать и на этот раз. Ловко забрался по стволу рябины на высоту 4-5 м и стал нагибать ствол дерева к земле весом своего тела. Основание ствола рябины оказалось подгнившим, и дерево рухнуло вместе со мной. Я упал на спину, тяжелые ветви верхней части дерева сильно хлестнули по моей груди и дыхание сбилось. Мое состояние было близким к потере сознания. Но потом отдышался, и все обошлось, а сопровождавшие меня женщины сильно перепугались. Уже много лет спустя в зрелом возрасте я понял главную угрозу моей жизни. При падении среди окружавших меня деревьев была большая опасность удариться головой о ствол стоящего дерева и ... все! Это типичный экстремальный случай, который тоже запомнился на всю жизнь. Здесь я подвожу черту воспоминаниям из детства и перехожу к взрослой жизни геолога.

В 1953 г после окончания Ленинградского Горного института я распределился в НИИГА и в июне вылетел на полевые работы на Восточный Таймыр в качестве начальника отряда в партию *А.Б. Алексеевой* для выполнения геологической съёмки масштаба 1:200 000. В тот год только что поступила рабочая топооснова масштаба 1:100 000 в единственном для партии экземпляре в черно-белом варианте. Площадь съёмки располагалась в южной части гор Бырранга у границы с Предтаймырской низменностью. Так сложилось, что *Александра Борисовна* поручила мне выполнить «висячий» маршрут в юго-западном углу планшета съёмки от гор Бырранга до южной границы с низменностью. «Висячий» маршрут - это значит закартировать угол площади на протяжении 7-8 км и возвращаться в лагерь партии холостым ходом. С учетом дефицита в топооснове я сделал с нее выкопировку на линию маршрута и снял азимут, по которому собирался возвращаться от точки завершения наблюдений в лагерь партии. Он оказался, с учетом магнитного склонения, равным 30° . Я и полевой рабочий были доставлены от лагеря к точке начала маршрута на вездеходе и приступили к работе, двигаясь с севера на юг. Погода стояла пасмурная с высотой облачности 200-300 м. Работа на маршруте заняла не более 3-4 часов вследствие почти полного отсутствия коренных обнажений. Мы достигли южного края гор, за которым открывалась покрытая озерами Предтаймырская низменность. Оставался обратный «холостой» ход в лагерь по азимуту 30° . И мы отправились в этом направлении. При движении в обратный путь я взял по компасу нужный азимут и далее его не проверял, в чем и заключалась моя очень серьезная ошибка. Во время движения рабочий шел от меня слева, и все время слегка касался моего левого плеча. Мне это очень не нравилось, и я постоянно отстранялся от него. Прошло 30-40 минут, мы шли чуть выше нижней кромки облачности и оказались на пологом склоне. Каково же было мое изумление, когда, спускаясь по склону и выйдя из облачности, я увидел перед собой не очередной горный распадок, а все ту же заболоченную Предтаймырскую низменность. Оторопь охватила меня не более чем на 15-20 секунд. После этого в мозгу высветилась полная картина произошедшего. Все время отступая вправо от своего неудобного спутника, я отклонился в итоге от 30° направления движения до 180° и мы оказались вновь на южном краю гор Бырранга. Уяснив это, я понял, что теперь нужно двигаться строго на север и уже не выпускать компас из рук. Мне то было все предельно ясно, но не моему рабочему. Его обуял буквально животный страх. Надо сказать, что в рабочем коллективе партии он позиционировал себя, выражаясь современным языком, «крутым», а на деле оказался жалким трусом. Я пытался его

взбодрить, совал ему резервную плитку шоколада, всегда находившуюся в моей полевой сумке, но бесполезно.

Туман постепенно стал рассеиваться и, по моим расчетам, перед нами должна была открыться долина р. Горной с лагерем партии в ней. Наконец я увидел лагерь и показал на него рабочему. Надо было видеть, как он рванул к лагерю, опережая меня.

В изложенном мною случае, несомненно, проступают элементы экстремальной ситуации, из которой нужно всегда искать логический выход и делать выводы на будущее.

В том же 1953 г я и ряд моих коллег оказались если не полностью в экстремальной ситуации, то, можно сказать, в «полуэкстремальной». После окончания полевого сезона на Восточном Таймыре мы летели на одномоторном самолете АН-2 с базы экспедиции в аэропорт на мысе Косистый для дальнейшего следования в Ленинград. Маршрут полета пересекал Хатангский залив шириной 25-30 км. Самолет летел на высоте 500-600 м, и над акваторией залива мотор чихнул один раз, затем второй. Ощущения были весьма неприятными, но все обошлось. В те годы все авиационное обслуживание в Арктике обеспечивалось самолетами УПА (Управление Полярной авиации). Класс полярных летчиков был запредельно высоким, в чем неоднократно убеждались многие сотрудники НИИГА старшего поколения. Не могу отказать себе в удовольствии поведать о демонстрации высшего летного мастерства со стороны очень известного летчика, Героя Советского Союза, *И.П. Мазурука*.

После благополучной посадки в а/п Косистый мы несколько дней ждали вылета в Ленинград. Был конец сентября, погода основательно испортилась. В конце дня, когда наступили сумерки, в аэропорту стало известно о предстоящей посадке самолета ИЛ-12 под командованием *И.П. Мазурука*. Он возвращался с ледовой разведки, топливо, видимо, было на исходе и до другого аэропорта его уже не хватало. Аэропорт Косистый был закрыт из-за погоды по случаю косого ветра по отношению к посадочной полосе и достаточно обильного снегопада. Весь народ, находившийся в аэропорту, высыпал на улицу наблюдать за посадкой *Мазурука*. Не знаю как других, а лично меня посадка самолета буквально потрясла. Самолет с включенным освещением снижался, с учетом ветра, прямо на здание аэропорта. В душе возникло вполне осязаемое беспокойство за собственную жизнь. Но за 2-3м до касания земли он плавно поворачивает вдоль полосы и точно касается ее всеми колесами. Такое, наверное, под силу только высококлассному лётчику.

У меня в жизни был еще один нестандартный случай, связанный с авиацией. В 1961г. осенью проводилось стратиграфическое совещание в г. Якутске, на которое в начале октября из НИИГА отправилась группа геологов. Хорошо помню, что в ее составе были *В.М. Лазуркин*, *Н.Д. Василевская*, *Д.С. Сороков* и, вероятно, еще кто-то, а также я. Тогда только поступили в эксплуатацию ИЛ-18. На таком самолете мы вылетели вечером из Москвы и в начале ночи приземлились в Иркутске, а далее был сразу же запланирован вылет в Якутск на ИЛ-14. В те времена практиковалась эстафетная система перевозки пассажиров. Менялись самолеты или экипажи, а пассажиры не задерживались. В середине ночи мы уже летели на ИЛ-14 по маршруту Иркутск-Якутск. Самолет набрал высоту около 3000 м и ровно летел в крейсерском режиме. Пассажиры большей частью дремали. Вдруг самолет резко поворачивает на 5-10°, в результате чего с полки над головами пассажиров сыплются портфели и сумки. Хорошо помню свою первую реакцию: сейчас самолет начнет падать. Но мысль какая-то отрешенная, как будто взгляд со стороны. Почему было такое восприятие, объяснить не могу. После такого неожиданного рывка самолет снова ровно продолжал лететь. Минуты через 3-4 из кабины быстро вышел один из членов экипажа и прошел в хвост, вроде как в туалет. Через 1-2 минуты он возвратился, на вопросы пассажиров отделался какой-то отговоркой, и инцидент на этом закончился. У

меня тогда же возникла версия произошедшего. Экипаж решил перейти от ручного управления самолета на автопилот, но для этого необходимо было выставить на автопилоте точное направление полета. Здесь была, возможно, допущена небольшая ошибка и, как только включился автопилот, самолет моментально подчинился курсу на автопилоте и повернул на разницу между ручным курсом и автопилотом. Но это всего лишь версия дилетанта, над которой профессионалы могут посмеяться.

Вернемся, однако, «к нашим баранам», то есть к необычным ситуациям в жизни геолога.

В 1954 г. я впервые был назначен начальником геолого-съемочной партии и выполнял геологическую съемку масштаба 1:200 000 на Восточном Таймыре. Площадь съемки включала два разобщенных участка: возвышенность Тулай-Кирыка, известную также среди геологов тех лет как плато Красовского, и хребет Кирыка-Тас, отстоящий от первой возвышенности на 25 км к юго-западу. Эти два горных сооружения выступают среди Предтаймырской низменности и изолированы от горной системы – горы Бырранга.

В этот сезон в июле установилась аномально теплая погода. Мы завершили съемку первого участка – возвышенности Тулай-Кирыка- и двинулись ко второму. По пути нужно было пересечь р. Хелидь-Тари в пределах низменности. Это равнинная река, на которой песчаные перекаты глубиной 1.0-1.5 м сменяются глубокими (5-6 м) омутами. На перекатах течение реки четко проявлено, тогда как в омутах движение воды почти не фиксируется. Мы остановились лагерем на перекате с чистым песчаным дном и с удовольствием купались в хорошо прогретой воде. Был ясный солнечный тихий день, и ничто не предвещало беды. Я занимался камералкой, а сотрудники партии во главе с начальником отряда *В.Н. Хорьковым* обследовали русло реки и на расстоянии 1 км от лагеря в омуте обнаружили большую стаю линных гусей, которые в эту пору, естественно, летать не могут. Добыча таких гусей геологическими партиями в те годы была широко распространена и никаких официальных запретов на эту, по существу браконьерскую, охоту тогда не существовало. Ко мне обратился за разрешением добычи гусей *В.Н. Хорьков*, и я его дал. Требования к технике безопасности были и в то время, но в данном случае они не нарушались. На охоту отправились втроем, в ясную солнечную погоду, на расстояние 1 км в пределах прямой видимости от лагеря, имея на руках дробовое ружье. В составе группы охотников был промывальщик *Анатолий Белов* – малообщительный молодой человек лет 22-23. Он побывал в заключении, за какое преступление, я не знаю, но думаю – незначительное, выглядел очень запуганным. Все мы относились к нему с сочувствием, старались как-то разговорить и помочь адаптироваться в нашем коллективе. Надо сказать, что нам это удавалось, он стал общительнее и разговорчивее, днем вместе со всеми с удовольствием купался в теплой воде на перекате.

Прошло около 40-50 минут после ухода охотников, как ко мне в палатку вбегает потрясенный *В.Н. Хорьков* с криком «*Толя утонул*». Я и еще несколько сотрудников побежали к месту трагедии. Там оказался большой омут с почти неподвижной водой и илистым берегом. Когда охотники подошли к этому омуту, они разошлись на расстояние около 100м друг от друга, сделали несколько выстрелов из ружья, гуси бросились вдоль реки, а часть птиц были убиты. И тут в охотничьем азарте решили вплавь добраться до добычи. Самый опытный из них *В.Н. Хорьков* обнаружил, что только верхний очень тонкий слой воды более или менее прогрет, а ниже вода оказалась ледяной. Он вернулся на берег и вместо двух участников бригады охотников увидел только одного. Там, где был *Белов*, на берегу лежала его одежда, а далее глубокие следы голых ног на илистом дне и ... всё.

Хорьков пытался нырять и обнаружить *Белова*, надеясь на своё богатырское здоровье бывшего десантника, но безрезультатно. Да это было еще и опасно для него самого. Далее

события развивались достаточно стремительно. Я сразу же сообщил по радиации на базу экспедиции о случившемся. Утром прилетели на АН-2 начальник экспедиции *А.Н. Кузнецов* и с ним хорошо известный всем геолог *Л.А. Чайка*, который выполнял тематические работы в этом районе Таймыра. Они доставили по моей просьбе небольшой якорь или «кошку», как обычно его называют, и мы стали тралить в месте гибели *Белова*. Неоднократные забросы якоря на веревке результатов не давали, а затем рабочий нашей партии *Гурий Евтишев* с первой же попытки зацепил труп *Белова* за трусы и подтянул к берегу. Ноги его были подогнуты, руки сложены поперек груди, а из уголка рта наблюдались следы крови. Из аэропорта Косистый прилетел следователь, опросил всех сотрудников партии и забрал труп на судмедэкспертизу.

По заключению медиков, смерть *Белова* наступила в результате обширного инфаркта сердца и была квалифицирована, как несчастный случай. С психологической точки зрения инфаркт произошел в результате сильнейшего и неожиданного стресса. Человек не более 1-2 часов назад купался в достаточно прогретой воде на перекате у лагеря и неожиданно погрузился в ледяную воду в омуте. В итоге страшный испуг, и сердце не выдержало. Лично я никакого административного взыскания не получил, но в душе остался тяжелый след от гибели вверенного мне сотрудника партии.

Достаточно неприятная история случилась со мной в 1957 году во время геологической съемки масштаба 1:1 000 000 в Северном Верхоянье (хребет Орулган). На излете полевого сезона в начале сентября нас накрыл обильный снегопад. Оставалось выполнить два геологических маршрута до возвращения в лагерь партии. Утром я показываю каюру и его напарнику точку на карте, где они должны встать лагерем к нашему приходу из маршрута в конце дня и отправляюсь с техником-радиостом, кстати, Героем Советского Союза, *Лешей Румянцевым* в маршрут. Полевой рабочий и каюры начинают выючить оленей и готовиться к переходу в новый лагерь. Надо сказать, что старший каюр прекрасно ориентировался на местности и всегда точно становился в указанном месте. Но снежный покров, доходивший местами до колена, спутал все карты. Да и рельеф местности на этом участке (предгорье хребта) был не очень контрастным.

Движемся мы по маршруту, я все время разгребаю снег, документируя состав горных пород в делювиально-элювиальных развалах, и вдруг видим громадные медвежьи следы на свежем снегу. Ощущение не из приятных, учитывая отсутствие у нас ружья. Но с медведем, слава богу, мы не встретились и в итоге к концу дня вышли к месту намеченного лагеря. Но такового не оказалось, хотя всегда до этого лагерь находился в точке встречи раньше нас. Вот тут мне в голову полезли тревожные мысли после увиденных в маршруте медвежьих следов. Они усугубились из-за отсутствия у каюров собаки, которая погибла летом от медвежьих лап. Тогда караван также при переходе из лагеря в лагерь наткнулся на медведицу с медвежатами, и собака отважно бросилась на них, защищая каюров и оленей. Все это не давало мне покоя. Тем временем стремительно накатывалась ночь. Хорошо, что мы находились в зоне лесотундры. Быстро собрали доступные сушины лиственниц и разложили костер у подходящей коряги. Мороз начал крепчать, на небе заиграли полосы полярного сияния, мы еще запаслись топливом и даже перекусили. На предыдущей стоянке на реке Нёлон полевой рабочий – большой любитель рыбалки, выловил около десятка ленков, каждый из которых весом под 2 кг. Лёша Румянцев основательно запасся в предстоящий маршрут отварной рыбой и лепешками, так что ужин был царский.

Коротая ночь с 9 на 10 сентября, я подумал об интересном совпадении с днем рождения моей дочери, которой исполнился в это время ровно год.

Ночь прошла, наступил рассвет, и первое, чем мы занялись, – добычей еды. Дело в том, что небольшие ручьи на перекатах до конца не замерзли еще, а в них оказалось немало хариусов размером с ладошку и чуть больше. Вооружившись камнями, мы начали

отчаянно их глушить. В итоге каждый добыл около десятка рыбок. Выстругав прутики-«шампуры», приступили к приготовлению на углях рыбных шашлыков. Получился хоть и скромный, но вполне приличный завтрак. Ну, а затем я принял решение выйти на след нашего каравана на снегу и по следу его искать. Так и поступили, быстро нашли этот след и двинулись по нему.

Наш каюр тоже «не дремал». Он с пустыми оседланными верховыми оленями отправился во встречный поиск за нами. По следу каравана первым шел я, а Румянцев в десятке метров сзади. Через какое-то время слышу крик *Лёши*, оглядываюсь, и вижу его, восседающем верхом на олене, и рядом каюра с верховым оленем для меня. Через 20-30 минут мы были уже в лагере, поставленном в стороне от условленного места. Теплая палатка с походной печью и горячая еда окончательно нас сморили, мы отдохнули и отоспались. На следующий день отправились в свой последний в этом сезоне маршрут.

Во время работы в Верхоянье мне вспоминаются еще два весьма экстремальных случая. Первый из них случился в 1958 году на западном берегу губы Буор-Хая. Я занимался увязочными работами для составления листа геологической карты R-52-53 масштаба 1:1 000 000. Наш очередной лагерь оказался в 20 км севернее устья реки Хара-Улах на отмелем галечном берегу. В распоряжении у нас был клиппербот грузоподъемностью около 400-500 кг и, конечно же, рыболовные сетки. Ясным и тихим вечером мы решили поставить пару сеток длиной по 30 м с расчетом снять их утром, вместе с уловом, и двинуться с работой на новый лагерь. Утро оказалось ветреным: с востока на наш берег дул ветер со скоростью 8-10 м/сек и накатывала приличная волна, а сетки стояли в 100-120 м от берега. Посовещавшись, решили снимать сетки. Я сел за весла клиппербота, а старший техник *Николай Гуляков* разместился в корме лодки. Вначале все пошло хорошо у мелкого берега, где волны гасили свою энергию. Но как только мы продвинулись до глубины около 1,5 м, произошло то, что и должно было неминуемо случиться. Мы оказались в зоне достаточно высоких волн при свежем встречном ветре и резко задранном вверх носе лодки из-за перегрузки кормовой части. Короче говоря, при первом же порыве ветра клиппербот перевернулся вверх дном, а незадачливые пловцы оказались в воде. Я вынырнул из воды, держась за лодку, и не увидел своего напарника *Гулякова*. Естественно, начал кричать и звать его по имени. При этом в провалах между гребнями волн мои ноги опускались до дна, а когда волна меня накрывала, они отрывались от твердой опоры. Но самое неприятное, что во время криков я хватал «огурцы», т.е. глотал воду, благо она была в губе пресной и сносной по температуре. Надувная лодка при большой парусности без груза быстро приближалась к берегу и я уже прочно стоял на дне по грудь в воде. В это время из-под клиппербота выскочил *Николай*, находясь все время в воздушной «камере» между дном лодки и поверхностью воды и удерживаясь там за сиденье. Пока мы бултыхались в воде, на берегу стояли остальные наши сотрудники и каюры, которые никак не могли нам помочь, а появившийся на поверхности воды *Гуляков* начал кричать им, чтобы бросали веревку. Я был более адекватен, поскольку уже шагал на своих ногах к берегу. Пришлось несколько осадить спасательный пыл *Николая* репликой: «Что ты орешь? Какая тебе веревка? Шагай вместе со мной на берег». Так на полукомичной ноте закончилась наша незадачливая рыбалка. А до настоящей трагедии было несколько десятков метров: если бы мы доплыли до сетей и перевернулись там, то, скорей всего, сами стали бы уловом расставленных сетей.

(P.S. В тот день мы обсушились, а наутро отправились дальше с работой, навсегда бросив сети. Но через переход встретили местных жителей из Тикси, у которых после спада нагонного ветра обсохла на берегу большая моторная лодка. С нашей помощью общими усилиями лодку спихнули на воду, вернулись на ней к оставленным сетям и сняли их с двумя ведрами вкуснейшей полярной селедки, известной в тех местах под названием «кондёвка»).

В 1962 году я вновь оказался в роли потенциальной жертвы водной стихии. В тот полевой сезон передо мной стояла задача составления детального разреза юрских и меловых отложений в складчатом крыле Приверхоянского прогиба по реке Бегиджан – правому притоку реки Лены. В мае, еще по снегу, мой отряд был доставлен самолётом АН-2 из пос. Жиганск на р. Лене в район работ. На самой реке Бегиджан подходящего места посадки не нашлось, и нас высадили на небольшом озере в 1,5-2 км от реки. Не буду долго рассказывать, как мы перебирались к руслу реки. Из обычных лыж и досок от ящиков соорудили нарт, в носках лыж прожгли дырки и пропустили через них капроновую веревку. Она служила упряжкой для тянущего нарту человека, тоже на лыжах. При загрузке нарт до 70-80 кг их транспортировка по снегу, покрытому в это время года твердым настом, не составляла большого труда. И так мы перебрались в долину реки и соорудили на высоком берегу, с учетом весеннего паводка, лагерь и лабаз на деревьях для хранения части продовольствия и снаряжения.

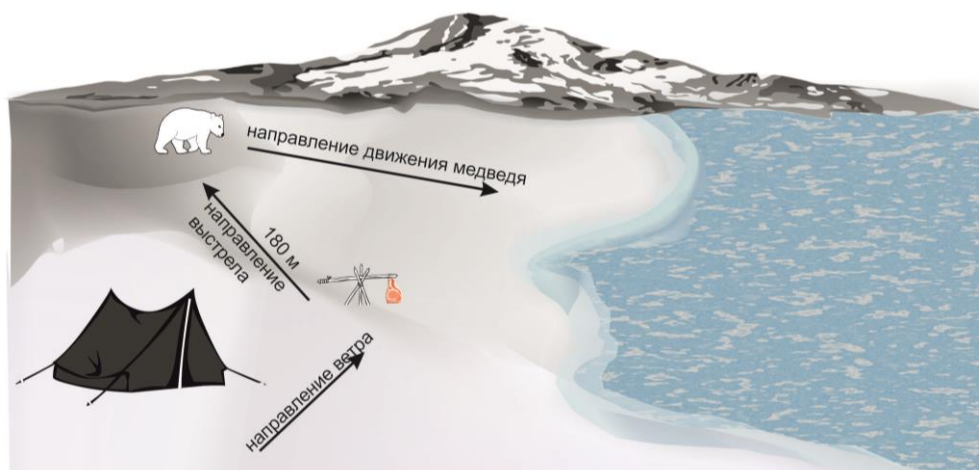
Точка начала работ находилась в 10-15 км выше по реке, куда мы и переместились еще по снегу, взяв с собой только все необходимое. Прошел весенний паводок, отработан намеченный отрезок разреза и настало время сплавляться вниз по реке. Для этого мы располагали двумя надувными лодками грузоподъемностью по 400-500 кг, но одна из них находилась на лабазе. Весь груз с учетом собранной коллекции образцов оказался неподъемным для одной лодки. Решили соорудить плот из бревен тополя, обильно растущего в долине реки. Вязкой плота занялся техник-радиотехник *Иван Ушаков* – мастер на все руки. Он использовал для этого капроновый фал сечением 8-10 мм. На одном из углов плота была надежно закреплена такая же капроновая веревка для причаливания плота к берегу. Груз (около 200 кг) разместили в центре плота и надежно закрепили. Положили на плот два прочных шеста, чтобы направлять его движение, и отплыли. Первые 3-4 км все шло по плану, а затем открылась угрожающая картина – залом из древесных стволов, в который ударяло с большой силой течение реки и вода в нем бурлила. Шесты не помогли избежать посадки плота на залом при таком стремительном течении. В одно мгновение плот сел на одно из бревен, вибрировавшее под напором воды, и задняя половина плота стала резко погружаться в воду. На ней находился *Иван Ушаков* и также с головой исчез в воде, держась рукой за веревку крепления груза. Передняя половина плота, где находился я, поднялась над водой. Через 2-3 секунды плот стал разворачиваться, из воды показались голова и плечи *Ивана*. Я моментально крикнул ему подать руку, успел ухватиться за нее и так рванул на себя, что он распластался на куче нашего груза. Вряд ли в спокойной обстановке я смог бы продемонстрировать такую силу рывка. Тем временем плот полностью снесло течением с залома и он двинулся вниз по течению вблизи галечной косы. Мы спрыгнули с плота и зачалили его с помощью специальной веревки за замытый на косе ствол дерева. Резиновые сапоги у меня были заполнены водой и, когда я снимал их, упираясь в бревно, ноги ходили ходуном. Это был запоздалый выход страха из моего мозга после... «взгляда в глаза смерти», если так можно выразиться. Я еще раз убедился, что в экстремальной ситуации человек борется, прежде всего, за жизнь, а страх приходит потом, если удалось избежать гибели.

Хочется рассказать еще об одном случае в моей жизни, который мог обернуться большой трагедией. В 1971 году я находился на западном берегу о. Котельный в море Лаптевых, исследуя разрезы и структуру палеозойских отложений. Со мной работали техник *Женя Красный* (младший сын *Льва Исааковича Красного*) и в качестве радиста – курсант Ленинградского Арктического училища (ЛАУ) – *Валерий* (фамилию не помню). Наш полевой лагерь находился на участке морского побережья, обозначенного на топокарте под названием Тас-Ары. Палатка стояла в 30-40 м от берега, рядом с ней деревянная тренога из плавника с подвешенной половиной туши добытого нами дикого

оленя. Лето в тот год оказалось исключительно теплым, все время дул небольшой ветер с материка и приносил запах дыма от пожаров. Море очистилось ото льда до горизонта, вода у берега прогрелась до $+7^{\circ}\text{C}$.

Мы оказались свидетелями удивительного природного явления. Вдоль берега с севера на юг пошли косяки мелкой полярной трески – сайки. Большие стаи чаек устроили настоящую охоту на рыбу, с криком бросаясь в воду и моментально выныривая с зажатой в клюве рыбой, заглатывая ее на лету и снова встраиваясь в сплошную круговерть. Я поставил в море две рыболовные сетки на расстоянии 10-12 м от берега, надеясь на улов покрупнее мелкой сайки. И не ошибся. На косяки трески набросились не только чайки, но и хищный благородный лосось в виде палии – близкой родственницы семги. Вес одной такой рыбки составлял 6-8 кг. Удалось добыть около 7 штук красной рыбы и... всё. На другой день окончание нашей рыбалки объяснилось просто: в море появились белухи – хищные небольшие киты, пожиравшие, вероятно, лосося. Так наглядно выступила пищевая биологическая цепочка: треской питались чайки и лосось, а лососем белухи. Это отступление или «присказка» потребовались для изложения последующих событий. Завершив очередной рабочий день на береговых обнажениях, мы вернулись в лагерь и я, проверяя сетки, извлек из них два экземпляра серебристой палии. Ребята находились в палатке и готовили обед. А я стал чистить рыбу вблизи прибрежного плавника. В какой-то момент поднял голову и увидел на склоне небольшого холма спускающегося к берегу белого медведя. Что это медведь, я сообразил через несколько мгновений. А первоначально у меня возникла ассоциация ... с верблюдом?! Объясню почему: во-первых, он был не белый, а грязно-серый, во-вторых, его полупустое брюхо колыхалось подобно горбам верблюда. Но зрительное наваждение сразу же исчезло в преддверии надвигавшейся опасности. В чем она заключалась? А в том, что медведь спустится к берегу, двинется вдоль него в нашу сторону и «схватит» своим тонким чутьем пьянящий букет еды, идущий от нашего лагеря. Естественно, он моментально окажется у треноги с мясом и будет его хищно пожирать, а в это время кто-то выйдет из палатки и попадет в положение претендента на его добычу.

Дальше можно не продолжать: кровавый финал со смертельным исходом для людей очевиден. Вот почему я сразу же принял решение упредить грозившую нам опасность и стрелять в медведя. За время работ в Арктике я знал не один случай опасных для людей встреч с белым медведем, поэтому всегда держал наготове под своей раскладушкой карабин с полным магазином патронов и даже с патроном в патроннике, но, конечно, не на боевом взводе. Ребят я все время информировал о нахождении карабина и его состоянии. Увидев медведя - бросился в палатку за карабином и предупредил коллег о своем намерении. Выйдя из палатки, приложился для упора к одной из опор треноги с мясом и тщательно стал целиться в грудь идущего медведя. Задержав дыхание,

выстрелил, увидел рухнувшего медведя и услышал страшный его рев. Пуля все-таки попала не в грудь, а, вероятно, в позвоночник в середине спины. Он тянулся с раскрытой пастью к этому месту, но встать не мог. Через несколько секунд медведь затих и лежал неподвижно. Я подождал не более минуты и пошел в палатку обедать, тщательно запомнив позу медведя. Через полчаса после обеда взял карабин и отправился к медведю, убедившись, что он лежит все в той же позе. Подойдя на 12-15 м к туше, сделал контрольный выстрел в голову и понял, что медведь мёртв. Это убийство с моей стороны диктовалось исключительно соображениями самообороны и не более того. Для подобных случаев и выдается боевое оружие в геологические партии и отряды.

Через несколько дней я получил полное одобрение своих действий от профессионального промысловика-охотника на последней сохранившейся на острове фактории по приёму пушнины, которая находилась в нескольких километрах от нашего лагеря. После моего рассказа его резюме звучало так: «если бы вы просто отпугнули медведя, то оказались бы целями его охоты на вас». Вдоль берега много коротких глубоких оврагов, называемых байджерахами. Из этих природных укрытий и пошла бы медвежья охота за нами. А прыжки у белого медведя достигают 5-6 м.

И последнее, чем я хочу закончить свое повествование об экстремальных или близких к ним ситуациях, будет рассказ о чудом не состоявшемся кораблекрушении. В 1980 году я был участником рейса на арендованном в Архангельской гидробазе судне «Павел Башмаков» в Северную Атлантику. Тогда Полярная экспедиция еще не имела своего флота. Это судно ледового класса, водоизмещением 1600 тонн, построено в Финляндии. Мы проводили на нем опытно-методические работы по морской гравиметрии совместно с институтом ВНИИГеофизика. Лично я участвовал в обработке материалов маятниковых наблюдений в портах стоянки судна. После завершения работ предстоял последний заход судна для бункеровки в г. Антверпен (Бельгия), стоящий на реке Шельда в нескольких десятках километров от берега Северного моря. В таких случаях обычно капитан берет на борт лоцмана для проводки судна в порт, что и было сделано. Утром в середине мая судно поднималось вверх по реке Шельде. Лично я находился в рубке корабля и наблюдал за берегами реки. Они казались илистыми и достаточно невзрачными из-за однообразных промышленных построек. На подходе к Антверпену показался резкий изгиб русла реки почти под 90°, впадение в нее какого-то канала и ... торчащие из воды вершины мачт затонувшего судна. Это был, безусловно, сигнал опасного участка реки, что и подтвердилось через полминуты. Из бокового канала бойко вырулила небольшая самоходная баржа прямо под нос нашего корабля. На корме этого суденышка стоял аккуратный малогабаритный легковой автомобиль. Форштевень нашего судна буквально в 2-3 м скользнул мимо баржи благодаря точной реакции нашего лоцмана и действиям рулевого на барже. Мне бросилось в глаза испуганное лицо человека на самоходке, которая сразу же сместилась к берегу и остановилась, а мы продолжили движение дальше. Страшно даже представить таран нашего судна ледового класса, имеющего мощный корпус, на мелкую самоходку. Она бы моментально развалилась, сопровождаясь, скорее всего, гибелью находившихся там людей. Но... пронесло. Если я хорошо помню этот случай 35-летней давности, то люди на барже вспоминали его, наверное, как второй день своего рождения. На этом, пожалуй, можно закончить воспоминания о критических моментах в своей долгой жизни. На самом деле, их было значительно больше, но всего не расскажешь в коротком очерке.

Великолепная погода в роковой день гибели рабочего *Анатолия Белова*.
Слева направо: студент ЛГИ *В. Махов*, радист *Ю. Кануткин*, начальник отряда
В. Хорьков, пляшущий *Г. Евтешев*, промывальщик *Б. Гаврилов*, рабочий *А. Белов*.
Восточный Таймыр. 1954 г.

Завершение полевого сезона после обильного снегопада. Хребет Орулган (Верхоянье).
1957 г.

Перебазирование с лагеря на лагерь с использованием самодельных нарт из беговых лыж.
В упряжке *В.А. Виноградов*

Прием самолета АН-2 для вывоза геологической партии на базу экспедиции. Хребет Орулган (Верхоянье). 1957 г.

Составление разреза пермских отложений на п-ове Оголох-Тумса (южный берег губы Буор-Хая). С мерной рейкой старший техник *Н.А. Гуляков*. Май 1958 г.

Стремительный разлив р. Нелегер (правый приток р. Лены) после обильного теплого ливня в горах. Едва успели перебазировать палатку и все снаряжение на 12м террасу. На треноге было мясо горного барана. Северный Хараулах, 1960 г.

Мое вхождение в геологию и в Арктику

Истоки моего стремления в геологию, как я теперь понимаю, кроются в раннем детском восприятии окружающего мира и, возможно, были переданы в какой-то степени на генном уровне. О геологии как о науке, я понятия не имел не только в детстве, но и в достаточно зрелом школьном возрасте. Но вместе с тем интуитивно понимал, что работа геолога представляет собой прямое общение с окружающей природой. А это для меня было очень важно уже в детские годы.

Любовь к природе, возможно, передалась мне по наследству от деда по маминой линии. Он был лесником в Костромской губернии и погиб на фронте в Первую мировую войну.

Мое детство и юность прошли в пригороде г. Кинешма на восточном берегу Волги, где располагался крупный химический завод. В 30-е и 40-е годы теперь уже прошлого века у меня, как и у моих друзей, были разные увлечения. В 10-12 лет мы коллекционировали яйца птиц, извлекая их из обнаруженных гнезд и выдувая содержимое через проколотые иглой отверстия в торцах яйца. У меня собралась коллекция около сотни яиц от самых мелких, вроде пуночки, до громадных ястребиных. Добывать последние было не просто, забираясь на дерево с громадным гнездом хищников.

Немного постарше мы стали филателистами, коллекционируя почтовые марки. Марки экзотических стран, таких как Венесуэла, Гондурас, Никарагуа, Коста-Рика и т. д., рождали в душе мальчишки настоящую поэзию.

В 16 лет у меня и некоторых моих сверстников наступило увлечение охотой, в основном, на пернатую дичь. Страсть к охоте разгоралась все больше. В первые послевоенные годы в приволжских лесах было очень много дичи и мы охотились на тетеревов, рябчиков и вальдшнепов в лесах, а на уток и бекасов - на островах и берегах Волги. Вот в этот период у меня и возникла ассоциативная связь между охотничьей страстью и выбором будущей специальности геолога, непосредственно связанного с природой.

Любовь к природе крепко засела к моей душе еще с раннего детства на родине моей мамы *Марии Павловны Груздевой* в стране берендеев. Деревня Чернятино (теперь уже заброшенная), где родилась мама, находилась в 6-7 км от усадьбы Щельково великого русского писателя *А.Н. Островского*. Это изумительно красивые места, в которых только и могла возникнуть поэзия русской сказки «Снегурочка», созданной писателем.

Из Чернятино через р. Сендега мы, дети, ходили за земляникой в чистую и светлую березовую рощу. Она производила впечатление настоящего земного рая. Громадные поляны выглядели красными земляничными коврами, пронизанными лучами солнца. Эта яркая картина врезалась в мою память на всю жизнь и ее краски не блекнут с годами.

Увлечение охотой в юношеские годы доходило до фанатизма и, вместе с тем, дало хорошую моральную закалку мне, как будущему геологу.

Мы с моим школьным другом *Альбертом Антоновым* уходили с вечера в ночной довольно мрачный лес, чтобы к рассвету оказаться на тетеревиных токах. А в ночном лесу слышали уханье филина, что представляло собой ситуацию не для слабонервных. До наших ушей доносились раскаты дикого смеха или, точнее, хохота, перемежаемого с грубым уханьем, как будто это целая ватага пьяных лесорубов. Кратковременные лесные ночевки у костра были для нас обычным делом. Бывало так, что мне приходилось в одиночку идти по ночному лесу к группе ушедших ранее моих товарищей. Они уже развели костер на краю выруб, и при подходе к нему за несколько сотен метров открывалась красочная картина. Подсвеченные от костра нижние ветки деревьев ярко

выделялись на фоне темного леса, создавая эффект находящейся на этом месте жар-птицы.

С 12 лет я остался без отца, погибшего осенью 1942 года на Калининском фронте. Мама овдовела в 35 лет и замуж уже не вышла, воспитывая меня и мою младшую сестру. Она серьезно беспокоилась, как бы мое охотничье увлечение не помешало моей учебе в школе. Это, конечно, могло случиться, но не случилось благодаря исключительно высокому профессионализму учителей средней школы.

Сначала я учился в неполной средней школе (семилетке) при заводе, а после ее окончания в 1945 г. поступил в городскую полную среднюю школу. В первой школе достаточно высокий уровень обучения мы получали только по математике, что хорошо запомнилось.

Во второй школе по всем предметам преподавание на самом высоком уровне, и соответственно – требования к ученикам. Здесь для меня наступил, что называется, «момент истины» уже в первые месяцы обучения немецкому языку. В первой школе этот предмет преподавался «ни шатко – ни валко», а во второй он был поставлен на высшем уровне. Вела его *Мария Антоновна* – этническая немка из немцев Поволжья. В первый же месяц или полтора я стал хватать по немецкому языку двойку за двойкой и встал вопрос о моем отчислении из школы или серьезном занятии этим предметом. Конечно, я выбрал второе, началась настоящая зубрежка языка и все достаточно быстро поправилось. А *Мария Антоновна* была «железная леди». Благодаря ей я на всю жизнь запомнил выход к доске: «Виноградов, Geen See zum Taphel, antworten See deutch...» и так далее.

При поступлении в Горный институт в 1948 г. при сдаче экзамена по немецкому языку я практически без подготовки ответил на все вопросы билета и произвел впечатление вундеркинда. Преподаватель, принимавшая экзамен по языку, спросила меня: «Какой факультет вы хотите осчастливить?» На что, разумеется, у провинциального мальчишки ответа не нашлось. Такая же фундаментальная подготовка была и по всем другим предметам как гуманитарным, так и техническим.

Надо сказать, что серьезное обучение вселяет в душу ученика уверенность в себе и, тем самым, делает его более свободным при принятии решений. По окончании школы я послал запрос в Ленинградский Горный институт, получил ответ с буклетом профилирующих факультетов и выслал документы, необходимые для сдачи вступительных экзаменов. Все 6 вступительных экзаменов я сдал и набрал 28 баллов из 30 возможных. Споткнулся на математике, не решив какой-то пример, оказавшийся вне школьной программы нашей школы. А на устной математике допустил ошибку из-за своей самоуверенности. В итоге, общая оценка по математике 3 при сплошных пятерках по всем остальным предметам. Хорошо помню теплый и даже душный августовский вечер в деканате геологоразведочного факультета, когда каждого абитуриента распределяли по специальностям. В группу ГСПС (геологическая съемка и поиски полезных ископаемых) конкурс был в 1948 г. – 10 человек на одно место. А я стремился попасть в именно эту группу. В приемной комиссии в деканате сидело около 7-8 преподавателей, почти все в белых рубашках, изнывая от духоты. На меня стали «давить», требуя согласия на РМ (разведка месторождений полезных ископаемых), а я уперся. И тогда председательствующий *М.М. Тягяев* (только потом я узнал, кто это, когда *Михаил Михайлович* стал нам читать курс общей геологии на первом курсе) сказал, что математика для геолога не так уж важна, и я был зачислен на ГСПС. А вот сдавать экзамен по общей геологии *М.М. Тягяеву* нам не довелось, т.к. в мае 1949 г. за несколько дней до нашего экзамена он был репрессирован и вернулся в Горный институт только после окончания нашей учебы.

В 1951 г. после окончания 3-го курса нам, студентам, предстояла первая производственная практика. Я с моим другом по группе *И.М. Русаковым* решили

обратиться в НИИГА для прохождения этой практики в экспедициях в Арктике. Меня приняли, а *Игорю* отказали, как сыну репрессированного отца – известного крупного геолога - *Михаила Петровича Русакова*, попавшего под ту же волну репрессий 1949 г., что и *М.М. Тятяев*.

Так весной 1951 г. я впервые попал в стены НИИГА. Меня зачислили на должность старшего коллектора в экспедицию №-54 для проведения рекогносцировочной геологической съемки в междуречье низовьев р.р. Лены и Оленека. Режим работы в НИИГА тогда был достаточно суров. Вход в здание института (Мойка, 120) был только через парадную дверь, которая сейчас во дворе. В вестибюле за дверью стоял охранник в темносиней шинели с винтовкой в руке и с примкнутым к ней штыком. Большинство сотрудников ходили в форме ГУСМП (Главное Управление Северного морского пути). Многие из них носили так называемые нарукавники (черные сатиновые чехлы на рукава кителя на резинках, защищавшие эти рукава от преждевременного износа). Лица людей, как правило, были серьезные и сосредоточенные.

Главным геологом экспедиции, куда я поступил, был *Михаил Михайлович Маландин*, а моим непосредственным начальником *Петр Иванович Глушинский*. Это и был мой первый учитель в практической геологической работе, которому я остался признателен на всю жизнь, чего не могу сказать о *М.М. Маландине*. Последний, как геолог, тогда, да и позднее, был для меня неизвестен. Много позднее, уже работая постоянно в НИИГА, я понял, что *М.М. Маландин* ловко эксплуатировал трудягу *П.И. Глушинского* – великолепного знатока меловых угленосных отложений Лено-Оленекского междуречья. Меня *М.М. Маландин* сразу же приспособил в виде рабочей лошадки, поручив мне доставку его персональных меховых брюк на место полевых работ. В Якутске при погрузке на пассажирскую баржу под названием «Брандвахта» у меня спёрли рюкзак с маландинскими брюками, но 50% стоимости этих брюк мне пришлось оплатить по возвращении из экспедиции.

В последних числах мая мы с *П.И. Глушинским* выехали на поезде в Москву, а затем на самолете ИЛ-12 вылетели в Якутск. В те годы пассажирский авиатранспорт работал, что называется, в штучном исполнении по отношению к пассажирам.

В аэропорту Внуково была идеальная чистота, отсутствие всякой толчеи, а в буфете продавалась свежая черешня, которой в это время года в Ленинграде в продаже не было. При входе в салон самолета меня поразили белоснежные чехлы на креслах для пассажиров и шикарная ковровая дорожка в проходе между креслами.

Полет проходил в исключительно комфортной обстановке для пассажиров. Перед посадкой в аэропортах стюардесса обходила пассажиров и спрашивала о заказах на обед в ресторане аэропорта. На ночлег всех пассажиров размещали в гостинице на территории аэропорта. А когда в Иркутске не оказалось свободных мест в аэропортовой гостинице, нас с большими извинениями отвезли на автобусе в городскую гостиницу, откуда утром обратно доставили к самолету для продолжения полета. К исходу третьего дня мы прилетели в Якутск, резко контрастировавший с сибирскими городами. В Якутске только центральная улица была вымощена деревянными шашками, а все остальные были грунтовые, представленные непролазной грязью в весеннюю дождливую погоду. Городские столовые производили поразительное впечатление. При входе в них поражал запах, похожий на запах распаренных березовых веников. Как оказалось, этот аромат исходил от щей, сваренных из сушеной капусты. Такая была в те времена технология сушки капусты, приобретавшей запах веников. И второе, что бросилось в глаза, это громадные графины с водой на каждом столовском столике. Они были предназначены для разбавления питьевого этилового спирта. Тогда крепкий алкоголь завозился на север в основном в виде спирта, исходя из экономических соображений. В обычной водке 60% составляла вода, и доставка водки в районы Крайнего Севера считалась в те времена

непозволительной роскошью. В таком подходе была, конечно, своя логика, поскольку снабжение этих районов в подавляющей части осуществлялось Северным морским путем.

1 июня 1951 г. мы отправились вниз по Лене к месту полевых работ с базированием на о. Тит-Ары, в низовьях этой великой реки. В то время плавание по Лене от Якутска до Тикси осуществлялось караваном из 10-12 барж, которых тянул буксир 3 раза за весь сезон навигации: весной, летом и осенью перед началом ледостава. В составе каравана находилась двухпалубная пассажирская баржа, называвшаяся почему-то брандвахтой. На ней был паровой котел, который обеспечивал судно теплом и горячей водой для душевых, а также плита для приготовления горячей пищи для ресторана. Но своего хода брандвахта не имела. Наша погрузка проходила достаточно энергично из-за многочисленного снаряжения. Мне отвели место в трюмной 2х-местной каюте, которое я абонировал, поместив туда личные вещи и злополучный рюкзак с меховыми штанами Маландина. После окончания погрузки вернулся на свое место, но рюкзака там уже не оказалось. Скорее всего, его спёрли наши полевые рабочие, нанятые в Якутске из местных бичей. Среди них кого только не было, включая бывших зеков.

Итак, мы отправились на север по разлившейся Лене буквально вслед за прошедшим ледоходом. Погода стояла великолепная, яркое весеннее солнце освещало громадное зеркало воды. В голубом небе постоянно тянулись попутно с нами многочисленные косяки серых гусей и белоснежных лебедей. Я тогда обратил внимание на пышные белые шапки на головах аборигенов и поинтересовался их происхождением. Мне объяснили, что они сшиты из выщипанных от пера шкур лебедя, когда остается только один пух.

8 или 9 июня наш караван остановился у о. Тит-Ары и мы выгрузились на достаточно крутой песчаный берег. Первое самое яркое впечатление – это громадный ледяной вал между рекой и поверхностью острова. Он состоял из нагромождения огромных льдин толщиной около 2 м, в котором успели прорубить широкую тропу для прохода людей.

Остров Тит-Ары оказался заселен почти исключительно репрессированными в 1940 г. прибалтами из Эстонии, Латвии и Литвы, после «добровольного» их присоединения к СССР. В этих республиках традиционно существовала хуторная система, а в России на хуторах жили кулаки в понимании того времени. Кулаки для советских граждан воспринимались как чуждый социальный элемент, и, естественно, подверглись репрессиям. Они оказались в жутких климатических, да и социальных, условиях Крайнего Севера. Им дали пилы и топоры и предложили обустроиться своими силами. Народу среди них погибло порядочно, но выстояли и построили на острове великолепный поселок со школой, баней и пекарней. Нас поселили в школе, где занятия уже закончились. В классе, отведенном для ИТР, на столе стояла миска объемом 3-4 литра, полная осетровой малосольной икры и буханка ржаного хлеба около 2 кг (тогда выпекали хлеб такого веса). Каждый желающий подходил и без всякой нормы сам делал себе бутерброд с икрой. Вот такая началась у нас жизнь.

Уже через 4-5 дней после прибытия на остров у нас начался рабочий полевой сезон. С помощью местного рыбзавода нашу группу с *П.И. Глушинским* отбуксировали на кунгасе (такая мелкая баржа) катером на левый берег Лены в устье р. Булкур. Там Петр Иванович документировал разрез триасовых отложений, а мне поручил вести глазомерную съемку. У меня на вооружении была буссоль Шмалькальдера и оригинальная планшетка конструкции *Александра Ивановича Гусева* (не путать с *Алексеем Ивановичем Гусевым* – начальником отдела угля в то время, а *Александр Иванович* был сотрудником отдела). С помощью буссоли я брал азимут хода от точки к точке и считал расстояние шагами, нанося на кальке планшетки с градуировкой азимутальной сетки направление движения и расстояние в принятом масштабе. Лента кальки была намотана на два валика планшетки и перемещалась по мере заполнения

полосы кальки. По мере смещения линии маршрута от середины кальки к ее краю валик прокручивался и в центре планшетки наносился тот же номер пункта маршрута, который оказывался перед этим на краю ленты кальки. Таким образом в полосе кальки фиксировался весь маршрут, не только одного рабочего дня, но и всего полевого сезона. Надо сказать, что в летний сезон 1951 г. в нашем районе выполнялась аэрофотосъемка для создания кондиционных топокарт. Первый рабочий макет топокарты (м-ба 1:100 000 или 1:200 000, точно не помню) был получен НИИГА зимой 1951-1952 гг.

При сравнении материалов моей глазомерной съемки с настоящей топоосновой, первая оказалась вполне приемлемой с погрешностью менее 10%. Но это конечный результат. А вначале не все было гладко. Когда у меня в руках появилась злополучная буссоль, я замешкался с ней и получил серьезный «втык» от *Петра Ивановича* вроде того: «Что ты, студент Горного института, путаешься в элементарных вещах?» Этого мне было достаточно и запомнилось на всю жизнь.

Первые десять дней работы на р. Булкур и последующее возвращение в Тит-Ары оставили в моей памяти некоторые яркие впечатления. Первое из них – покупка рыбы у местных рыбаков, рыбачивших вблизи Булкура. *Петр Иванович* поручил мне рыбную закупку, дал 85 рублей и отправил к рыбакам. Они за эти деньги наполнили мне рыбой целый мешок из-под муки (в то время такой мешок вмещал 100 кг муки). Я с грехом пополам дотащил мешок до лагеря, хотя не был слабаком (первый разряд по гоночным лыжам, чемпион Горного института 1951 г.). А рыба-то какая была: чирь, омули, муксуны. Часть ее засолили и потом вялили. Капающий с рыбы жир попал на угол палатки и сделал его светлым.

Второе впечатление связано с мелкими осетрами. На рыбзаводе не принимали осетров меньше 50 см, называя их «недомерками». Рыбаки выбрасывали их из невода на песчаный берег реки. Сообразительный в нашей партии коллектор *Саша Изюмов* собрал всех переваливающих в песке осетров в тот же мешок из-под купленной рыбы, привязал его на прочную веревку и опустил за борт кунгаса, на котором мы возвращались в Тит-Ары. За 15 км плавания осетры в мешке отмылись от песка и приобрели товарный вид. В поселке их выпотрошили, засолили, а через 2 дня развесили на веревках вялиться.

Апогей этой осетровой истории с «недомерками» случился на второй день после развешивания рыбы. Наш административный штаб экспедиции в лице ее начальника *Василия Николаевича Али-Мухамедова*, начальника разведочной (на уголь) партии *Бориса Борисовича Мариенгофа* и главного бухгалтера *Виноградова* (И.О. не помню) очень сильно взбодрился горячительными напитками и рассорился между собой. Сотрудники заметили эту троицу полураздетую и вооруженную: одного – топором, а другого – малокалиберной винтовкой, но все непрочно стояли на ногах. Их быстро разоружили и водворили в помещение. До этого *Али-Мухамедов* срезал несколько развешанных на веревки осетров (вероятно, на закуску). А во время их «домашнего ареста» *Василий Николаевич* вырвался, упал в лужу и изрекал, что «он, *Али* – сын неба, а вы все – неверные!» По всем этим эпизодам *Саша Изюмов* – талантливый парень – сочинил несколько великолепных стихов-эпиграмм, которые в коллективе экспедиции пользовались большим успехом.

В конце июня к нам прибыли арендованные в якутском колхозе олени – полевой транспорт геологических партий тех лет, и мы отправились на левый берег Лены для выполнения маршрутной геологической съемки меловых угленосных отложений. Помимо глазомерной съемки, мне вменялось в обязанность вести метеорологические наблюдения (измерение температуры воздуха, скорости и направления ветра), а также сбор фауны в морских отложениях валанжина, указываемых *П.И. Глушинским*. На побережье Лены везде находился древесный плавник – прекрасное топливо для полевой печки. А в стороне от Лены была голая тундра и здесь мы использовали в качестве топлива каменный уголь –

богхед. Он образовался из сапропелевых водорослей и обладает громадной калорийностью, сравнимой с нефтью. Во время Великой Отечественной Войны в Тикси был построен экспериментальный завод для получения жидкого топлива из богхеда. Но запасы его оказались невелики – линзообразные залежи небольших размеров.

Во время моих маршрутов среди песчаниковых горизонтов постоянно встречались линзы богхеда размером 10-20 см. Я собирал их в рюкзак и, по прибытии в лагерь, у меня скапливалось до половины рюкзака угля. Его особенность состоит в том, что в тонких пластинках он загорается от спички коптящим пламенем. В полевую печку загружать этот уголь нужно очень аккуратно. Его жаркое горение приводит к сильному нагреву печи до малинового и даже белого свечения, а это весьма опасно.

Двигаясь в северо-западном направлении, мы добрались до местечка Чай-Тумус на Оленекской протоке Лены. Здесь наступило несколько жарких дней, появились комары и у нас потерялись олени. Дальнейшая работа без транспорта стала невозможна. *Петр Иванович* отправляет меня и со мной коллектора Лешу (бывшего моряка, фамилию не помню) в Тит-Ары. Мы должны были пройти пешком по тундре вдоль Лены 75 км до лагеря разведочной партии *Б.Б. Мариенгофа*, где нас переправят на лодке на базу экспедиции в Тит-Ары. Так оно и случилось при благоприятной погоде. В это время в Тит-Ары прибыл наш главный геолог *М.М. Маландин* на собственном катере экспедиции. На берегу острова, где по весне лежал ледяной барьер, экспедиция соорудила собственный склад. Мы с Лешей помылись в бане и приступили к загрузке катера продовольствием для нашей партии на Чай-Тумусе. Когда все загрузили, зав. складом – большой любитель выпить – организовал выпивку у себя на складе. Хорошо «поднабравшись», вечером погрузились на катер и отплыли в Чай-Тумус во главе с *М.М. Маландиным*. После хорошей пьянки меня обычно ведет ко сну, и я сразу заснул в кубрике катера. Проснувшись утром, увидел Лешу на соседнем рундуке с настолько поджатыми ногами, что они казались заложенными за уши. Оказалось, что он взбунтовался, когда катер оказался на середине реки, и стал рваться за борт. А Лена там шириной 3 км при глубине реки до 30 м. У него, видите ли, морская душа разыгралась. Катер направили к правому берегу реки, и за 20-30 м до берега *Леша* все-таки сиганул за борт, доплыл до берега и пытался бежать, но быстро сник после холодного купания. А потом *Маландин* решил отыграться на мне, написав уничтожающую характеристику для меня в Горный институт. Но начальник экспедиции *Али-Мухамедов* ее не подписал. Я думаю, не потому, что *Василий Николаевич* был не безгрешен по отношению к «зеленому змию», а потому, что благодаря большому житейскому опыту умел отделять «зерна от плевел». В свое время он работал на Полярном Урале с младшим *Обручевым* и приобрел большую школу по организации и снабжению экспедиций. Достаточно сказать, что в нашем снаряжении оказались заготовленными в большом количестве колышки для крепления наших палаточных оттяжек. А *Маландину* он объяснил, что нельзя портить жизнь студенту по такому делу, тем более, что я не был ни инициатором, ни организатором этой пьянки. Мне от нее запомнилось только одно: как мы закусывали сырым несоленым свиным салом.

В итоге, мы приплыли в Чай-Тумус, туда подошли олени из партии *Б.Б. Мариенгофа*, и работа была продолжена. В конце полевого сезона я освоил, с помощью коллег, выпечку ржаного хлеба в самодельной печке, сооруженной из железной бочки на Чай-Тумусе, ставшей полевой базой для экспедиции. Полевой сезон мы закончили в первых числах сентября, когда температура ночью опускалась до -10°C. Меня тогда поразила особенность оленьей шкуры. Вылезая утром в палатке из теплого спального мешка и вставая на, казалось бы, холодный край оленьей шкуры, торчащий из-под мешка, неожиданно ощущаешь ее теплой. Это эффект абсолютного теплового изолятора шкуры, когда нога не теряет даже малой доли своего тепла.

18 сентября мы погрузились снова на брандвахту в составе каравана тяжело груженных барж и медленно против течения двинулись к Якутску. В столицу Якутии наш караван прибыл только 16 октября. По пути караван вдруг останавливался около какого-то острова Лены. Когда спрашивали – «почему стоим?», - экипаж брандвахты отвечал, что на острове много зайцев и капитан буксира, тянущего караван, отправился на охоту.

На этом мое первое студенческое вхождение в Арктику закончилось.

В 1953 г. после окончания Горного института я оказался в Арктике, а точнее, на Восточном Таймыре, уже на постоянной основе. Меня зачислили начальником отряда Восточно-Таймырской экспедиции, в партию *Александры Борисовны Алексеевой* для производства геологической съемки м-ба 1:200 000. Главным геологом партии был *Михаил Никитич Злобин*. Распределение специалистов в Горном институте производилось до защиты дипломов, и ко времени получения диплома коллектив Восточно-Таймырской экспедиции уже вылетел к месту полевых работ.

Оставалась последняя возможность вылета вместе с тематической группой *Михаила Григорьевича Равича*, для которой был заказан спецрейс на самолете ЛИ-2. В отделе экспедиций института мне сказали, чтобы я шел к *Равичу* и сообщил ему о моем включении на вылет вместе с его группой. Надо сказать, что *М.Г. Равич* только что защитил в Москве докторскую диссертацию и пребывал по этому случаю в состоянии крайней эйфории.

Он со своей группой размещался в комнате нынешнего первого отдела. Я прихожу туда и спрашиваю, кто здесь *Равич*, поскольку до этого я его не знал. Он сидел, как я помню, в накинутом на плечи пиджаке и довольно вальяжно ответил: «Ну, я здесь *Равич*». Я сказал, что направлен из отдела экспедиций и должен лететь с его группой к месту полевых работ на Восточный Таймыр. Ему, видимо, что-то очень не понравилось в моем сообщении, может, я не проявил должной почтительности, и поэтому поворот сюжета оказался совершенно неожиданным. Когда я пришел в институт на следующий день, то на проходной меня не пропустили, сославшись на *Равича*. Я позвонил тогда по телефону ученому секретарю, которым был *Михаил Федорович Лобанов*, и объяснил ситуацию. *Михаил Федорович* дал указание в проходную и пригласил меня явиться к нему. После разговора со мной он связался с *Равичем* и направил меня к нему. Как он говорил с *Михаилом Григорьевичем*, я не знаю, вероятно, он предложил подождать в приемной, но разговор явно возымел действие на *Равича*. Когда я вновь появился у него в комнате, то услышал такую фразу: «Я решил сменить гнев на милость». Так мы оказались в одном самолете, а в Амдерме, где была ночевка, еще и в преферанс играли. Кто у кого выиграл, я, конечно, не помню.

Во время полета на меня произвел очень большое впечатление Норильск. Мы там совершили посадку только для дозаправки самолета, но когда с воздуха видишь белоснежный город с многоэтажными домами, после многих часов полета над безжизненной тундрой и убогими хибарами редких местных аэропортов – это создает контрастный эффект в пользу Норильска.

Наш полет на ЛИ-2 закончился на острове р. Пясины в аэропорту Усть-Тарей. Там базировалась геологическая партия легендарного геолога *Владимира Александровича Черепанова*. В Усть-Тарее мы провели несколько дней. *Александр Николаевич Кузнецов* – начальник Западно- и Восточно-Таймырских экспедиций - доставил нам огромную свежевывловленную нельму, из которой была приготовлена великолепная уха.

Из Усть-Тарей я с группой *М.Г. Равича* вылетел на самолете АН-2 на базу Восточно-Таймырской экспедиции под названием «Точка 45» у слияния рек Малахай-Тари и Нюнькараку-Тари. В непосредственной близости от базы располагалась площадь

геологической съемки м-ба 1:200 000, в производстве которой под руководством *А.Б. Алексеевой* мне и предстояло участвовать.

В заключение я хочу сказать несколько слов о незаурядной личности *В.А. Черепанова*. Это был один из ярчайших геологов того времени, разносторонне образованный и широко эрудированный. Мы, молодые специалисты, постоянно обращались к нему по разным вопросам геологии Таймыра и всегда получали ясные ответы и консультации. Он обладал выдающимися педагогическими способностями. Достаточно сказать, что *Владимир Александрович* учил своих коллекторов (техников) работе с федоровским столиком на микроскопе, а по тем временам не каждый дипломированный геолог свободно владел этим методом.

А самым ярким событием в жизни геолога *В.А. Черепанова* было то, что он первый в СССР увидел и определил в шлифах алмазоносную породу, диагностированную им как кимберлит. Это произошло зимой 1952-53 гг., когда в стенах НИИГА оказалась каменная коллекция образцов, доставленная геологической партией *К.С. Забурдина* по выполнению геологической съемки м-ба 1:1 000 000 в верховьях р. Виллой.

В полевой сезон 1952 г. начальник отряда этой партии *Н.Т. Ерошин* закартировал на р. Омонос (притоке Виллы) в коренном залегании трубку взрыва (позднее названную кимберлитовой трубкой «Ленинградская») и отобрал из нее образцы. По существу, это оказалось эпохальным событием в истории геологической службы страны. Но петрографические «мэтры» НИИГА *М.Г. Равич* и *М.И. Рабкин* резко не согласились с заключением *В.А. Черепанова* и потребовали пересмотреть его заключение. И тогда *В.А. Черепанов* назвал эту породу серпентинитовой брекчией. Под этим названием она и фигурирует в окончательном отчете *К.С. Забурдина* и *Н. Т. Ерохина*.

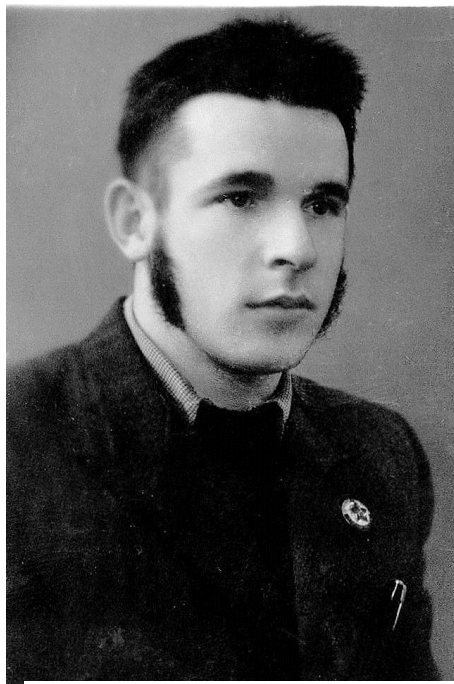
Я не могу сказать, что так напугало наш «научный синклит» в первоначальном заключении *В.А. Черепанова*, а догадки здесь неуместны. Но факт состоит в том, что институт по существу добровольно лишил себя звания первооткрывателя кимберлитов, а следовательно, и коренных месторождений алмазов в СССР. Как известно, кимберлиты были открыты в полевой сезон 1954 г. *Л.А. Попугаевой*, сотрудницей ВСЕГЕИ. Эта первая кимберлитовая трубка была названа «Зарница». Сразу же всплыл вопрос, как НИИГА «прохлопал» открытие кимберлитов. И вот здесь началось самое мерзкое. Всех «собак спустили» на *К.С. Забурдина* и *Н.Т. Ерошина*. В газете «Вечерний Ленинград» появились разгромные статьи с именами этих «несчастных» геологов. А, по-существу, они честно выполнили свой профессиональный долг, отобрали и доставили образцы кимберлита. А где же оказался «мозговой центр» НИИГА с его хваленым научным поиском минеральных богатств страны? В конце концов, легко было организовать в 1953 г. повторное обследование трубки взрыва на р. Омонос с отбором до 500 кг каменного материала. В те годы это было несложно, когда летали на самолетах УПА (Управления Полярной авиации) по поводу и без повода. Все это «алмазное дело», конечно, является черным пятном в истории института, а не достижением, как пытаются нам преподнести в некоторых исторических экскурсах.

Примерно так же обстояло дело и с открытием месторождения сплошных медно-никелевых руд на Талнахе. Я полностью согласен с оценкой истории этого открытия *Э.Н. Эрлихом*, данной в последнем сборнике наших институтских баек. Похожая ситуация возникла и с открытием россыпного золота на о. Большевик сотрудниками Норильской экспедиции НИИГА, одним из которых был мой однокашник по Горному институту *Ю.Г. Rogozov*. В начале 50-х годов прошлого века на островах Северной Земли, включая о. Большевик, была выполнена геологическая съемка м-ба 1: 1 000 000 под руководством *Б.Х. Егизарова*, и никаких данных о россыпном золоте на о. Большевик не оказалось. Однако, это не помешало *Б.Х. Егизарову* после открытия россыпного золота на о. Большевик причислить себя к первооткрывателям.

Не лучшим образом развивалась история вокруг проявлений россыпного золота на Северном Таймыре. Оно было установлено сотрудником Норильской экспедиции НИИГА, тогда еще молодым *В.Д. Крюковым*. Шлиховыми пробами с золотом занималась великолепный минералог *Ягна Львовна Стахевич*. Как опытный специалист она сразу же обратила внимание на нахождение в пробах зерен золота в сростках с кварцем (я неоднократно слышал это от нее лично). Для профессиональных геологов-россыпников данный факт является 100% доказательством нахождения местных коренных источников золота. К тому времени на северном Таймыре коренные источники золота не были известны. Признанный авторитет по геологии Северного Таймыра *М.Г. Равич* принял «в штыки» заявления *Я.Л. Стахевич*, называя ее в частных разговорах «сумасшедшей бабой». О мотивах такой позиции *М.Г. Равича* догадаться не трудно. Это не вопрос стратиграфического соотношения перми и триаса, а один из важнейших видов полезных ископаемых.

Завершая свое повествование на довольно минорной ноте, я просто хотел подчеркнуть, что наряду с большими достижениями в деятельности НИИГА-ВНИИОкеангеологии были, к сожалению, и «темные страницы», которые не следует лакировать и замазывать.

В.А. Виноградов. После возвращения с первой производственной практики в низовьях р. Лена. 1951г.

В.А. Виноградов с безотказными оленями. Низовья р. Лены, 1951 г.

*В.А. Виноградов с сезонным рабочим по пути на расчистку угольного пласта.
Низовья р. Лены, 1951 г.*

*Геологическая партия П.И. Глушинского в низовьях р. Лены. Внизу слева направо:
рабочий-повар, начальник партии П.И. Глушинский, коллектор Леша, старший коллектор
В.А. Виноградов. Вверху - каюры-оленоводы. 1951 г.*

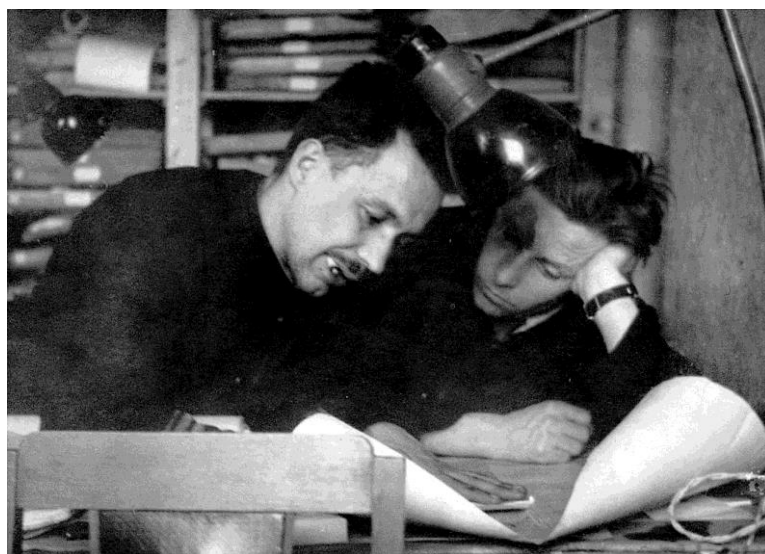

Коллектив таймырских геологов и техников. Слева направо: *М.Г. Равич, Л.А. Чайка, Н.М. Тимофеев, В.А. Черепанов, С. Сорокин, Ю. Комаров*. Обильный обед с ухой из нельмы. Аэропорт Усть-Тарей, р.Тясина.1953 г.

Застолье по случаю ухи из нельмы. Слева направо: *В.А. Виноградов*, второго участника не помню, *Л.А. Чайка, Н.М. Тимофеев, В.А. Черепанов*, остальных не помню. Усть-Тарей, 1953 г.

Рабочий момент камералки. *В.А. Черепанов* и техник *Ю. Комаров*. Мойка 120, 91 комната.
Зима 1953-1954 г.

А.Б. Алексеева и *В.П. Орлов*.
Восточный Таймыр, 1954 г.

В.А. Виноградов. Тогда там ловились
такие гольцы. Восточный Таймыр,
р. Нюнь-Каракутари, 1954 г.

Любимец всего коллектива партии гусь Ваня. Восточный Таймыр, 1954 г.

Лагерь геологической партии *А.Б. Алексеевой*. В качестве транспорта использовались легендарные вездеходы на базе ЗИС-5, на которых работал *Н.Н. Урванцев*. Восточный Таймыр. 1954 г.

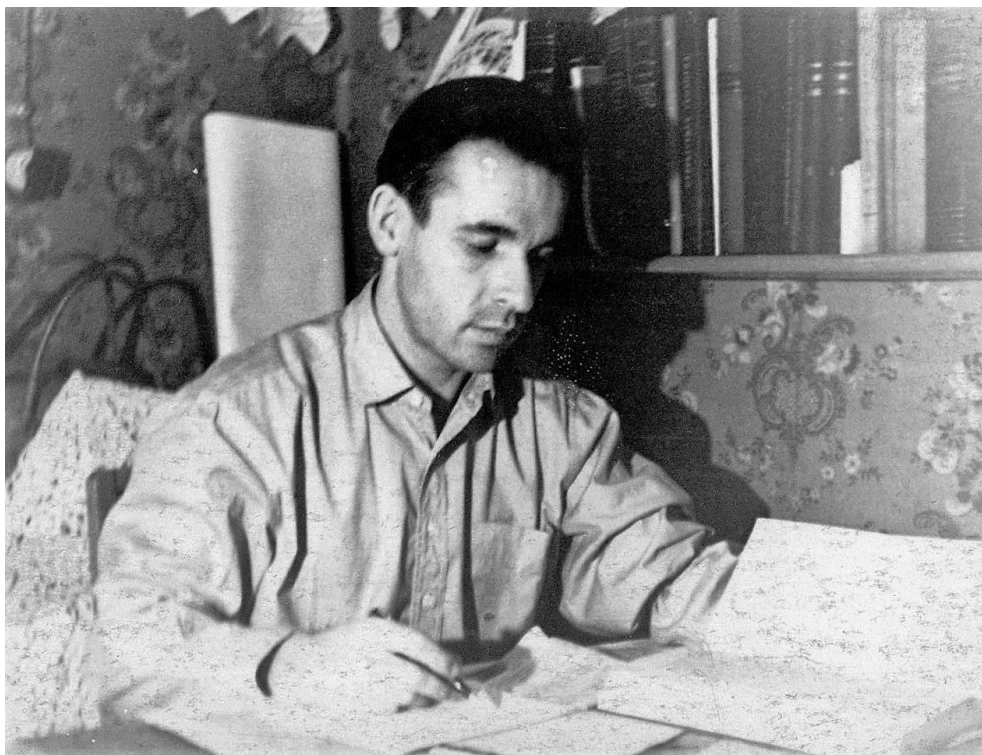
Момент дегустации супа в геологической партии *В.А. Виноградова* при производстве геологической съемки 1:200 000. Слева направо: старший техник *Ю. Богданов*, начальники отрядов *В.Н. Хорьков* и *Л.Я. Пинчук* с гусем в одной руке и глухарем в другой. Верховья р. Виллой, 1955 г.

В.А. Виноградов. Осваиваем верховую езду на оленях. Верховья р. Виллой, 1955 г.

Мои друзья ближнего круга справа налево: *И.М. Русаков*, его жена *Н.П. Федосова*, *В.А. Виноградов*, *Д.В. Рундквист*, *Е.Б. Бельтнев*. На дне рождения *И.М. Русакова* 8 сентября. Вторая половина 50-х.

В.А. Виноградов. Подготовка к сдаче кандидатского минимума в аспирантуре ВСЕГЕИ. 1959 г.

В.А. Виноградов. Таких мы тогда ловили осетров на шлюпке под флагом НИИГА. О. Сардах в дельте р. Лены. 1970 г.

Байки из ненаписанной иранской тетради

Я работал в Иране двадцать девять месяцев, с 1969-го по 1971-й год. Чтобы сориентировать читателя в хронологии, напомним: американские астронавты первый раз высадились на Луне 20 июля 1969 года. Сегодня это воспринимается как глубокая история. Зачем, спросите вы, я возвращаюсь к воспоминаниям о событиях сорокапятилетней давности? В 1969 году я не просто переместился из Арктики на Ближний Восток, но очутился в принципиально ином пространстве, вроде как *Нейл Армстронг* на поверхности Луны. Как тогда говорилось на политинформациях, «два мира – две системы», или что-то в этом роде, точно не помню. Между тем, обращаясь сегодня к своей иранской одиссее, я не нахожу в памяти ничего «космического»: повседневные человеческие коллизии, мелкие житейские эпизоды – иногда забавные, иногда грустные... Однако, именно в них я вижу отражение проблем и вопросов, ответы на которые и сегодня не очевидны. Предлагаю читателю подумать вместе.

Самые первые впечатления

Самое-самое первое я получил уже в день прилета в Тегеран. Многоместный представительский лимузин, на котором нас встретили иранские партнеры, едва выехал с территории аэропорта на шоссе, ведущее в город, как некий водитель-виртуоз из крайнего левого ряда сходу выполнил правый поворот, подрезав остальных участников движения. Наш шофер, не изменяя выражения лица, произвел такое экстренное торможение, что все в салоне посыпались со своих сидений.

-Зараза!- эмоционально отреагировал мой начальник *Иван Владимирович Бакрадзе*.

-Инфекшн! – перевел старший переводчик с иранской стороны господин *Джавид*, которому было велено синхронно переводить все, без купюр. Далее, пока мы ехали до гостиницы, я с изумлением наблюдал, как водители вокруг совершают головокружительные маневры, нарушая все возможные правила дорожного движения, которые мне, как начинающему тогда автомобилисту, были известны наизусть. Обгоняя немногочисленные новые «Мерседесы» и «Тойоты», с ревом и шлейфами черного дыма неслись набитые под завязку непонятные реликтовые аппараты; иногда пассажиры сидели даже в открытом багажнике, свесив ноги назад как в цыганской кибитке...

А вот первый парадокс: за два с половиной года в Иране я не видел ни одного серьезного дорожно-транспортного происшествия. Видимо, такой стиль езды не позволяет водителю спать за рулем, держа его в постоянном напряжении, как на «Формуле-1». Чувство самосохранения сильнее законопослушания.

Х Х

Х

В отеле мы бросили, не разбирая, свои чемоданы и выскочили на проспект. В здании рядом оказался большой магазин канцелярских принадлежностей; при входе мальчик в униформе магазина торговал с лотка всякой мелочью. Я увидел супермодные тогда у нас многоцветные шариковые ручки толщиной в два пальца. Как истинно советский человек, я ощутил секундное опасение – вдруг не хватит или еще что-нибудь?

-Сколько стоит? – быстро спросил я, мобилизовав свой разговорный английский. Пацан показал растопыренные пальцы на двух руках. Когда я расплачивался, он почему-то положил пять туманов в кассу, а вторые пять в свой брючный карман.

Оказавшись внутри магазина, я с огорчением увидел, что ручка, какую я только-что приобрел за десятку, стоит пять туманов.

-Привыкайте,- сказал сопровождавший нас мудрый переводчик г-н *Джавид*,- волчы законы рынка...

Он эмигрировал из Советского Союза где-то перед войной и хорошо помнил советскую фразеологию.

Х Х

Х

Через два дня на базе нашей группы в городке Зираб, недалеко от каспийского побережья, («зире аб» - «под водой», в смысле – постоянно дожди), состоялось организационное собрание коллектива. Специально прибывший из Тегерана посольский доктор П. прочел темпераментную лекцию о том, что употребление алкоголя в условиях Ирана категорически недопустимо вследствие аномально высокой температуры воздуха и аномально низкого качества местной водки.

По окончании речи я на правах председательствующего продолжил вести собрание и вдруг увидел, как доктор П. жестами показывает, что нужно срочно закругляться.

-Что случилось? – спросил я, подойдя и наклоняясь к его уху.

-Что, что! Через двадцать минут магазин закрывается. Что пить будем?

-Но вы только что говорили, что пить нельзя? – наивно спросил я.

- Под наблюдением врача – можно! – серьезно сказал доктор. Уже лучше!..

Позже я случайно увидел, что в золотых лавках сказочного тегеранского базара нормальное обручальное кольцо стоит примерно столько, сколько бутылка (350 мл) действительно паршивой водки «Султани». Обручальное кольцо мне не было нужно, но сам факт как-то настораживал, когда возникала мысль посетить винный магазин. Потом ничего, забылось, тем более, что это случалось не так уж часто.

Необъяснимая магия власти

С иранской стороны директором нашего Эльбурского угольного контракта был мистер *Хагиги* – молодой, но уже элегантно седеющий джентльмен небольшого, как все прирожденные лидеры, роста. Образование он получил в Америке. Не скажу, по какой именно специальности (в геологическую тематику он предметно не углублялся), однако, приобрел там хорошую деловую хватку и – главное – освоил тонкое искусство общения с подчиненными «сверху-вниз», при этом не показывая явных признаков высокомерия. Он был постоянно крайне сдержан и говорил тихо, почти шепотом, вводя собеседника в напряжение. Общие собрания коллектива проводились на открытом воздухе, на обширном дворе нашей базы. *Хагиги* говорил без микрофона, не повышая голоса, и надо было видеть, как весь строй трудящихся вытягивал шеи, чтобы не пропустить ни слова.

Ездил м-р *Хагиги* на шикарном авто бизнес-класса; в официальных случаях с водителем, а чаще, по американской привычке, сам за рулем. Когда его автомобиль проезжал через ворота базы, дежуривший там вооруженный охранник исполнял, подобно британскому королевскому гвардейцу в медвежьей папахе, каскад ритуальных движений, завершавшийся резким ударом каблуком о каблук.

В распоряжении геологов были рабочие «Лендроверы», окрашенные, как и наши тогдашние газики, в темнозеленый военный цвет. Эпизод, о котором идет речь, я наблюдал совершенно случайно. В тот день *Хагиги* без шофера с утра уехал по

геологическим точкам. Не знаю, что там случилось с его машиной, но он взял первый попавшийся геологический «Лендровер» и на нем поехал на базу. Охранник, дежуривший на въезде, увидел издали, что приближается рядовая рабочая машина с одним водителем за рулем. Ситуация отвечала самому низкому уровню его внимания, и солдат развязно прислонился спиной к штанге ворот, закуривая сигарету. И только в последнюю ужасную секунду, рассмотрев, наконец, кто именно управляет «Лендровером», он с такой силой щелкнул каблуками, что подсек сам себя и упал посреди проезжей части.

Хагиги засмеялся и аккуратно объехал его по обочине...

Х Х

Х

В свое время мне довелось наблюдать культ личности и в его трагической сути (при товарище Сталине), и в пародийной форме (при последующих верных ленинцах). Новую для меня модификацию этого феномена я увидел, оказавшись в Иране в годы правления популярного тогда на западе и в нашей стране шахиншаха *Мохамеда Реза Пехлеви*. Это был культ личности, бесспорно, иницируемый сверху, но при этом без принуждения и с видимым удовольствием принимаемый населением. Портреты шаха украшали все офисные и жилые помещения, смотрели с бесчисленных уличных стендов, с витрин магазинов и лавок, из-под лобового стекла автомобилей. В кинотеатрах, и даже в нашем полевом геологическом клубе, перед началом каждого сеанса демонстрировался официальный ролик из жизни правителя, его красавицы супруги и подрастающего наследника, который полагалось смотреть стоя. Зрители выполняли этот ритуал с энтузиазмом.

Сам я видел этого харизматического лидера только на экране, непосредственного общения удостоился тогдашний руководитель всего сообщества специалистов Мингео СССР в Иране, известный ленинградский геолог еще старой школы *Георгий Михайлович Ауслендер*. Вот рассказ этого мудрого человека в кратком изложении:

-...Неожиданно приглашают меня в наше посольство. Объявляют с некоторой нервозностью, что такого-то числа в составе группы местных и иностранных руководителей я приглашен на прием к его величеству шахиншаху Ирана. «Фрак у вас есть, *Георгий Михайлович*?». Какой фрак, я геолог, а не народный артист. Мгновенно появляется портной, снимает мерки... Так или иначе, а такого-то числа я в новом фраке стою в парадном зале на указанном заранее месте, дожидаясь своей очереди. Смотрю: шах как шах, здоровый мужик, говорит по-делу, иногда свободно переходя с фарси на английский. Непонятно только, зачем те, кто подходит к ручке, как-то уж неприлично низко кланяются, чуть ли не лбом до полу. «Нет уж - думаю, миль пардон, я тебя искренне уважаю, но почему я должен перед тобой гнуться до земли? Сдержанный наклон головы и не более того...» Именно так я и поступил и, гордясь собою, возвратился домой.

А наутро мне в офис доставили официальные фотографии со вчерашнего приема. Вот, посмотрите: оказывается, представляясь его величеству шаху, я согнулся примерно под девяносто градусов, несмотря на свой большой живот и на неудобный новый фрак. Необъяснимая магия власти!..

Иван Владимирович

Мой непосредственный начальник *Иван Владимирович Бакрадзе* был потомком старинного грузинского рода, а в послевоенные годы носил звание генерала геологической службы. При своих 65 годах и 110 килограммах веса и при прочно

въевшихся генеральских замашках *Иван Владимирович* обладал обворожительной непосредственностью, если не сказать, наивностью.

Возили *И.В. Бакрадзе*, как и г-на *Хагиги*, на представительской машине, только классом пониже. За рулем работал молчаливый атлет с интеллектуальной физиономией Джеймса Бонда, которой он тщетно старался придать простонародное выражение; считалось, что он по-русски ни бум-бум. *Иван же Владимирович* ощущал себя полиглотом, так как посетил пару занятий английским и фарси, которые наши переводчики организовали для специалистов и членов их семей. Отпуская водителя по окончании рабочего дня, он говорил, например, так:

- Фардо (по-фарси «завтра») морнинг (а это, как вы понимаете, уже английский) ты машину хорошенько помой и часикам к восьми подъезжай...

Шофер непонимающе улыбался, а завтра без пяти восемь на вымытом автомобиле уже ждал перед домом. Думаю, это был не меньше, чем майор иранской контрразведки.

При этом мой начальник был совсем не так прост, как могло бы показаться. На совещании в Тегеране некий начальник из Москвы, каким-то боком причастный к нашей проблеме, неожиданно задал вопрос:

- А что у вас на пятнадцатой скважине?

Я только вчера был назначен главным геологом контракта и еще не успел войти в тему, поэтому готов был спрятаться под стол. К счастью, *И.В. Бакрадзе* принял огонь на себя:

- К сожалению, данные на сегодня мы еще не получили. Вчера на 17-00 забой находился на 165 метрах, вошли в кровлю третьего угленосного горизонта...

Начальство удовлетворенно покачало головой.

В машине по дороге в Зираб я высказал *Ивану Владимировичу* свое восхищение.

-Ты думаешь, я помню, где эта чертова скважина? Начальству, чтоб ты знал, *Володя*, надо показать свою заинтересованность, а нам свою осведомленность. А что там делается на пятнадцатой скважине – мы с тобой приедем домой и с Божьей помощью разберемся.

По-научному это называется «имитационная форма служебного общения». Жаль, что я так ее и не освоил, всю жизнь пытался готовить на чистом сливочном масле.

А если всерьез говорить о *И.В. Бакрадзе*, это был увлеченный профессионал-угольщик и харизматический, как мы говорим сегодня, руководитель, готовый взять на себя ответственность в сложных обстоятельствах. Одна из самых ярких и обаятельных личностей, с кем меня сталкивала жизнь.

Откуда пошел откат?

Мое повседневное общение с иранскими коллегами обеспечивал переводчик г-н *Дифсалар*. Я говорю «господин», потому что такая форма общения была нам предписана посольством. На самом деле это был никакой не господин, а вчерашний школьник, специально для работы с нами направленный на краткосрочные курсы русского языка, где освоил элементарный набор бытовых фраз. (Примерно на каком же уровне говорил по-русски наш собственный переводчик, выпускник Ташкентского университета *Талат Бахрамович*, свободно владевший тремя языками – фарси, английским и...узбекским). При этом г-н *Дифсалар* стремился к совершенствованию своих знаний и постоянно доставал меня вопросами. Например, почему наш буровой мастер г-н Д., обращаясь к рабочим, часто упоминает какую-то «твою мать» и как переводить это выражение?

- Никак не переводи, - сказал я, - просто поговорка такая, неперевожимая игра слов.

- Нет, - возразил мой собеседник, - я думаю, здесь что-то про любовь...

И правда, ведь, про любовь. А вообще это был легкий в общении молодой человек и, когда я вскоре стал говорить ему «ты» и без «господина», он воспринял это как должное.

В круг обязанностей моего героя, кроме перевода, входило и обустройство нашего жилья, и здесь он был очень исполнительен. Стоило вам только обозначить желание, как он по общепринятому здесь обычаю, мгновенно говорил «Чашм!», прикладывая два пальца к правому глазу. Слово «чашм» буквально означает «глаз», а всю комбинацию следует понимать так: не успеешь моргнуть глазом, как все будет выполнено, типа немецкого «Яволь!» (за чем, впрочем, не стоит никаких обязательств).

А теперь мы подходим к кульминации этого сюжета. В один прекрасный день несколько местных мужиков под командованием *Дифсалара* втащили в мою квартиру новый холодильник. Когда грузчики вышли, он подмигнул мне и радостно сказал:

- Вот, мистер *Иванов*, за этот ваш холодильник я заплатил тысячу туманов, однако, менеджер магазина выписал мне счет на тысячу двести...

- Зачем? – наивно спросил я.

- Затем, что теперь я отчитаюсь перед бухгалтерией на тысячу двести. Сто туманов я дал менеджеру, а сто туманов вот здесь, - и он показал пальцем на нагрудный карман своей рубашки.

- Ты с ума сошел, тебя посадят! – испугался я, - Это преступление!

- Нет! – убежденно сказал мой юный коллега. - Это бизнес.

В те годы мы понятия не имели о таком явлении как откат. Кто бы мог предположить, что в 2015 году в нашей стране этой схемой – только в разных масштабах – будут пользоваться все, от губернатора до последнего «подпрыгивающего». Специфика развивающейся рыночной экономики?

Почем огурцы?

Хочу опровергнуть одну широко распространенную в те годы легенду. Якобы все советские специалисты, кому посчастливилось попасть в заграничную командировку, чтобы скорее накопить на желаемый автомобиль, доводили себя чуть ли не до голодных обмороков. Далеко не все. Приличные люди вели абсолютно цивилизованный образ жизни, а процент жлобов был таким же, как в Союзе. Только здесь жлобство проявлялось более наглядно.

...Парадокс: яйца тогда в Иране продавались на вес, а огурцы, напротив, поштучно. Хоть маленький, хоть побольше, полуметровых там вообще не было. Из всех продуктов питания, какие я видел, огурец был самым дешевым. На деревенском базарчике, где мы повседневно отоваривались и где торговцы, завидев кого-то из «шурави» (советских), наперебой кричали с вопросительной интонацией: «Арбуз хочу?», «Капуст хочу? – один огурец стоил один реал. Самую мелкую монету, на наши сегодняшние деньги - примерно рубль или даже меньше. Иногда, по неясным причинам, цена огурца назначалась в два реала. Именно в такой черный день овощные ряды посетил наш коллега, прораб горных работ, если не ошибаюсь, из Горловки, господин Н.:

- Почем огурцы?

- Два реала.

- Почему два? Вчера было – один?

- Два!
- Один!
- Два!
- Один!..

Наконец, не выдержав накала дискуссии, продавец предложил компромиссное решение:

- Хорошо, на десять реалов я вам дам семь огурцов.
- А мне не надо семь огурцов, - отрезал г-н Н.
- Сколько же вам надо?
- Мне нужен один огурец!

Красноречивая пауза, а затем:

- На тебе один огурец и иди отсюда туда-то и туда-то, чтобы я тебя никогда больше не видел...

Куда именно идти, было понятно без переводчика.

... Показательный случай произошел и с супругой г-на Н.

По условиям контракта иранская сторона обеспечивала нашим специалистам и членам семей стоматологические услуги, включая протезирование (только золото нужно было купить самостоятельно). Идея на-халяву поставить коронки вдохновила группу наших дам, включая мадам Н., и зубопротезный кабинет был задействован прямо в общежитии.

Мастером был мрачный молодой мужчина в офицерской рубашке без погон, который не выпускал изо рта сигарету даже в процессе работы. В конце концов столбик пепла упал прямо в рот пациентки, которой как раз и оказалась мадам Н. Слава Богу, сигарета в тот момент была погасшей и пепел – холодным, потому дама не возмутилась, а с удовольствием рассказывала всем об этом забавном случае. Веселились до тех пор, пока у пациенток во рту не появился медный вкус, а затем и зеленый налет на новых коронках. Оказалось, «золотые» диски для зубов были куплены нашими рачительными хозяйками не в магазине, а с рук у бродячего торговца.

Мадам уже в Москве

Мои супруга с дочкой улетали в Союз, пора было готовиться к школе. С балкона тегеранского аэровокзала с грустью наблюдал, как московский борт медленно выруливает на взлетную полосу, а мой водитель г-н *Рогани*, попрощавшись с «мадам», теперь с живым интересом высматривал среди пассажиров не по-мусульмански легкомысленно одетых европейских женщин.

Внешне г-н *Рогани* походил на симпатичного молодого азербайджанца с ленинградского овощного рынка. Себя он считал прогрессивным человеком и однажды, смущаясь, рассказал мне, что даже научился писать стоя (в отличие от менее продвинутых своих соотечественников, которые делали это на корточках, оmyвая рабочий орган из имеющегося водного источника, будь это хоть сточная канава). Г-н *Рогани* был очень франтовый, не выходил на работу без галстука, а сегодня по случаю поездки в Тегеран надел синий бархатный костюм и синие же замшевые туфли.

Не заезжая в город, мы с ходу взяли курс домой, на север. Дамы нашей колонии, которых *Рогани* иногда подвозил к доктору или на рынок, за манеру езды прозвали его летчиком и просили дать другую машину. Я же видел, что это не хулиганство за рулем, а просто у парня был врожденный синдром чемпиона, поэтому я перестал его сдерживать, положившись на волю аллаха. Аллах был благосклонен к моему водителю, возможно

потому, что он был фанатичным противником алкоголя. Однажды в тяжелом маршруте он наотрез отказался от предложенного мной холодного чая, поскольку тот был налит в сто раз мытую бутылку из-под водки «Султани».

Короче, рейс Тегеран-Москва по времени не пересек еще границы с Советским Союзом, как наш «Лендровер» уже выписывал виражи на дороге через могучий горный хребет Эльбурс (не путать с нашим Эльбрусом), приближаясь к перевалу. Слева от дороги тянулись к небу скальные выходы, смятые в грубые складки, а справа на неведомую глубину уходил отвесный склон, где каменистая осыпь чередовалась с диким кустарником и единичными деревьями.

И в этот момент у нас спустило левое переднее колесо. Бывает... Г-н *Рогани*, насвистывая, поднялся по специальной лесенке на плоскую крышу «Лендровера», отвинтил хранящееся там запасное колесо и, также насвистывая, бросил его вниз.

Тут-то и была его роковая ошибка. Ребром ударившись о землю, колесо дважды высоко подпрыгнуло и полетело в пропасть вправо от дорожного полотна. Мгновенно оно скрылось из поля зрения, только какое-то время доносились удары о деревья, а затем и они стихли.

Это было бы смешно, если бы у нас был хотя бы мобильный телефон, чтобы вызвать подмогу, но мобильник тогда еще не был изобретен. У г-на *Рогани* даже не было сменной рабочей одежды и прямо в своем бархатном синем костюме, горестно махнув рукой, он перевалился за край обрыва, как с пирса в море.

Можно ли подняться вверх на неизвестно сколько сотен метров по почти вертикальному каменистому склону? Можно, если на ногах специальные горные ботинки, а в руках альпеншток. Или, хотя бы, если твои руки свободны, чтобы схватиться за прочное. А если твои руки заняты автомобильным колесом с диаметром диска 17 дюймов? Задача, мне казалась, не имеет решения, и, сидя в остывшей машине, я думал, как выйти из положения без ненужного шума в глазах иранских партнеров.

В горах вечереет рано, но было еще достаточно светло, когда из-за кромки обрыва, как в кукольном театре, показалась голова г-на *Рогани*, а затем и злополучное колесо, которое он прижимал к груди подобно спасательному кругу. Он долго не мог перевести дыхания и наконец произнес только одну фразу

- А мадам уже давно в Москве...

Записная книжка

Удивительно талантливому и при этом очень успешному советскому композитору *Никите Владимировичу Богословскому* принадлежат примерно такие слова: единственное, о чем я сожалею в жизни, это что не я написал «Подмосковные вечера». Понимаю и завидую, так может сказать только настоящий мастер. А что я написал? Про меня писали: «Геолог *Иванов* привел нас лошадей». Это из книги сегодня забытого писателя-натуралиста из нашего института *Петра Сигунова*, но попробуй-докажи, что *Иванов* - это именно я. А сам я давно уже написал книжку «Архипелаг двух морей», о Новосибирских островах, о которой мой покойный друг *Юра Лившиц* сказал: ты пишешь не об островах, а о себе на фоне островов. Это плюс или минус, не знаю. Когда сейчас перелистал, мне понравилось, хотя именно «о себе» редактор старательно вычеркивал. На «Архипелаге» все и закончилось. И дома, и на работе у меня полные шкафы нереализованных заготовок, набросков и черновиков. Почему так получалось? Перебирая старые бумаги, я вспоминаю, как вдруг загорался очередной огонек и даже возникало предчувствие «физиологического ощущения гармонии» (*В. Набоков*), а затем, не достигнув финиша, я был подхвачен новой волной... Наверное, у меня было слишком

много, что сказать по разным поводам. Гораздо комфортнее держаться за единственную мысль, как за последний рубль, чтобы не оказаться в итоге в положении члена отряда космонавтов, полет которого все откладывался, откладывался, а потом и вовсе был отменен - по возрасту претендента.

Короче, не могу предложить читателю ничего законченного, только случайные записи разных лет, более или менее в хронологическом порядке.

Горячие пирожки

... Годы студенчества. Бодрый и голодный, бегу домой с занятий. На углу тетка в грязном белом халате поверх пальто кричит на всю улицу Плеханова, где мы жили тогда с родителями:

- Горячие пирожки! Горячие пирожки!..

С удовольствием покупаю пирожок и тут же убеждаюсь, что он почти уже окаменел.

- Слушайте, - говорю я, - этому пирожку не меньше недели.

- Возможно, - отвечает продавщица, - возможно, что и не меньше...

- Так что же вы кричите: горячие пирожки!?

- А они так называются - «горячие пирожки», - назидательно объясняет тетка, удивляясь моей непонятливости, - Могу накладную показать...

Тогда любили уличные пирожки. Помню, случайно услышал разговор двух сотрудников ГАИ, дежуривших на перекрестке:

- Жрать так хочется, прямо умираю!

- Подожди, сейчас оштрафую кого-нибудь, пирожков купим...

Была даже загадка: с одного конца кусаешь, с другого вылезает. Что это такое? Ответ - пирожок с повидлом. Стоил пять копеек.

Кто пьет одеколон?

Полковник Л. с военной кафедры ЛГУ имени А.А. Жданова. Построил нашу небольшую группу и ходит взад-вперед, озабоченно поводя носом. Наконец спрашивает:

- Кто пьет одеколон? - Молчание.

- Я спрашиваю, кто пьет одеколон? Мой нос не обманешь!

- Товарищ полковник, - отзывается кто-то из студентов, - это я освежился после бритья.

- Освежился?! Интеллигенция, мать вашу так...

...Ему же принадлежит выражение, ставшее крылатым:

«Ну, вы, ей-богу, как ослы. Тех тоже за рога надо тащить».

Портной Нейшлос

Когда-то модный, а теперь уже очень старый портной Нейшлос неудачно сшил мне костюм: стоит поднять руки, как пиджак лезет на голову.

Говорю ему об этом, а он: - Зачем вам поднимать руки? Вы же не военный человек...

Трудный вопрос

...Мама, царствие небесное, как-то спрашивает при встрече:

- А как поживает твой друг? Забыла, как его зовут, ну, он еще выпить любит...

Признак в данном случае не очень узнаваемый. Вот если бы она сказала: выпить не любит... Впрочем, таких друзей у меня не было.

Устами младенца

Начало 1960-ых. Вечерком заходит сосед по популярному тогда жилищному кооперативу «Геолог» (проспект Космонавтов, 15). Рассказывает, волнуясь:

...Представляешь, вчера неожиданно - сроду у нас не бывала - влетает воспитательница из детского садика, куда мы водим нашего оболтуса.

- Послушайте, - говорит, - вы думаете головой, когда при ребенке разговариваете?

- Что такое?

- А то, что я в старшей группе провожу беседу о *Н.С. Хрущеве*. В конце спрашиваю: а вы, ребятки, знаете что-нибудь о Никите Сергеевиче? Я знаю, заявляет ваш сынок, - мой папа часто о нем говорит. И что же, - спрашиваю, - говорит твой папа? Он говорит - это такой дурак!..

Сосед по-настоящему переживает: что же теперь будет? А ничего, никто и не вспомнил. Шла уже, слава Богу, новая эпоха.

Самсоныч

Старик *Андрей Самсонович*, штатный рабочий НИИ геологии Арктики. Летом выезжал со мной в поле, зимой трудится по зданию - сантехника, столярка... Член КПСС. Беседуем с ним в перерыве партийного собрания, посвященного очередному сельскохозяйственному эксперименту *Н.С. Хрущева*.

- Туфта все это, - говорит он. - Главную ошибку советская власть сделала еще до войны - это когда кулаков начали ссылать на Соловки. А ссылать-то надо было бедняков. Потому что кулак - это труженик, а бедняк что? Пьянь, срань...

- Ты что говоришь, *Самсоныч*? Мы же на партсобрании!

- Я тебе еще скажу, - продолжает *Самсоныч* свои крамольные высказывания. - Вот сколько лет все поем: «кто был ничем, тот станет всем» А так не должно быть. То-есть, из «ничего» можно стать «всем», но для этого ты должен много-много работать, учиться, голову свою развивать, как *Ломоносов* - архангельский мужик. А у нас хотели на фу-фу и все сразу, вот теперь и кувыркаемся с *Никитой*, извините за выражение, *Сергеевичем*...

Эти слова мне вспомнились в 90-е годы, когда порочный принцип «кто был ничем...» был повторно реализован в нашей новейшей истории, только на этот раз «всем» стали не недоучившиеся «профессиональные революционеры», а особо шустрые комсомольские секретари и младшие научные сотрудники. Результаты видим сами.

«Два дикий гусь»

Охота в тот сезон плохо шла, и наши оленегоны-якуты схарчили одного своего вьючного оленя, после чего (святая простота!) составили официальный акт примерно такого содержания: оленя съели волки, шкура и камус (кожа с оленьих ног) переданы бригадиру.

Помню, как этот бригадир рассказывал у костра, возвратившись с маршрута:

- Сегодня два дикий гусь видел. Одного убил, другой уехал...

Где граница понимания?

Когда я по-настоящему начал ощущать себя профессионалом? Думаю, когда в разговоре на серьезную геологическую тему мне стало трудно отвечать на вопрос «да» или «нет». Профессионал видит медаль с нескольких сторон, и чем больше ты видишь, тем больше всплывает непонятного. Со студенческих лет я обожал нормальную сухопутную полевую геологию, где что видишь в маршруте, то и наносишь на карту. Но, пытаясь докопаться до истоков, я попадаю в поле виртуальной реальности, где мне холодно. Условия задачи не очерчены, а ответы гипотетичны. Может быть, и не надо пытаться? Чтобы узнать, который час, не открывают механизм часов, а просто смотрят на циферблат.

Народное гуляние

Мой старый друг буровой мастер *Дмитрий Иванович Кузьмин* говаривал когда-то: «пьянка без начальства - это пьянка, а пьянка с начальством - народное гуляние.» По случаю окончания очередного полевого сезона сижу во главе общего стола на базе нашей экспедиции на острове Котельный холодного Новосибирского архипелага.

- Вот, честно, мы вас уважаем, а не любим,- шепчет мне в ухо сосед по столу, раскрепостившийся после второй кружки с разведенным питьевым спиртом.

-Почему, если не секрет?

-А интеллигентов никто не любит. Вот мы сейчас напьемся с отвычки, и *Виктор* будет нас растаскивать по нашим палаткам. А вы не будете...

Виктор - это тот, кто позже сменил меня на посту начальника.

- Почему же не буду? - недоумеваю я. - Буду обязательно.

-Да? Но *Виктор* будет делать это с удовольствием, а вы - с отвращением...

Мой младший коллега горд своей смелостью, а мне горько в очередной раз убедиться, что окружающие не воспринимают меня своим среди своих. Почему же? Я искренне люблю своих товарищей, но, наверное, не умею переходить некую невидимую грань в общении.

Новое пальто

Приехал в Москву на 60-летие друга. Друг встретил меня на Ленинградском вокзале в богатом зимнем пальто, которого я еще не видел.

- Красивое, - говорю, - пальто.

- Видеть его не хочу! - говорит мой друг - Представляешь, жена вдруг объявляет: «Надо к юбилею купить тебе новое пальто». Отлично, я рад, а она дальше: «Хорошее надо купить». Еще лучше! А почему хорошее? «Да вряд ли еще когда-нибудь в жизни придется купить тебе пальто»...

Парадокс

В нашей стране - хоть при советской власти, хоть сейчас - бензин на заправках дорожает в трех случаях:

- когда мировая цена на нефть растет,
- когда мировая цена на нефть снижается,
- и когда она остается на том же уровне.

Так ведь бесплатно

Прочел в газете: в Англии один дядечка 30 лет проработал в аэропорту пожарным, а когда пришло время идти на пенсию, от пенсии отказался - как-то неудобно, за всю жизнь не было ни одного возгорания.

В институте вижу объявление: в кабинете таком-то будут делать флюорографию. Мой коллега пошел. «Зачем? - спрашиваю, - Ты же недавно в поликлинике прошел общее обследование, флюорографию в том числе». «Так ведь бесплатно», - отвечает коллега.

Интересно, если завтра бесплатно будут сечь ремнем по голому заду, он пойдет или нет? Боюсь, что пойдет. Ведь бесплатно!..

Комплимент

Комплимент коллеги из родственного института:

- Мне очень понравилась ваша статья. Ну, никому-никому она не нравится, а мне понравилась...

О зависти

Никогда не завидовал ни деньгам, ни успеху. Завидовал двум категориям людей: у кого талант к иностранным языкам и кто играет на пианино (или хотя бы на гитаре). И еще моему покойному другу *Мише Иванову*: он хотел рисовать - рисовал, хотел пить водку - пил, не оглядываясь ни на жену, ни на непосредственного начальника. Я же всегда держал в голове, во сколько завтра совещание в дирекции.

Вранье

Наше общество 2000-ых годов разделено на две части: одни грабят, другие возмущаются. Но возмущаются не тем, что первые грабят народное, как раньше говорилось, достояние, а тем, что сами они не допущены к этому процессу или не сумели подключиться. Думающие иначе есть, но мало, и это самое грустное. Почему так получилось с психикой целого народа? Не потому ли, что семьдесят или восемьдесят лет мы жили в атмосфере вранья: «С чувством глубокого удовлетворения все советские люди встретили постановление партии и правительства о временном повышении цен на молоко и масло»...

Привет от Горбачева

Недавно супруга собрала трех-четырех своих, уже очень немолодых, одноклассниц, и одна в качестве вклада на стол принесла бутылку водки, полученную по талонам еще при *М.С. Горбачеве*. Ничего удивительного - девушка одинокая, крепких напитков не пьет, и бутылка 25 лет ждала своего часа. Когда я вернулся с работы, гости уже разошлись, а жена говорит:

- Вот мы открыли бутылку, но пить не стали. Может, ты попробуешь?

Я, естественно, попробовал: жуткая отравка, как мы пили такое? Я, конечно, не вылил ее в раковину, это грех, а постепенно допил, но дело не в этом. Это к вопросу, так когда нам жилось лучше, тогда или теперь?

Лучше не спешить

В институте оперативно издано четыре книги воспоминаний о наших выдающихся сотрудниках, начиная с 1948-года. Получилось достойно и уважительно. В последней книжке написано обо всех, кто ушел из жизни по прошлый год включительно. Однако, редактор-составитель сборника вошла во вкус: «Надо думать о пятом томе!..» напрягает она коллег. Пожалуй, лучше все же не спешить. Повременить, пока новые герои не появятся естественным путем. Будем оптимистами!

Послевоенный Ленинград. (Литейный пр. д. 31, кв. 23)

*Тогда еще я Арктики не знал,
О ней, родной, тогда я и не думал.
О.И.С.*

А приехали мы в наш славный и любимый город потому, что старшему брату *Лёше* пора было идти в школу; более того, он уже «перезрел»: ведь в июле 1946 года ему исполнилось 8 лет. *Лёша* (скажем, в отличие в последующем от меня) был вполне готов к школе и хотел учиться, но мама настояла на том, что пойдёт в первый класс он только в лучшем городе нашей планеты - Ленинграде. Кроме того, в Володарске-Волынском преподавание в школе велось на радяньской мове - украинском языке. В последующем и сама мама сожалела, что *Лёша* не пошёл в школу на Украине с семи лет. К этому времени мой брат да частично и я немного говорили по-украински. Впрочем, в Володарске-Волынском, что на Житомирщине, местное население «балакало» преимущественно на каком-то своём, если так можно выразиться, диалекте, представляющем собой смесь украинского (или, как его называл великий кобзарь *Тарас Шевченко*, малороссийского) языка с русским (великороссийским, по тому же *Тарасу Григорьевичу*), изредка перемежая его еврейскими (вероятно, из «идиш») либо польскими (а, может быть, польско-еврейскими) словечками, поскольку здесь, помимо украинцев и русских (среди которых были как местные, так и приезжие вроде нас), проживали поляки (ударение именно на первый слог) и евреи. Последние появились или, что правильнее, - вернулись (как я узнал значительно позже) вскоре после освобождения этого края от вражеских полчищ и жили своей отдельной колонией. Были они тогда (мои воспоминания уже более поздние и относятся к концу 40-ых – началу 50-ых годов) исключительно бедны (действительно, по-библейски или, как ещё говорят, как церковная мышь), грязны, неопрятны, с нечёсанными жирными волосами, одеты в жуткие лохмотья; имена у них были чудные (кондово библейские) – *Соломон, Моисей, Абрам* или, иногда, *Натан* (сокращённо *Нуна*) и даже *Сруль*, что звучит для славянского уха не совсем прилично. Кстати, *Нуна*, который был несколько старше моего брата, ходивший на моей памяти всегда в драном пиджаке на голое тело, который, т.е. пиджак, распирала мощная волосатая грудь, несмотря на своё богатырское сложение, был добрым, как молодой телёнок. Замечателен он был для нас тем, что имел целых три макушки, откуда начинались его чёрные, как смоль, не чёсанные кудрявые волосы. Причём эти три макушки он с удовольствием демонстрировал всем желающим.

Но хватит отвлекаться. О благословенной Волыни я ещё вспомню: ведь во время *лёшиных* (с 1947г.), а начиная с 1951г, и моих летних каникул, мы вплоть до 1953 года (за исключением 1949г.) ездили на Украину и проводили там босоное лето. Итак мы (*Лёша* и я) вместе с мамой поехали в Ленинград, по-видимому, в конце лета 1946 года. Отъезд из Володарска и приезд на перрон вокзала в Ленинград я, как ни странно, совершенно не помню. В памяти всплывает лишь непосредственная посадка в вагон маршрута «Одесса – Ленинград». Хотя не исключено, что это воспоминание относится не к 1946г, а к более позднему времени. Во всяком случае, посадка в вагон на небольшой станции Турчинка, находящейся примерно в 18км от Володарска-Волынского, куда нас привозили на экспедиционном «Виллисе» либо на «полуторке», всегда представляла в те годы эпическое зрелище. Если я правильно помню, поезд (с отчаянно дымившим и пыхтевшим на всю округу паровозом) стоял в Турчинке всего 2 минуты, поэтому найти свой вагон, а затем сесть в него даже с билетом было сложной задачей. Мы приезжали значительно раньше прихода поезда, потому что нужно было стоять в очереди. Предварительной продажи билетов, как я понимаю, по крайней мере, до начала 50-ых годов не было. Отцу брать билеты помогал обычно шофёр и кто-нибудь из его друзей. Абсолютное

большинство народа, желающего сесть в поезд и живущего за пределами Турчинки, приезжали туда на подводах, запряжённых лошадкой либо волами, а некоторые – приходили пешком. У большей части местного населения чемоданов не было и вещи или еда были в громадных (по моим тогдашним детским впечатлениям) и бесформенных мешках. Домысливая сейчас, я думаю, что многие билетов и не брали: ехали не очень далеко к родственникам либо что-нибудь где-то продать. Во всяком случае, в вагон забирались с боем, отталкивая друг друга, а те, что без билета, преодолевая сопротивление привыкших к подобным баталиям проводниц и проводников, пытаясь к ним подлизаться и задобрить их будущими приношениями. Пахло углём, яблоками, пролившимся подсолнечным (самым настоящим – домашним из семечек подсолнухов и нерафинированным) маслом, а также многими другими разнообразными и специфическими станционными и «сельскохозяйственными» запахами позднего лета. Направо-налево лузгали семечки и плевались шелухой, она была повсюду; на огрызках яблок и груш пировали мухи. В людской разноголосый говор вплетались временами пороссячи визги, кудахтанье кур и гогот гусей, которых либо везли на продажу, либо как гостинец для родных на ближайшие станции. Теснотища в вагонах была жуткая. Детям «отбивали» уголки для сиденья, а к ночи, – и для сна среди груд баулов, мешков и, в меньшей степени, чемоданов, многие из которых были деревянными.

Сам приезд в Ленинград и дорога от вокзала на Васильевский остров к дому N 16 на углу Тучковой (с 1952г. – Макарова) набережной со Средним проспектом, где жила бабушка с многочисленной роднёй, выпали из памяти напрочь. Не исключено, что я был в это время в полусонном состоянии. Думаю, что нас наверняка кто-то встречал. Первое моё ленинградское воспоминание – подъём по широкой «мастодонтистой» лестнице и затем ожидание после звонка около двери, обитой драной кожей или кожзаменителем. Затем – оханье и аханье, после чего мамин голос: «Это – ваша бабуля!». Бабуля. Так мы потом всегда и обращались к нашей бабушке. Я-то, тем более по малолетству, настолько привык к этому, что когда потом в более зрелые годы слышал от других обращение к своим пращурам-женщинам «бабушка», а тем более «баба», всегда воспринимал это как нечто несколько вульгарное.

Дом, в котором жили наши многочисленные родные по материнской линии, трёхэтажный и смотрит окнами на Большую Невку. Он вместе с домом №14 был построен в 1823-1826гг по проекту архитектора *А.И. Мельникова* и находится под охраной государства. Набережная на этом участке левого берега в то время не была асфальтирована, да, кажется, не было там и брусчатки, а сам берег реки не был закован в гранит. Спуск к реке был очень пологий (что сильно помогло нашим родным в блокадные зимы), а берег – узкий, низкий и захламливаемый; вдоль реки располагались кое-где кривобокие сараи и иногда что-то вроде причалов для лодок. Место было тихое, машины там не ходили, да и было их в то время в городе не так уж и много. Одним словом, в те времена и вплоть до середины 60-ых годов место это было тихое. Во время более-менее серьёзных наводнений двор с булыжной мостовой заливался водой. С 15 декабря 1952 года эта набережная стала носить название в честь знаменитого адмирала Макарова, отца нашего подводного флота, а современный цивилизованный вид она приобрела только в 1966-67 годах. Часть Среднего проспекта от Съездовской (до революции и теперь – Кадетской) линии до поворота на набережную, на углу с которым находился (и находится; никуда, слава богу, не делся) этот дом, также была тогда очень тихим местом, хотя на самой Съездовской – Первой линии уже грохотали-звенели трамваи и автобусы (мои любимые – 5-ый трамвай и 47-ой автобус), ходившие на Литейный проспект. Эта часть Среднего проспекта была засажена громадными тенистыми тополями.

Квартиру эту на втором этаже дома, о которой идёт речь, получил профессор Ленинградского университета *Евгений Николаевич Аленицын* после наводнения 1924 года. От одной из своих двоюродных бабушек (сестёр бабули или, как их называла моя мама,

«тётушных тёток») слышал я потом, что до революции в ней будто бы находилась приёмная управляющего Демидовскими заводами на Урале. Квартира была довольно большая, но какая-то очень неудобная для жилья.

Постараюсь описать её. Прихожая (или, как у нас в Питере называют такие помещения, передняя) была узкой и достаточно длинной. Там снимали верхнюю одежду и галоши (калоши) производства «Красного треугольника», которые тогда ещё вовсю носили (почему и тапочками в те времена, придя в гости, не пользовались). Это помещение непосредственно без всяких дверей соединялось с довольно просторной, но всегда темноватой кухней. В кухне стояло два высоких больших стола, а также около окна слева находилась большая плита, на которой при мне никто никогда не готовил, поскольку приготовление пищи в те годы осуществлялось на керосинках, стоящих на столах; позднее их заменили газовые плиты. Упомянутое окно, как и одна из забитых наглухо высоких дверей со стеклами в следующей через дверь от кухни комнате, смотрели на площадку перед входом в квартиру. Так что если с площадки был виден свет, то можно было постучать в это окно или в дверные стёкла, и бабушка или тётки, взглядевшись в эти окна со стороны квартиры, сделав при этом руку козырьком, чтобы не отсвечивало, и опознав своих, бежали открывать дверь. С правой стороны в конце передней перед кухней находились две двери – одна в узкий и высокий, как громадный пенал, туалет с дореволюционным унитазом, который, по-моему, так и простоял до смерти последней из сестёр *Крутовских (тёти Зои)* до 1987 года; вторая - в ванную, где помимо большой ванны находился цилиндрический нагреватель для горячей воды, изначально предназначенный под дрова, а затем, кажется, переделанный под газ. Впрочем, точно не знаю – я в этой ванне никогда не мылся. Раковина для мытья рук находилась в небольшом уголке прихожей около туалета. В упомянутой кухне, вытянутой вдоль лестничной площадки, но перпендикулярно прихожей и соответственно входной двери, было две двери. Одна из них, правая, расположенная сразу за углом с прихожей, вела в апартаменты, где проживали наши четыре тётки (точнее, двоюродные бабушки) – *Фиса (Анфиса), Поля (Полина), Лиза (Елизавета) и Зоя (все - Михайловны)*; другая дверь находилась напротив - соответственно в дальнем левом углу и вела в покои бабушки с маминими сестрой (нашей родной тётей) *Леной* и братом (нашим дядей) *Митей*, а также в отдельный «аппендикс» с двумя комнатами (о чём речь дальше).

В одной из этих комнат с видом на Большую Невку жила тётя (двоюродная бабушка) *Саня* (жена бывшего ответственного квартиросъёмщика профессора *Аленицина*, умершего во время блокады города в грозном 1942 г. буквально перед тем, как я родился в далёком от войны Саранпауле). В другой, кажется, «глухой» (без окон), комнате жили дядя (двоюродный дедушка) *Серёжа* со своей женой *Полиной (Полиной Андреевной)*.

Комната, где жила бабушка с дядей *Митей* и тётей *Леной*, была большой, отгороженной двумя некапитальными стенами от комнаты тёти *Сани* и от коридора, ведущего в комнаты дяди *Серёжи* и тёти *Сани*. В ней было два замечательных огромных в форме полусферы окна с видом на Большую Невку. Очень широким был и подоконник. Я в детстве мог спокойно на нём спать. Потолки в комнате были очень высокие – 4,75м; при этом примерно в полуметре ниже потолка вдоль стен проходил какой-то странный и очень широкий (до полуметра) карниз, на котором, вероятно, накапливалась вековая пыль. Во всяком случае, я никогда не видел, чтобы оттуда что-нибудь сметали. Да и было это не так-то и просто: нужно было иметь высокую стремянку, которая если и существовала ранее, то, скорее всего, во время блокады пошла на дрова. Слева от входа в комнату стояла голландская цилиндрической формы печь («голландка»); а посреди комнаты – большой стол, вокруг которого были расставлены венские стулья и два драных продавленных полумягких кресла. Ещё присутствовали диван и железная кровать, а также какие-то комоды. В дальнем правом углу помещалась ножная швейная машинка «Зингер». Бабушка была хорошей портнихой и обшивала нас и маму, а во время блокады шила

шинели для солдат. Она рассказывала, что зимой 1942г. как-то, возвращаясь домой с работы, где она шила шинели, поскользнулась и сломала руку в кисти. На место перелома наспех наложили шины, и рука срослась, но стала в этом месте кривой.

Эта комната через коридор соединялась с небольшой комнаткой, в которой была упомянутая ранее наглухо забитая дверь со стёклами, смотревшими на лестничную площадку. Из комнаты дверь вела в большую кухню и прихожую, про которые сказано выше. Эта помещение служило бабушке и *тёте Лене* кухней, а для *тёти Лены* ещё и спальней с кроватью за ширмочкой. Мне и *Лёше* в детстве не раз приходилось спать за этой ширмочкой. Вообще в квартире было много всяких ширм, за которыми либо переодевались, либо спали. Эти складные матерчато-деревянные ширмы были одним из элементов мебели стиля модерн начала XX века. Достаточно посмотреть журналы «Нива» и «Новый Сатириконт» того времени. После революции и гражданской войны, когда в города хлынули крестьяне и жилфонд Петрограда, а затем Ленинграда задыхался от тесноты, эти ширмы и ширмочки обрели вторую молодость и были очень кстати для комнат в коммунальных квартирах, где подчас буквально бок о бок спали молодые семейные пары, дети и их «предки».

Вероятно, что весьма путано изложенное описание квартиры, равно как и перечисление нашей с братом многочисленной родни по материнской линии, не очень-то интересны постороннему (если он, конечно, найдётся) читателю. Вместе с тем, мне кажется, оно может представлять определённый интерес как хоть и тоненький, но всё-таки пласт навсегда ушедшей в небытие истории того поколения, которое уже и в мою-то юность казалось весьма архаичным – ведь оно родилось ещё аж до исторического материализма и научного коммунизма!

По-видимому, пока я находился у бабушки, мама с *Лёшей* сдавали документы в школу с прохождением медосмотра и т.д. Позднее я узнал, что маме пришлось одновременно отсуживать комнату на Литейном, поскольку комната эта была занята и, как выяснилось, тоже эвакуированными, но не из Ленинграда. У меня до сих пор хранится небольшой отрезок школьной тетрадки в линейку, в верхней части которого фиолетовыми чернилами корявым почерком выведено: «Справка». Справка эта из жилконторы удостоверяет, что гражданка *Перминова Н.К.*, эвакуированная вместе с сыном из Ленинграда в августе 1941г., имеет право на проживание по такому-то адресу.

И вот мы на Литейном, наша квартира на последнем пятом (высоком пятом) этаже. *Лёша* и я в юные годы почему-то всегда очень гордились тем, что живём на самом верхнем(!) этаже. Вход на лестницу прямо с проспекта, а на другой стороне Литейного прямо напротив нашей парадной расположен Артиллерийский переулок. Замечателен этот переулок тем, что он самый короткий в городе: длиной с правой (чётной стороны) в два небольших дома, а с левой (соответственно нечётной) – всего в один дом. В доме №1 по Артиллерийскому переулку находилось тогда кафе «Уют». Около входа висела редкая для тех времён небольшая световая реклама в виде кофейной чашки, над которой висел пар с одноименной надписью. Ходила байка, будто какой-то грузовичок, разворачиваясь в узком переулке, разбил стекло кафе, а над ним красовалась надпись «Уют». В 60-ые годы, когда стали появляться кафе более западного типа, интерьер его значительно изменился: в бывшей задрипанной «забегаловке» появились симпатичные и удобные столики, а в углу – хоть и бутафорский (с лампочками), но камин. Кафе стало носить имя «Лада». Оформителями были дипломники Мухинского художественно-промышленного училища, что на Соляном переулке. Ещё позднее, в конце 60-ых, площадь кафе значительно увеличилась за счёт смежных помещений по Литейному проспекту и вместо кафе появился ресторан (с входом уже не с Артиллерийского переулка, а с Литейного проспекта) с гордым названием «Волхов», где первое время была великолепная русская кухня. Я, приезжая в отпуск с Колымы, где тогда работал, иногда посещал этот ресторан. Если в бывшее кафе «Лада» заглядывали ребята из Театрального института на Моховой и

можно было услышать фразы типа «А, этот *Хейфец*....» и т.д., то ресторан «Волхов» «оккупировали» преимущественно офицеры, вероятно, приезжавшие на курсы повышения военного мастерства и забредавшие в ресторан, поскольку рядом (на углу Литейного и Салтыкова-Щедрина) находился (и находится ныне) Дом Офицеров.

Лифта на нашей лестнице не было (кстати, нет его и до сих пор). Зато лестница широкая, а перила гладкие деревянные и по ним так здорово, усевшись боком, съезжать вниз, что мы очень любили. В нашей квартире №23 (как поднимешься на самый верх – правая дверь) шесть комнат и шесть квартиросъёмщиков, т.е. у всех – по одной комнате. Буржуев нет! Сам дом красивый, постройки (по документам в жилконторе) 1878 года. Подобные дома, но ещё большего размера находятся на углу чётной стороны улицы Пестеля и Литейного. В одном из них жил и писал стихи *Самуил Яковлевич Маршак* (например, про ленинградских почтальонов: «Проходил походкой мерной он домов до двадцати, красный замок Инженерный был конец его пути»), о чём свидетельствует мемориальная доска. Кто-то говорил мне, что это были доходные (естественно, до революции) дома для семей квалифицированных рабочих. Не знаю, насколько это правда. Однако отсутствие лифта и планировка квартир явно свидетельствует, что они строились не для очень зажиточных людей. Квартиры в доме, в основном, имеют анфиладную систему, т.е. в них передняя и кухня соединяются длинным коридором, по одну сторону которого располагаются комнаты, изначально соединявшиеся между собой дверьми. Когда эти квартиры были переделаны в коммунальные, то двери были закрыты и затем оклеены газетами и обоями, в которых с таким удобством и удовольствием расселились представители животного мира в виде их кровососущих представителей, а если проще, то – клопов. Кроме парадного хода (на лестницу – с улицы, а в квартиру – в переднюю со старым комодом и большим явно дореволюционным зеркалом в резной деревянной оправе) имелся и так называемый «чёрный» ход – в противоположной части квартиры с выходом из кухни на площадку «чёрной» лестницы, ведущей во двор. Лестница эта была довольно зловещего вида (в стиле «Петербурга Достоевского»), достаточно узкая, но площадки около нашего и других нечётных этажей – довольно просторные и с окнами в обе стороны. Соответственно в белые ночи и вообще в светлое время там хватало уличного освещения, а вот осенью и зимой лестница была освещена очень плохо: лампочки были тусклые (всего 25 ватт), а нередко и разбиты либо выкручены, так что поздно вечером ходить по ней было страшновато. Туалет и очень маленькая ванна с металлическим водогреем примыкали к кухне. При нашем послевоенном житье в этом доме в течении более 20 лет ванна никогда не работала, а использовалась преимущественно для сушки белья и хранения тазов, шаек, вёдер и т.д. (среди этого хлама в школьные годы мы с *Лёшей* обнаружили чугунную гирю с изображением профиля Всероссийского императора *Александра III* и надписью «ОДИН ПУДЪ», которую использовали потом для укрепления наших бицепсов, т.е. выжимания), а также наших детских игр, а когда мы стали постарше, то в качестве фотолаборатории для проявления плёнок и печатания темными вечерами фотографий. К этому времени из этого помещения сама ванна была за ненадобностью выброшена во двор. Пол бывшей ванной комнаты находился сантиметров на 30 выше коридорного пола, а её стенки и дверка были сделаны из досок, окрашенных в зелёный цвет; задней стенкой являлась капитальная стена коридора, граничившая с соседней квартирой № 22, а с правой стороны от входа в ванную комнату она граничила с туалетом, который у нас назывался «Уборная», поскольку на его двери, покрашенной в грязно-жёлтый цвет, была дореволюционная металлическая, также покрашенная грязно-жёлтым цветом табличка с фигурной надписью, удостоверяющей принадлежность этого помещения. Сейчас я подозреваю, что была эта табличка медная и в первые перестроечные годы могла бы составить предмет интереса для определённого круга лиц, промышлявших сдачей цветных металлов.

Пока с уборно-ванной тематикой закончим и перейдём к описанию обитателей нашей коммунальной квартиры, или, как говорят в армии, её наличного состава. Но прежде, чем перейти к этому, позволю себе ещё одно отступление, которое состоит в том, что я и мои сверстники (могу за них поручиться) никогда в те годы не связывали понятия «коммунизм», «коммуна» и «коммунальный, коммунальная»; пожалуй, даже неосознанно не считали их однокоренными словами, а если и считали, то (выражаясь фигурально) сугубо формально. Коммунизм был неясным и далёким светлым будущим, неотвратимо ожидавшим нас впереди после всяких невзгод и испытаний, которые мы обязательно должны с честью преодолеть и, конечно, преодолеем. В это так или иначе верило большинство послевоенных мальчишек, хотя нередко и глумилось над этим в более старших классах. Коммуна отождествлялась чаще всего с баррикадами и событиями в Париже в конце XVIII–начале XIX веков, а также с нашими баррикадами и рабочими выступлениями в Москве и Петербурге в 1905 году. Понятие же «коммунальная квартира» воспринималась нами как реальная данность или, если хотите, как осознанная необходимость, поскольку абсолютное большинство жило именно в таких квартирах, при этом нередко по несколько человек в маленьких комнатках.

Итак, в нашей квартире было шесть комнат площадью от 12-13 до 20-22 квадратных метров. Наша комната была последней по коридору от входа с улицы (парадного входа) и дверь её выходила на кухню. Площадь этой комнаты составляла около 13 км². Окно смотрело во двор, где располагались поленницы дров, покрытые сверху листами ржавой жести, обрывками толя и т.д. Во всех комнатах были голландские печки («голландки») цилиндрической формы. Наша печка помещалась, если мне не изменяет память, справа от двери.

Когда я в первый раз очутился в комнате, там уже была кушетка, какой-то комод, кажется, круглый стол (или его купили позже?) и моя железная кровать. В кухне наш кухонный стол стоял справа от выхода из комнаты. Около стола находилось окно, смотревшее во двор и в окно соседней кухни, имевшей выход на площадку нашей чёрной лестницы. Комната наша была вытянута вдоль кухни, а соседняя комната (ближе к парадному входу) была почти квадратной площадью чуть более 20 км². Она граничила частично с нашей комнатой, частично с кухней. В этой комнате жила молодая женщина с сыном несколько старше моего брата. Кажется, отец мальчика был военным моряком и погиб во время войны. Мальчишка был очень приятный, дружелюбный, большой выдумщик и изобретатель (и не каких-нибудь пакостей, а интересных вещей). Даже я, совсем тогда неразумный, поражался его способностям. Мой старший брат уже много позже, вспоминая этого мальчишку, имя которого я забыл, говорил, что он, вероятно, должен был пойти очень далеко, но случилось так, что мама этого мальчика, кажется, вышла вскоре замуж и уехала, забрав сына, в солнечный город около Каспийского моря под названием Баку. Перед этим она, подружившись с нашей мамой, обменяла свою комнату на нашу, а нашу – на бакинскую. Уж не знаю в деталях, но примерно это было так. Произошло это в 1947 (или 48?) году. Нам, конечно, крупно повезло – мы стали на четверых (мама, *Лёша*, я и папа) владельцами таких хором – целых 20 м²! И это тем более, что папа жил и работал постоянно на Украине в Володарске-Волынском, а в славный город на Неве приезжал только сдавать отчёт либо в отпуск.

Лёша не раз потом вспоминал бывшего соседа и очень жалел, что этот парень пропал с нашего горизонта. Лично я запомнил удивительные кораблики, в том числе, и с «резиновым» мотором (т.е. с пропеллером, запускаемым закрученной резинкой), которые замечательно плавали (как известно, моряки говорят «ходили») в вышеописанной ванне, когда она ещё существовала и даже заполнялась водой, но по прямому своему значению так и не функционировала. Уезжая и расставаясь с братом, этот мальчик-сосед подарил нам чучело синички, которое сделал из найденной зимой замерзшей птички. Это чучело

ещё несколько лет стояло (точнее сказать, пылилось) у нас на шкафу, напоминая о бывшем нескучном соседе, после чего переехало на помойку.

А в нашей бывшей комнате с выходом прямо на кухню поселилась седовласая женщина со своим сыном – очень молодым капитаном второго ранга. Они приехали из Баку, а фамилия их была *Мальковы*. Я, соответственно, стал звать соседку «бабушка *Малькова*», что не возбранилось мне по малолетству. Не знаю, каков был её возраст; мне она казалась старухой. Её сыну, *Георгию Фёдоровичу* (для нас – *дяде Жоре*) тогда было 25 лет (это мне сказала мама, когда я уже учился в школе) и он был военврач, способный хирург. По приезде в Ленинград *дядя Жора* стал служить в Военно-медицинской академии, которая находилась (и находится сейчас) на другой, правой (Выборгской) стороне р. Невы за Литейным мостом; в общем, - недалеко. Это был подвижный человек среднего роста, худощавый и стройный. Он очень важничал, поскольку закончил ординатуру при академии и защитил кандидатскую диссертацию; кроме того, ему очень шла военно-морская форма (по праздникам с кортиком на боку и с медалями-орденами на груди!). Не знаю, воевал он или нет (ведь приехал он со своей мамой из Баку), но раз носил награды, то, наверно, воевал. *Дядя Жора* любил делать рано поутру в кухне быструю физзарядку, а затем обнаженный по пояс сначала брился, а потом долго мылся под краном холодной водой, громко отфыркиваясь и брызгая во все стороны водой. Иногда он произносил невнятные фразы на иностранном (как выяснилось, английском) языке. Этот язык еще не вошел в моду, ведь только что кончилась война с немцами и в большинстве школ довольно долго по инерции изучали язык недавнего противника. Как-то раз наша мама, что-то готовившая на своей керосинке и до этого молчавшая, после короткой неразборчивой реплики *дяди Жоры* на аглицком, вдруг невинно и неожиданно спросила его: «Do you speak english?». Она некоторое время до войны училась на вечерних курсах английского языка; по-английски она не говорила, но могла читать тексты без словаря. К её удивлению и даже испугу, обычно самоуверенный и довольно надменный *Георгий Фёдорович* вдруг смутился, что-то пробормотал и ретировался из кухни. Затем в этой комнате поселилась молодая вертлявая особа в очках – жена и коллега *дяди Жоры* по работе, тоже военврач.

Когда я учился уже в пятом классе, а *Лёша* соответственно в девятом, *Мальковы* уехали в свой Баку (думаю, что *дядя Жора* стал там главврачом в госпитале и сделал блестящую карьеру; ещё бы, к 30 годам – капитан первого ранга, кандидат наук и т.д.) и их в 1955 году сменила семья *Фарберовых*. Старший *Фарберов* был полковником в отставке, невысоким и толстеньким (настоящим полковником!), его жену я совсем не помню; помню только, что она очень похожа была на своего мужа внешне. У них было две дочки – одна, *Рена (Рената)*, старше брата на год, вторая – *лёшина* ровесница. Младшая сестра стала учиться в нашей школе в параллельном с братом классе. Хотя полковник и был по паспорту *Фарберов Владимир Борисович*, но перед Новым Годом ему из столицы солнечного Азербайджана пришла поздравительная открытка на имя *Фарбера Вольфа Боруховича*. Это лишний раз подтверждает, что всё тайное со временем становится явным. Семья была тихая, степенная, квартплату платили вовремя, все члены клана вели себя достойно, свет в туалете гасить не забывали, дежурили по квартире хорошо, в коммунальные разборки не вникали и за всё время проживания в квартире не вступили ни в одну из квартирных группировок. Впрочем, проживали они вчетвером в этой маленькой комнатухе не более года, обменяв затем с доплатой (вероятно, немаленькой для того времени) на отдельную двухкомнатную квартиру в нашем же доме, правда, с одним выходом на лестницу и только во двор, и при этом в маленький дворик-аппендикс от нашего основного большого двора. Всё же, хотя к середине 50-ых годов преступность стала по сравнению с послевоенным временем весьма незначительной, было более спокойно и приятно, особенно в тёмное зимнее время, выходить из дома и спускаться по широкой и довольно хорошо освещённой лестнице прямо на улицу, чем по

узкой, провонявшей котами, полутёмной лестнице, кое-где с оторванными металлическими ограждениями и кривыми ступенями; после чего сначала выходить в маленький тёмный дворик, сплошь заставленный поленницами дров, и через их лабиринт попадать в более крупный, но тоже забитый дровами основной двор, а затем уже – на Литейный проспект. Тогда, правда, как-то было не принято бить сзади по голове так, чтобы человек получил сотрясение мозга, а потом обирать жертву нападения. Всё было гораздо проще – сумку либо вырывали из рук и убегали, либо, играя ножичком («пером»), предлагали добровольно отдать деньги. Такие случаи, по рассказам на кухне, бывали, хотя, повторю ещё раз, не так уж часто.

Фарберовых сменила молодая семья *Могилёвых*, которые, вероятно, решили, что лучше хоть недолго иметь некоторые деньги, чем жить в отдельной квартире, но без оных. Он – красивый немногословный крепкий парень, недавно отслуживший во флоте и ходивший обычно на кухне в тельнике и потёртых морских клёшах; она – очень фигуристая с замечательными формами спереди и сзади, стреляющая глазами во все стороны, цветущая восемнадцатилетняя *Ира*. Вечером молодая чета, оба очень преобразившиеся в модном для тех времён прикиде, либо исчезала из комнатки, либо принимала шумных гостей, подчас, кроме всего прочего, пачкавших туалет, из-за чего очень скоро впала в немилость у соседей. Поскольку у *Иры* в голове был сплошной ветер и поводов для ревности у бывшего морячка было предостаточно, а при этом оба супруга алкоголем не брезговали, то после недолгого безоблачного медового месяца начались семейные разборки с криками, битьём посуды и т.д. Морячок, которому было около 25 лет (тогда призывали с 19 лет и служили во флоте четыре года), скоро получил небольшой срок, кажется, за хулиганство, а после срока развёлся с женой и куда-то пропал. *Ира* стала полноправной хозяйкой комнатки, в которую водила мужчин; преимущественно офицеров, добываемых ею на танцах в упомянутом Доме офицеров Советской Армии. Работала она где-то на фабрике; характер имела весёлый и невредный. Большинство соседей её осуждали за лёгкое поведение и за плохое дежурство по квартире. Пожалуй, единственным человеком, который *Иру* строго не судил, хотя и не одобрял её поведения, была наша мама. Ведь *Ира* была сиротой, родных у неё вообще никаких не было; кажется, она пережила блокаду в Ленинграде, а было ей в то время от 4 до 7 лет (*Ира* была 1937 года рождения). В начале 60-ых годов *Ира* подцепила красивого и здорового молодого старлея по фамилии *Рябокоть*. Был он очень хорошим парнем и имел серьёзные намерения, т.е. собирался жениться. *Ира* остепенилась, перестала пить и т.д., но потом что-то у них всё же не срослось. Только в середине 60-ых уже слегка располневшая *Ира* нашла, наконец, своё счастье, вышла замуж и покинула свою комнатку, а вместо неё появилась женщина лет тридцати пяти весьма вульгарного (бульварного) вида с сыном школьником. В общем, получилось так, что наша бывшая маленькая комнатка с дверью прямо на кухню в течение двадцати лет сменила наибольшее количество квартирсыёмщиков.

Слева от выхода из нашей новой комнаты находилась наиболее значительная по площади комната – в 22 м². В ней жила *Анастасия Афанасьевна* (в детстве я её звал *Афанасьевна*, что очень забавляло всех соседей, кроме, конечно, самой А.А.) – невзрачная довольно пожилая женщина небольшого роста в круглых очках, служившая до революции горничной в домах людей среднего достатка. Она и в советские годы периодически находила работу у более-менее обеспеченных (по тому времени) людей, присматривая за детьми и готовя еду. Вместе с ней жила её племянница – *Екатерина Ивановна*, приехавшая и прописавшаяся к тёте после войны. Сама же *Анастасия Афанасьевна* провела всю блокаду в Ленинграде. *Екатерина Ивановна* была ровесницей нашей мамы; когда мы поселились на Литейном, ей было лет 35. Она была симпатичной и модной женщиной, имела достаточно лёгкий и весёлый характер. С мамой они стали подругами. *Екатерина Ивановна* была швеёй, но шила она на дому (сейчас бы сказали –

занималась частным предпринимательством). В углу за ширмой у неё стояла ножная машинка фирмы «Zinger». Шить на дому частным образом строго воспрещалось, так что *Екатерине Ивановне* пришлось пережить много треволнений в результате различных проверок по доносам «доброжелателей» и т.д. Благодаря её искусным рукам и вкусу, комната была обставлена для того времени нетрадиционно: на стенах висели какие-то гравюры и картины; на столах и этажерках наличествовали всяческие статуэтки, вышивки и прочее. У *Екатерины Ивановны* была стройная фигура, ходила она царственно, распрямив плечи и высоко поднимая голову; много курила. Одним словом, это была заметная женщина, любившая мужчин, которые её тоже замечали и подчас к ней заглядывали. Среди посещавших её лиц мужеского пола я запомнил одного кавказца с орденскими колодками на пиджаке. У него было смелое лицо, вёл он себя независимо, и один раз я с ужасом услышал, как он сказал: «Сталин? Кинто грузинское!». Несколько позже, когда я уже учился в школе, у *Екатерины Ивановны* развился и начал прогрессировать деформирующий артрит (подагра?). В комнате её было много всяких кокетливых женских штучек, флакончиков и т.д.; пахло табаком (она предпочитала папиросы «Казбек») и духами (а, может быть, и туманами...). Родиной *Екатерины Ивановны* был Ростов, который на Дону, а родной сестрой - певица *Галина Селиванова*, по слухам, серьёзно соперничавшая тогда с будущей оперной знаменитостью *Галиной Ковалёвой*. Дочка этой Селивановой, которая была годом старше меня, иногда приезжала в гости к нашей соседке. *Екатерина Ивановна* любила (и умела) гадать на картах и играть в карты. Когда *Лёша* учился в восьмом – девятом, а я соответственно в четвёртом – пятом классах она научила нас и маму играть в кинга (т.н. «дамский» преферанс), и мы вчетвером иногда по вечерам сражались за нашим круглым столом под оранжевым также круглым абажуром. Несколько позднее *Екатерина Ивановна* с каким-то южаниным уехала куда-то в более тёплые районы страны, а в конце пятидесятых годов умерла *Анастасия Афанасьевна* и в её комнату в конце лета 1959 года въехала большая и шумная семья (мать, дочка и внучка восьми лет по фамилии *Дворцовы*, а также молодой муж дочки по фамилии *Каматёсов* и их *Дворцовых-Каматёсовых* грудная дочка). Это была типично деревенско-пролетарская семья. Вскоре родилась у них ещё одна дочь. Визгу, пisku, криков, ночных ритмичных скрипов кровати, а временами матюгов (когда представитель его величества рабочего класса напивался, что удивительно совпадало с получками заработной платы) стало предостаточно. Кроме того, *Дворцовы-Каматёсовы* занимали везде очень много места. Но, пока о них хватит.

Далее, ближе к парадному выходу из квартиры на лестницу, находилась узкая комната-пенал с одним окном. Её площадь составляла не более 10м². В этой комнате (или, как часто тогда говорили, - на этой жилплощади) проживала тощая, жилистая, малообщительная женщина со своим племянником, родители которого умерли в ленинградскую блокаду. Звали эту женщину *Дина.*, *Дина....*(забыл отчество), а её племянника – *Семён*. Впрочем, женственного-то в ней ничего и не было. Даже примерно не могу сказать, сколько лет было этой особи. Видимо, где-то между 40 и 50 годами. Ходила она быстро, по-мужски, здоровалась резким отрывистым и хриплым голосом; курила постоянно. Дома бывала редко; никто к ней никогда не приходил. С точки зрения жильцов квартиры, наибольшим достоинством *Дины* было то, что на кухне она почти не появлялась. Мне как-то удалось заглянуть в их комнату. Обстановка была крайне спартанская: две узких железных кровати с серыми одеялами, небольшой прямоугольный стол без скатерти и не более трёх стульев; около двери небольшая вешалка. Работала *Дина* в Большом (именно с большой буквы) доме на Литейном 4, т.е. в НКВД. По слухам, была штатной осведомительницей, однако из соседей никто от её деяний не пострадал. Это по принципу, что вор дома не ворует. А вот *Семён*, которому, когда мы въехали в 1946 году в эту квартиру, было лет 13, как раз дружил с ворами и даже несколько позднее имел какой-то небольшой срок за кражи. Учится он не хотел, как тётя ни старалась; баловался

ножичками. Мне запомнился его нож с наборной ручкой (самая настоящая финка!), которую он показывал как-то брату в темноте коридора года через три после нашего вселения на Литейный. Но, в целом, был он мальчишка неплохой и, в конце концов, после ремесленного училища («ремеслухи») даже сумел кончить техникум, а после армии – женился. Следует, правда, добавить, что женился он раза четыре, причём последний раз сумел расписаться, не разведясь с предыдущей подругой жизни. Из этого следует, что женщин он любил, но это было спустя много лет. *Дина* была всегда очень незаметна, хотя её все побаивались; как-то незаметно она и пропала с нашего горизонта. Я совсем забыл, когда она перестала жить в квартире и куда девалась: то ли она ушла естественным путём, например, когда мы летом отсутствовали в квартире, то ли уехала в другое место. Хотя куда она могла уехать? Всё же, пожалуй, когда не стало Великого вождя и учителя, её в квартире уже не было, потому что этот день я запомнил хорошо. *Сеня* остался один как перст (без единого родственника во всей стране) очень рано – ему было не более 20 лет.

В следующей комнате, также имевшей форму пенала и близкую площадь – около 10 м², когда мы поселились в квартире, жила *тётя Варя* с отчеством фельдмаршала *Кутузова*, т.е. – *Варвара Илларионовна*. Сейчас я подумал о том, что, вероятно, первоначально комнаты *Дины* из Большого дома и *тёти Вари* составляли единое целое, а затем при уплотнительном заселении петроградско-ленинградских квартир в 20-30-ые годы были разделены на две приблизительно равные части. Если вход в комнату *Дины-Семёна* был из коридора, то в комнату *тёти Вари* – уже из передней (прихожей) и ориентирован он был не перпендикулярно коридору, как все остальные двери квартиры, а вдоль него. *Тётя Варя* (кстати, это была единственная жительница в квартире, которую я звал *тётя*, а не по имени-отчеству) была крепкая женщина среднего роста, широкая в кости. Она работала вагоновожатой в трампарке на углу улиц Моисеенко и Новгородской. Поселилась в квартире *тётя Варя* в тридцатые годы, приехав из посконной деревни в Псковской области; сумела кончить курсы и стала водителем трамвая. Она благополучно пережила все самые тяжёлые годы войны в блокадном Ленинграде, не переставая, когда это стало возможным, водить трамваи. *Тётя Варя* как-то рассказала нам, что попадала и в артобстрелы во время маршрутов, сидя за рычагами трамвая. Один из таких моментов произошёл, когда она поворачивала с Литейного на ул. Белинского. Кроме того, она спасла от смерти и отогрела самого настоящего умиравшего («взаправдешно!») профессора, подкармливая его из своего пайка у себя дома. Профессора этого я видел несколько раз, когда он заходил к *тёте Вале*, поскольку я частенько бывал её гостем. У него, действительно, была самая, что ни на есть, профессорская внешность. Людей с такой внешностью (благородная седина, бородка клинышком, лёгкое многозначительное покашливание перед интеллигентным началом разговора и т.д.) на Ленфильме, Мосфильме, да и в Голливуде без всяких проб берут на академические роли (особенно в массовку). Глядя на *тётю Варю* и «спасённого» профессора, даже мне, маленькому, при всей моей детской симпатии к *тёте Вале* было ясно, что они совсем не подходят друг другу. Отъевшийся к этому времени профессор был красив, вальяжен, громогласен, привык, чтобы его с вниманием слушали окружающие. Кажется, у него была семья, возможно, эвакуированная в годы войны и затем вернувшаяся. Он приносил конфеты «Мишка на севере» и ещё чего-нибудь вкусненькое, так что перепадало порой от его щедрот и мне, но визиты и их продолжительность постепенно становились всё реже и, в конечном итоге, прекратились. *Тётя Варя* была очень простой русской женщиной, правда, довольно приятной внешности; очень набожна и единственная из нашей квартиры постоянно посещала действующую и находившуюся недалеко от нас в конце ул. Пестеля Преображенскую церковь, постилась и т.д. Единственной книгой, которую она читала, была толстенная библия (Ветхий и Новый заветы) с замечательными гравюрами художника *Доре*. Впрочем, думается мне, что в основном она ограничивалась просмотром картинок. Говорила *тётя Варя* на «пскопскóм» диалекте – «ишо, учытел, тыбе, ня знаю и т.д.»; временами (это мне стало ясно, когда я немного повзрослел) довольно строго судила

людей, была весьма злобной и ехидной, не любила неженков и интеллигентов. Кажется, в 1949 году приехал и стал жить вместе с ней родной брат – *Алексей Илларионович*, тихий, но любивший поговорить старый холостяк. Это был крупный и грузный чернявый, как и *тётя Варя*, деревенский мужик, каким-то чудом, с моей точки зрения, устроившийся преподавателем («учителем») младших классов в одну из школ Дзержинского (теперь вместе с Куйбышевским – Центрального) района. Почему-то у *Алексея Илларионовича* был большой совершенно еврейский нос, за что его, несмотря на деревенское исконно русское происхождение, не раз в очередях обзывали «явреем», или жидом, о чём он сам нам рассказывал по простоте душевной на нашей коммунальной кухне. *Ларионыч* имел очень тонкий вкрадчивый голос, не соответствующий его габаритной фигуре, но музыкальный слух у него был хороший и пел он приятно. Кроме того, его увлечением (сейчас говорят «хобби») была мазня масляными красками. Как правило, он копировал и очень примитивно раскрашивал известные картины русских художников (*Шишкина*, *Кустодиева* и др.). *Тётя Варя* со своим братом запомнились ещё хорошо и потому, что очень часто готовили на кухне удивительно вонючую рыбу (например, жарили солёную селёдку), запах которой бил в нос уже на лестнице.

Наконец, в самой первой, от входа в квартиру с парадной лестницы, комнате жили супруги *Ивановы*. Это была пожилая чета из прошлого XIX века. Он, высокий стройный и красивый мужчина из «бывших», почти всегда находился в прекрасном расположении духа, а основным принципом его жизни был девиз: «Наплюй на всё и береги своё здоровье». *Николай Николаевич*, так звали соседа, работал главным администратором (если проще, - завхозом) в Ленинградской Капелле. Он очень любил по утрам распевать приятным баритоном арии из известных итальянских опер, плескаясь под струёй воды у раковины на кухне. С *Лёшей* и мной, как впрочем и со всеми остальными обитателями квартиры, *Николай Николаевич* «как бы» (как сейчас говорят) дружил и обменивался при входе на кухню или встрече в коридоре двумя-тремя ничего не значащими фразами. *Николай Николаевич* держался барски и считал ниже своего достоинства вникать в проблемы коммунальной действительности. Когда я стал старше, то узнал, что он закончил гимназию, а потом учился в военном училище и, кажется, в дальнейшем стал офицером царской армии. Какое участие и в качестве кого он принимал в революционные годы, не знаю. Во всяком случае, он не был озлоблен на Советскую власть и внешне не походил на человека, пострадавшего в революционной мясорубке. Страстью *Николая Николаевича* были карты и, несмотря на его солидный возраст (если я не ошибаюсь, он был 1887 года рождения), - женщины. У него был кружок знакомых, с которыми он один – два раза в неделю по вечерам играл в преферанс; естественно, на деньги. Изредка эти встречи проходили у нас в квартире. Его жена, *Зоя Николаевна*, в таких случаях куда-то исчезала, а к *Николаю Николаевичу* приходили три человека внушительной наружности и хорошо одетые.

Зоя Николаевна, в противоположность своему мужу, была стопроцентной местечковой еврейкой с корнями из какого-нибудь Жлобина либо Бердичева. *Зоей Николаевной Ивановой* она стала при венчании, приняв православие, т.е. была выкрестом. Сейчас я думаю, что в молодости она, вероятно, имела весьма недурную наружность и, возможно, «косила» под цыганку, но годы, годы... Как там у *Пушкина*: «О витязь, то была *Наина!*». Когда мы стали жить на Литейном, *Зоя Николаевна* ещё не хромала, но затем года через три-четыре её разбил паралич; в результате она стала ходить с палочкой, подволакивая правую ногу, что позволяло всем соседям безошибочно идентифицировать её передвижение от передней до кухни (где она проводила большую часть суток) либо до туалета, куда она также любила заглядывать. *Зоя Николаевна* была усата, весьма любопытна и обладала бесценным даром для коммунального общения – умением создавать интригу из ничего, что приводило подчас к мелким (а иногда и не мелким) войнам-ссорам на кухне. Сын *Николая Николаевича* и *Зои Николаевны*, *Анатолий*

Николаевич, был ровесником наших родителей. Он до войны кончил какой-то технический вуз и работал инженером. Когда началась война, был мобилизован в армию. Он остался жив, но попал в плен. Естественно, после войны ему, как потенциальному врагу Советской власти, пришлось пройти «проверку» в лагерях. Закончилось это благополучно, году в 49-50-м он вернулся в Ленинград живым и здоровым, хоть и сильно похудевшим. Его встретила симпатичная жена *Шура* и сын *Гарик (Игорь)*, родившийся в 1941 году до начала войны. *Гарик* часто гостил, а во время каникул жил у бабушки с дедушкой на Литейном, принимая участие в наших коридорных играх...

ЛЮДИ и ЗВЕРИ

Написав этот заголовок, я вдруг вспомнил, что с таким названием на экраны страны в 1962 году вышел фильм знаменитого советского режиссёра *Сергея Герасимова*. Он о том, как жилось за границей нашему офицеру, попавшему в плен и более пятнадцати лет находившемуся в капиталистическом окружении. Фильм о двуногих, но среди них большинство Зверей, однако, есть и Люди, т.е. «звери» понятие переносное. Здесь же речь пойдёт о людях и зверях в прямом смысле этих слов.

Поскольку все мы, по крайней мере, в прошлом, люди «полевые» и на природу (в тайгу, тундру и другие географические зоны страны) выезжали частенько, то приходилось общаться не только с домашними, но и с дикими животными, которые разнообразили, а подчас и делили с нами трудности маршрутной жизни полевого наблюдателя. Все согласятся, что увидеть животных в естественной обстановке совсем не то, что за решёткой зоопарка, на арене цирка или даже на поводке на улице.

Теперь ещё о том, что поскольку считаем мы себя, так или иначе, исследователями, то любим всё классифицировать: классификации – основа всего. Не обойтись и здесь. Итак, среди животных уже упомянутые выше – домашние и дикие. Вот с первых и начнём. Это, конечно, - *собаки* (без них в тайге и тундре никуда), сопровождавшие нас в маршрутах днём и охранявшие (?) ночью в лагере, а чаще всего просто забавлявшие, реже возмущавшие своими выходками; затем - *лошади* и *олени*, перевозившие выючный груз с одной стоянки на другую, а порой использовавшиеся в качестве ездовых.

Собаки. Поскольку я работал преимущественно в тайге и тундре, то из «собачьего племени», помимо различных особей «дворянского» звания, приходилось общаться в основном с теми их представителями, которых я условно называю северная порода. За Уралом, как известно, превалируют восточно-сибирские лайки (или, по-английски, хаски), хотя чистопородных найти можно только в питомниках, обычно же это всякие помеси с «дворянским сословием», т.е. с дворнягами. Вместе с тем, ушки у большинства северных собак стоячие, а хвостики – колесом-закорючкой и шерстистость повышенная.

Первое моё знакомство с этими симпатичными четвероногими произошло на производственной практике в районе среднего течения р. Виллой, ниже устья р. Чона, и его преимущественно правых притоков, где отряд, в котором я работал, занимался поисками исландского шпата в траппах. Через несколько лет после постройки ГЭС значительная часть этого района была затоплена. Территория исследований представляла собой сглаженное низкогорье, изобиловавшее болотами и поросшее корявыми чахоточными лиственницами. Только кое-где на левом, более высоком берегу были сухие песчаные участки с мощными раскидистыми лиственницами, тополями и даже берёзами. Обнажённость, за исключением тел долеритов и тешенитов, была отвратительная; места же - совсем дикие, никаких дорог, кроме троп вдоль Виллой, не было; зато зверья всякого водилось вдоволь. Пернатые были представлены куликами, рябчиками, куропатками, тетеревами, глухарями, различными утками, в меньшей степени - гусями-гуменниками и журавлями; грызуны – бурундуками, белками; хищники – бурыми медведями, соболями; а жвачные – сохатыми (лосями). Но о них позже.

Средствами нашего передвижения являлись резиновые 5-местные лодки (сплав по Вилюю) и вьючные олени (около 30 голов) с двумя каюрами – семейной парой. Он - якут, она – эвенка (местная «тунгуска»). Теперь о собаках. У каюров был пёс по кличке Максаул (не знаю, как это переводится и переводится ли вообще). У геологов – три собаки: сучка Дамка средних лет, Соболь и, кажется, Дружок.

Дамка и Соболь были «дворянами». Она была удивительно безобразной маленькой приземистой с кривыми толстыми короткими лапками, тёмного окраса со светло-серым брюшком. Хвост имела короткий и прямой как палка, а уши – полувисячие, но торчащие в разные стороны. Дамка обожала своего хозяина - высокого, худощавого, но крепкого оптимиста-весельчака *Марата*. Несмотря на своё «колбасное» сложение, бегала она неплохо.

Двухлетний Соболь был крупный мускулистый короткошёрстный пёс абсолютно черного (за что и получил кличку) цвета, с висячими ушами. Его хозяин, начальник нашего отряда, смуглый невысокий стройный красавчик с точёными чертами лица и слегка раскосыми глазами-черносливами *Юра Сафьянников*, имел местные корни (каждый десятый-пятый в этих местах носил такую фамилию) и, вероятно, был метисом.

Юный Дружок был лаечной породы – добродушный, лохматый, со стоячими короткими ушками, симпатичной мордочкой и хвостом закорючкой. Однако на этом его «лаечные» достоинства заканчивались, поскольку был он глупыш, лентяй и пофигист, да ещё трусоват и вороват, дискредитируя тем самым своих предков. Но ведь в семье, как водится, не без уroda. Вместе с тем, в конце сезона он вдруг значительно повысил, как теперь говорят, свой рейтинг, прекрасно «облаивая» белок (подробнее ниже).

Вначале (до встречи с каюрами и оленями) мы сплавились вниз по Вилюю на двух лодках, лагерь ставили на берегу и ходили в маршруты. Стояла тёплая, и даже жаркая погода; в тайге была масса комаров, оводов, слепней и т.д. Сплав был лёгкий, но один довольно протяжённый участок, где река разбивалась на несколько рукавов, изобиловал порогами. Хоть вода и падала, но течение здесь всё равно было довольно быстрое. На нашей лодке один гребец (я) сидел посередине, второй (*Марат*) – сзади. Около него находились Дамка и Дружок. Кое-где из воды торчали камни, наблюдались и буруны с завихрениями, что призывало к внимательности. Проходя опасные участки, мы следили за камнями, течением и т.д. Только когда вышли на спокойное глубокое место и перевели дух, то заметили, что Дамки и Дружка на лодке нет. На воде мы тоже не видели плывущих животных. Причалили к берегу, стали их звать. Через какое-то время появился мокрый Дружок, он бежал к нам по берегу, слегка прихрамывая; по одной лапе текла кровь, но царапина была невелика. А вот Дамка пропала. Решили попить чай и не торопиться. Прошло часа два. «Да, - сказал *Марат*, - копец Дамке. Уродина ведь была, зато верная и умница; привязался я к ней – любовь зла».

Мы плыли ещё часа четыре, потом пристали к берегу и поставили палатки. Было грустновато, солнце опустилось за невысокую сопку. Стали укладываться спать. И вдруг .... увидели Дамку, бежавшую к нам по воде вдоль берега, смешно переваливаясь с боку на бок. Она была весьма потрёпанная, но, как бременский петух, не побеждённая. Немцы говорят: «Ende – gut, alles – gut»: всё хорошо, что кончается хорошо. Не поспоришь.

Теперь о Соболе и Максауле. Их знакомство произошло, когда мы закончили сплав по Вилюю в устье его правого притока – реки Куччугуй-Эдьэк, где нас ждали каюры с оленями и с двумя молодыми специалистами – мужем и женой из Киевского университета. Максаул был пёс высшей марки – лаечной породы средних размеров с поджарым мускулистым телом и красивыми высокими ногами. Возраст у него был самый цветущий – лет шесть. Окрас я сейчас точно не помню, какой-то пестро-пятнистый с различными оттенками серого (до чёрных подпалин), коричневатого и белого. Глаза были

голубовато-серые и, ну прямо, умные-умные. Держался он с исключительным чувством собственного достоинства. Подойдя к каждому из нас, деликатно обнюхал и помахал хвостом в полтора колечка, как бы сказав: «Ну что, будем дружить».

Из собачьего общества его внимание до некоторой степени привлекли Дамка, как особа противоположного пола, и Соболю. Что касается Дружка, то при приближении Максаула, тот сразу завалился на спину, давая понять, что, вне всякого сомнения, держит его за безусловного вожака. С Сободем было не так, ведь он был крупным и сильным псом; однако, - молодым... Первое время им не давали сцепиться, но потом это всё же произошло, и Соболю, хоть не без сопротивления, пришлось признать лидера: ведь, у молодых собак более старшие всегда в авторитете. Я не раз потом был свидетелем, как здоровенные молодняки сдавались на милость гораздо менее мощным псам зрелого возраста. Вместе с тем, иногда между Сободем и Максаулом происходили мелкие потасовки, однако мы не давали им перейти в жестокий бой.

Прошло несколько недель, мы сменили ряд стоянок. Погода по-прежнему была жаркой, но, в конце концов, резко сломалась, пошли дожди. Иногда их сопровождал ветер, с последствиями которого в виде лесных завалов нам пришлось столкнуться два раза при переходах на новый лагерь. Вода в ручьях поднялась, и иногда даже через мелкие водотоки приходилось искать брод. Один из переходов был довольно муторный. Все шли вместе с караваном оленей; впереди на учуге (верховом олене) ехал каюр с пальмой в руках, которой он рубил ветки мешавших ехать молодых лиственниц. Жена его, тоже на учуге, замыкала караван. Какое-то время продирались сквозь старую гарь с буреломом и густейшей порослью молодых лиственниц. Выючные сумы рвались; тут ещё и каюр упал с оленя, что бывало с ним, как он говорил, крайне редко. Мы взяли за топоры.

Наконец, как в сказке, лес расступился, и мы вышли на небольшую открытую терраску, удобную для стоянки. Все вымокли до нитки; кроме того, дул пронизывающий ветер. Костёр развели не сразу; занялись обустройством лагеря. Вот тут-то и произошло главное сражение конкурентов на лидерство. Дикое рычание, визг, кланье зубов. Всё эти звуки исходили из вертящейся массы, образованной двумя, слившимися в единое целое телами. Из школьной программы вспомнилось «Мцыри», *М.Ю. Лермонтова*: «..сплетясь, как пара змей, обнявшись крепче двух друзей». Это было именно так. Их пытались растащить и поливали водой – бесполезно. Тут подоспел каюр. Не долго думая, он вытащил из костра горящую головёшку и, изловчившись, сунул между телами. Ответом был режущий слух визг-воплъ, сопровождаемый запахом горелой шерсти и мяса. Максаул и Соболю разбежались в разные стороны зализывать раны. На наш вопрос каюру (кажется, его звали *Михаил*): «Не круто ли?», он ответил: «Однако, заживёт как на собаке». Борьба была равной, но, похоже, что Соболю мог в этот раз победить. Мужал он (если этот глагол применим к собаке).

Спустя какое-то время Максаул вдруг стал чахнуть: не ел, в уголках глаз был гной, а его нос был горячий и сухой – температурил. Теперь уже он не носился по лесу, облаивая сохатых; при переходе оленей на новую стоянку тащился сзади каравана. Интересно, между прочим, то, что Соболю ни разу за это время Максаула не тронул и поглядывал на него как бы даже сочувственно.

«Чумка у него,» - сказал *Михаил*, - «в этом возрасте, однако, редко бывает». Дошло до того, что Максаула частично парализовало, и он ползал за счёт передних ног, волоча задние. Это случилось на стоянке, где мы стояли дня четыре. Надо было двигаться дальше. *Михаил* горевал: «Много у меня собак было. Он лучше всех – белку, глухаря и тетерева облаивает, сохатого держит. Редкая собака. Однако, кончать его надо, но не могу я – он мне, как сын. На, *Марат*, карабин». Но не очень-то сентиментальный *Марат* покачал головой: «Я тоже так не могу, хотя, может, это и правильно бы было. Оставь его,

всё божья тварь». Перед уходом на новую стоянку *Михаил* приготовил отвар из папоротника, растущего мелкими отдельными кустиками в расщелинах между глыбами долеритов, покрытых лишайниками. Он называл этот папоротник «зверобоем» и говорил, что это – трава от двенадцати болезней (каких, не уточнял) и придаёт силу. Он и нам давал её пить – горький был отвар, но пить можно. Перед нашим уходом *Михаил* вылил отвар в старый котелок и поставил его около лежавшего Максаула, с тоской смотревшего нам вслед.

Прошло недели три. Как-то вечером, когда все три наши маршрутные пары, закончив работу, одновременно возвращались на лагерь, нам навстречу выбежал пёс пестрого окраса. Он был очень худ, но вполне здоров. О, великое чудо Маниту, это был Максаул! Радостный *Михаил* у костра курил трубку и пил крепкий чай: «Не думал, что отдыбает. От такой чумки трудно уйти. Бурхану спасибо да ещё зверобоею. Однако думаю, Максаул сам травку нужную нашёл».

Ну и немного о конце сезона и Дружке. Случилось так, что когда во второй половине сентября нас покинули олени и каюры, они по общему недосмотру оставили нам мало продуктов. В результате почти одиннадцать дней мы были на весьма скудном пайке, а три с половиной дня вообще без продуктов. Жили мы на острове площадью несколько квадратных километров. Наполовину он представлял собой реликт 3-5-метровой террасы, заросшей чозениями, осинами и лиственницами, наполовину – песчано-галечный пляж, выбранный *Маратом и Юрой* в качестве прекрасного природного аэродрома для АН-2, который должен был доставить нас в посёлок на базу экспедиции. Палатки поставили на границе леса и стали ждать борт. А его-то не было. Рыба, мерзавка, ловиться перестала. Выпал снег и начался ледостав, по Вилюю шла шуга. Мы на резиновых лодках и долблёнке (с веслом байдарочного типа), которую нашли на берегу, переплывали протоку Вилюя и ходили на охоту. Но звери и птицы не попадались. Пришлось стрелять кукш и белок, большинство из которых уже успели сменить шкурки на зимние. Вот тут-то Дружок и проявил себя, чего мы совершенно не ожидали, – сказались гены. Белок в молодом лесу на лиственницах было достаточно много. Дружок, учуяв белку, потихоньку подходил к дереву, негромко лая. Та выглядывала и спускалась на более низкие ветки, рассмотреть возмутителя тишины, а Дружок – то недолго потявкает, то замолкнет и т.д. Белке интересно, она смотрит на него и иногда «трещит», по-своему ругается, дескать – «Вали отсюда!». Когда она повернётся к охотнику боком, пора стрелять из МК. Белки по вкусу напоминают зайцев; кукши, между прочим, тоже довольно вкусные, ведь питаются они орешками кедрового стланика.

В конце концов, 4 августа за нами прилетел санрейс АН-2. Когда мы и собаки оказались на борту, второй пилот выдал нам по банке говяжьей тушёнки и круглый белый хлеб. В результате в процессе полёта некоторым персонажам пришлось использовать потом банки из-под тушёнки в качестве гигиенических пакетов. Вот тут-то, сунув свои морды в эти банки, возрадовались наши собачки. Ende - gut, alles - gut!

Заканчивая эту часть, скажу, что описанные собачьи персонажи запомнились мне так хорошо, наверно, потому, что были первыми в моей полевой жизни.

xxxxxx

Возвращаясь в середине октября с преддипломной практики из пос. Билибино на Западной Чукотке в родной город на Неве, мы летели так называемой северной трассой. Она начиналась в Анадыре; после Билибино следовала посадка в Крестах Колымских (пос. Черском), а затем – в Чокурдахе, где самолёт Ил-14 меняли на Ил-18, следовавший до Москвы с посадками в Хатанге и Амдерме. В Черском мы находились около двух часов. Вместе с дипломником из Саратовского университета – спортсменом и стройным

красавцем (Делон тех времён отдыхает) Валерием Шмелёвым мы решили прогуляться до берега р. Колымы; тем паче, что на самом её обрыве находились «удобства», т.е. два кособоких деревянных клозета. Морозик был уже градусов 15, да ещё и с ветерком, за бараками с подветренной стороны снега навалило уже прилично. По застругам мы подошли к довольно высокому (не менее 5-8м) берегу овейной легендами реки Колымы. Оттуда открывался прекрасный обзор на замёрзшую реку (или, скорее, её протоку), по которой в нашу сторону двигались нарты с тремя собаками. На нартах восседал чукча в кухлянке и с хореем в руке.

Полубовавшись просторами, мы дружно направились к клозетам. Вблизи они были ещё более кособоки и буквально висели над обрывом. Я имел ещё небольшой опыт в посещении подобных мест, но, всё равно, зайдя внутрь и заняв позу орла, удивился окружающей меня чистоте; потом услышал какой-то горловой (шелестящий, что ли?) звук и заглянул в отверстие. Вот тут-то я и понял, почему было так чисто – в выгребной яме, метрах в четырёх ниже «очка» сидело несколько псов, с надеждой задрав голову вверх и ожидая «манну небесную». Мы уже знали, что чукчи кормят ездовых собак только во время поездок, а потому, находясь в посёлке, они голодны «как собаки» или, может быть, как волки, но зато отлично справляются с ролью санитаров-ассенизаторов.

Надо сказать, что у всех северных народов примерно такое же отношение к этим четвероногим, хотя зря собак они никогда не наказывают. Тут я вспомнил, как один ламут учил меня, что собаку нельзя бить рукой; нужно – только ногами. И почему же? Да потому, что в первом случае, они будут бояться протянутой руки и, в крайнем случае, могут её укусить. Этот же абориген рассказывал, каких щенков нужно оставлять после родов. Прежде всего, тех, которые первыми выбрались на свет. Это, как бы, первый тест. Тест второй: дней через пять после рождения, когда они ещё слепые, посадить на стол. Тех, которые, подойдя к краю стола, свалятся с него – в расход и т.д.

xxxxx

После окончания института и службы в армии, я 11,5 лет проработал на Северо-Востоке Азии в Магаданской области, в состав которой тогда входила и Чукотка. С собаками там приходилось иметь дело и в поле, и в поселке. Думаю даже, что в таких посёлках как Омолон на правом берегу одноименной реки, которая в этих районах является южной границей Чукотского национального округа, численность собак в некоторые периоды года превышала количество двуногих.

В Сеймчане, где находилась наша экспедиция и где мы камералили, холодными тёмными зимними ночами, выйдя на улицу, можно было слышать их песни, исполняемые хором, так что воздух звенел и гудел; тем более что при температуре воздуха ниже 40-45° звукопроводность его становится просто поразительной. Особенно интересен момент зарождения песни. Иногда перед её началом стоит такая тишина, к которой подходит только определение «гробовая», как будто уши заложило – до звона. Вдруг возникает протяжный «воюющий» звук, подчас неуверенный и нервный. Иногда он прерывается, и какое-то время опять тишина, потом звук появляется вновь; постепенно в него вплетаются другие, среди которых подчас выделяется уверенный лидерский голос. Его подхватывают собаки в разных частях посёлка, и всё сливается в довольно-таки слаженный хор, от которого порой по спине пробегают мурашки. У слушателя, когда он один, возникает странное непередаваемое чувство (космоса, что ли?), которое усиливается луной или северным сиянием.

В посёлке было много собак, среди которых значительный процент составляли бродячие всех мастей и размеров. Это объяснялось тем, что периодически происходил наплыв сезонного люда, а также тем, что народ уезжал в отпуск или насовсем, и порой не находилось желающего взять животное на время отсутствия хозяев и т.д. Особенно много

бездомных собак появлялось осенью, когда полевые партии возвращались в посёлок. В результате возникали целые стаи. Большинство таких собак днём слонялось около столовой и магазинов в надежде раздобыть съестное у мягкосердечных двуногих. Между собаками при этом возникали мелкие драки и потасовки, хотя в каждой стае существовала чёткая иерархия. Я сейчас вспомнил, что в мой первый сезон и ещё года два после нам в поле среди прочих обычных продуктов выдавали за условные деньги колбасу твёрдого копчения, а также «Спирт питьевой» и «Московскую водку» с косо наклеенными этикетками. Это были остатки складов Гулага, прекратившего своё существование в середине 50-ых годов. Водка, между прочим, несмотря на неприглядный вид, была великолепного качества; колбаса же - столь твёрдого копчения, что её можно было только рубить топором. В поперечном срезе процентов на 70% она состояла из круглых «миндалин» жира, погруженных в красновато-коричневый мясной «матрикс», и выглядела как настоящий миндалекаменный базальт (мандельштайн). Иногда сверху колбаса была покрыта плесенью, которая легко убиралась марлей, смоченной растительным маслом. В магазине эту колбасу выдавали в придачу к шампанскому, не спрашивая желания покупателя. Часть покупателей, выходя из магазина, тут же бросали эту колбасу собакам, которые оттаскивали её в сторону и часами грызли. Бичи, которые вместе с собаками постоянно торчали у магазина, раздобыв деньги, сразу тратили их на спиртное. Иногда оно было представлено только «Советским Шампанским», причём в одни руки выдавали не более трёх бутылок. Поскольку у бичей, как правило, никаких сумок не было, то нередко они выносили бутылки, прижав к груди и обхватив руками. Поверх бутылок лежали палки колбасы твёрдого копчения. При выходе из магазина таких покупателей окружали собаки. Тогда выходящий бич делал царственный взмах сомкнутыми руками вверх, и собаки ловили колбасу на лету. Между прочим, в нашей полевой партии придумали-таки, как подступиться к этой колбасе: нужно было умудриться насадить её на палку (в Сибири часто говорят на «рожень»), а потом сунуть в огонь костра. В результате жир плавился, а «матрикс» становился более мягким и вкусным. Мы «метали» это за милую душу.

Конечно, зимой бездомным животным приходилось тяжело – морозы за пятьдесят иногда держались неделями. Бедолаги жили в коробах парового отопления либо под домами и в сараях. Несмотря на столь суровые условия, даже в разгар зимы на свет появлялись новые представители собачьего племени, а некоторые из них умудрялись дожить до тёплой поры. В результате этого, а также беспорядочного скрещивания особей разных комплекций и мастей, подчас возникали удивительно уродливые создания, по сравнению с которыми описанная выше Дамка была писаная красавица. Многие имели очень короткие ноги и длинное туловище; их называли «трамвайчиками». Было ещё много уродов – то с непропорционально большой головой, то с длинными ушами и т.д. - изобретателен Создатель, однако! Мне вспомнился гибрид заезжего боксёра и лайки. Это был крупный и довольно красивый экземпляр средней шерстистости с боксёрской «физиономией»; на довольно длинных ногах, но с длинными стоячими ушами лайки, который зимой довольно грациозно рылся в помойках. Среди соплеменников он был в авторитете.

Чтобы бороться с описанным явлением, местная администрация не придумала ничего лучше, чем отстрел бездомных собак, который обычно проводился в ноябре месяце. Перед этим на присутственных зданиях развешивались соответствующие уведомления и были объявления по местному радио (если оно работало, что было далеко не всегда). В лучшем случае отстрел проводили работники местной милиции, чаще же (за бутылку) брали более-менее надёжных бичей, и те стреляли собак из милицейских газиков. Нередко убивали и домашних собак, оказавшихся в силу различных причин на улице.

В свой первый сезон (на «весновку», т.е. строительство базы геологической партии) на Северо-Востоке (до этого я был на преддипломной практике на Западной Чукотке) в качестве молодого специалиста я вылетел из посёлка 15 апреля. Стояла ещё настоящая зима с высокими сугробами и температурами ночью до 30° и ниже. Со мной был соседский пёс с самой распространённой собачьей кличкой – Дружок. Иметь такую кличку у собак тогда, всё равно, что фамилию Иванов у людей. Это был очень приятный и добрый молодой лохматый совсем домашний пёс с крупными висячими ушами черно-белого окраса. Он являлся полной копией собаки на известной картине «Опять двойка» яркого представителя соцреализма. Хозяева Дружка, славная семья *Козловых*, отправились в продолжительный (на полгода) отпуск на материк.

Дружку понравилась тайга, но сначала он никак не мог привыкнуть к выстрелам и боялся ружья, что часто, как я потом узнал, бывает с молодыми собаками. Всё же привык и потом, как только кто-нибудь брал ружьё, сразу вскакивал и бежал вслед. Толку, впрочем, от него было мало. Питались мы нормально (был и подножный корм – хариусы, куропатки, утки), но пока не появилась оленина, растущему организму Дружка пищи хватало не всегда. В результате он стал интересоваться экскрементами и даже валялся в них, что было заметно на его белых боках и мной не одобралось. Оказывается, это тоже свойственно молодым собакам, поскольку так они восполняют недостающие им микроэлементы.

Зато Дружок сам научился добывать мышек и позднее мелких зайчишек. Я учился и постигал тайны природы вместе с ним. Оказывается, поскольку у зайцев нет нор, то когда зайчиха рождает, её многочисленный помёт почти сразу разбегается в разные стороны. Этих зайчишек размером с небольшой карандаш кормит молоком любая другая мама-зайчиха, оказавшаяся рядом. Вот таких малюток Дружок ловил и ел. По просьбе нашего рабочего, остававшегося на базе партии завхозом, когда мы на три-четыре недели уходили в маршруты, я оставил с ним Дружка. Жили они дружно, вместе ходили вблизи лагеря, а вечером завхоз *Алексей*, как потом мы узнали, ставил бражку, чтобы скрасить своё одиночество и пел на пару с Дружком песни. Тут я не шучу. Дружок действительно, услышав пение, подхватывал мелодию. Я узнал потом, что, когда его сеймчанский хозяин играл на баяне, Дружок всегда солировал и у него получалось неплохо.

Кроме Дружка, в партии был ещё пёс-абориген, взятый у ламута в пос. Омолон нашим старшим техником, бывалым и умелым сорокалетним *Юрием Владимировичем Казьминым*. Этого пса звали Мальчик. Он был в годах, очень лохматый и весь чёрный; ещё - тих, умён и спокоен; хорошо ходил по следу сохатого, но «держат» его уже не мог.

В тот сезон мы сильно задержались в поле; в посёлок прилетели только 30 октября. Стояла зима, температура опускалась ночью ниже 30°. Дружок прибыл в посёлок справным с гладкой лоснящейся шерстью, поскольку, когда мы в середине сентября вернулись на базу с последнего захода, весь погреб на базе был полон мясом сохатого, добытого нашим завхозом. Началась камералка, я ждал приезда *Козловых*; меня отселили от них и теперь я жил в другом месте. Утром Дружок провожал меня на работу, а вечером встречал громким лаем и прыжком на грудь. Остальное время бегал по посёлку, участвуя в собачьих свадьбах. Спал он на улице.

Козловы должны были появиться к 7 ноября. И вот ведь, судьба-злодейка! 5-ого числа я возвращался с работы. Подходя к дому, услышал лай и увидел Дружка, со всей мочи бежавшего ко мне. Он был уже рядом, когда мощный «Урал» подбросил его в воздух, а затем переехал колёсами. Всё произошло моментально. Я остолбенел. К моему удивлению и секундной радости, Дружок вскочил, подбежал ко мне и прыгнул на грудь. Потом упал, дёрнулся и затих навсегда; из его горла на снег хлынула алая кровь.

Взрослые *Козловы* переживали молча, а их дочка шестиклассница Таня ревела всю – ведь это был её любимец. В тот год я поставил *Таню* на лыжи. Школу она кончала

уже в Магадане, занимаясь беговыми лыжами, которые по-настоящему полюбила, став в дальнейшем «Мастером спорта СССР».

××××

На следующий год база нашей полевой партии находилась на левобережье р. Намындыкан – правом притоке р. Омолон. В этот раз мы припозднились и вылетели на весновку в начале мая в составе четырёх двуногих и двух четвероногих. Последние были представлены двумя кобелями, клички которых не помню; назовём их условно – Молодой и Артист.

Один пёс был молодой и здоровый, другой – средних лет и мелкий. Молодой, как и положено молодым, был очень прожорлив и глуп. Его организм постоянно требовал пищи, а поскольку в тот год у нас, по разным причинам, бывали сложности с продовольствием, то по-настоящему он наедался только на базе, когда было мясо, и нередко засыпал, не отходя от миски. Запомнился он тем, что, когда смотрел на жующих, его естество приходило в возбуждение, что служило поводом для грубых шуток наших работяг.

Второй пёс, Артист, постоянно жил на базе вместе с завхозом. Он был тщедушный и смешной, но весьма сообразительный и коварный. Зная, что его всегда защитят, любил провоцировать своего молодого коллегу. Это было забавно. Например, он подходил к спящему Молодому сзади и хватал его за хвост, а потом отбегал в сторону и ложился на землю с видом – «ничего не знаю, я тут не причём». Как только Молодой вскакивал, собираясь задать трёпку проказнику, тот, если не успевал заскочить в палатку, то вопил на весь лагерь. Из палатки сразу выскакивал его хозяин, и Артист прыгал прямо в его объятия, Молодого же – порицали либо наказывали и т.д. Ещё Артист был весьма артистичен. Он умел ходить на задних лапках, смешно поднимая передние и даже пританцовывать при этом, смешно виляя задом. Чаще всего это происходило, если кто-нибудь нараспев произносил: «Ой, ка-ка-я кра-си-вая со-ба-чка!».

Во второй половине сезона, когда весь состав партии в перерыве между маршрутами находился на базе, одним из вертолётчиков к нам привезли опытного промысальщика с шикарным зверовым псом-лайкой - и красивым, и умным. Его хозяину, зрелому мужику с большим и разнообразным опытом жизни, среди прочего, приходилось профессионально заниматься и добычей пушного зверя. Он был кадровым рабочим экспедиции и к нам попал случайно, поскольку их разведочную партию расформировали. Наши псы объединились против новенького, однако он довольно быстро дал понять «кто есть who», как сказал бы, не к ночи будь помянут, *Михаил Горбачёв*. Вместе с тем, пёс Молодой и пёс Зверовой, так будем звать их, быстро подружились. Коварный Артист, однако, и тут строил свои козни. Мне рассказали, что как-то раз, когда два друга лежали на травке рядом и дремали, он, как всегда, подкравшись сзади, быстренько тяпнул за хвост одного, потом другого, а сам, пользуясь тем, что ветер дул в его сторону, чуть отбежал и спрятался между двумя высокими кочками. В результате между Молодым и Зверовым произошла небольшая разборка с громким лаем. Я рассказал об этом потому, что уже осенью, выйдя на базу из палатки, был свидетелем удивительной сцены. Маленький хитрец возвращался из леса, начинавшегося метрах в пятнадцати от наших палаток, куда бегал, вероятно, по нужде. Он шёл потихоньку между редкими высокими кочками, по-видимому, что-то «напевая» себе под нос. И вдруг....о, ужас! Из травы перед ним царственно вырос Зверовой, коему хозяин недавно сделал внушение после очередной провокации Артиста. Малыш растерялся и, как это делают сдающиеся на милость победителя, завалился на спину между кочек. Зверовой чуть-чуть в раздумье помахал хвостом, затем подошёл поближе, поставил на лежавшего передние лапы, как бы вдавливая в мох, затем развернулся, задрал ногу и побрызгал в его сторону. Уж не знаю,

врать не буду, не видел, попал ли он или нет, но это и не имеет значения. Это к вопросу, одни ли условные рефлексy у собак.

××××

Летом 1970 года наш отряд под командованием упомянутого выше *Валерия Шмелёва*, после института волею судеб, как и я, оказавшегося в посёлочке Сеймчан у реки Колымы, проводил геолого-съёмочные работы среднего масштаба на Юкагирском плоскогорье. У *Валеры* был рослый молодой (кажется, трёхгодовалый) пёс по кличке Жук - очень лохматый и очень чёрный, весьма добродушный и, по молодости, наивный. Его ушки стояли торчком, а хвост-закорючка постоянно свидетельствовал о дружелюбии. Привезли Жука в Сеймчан щенком откуда-то с Чукотки.

Другим собачьим персонажем в нашем коллективе являлся Том. В его жилах, помимо крови лаек, текла кровь полярных волков, кажется, второго поколения. Том был очень красив, имея густую шерсть серого – темносерого окраса, мощную широкую грудь, крепко стоящие на земле мускулистые лапы, пушистый хвост и привлекающую к себе морду, обрамлённую по бокам шерстью стально-серого - коричневатого-серого окраса, с короткими ушами и умными, слегка грустными глазами желтовато-карего цвета. Его хозяином был охотник, уже года два покинувший посёлок. Соответственно, Том был «бичом», но его нельзя было ровнять с остальными поселковыми бродячими псами, поскольку он был всеобщим любимцем и королем среди всех собак Сеймчана. Проблем с жильём и пищей Том не имел, оставаясь, как кошка *Киплинга*, «himself». Его поразительным качеством, несмотря на присутствие в жилах волчьей крови, являлось очень доброжелательное отношение к детям. Они буквально вили из него верёвки – играли, запрягали в санки и даже садились на него верхом. Том не обижался, а с удовольствием в сорокаградусный мороз возился с детьми в снегу. Он очень красиво и не по-собачьи дрался с сородичами. Сначала, набирая скорость, он грудью сбивал (или старался сбить) с ног противника, даже если тот был крупнее его; затем хватал мёртвой хваткой за горло.

Я не помню, как Том оказался у нас в поле. Был он уже тогда не молод, хоть и, по-прежнему, «в законе». Когда отряд уходил в очередной маршрутный заход дней на 15-20, Тома оставляли с завхозом на базе. Жук же ходил в маршруты со своим хозяином и его ординарцем. *Валера* даже сшил для него из брезента две небольших сумы с поясом на груди и под хвостом, а также ремнями через спину. В некоторых слабо залесенных местах он загружал Жука этими сумами, заполненными камнями. Масса их доходила до 15кг. Жук был очень дружелюбен, и это было здорово; но всё портило то, что он имел длинный влажный язык, которым умудрялся из самых невозможных положений неожиданно лизнуть в лицо. Ещё Жук имел слабость – он обожал сахар и мог съесть его в неограниченных количествах. Глядя, как другие употребляют пищу и особенно сахар, Жук пускал густую тягучую слюну, подтверждая идеи академика *Павлова* о безусловных рефлексax. Как-то раз, когда мы находились на базе, рабочие, игравшие в карты на сахар, от нечего делать поспорили: сумеет ли Жук, который сидел рядом с ними в палатке и, как всегда, пускал слюну до земли, одолеть пачку рафинада. Геологи, случайно увидевшие это, забаву присекли. Однако, как потом выяснилось, Жук съел к этому времени более 50 кусков. Не знаю, бывает ли у собак диабет, но забава, конечно, была жестокой.

В конце сезона между Жуком и Томом всё-таки произошло выяснение отношений. До этого Жук не решался посягать на лидерство. Мы в это время, находясь на базе, сидели в палатках и камералили. Услышав рычание и лай, все выскочили из палаток. Драка была серьёзная и шла с переменным успехом. Том был уже совсем не тот, что раньше, да и соперник ему попался очень крупный и сильный. Всё же, благодаря большому опыту, ему удавалось удачно отбиваться и даже нападать. В какой-то момент он промахнулся, и Жук

повалил его, но Том сумел вскочить, хоть и очутился спиной к морде Жука. Это очень невыгодная позиция; собаки выбирают её, когда сдаются на милость победителя. И победитель их обычно не трогает. Однако Том повел себя в этой ситуации не как обычная собака, признавшая поражение. Он неожиданно изловчился и насквозь прокусил ногу противника. Жук, уже ждавший фанфар и торжества победы, дико взвыл от боли, подпрыгнул и на трёх лапах бросился в тайгу, оставляя за собой кровавый след.

P.S. Том больше в поле не бывал. Кто-то, наконец, взял его к себе на ПМЖ, и он спокойно доживал свой век, по-прежнему, оставаясь любимцем детворы. Жук со временем превратился в авторитетного пса, не теряя, вместе с тем, своего оптимистического взгляда на двуногих. Детали упусти, но скажу, что года через три он был застрелен, поводом чему послужила семейная ссора хозяев.

xxxx

В «Байках-3» я писал, что в нашем посёлке у одной женщины-геолога был чистопородный немецкий овчар по кличке Мургаб, привезённый ею с материка и значительно улучшивший местную «северную» породу если не по интеллекту, то, по крайней мере, по экстерьеру. По моим дилетантским наблюдениям, эти помеси вообще, как правило, удачны. У таких метисов обычно отсутствует агрессивное (по отношению к людям) начало, а также «тяжеловесность», неуклюжесть и порой тупость (да простят меня их владельцы) немецких овчарок, зато появляется некоторая их величавость и мощь, не оказывающая, однако, дурного влияния на экстерьер, а только улучшающая его. Между прочим, это проявляется даже во втором и третьем поколениях.

Как-то так случалось, что приплоды появлялись преимущественно в феврале-марте. В результате многие молодые геологи обзаводились щенками от папы (дедушки, прадедушки) Мургаба. У нашего крепыша-супермена *Вити Половникова* была, например, чудесная внучка Мургаба, которую он окрестил Долли – удивительно стройная, деликатная и умная. Тут, впрочем, следует сказать, что собаки часто очень похожи на своих хозяев; как это ни смешно, но даже внешне, а уж по поведению и повадкам – точно. Поэтому-то у *Вити* и была такая Долли, а вот мои псы были охламоны. Когда у нас в общежитии появились двухнедельные, только прозревшие щенки, мы в коридоре соорудили для них вольер. Грязи и вони, конечно, хватало. Но что поделаешь: любишь кататься, люби и саночки возить.

Моего первого пса я назвал Ред, уж, сам не знаю почему. Мне показалось – коротко и красиво; да что-то и от *Джека Лондона*. Когда Ред оказался в поле, ему шёл пятый месяц. Рановато ещё для серьёзных нагрузок, но я взял его с собой в первый же маршрутный заход. В начале сезона собакам всегда не хватает корма, а уж щенкам тем более. От нехватки витаминов у Реда были признаки рахита - несколько «провалена» спина у крестца и слабоваты задние ноги, а в самую жару в июле он заболел «чумкой». Мы все дружно его лечили, а когда пришли на базу, то я оставил пса с завхозом. Всё же Ред болезнь победил и стал к концу лета довольно крупным псом с хвостом-колечком и довольно симпатичной мордой. Интересно наблюдать, как у молодых подрастающих псов уши могут в зависимости от питания то подниматься, то падать, пока, наконец, собака не окрепнет окончательно, и ушки не будут торчать почти вертикально. После возвращения в посёлок я сделал ему будку, обив её внутри войлоком. Днём, когда я был на работе, он обычно бегал с другими псами по посёлку. Были свидетели того, как он попал под машину, но всё обошлось, хотя Реда, видимо, слегка «контузило», поскольку он некоторое время после этого довольно часто тряс головой. Как-то, уже весной, вернувшись с работы, я не обнаружил его, хотя утром оставил у будки на цепи. Вероятно, кто-то,

воспользовавшись дружелюбием и подкормив, увёл Реда с собой. У него в это время была хорошая шкура для шапки.

Потом у меня было два шенка, внуков Мургаба по материнской линии. Их мать, Ниська (Анастасия), имела прогонистую волчью статью и нервный, даже истеричный характер. Щенки были коричневатого-серого окраса. Одного я назвал Дамир, другого Булур – по правым притокам довольно крупной реки Былыгычан, впадающей справа в р. Колыму. В этих районах они провели своё первое полевое лето. Собачки росли довольно крепкими; да и с питанием в этот год было неплохо. Подростающие щенки вообще едят всё подряд. Ручьи здесь были богаты хариусом. Я ловил его, а Дамир и Булур хватали добычу прямо на лету, срывая её с крючка и тут же начиная интенсивно работать челюстями, хариус же в их пасти делал последние предсмертные движения хвостом. Однако – дикая природа, закон жизни!

В те годы жил я на окраине посёлка в небольшом домишке с печным отоплением и привозной водой. Удобства находились на дворе, да ещё на другой стороне улицы. Зато я был владельцем половины дома с камином и личным белым телефоном(!), небольшого дворика и сарайчиков. Всё это мне оставил старший товарищ, уехавший на материк. Я сколотил большую будку, обив её внутри старыми одеялами и войлоком, но собаки не всегда в ней спали. Нередко они устраивались на снегу, который при снегопаде засыпал их целиком. Когда в такие дни я утром выходил на улицу, они выбирались из-под снега, отряхиваясь и потягиваясь. Рыба в те времена была очень дешёвой. Периодически я покупал несколько крупных палтусов, клал на нарты и вёз в свой домишко, где сгружал их на полки в холодной прихожей. Утром разрубал мороженые туши топором и бросал собакам. Чаще же они довольствовались щукой либо налимом. Крупных экземпляров им иногда хватало на полдня. Ещё кормил их кашей, макаронами и супами, которые обычно варил по выходным дням. При температуре ниже 45-50° я пускал собак в дом, и они блаженно разваливались на полу около печки или на медвежьей шкуре возле камина.

Из старых лыж-деревяшек я сляпал подобие нарт, прикрутив шурупами к лыжам снизу бруски с отверстиями для копыльев и связав их сыромятными ремнями. Носки лыж перед этим распарил и высоко загнул, а затем скрепил изогнутой поперечной перекладной тоже сыромятной. Шлейки для собак сшил согласно книге академика Обручева. По посёлку на таких «нартах» с горем пополам ещё можно было ездить; по целине же зимой, конечно, нет. Это становилось возможно только весной после ветров, если таковые случались. Иногда я ещё подпрягал Рифа – их дядю, крупного очень лохматого, но и очень ленивого пса, который, несмотря на свою мощь, тянул очень слабо и при любой возможности норовил лечь. Если на дорогу выскакивала кошка, то собаки неслись за ней во всю прыть, и сани невозможно было удержать; приходилось их опрокидывать. Конечно, это было детское баловство здорового болвана; запоздалые игры в *Джека Лондона*. Иногда, впрочем, я катал на саних ребят-школьников, а сам бежал сбоку. Ещё я брал собак с собой на сопку, расположенную в 4-х км, где начиналась поселковая лыжная Мекка. Выходя за околицу дома, я зацеплял альпинистским карабином поводки, которые крепились вертлюгами к шлейкам Дамира и Булура, а сам надевал лыжи, и собаки тащили меня. Подчас, там, где было хорошо накатано или дорога обледенела, они так разгонялись, что я не мог удержаться на ногах и падал (иногда больно), а они ещё какое-то время тащили меня по снегу. Но это происходило весной; зимой же при температуре ниже 30-35° скольжение обычно очень плохое – словно по песку. Дамир и Булур были в восторге от прогулок, тем более предвкушая момент, когда попадут в тепло избы, куда я, как правило, приглашал их после вылазки. О том, как мы попали в лавинку на крутом склоне небольшого распадка около Колымы, я уже рассказывал в прошлых байках.

В середине июня следующего года своей щенячьё-собачьей жизни Дамир и Булур вместе с караваном лошадей, двумя каюрами, рабочим и со мной в качестве проводника

совершили тяжёлый переход от пос. Омолон до верховьев р. Пенжины – по прямой на карте около 180км. Первые километров тридцать идти было хорошо; путь пролегал преимущественно по реликтам слабо залесенных террас, поросших ягелем. Стояло настоящее лето. Затем начались мари, прорезанные разлившимися ручьями и реками. Это было время высокой воды. В районе Омолона на низкогорье снег уже стоял, и вода падала. Всё же приходилось значительную часть дня идти по болотистым с высокими кочками местам, где воды было выше колена. Одну речку преодолели с большим трудом, изрядно вымокнув. Мы постепенно поднимались в горы и должны были пересечь хребет Уш-Урэкчан. На его вершинах и склонах снег только-только начинал таять. При подходе к подножию хребта мы попали в самый разлив – каждый мелкий ручеек, незаметный летом, представлял собой бушующий поток; шум воды в узких каньонах был такой, что заглушал все остальные звуки. В прошлых байках я писал, как наш конь Яшка, взятый в поле из школьной конюшни, на крутом склоне ручья покатился вниз, но перед самым обрывом сумел копытами пробить уже рыхловатый снег со льдом.

Одолев невысокий перевал, мы вступили в мир совершенно иного ландшафта. Деревьев (мелких, приземистых, корявых и раскидистых лиственниц) и кустов кедрового стланика становилось всё меньше и меньше; зато появились курильский чай, рододендроны и другие кустарники. Здесь было сухо и много курумников («каменных морей»), однако пришлось форсировать ещё три речки с сильным течением. Надо сказать, что мои собачки показали себя молодцами. Они смело, не скуля, бросались в воду и переплывали на другую сторону рек. Иногда их сносило течением довольно далеко, но берега здесь были хорошие, и вылезать было не очень сложно. В первый момент, выбравшись на берег, они выглядели очень смешно – мокрые, «облизанные» водой, очень тощие с тонкими же ножками, но широкой мордой. Однако это было недолго; они тщательно отряхивались и скоро, чуть побегав, опять приобретали свой солидный лохмато-пушистый вид.

Вечером пятого или шестого дня пути мы подошли к истокам р. Пенжины. Это место представляло собой очень плоскую почти горизонтальную поверхность, на которой, кроме полярного мака и лишайников, не было никакой растительности. Здесь обнажались риолиты мелового возраста, претерпевшие краснокаменное выветривание. Обрамлявшие этот участок небольшие пологие (покровы и силлы), а иногда и достаточно крутые (некки) возвышенности в лучах солнца, низко-низко висевшего над горизонтом, представляли собой совершенно неземной, какой-то марсианский пейзаж с непередаваемой моим бедным словарным запасом гаммой цветов от сиренево- и жёлто-коричнево-оранжевого до оранжево- и розовато-красного оттенков. Мы очень устали, а поскольку был штиль, то решили остановиться и ночевать прямо на этом плоском, открытом со всех сторон и, вероятно, продуваемом месте. Температура воздуха между тем стала резко падать и опустилась ниже нуля. Поскольку никаких колыев для палатки у нас с собой не было, то вместо них мы использовали карабин и ружьё, а верёвки растянули, привязав их к большим глыбам риолитов. Вскипятив чай на сухих ветках кедрового стланика, которыми мы утром на всякий случай набили выючную суму, мы залезли в спальные мешки и моментально заснули. Проснулись, однако, рано, поскольку часов в пять или шесть утра сильный порыв ветра сорвал палатку, и за ней пришлось бежать почти неглиже, покинув тёплые спальные мешки. Не сразу поймав беглянку, мы не стали её натягивать, а подвернули под себя и ещё поспали часа два-три. Но сон уже был не тот: ведь мерзкое полотнище палатки билось над нами на ветру, пытаясь вырваться на свободу. К середине дня, одолев километров двадцать вниз по правому берегу реки и успев поймать несколько хариусов, мы жали руки нашим коллегам на базе Моланджинской партии.

Район работ был очень интересен в геологическом отношении, хорошо обнажён и живописен. Значительная его часть принадлежала расчленённому низкогорью с максимальными абсолютными отметками рельефа более 1500м и относительными

превышениями 300-1000 м. Большинство долин были прекрасно проходимы, чего не скажешь о возвышенностях. Там собакам временами приходилось туго, особенно при спусках на крутых скальных уступах, где они тормозили передними лапами, подчас стирая подушки лап в кровь. А тут ещё солнце, жара, отсутствие мяса. Носы их становились горячими, а кожа на них трескалась, что свидетельствовало о повышении температуры тела. Мне до сих пор стыдно вспоминать, как один раз они, полубольные, убежали от меня в самом начале маршрута и вернулись в лагерь к каюрам с лошадьми, и как я, придя вечером, наказал их, и как они на меня при этом смотрели; особенно Дамир. В его взгляде были и боль, и раскаяние, и укор, и ещё много всего: «Эх, хозяин, хозяин. Я ведь так люблю тебя, а ты...!».

Меня поражала их врождённая способность идти по следу. Как-то раз, уже осенью, я отправился на охоту, оставив собак на привязи, и попросил, чтобы их отпустили не раньше, чем часа через два. Что и было исполнено; к этому времени я прошёл около десяти километров вниз по реке, два раза переходя её притоки. Каково же было моё удивление, когда Дамир и Булур догнали меня. А появились они кстати, поскольку буквально через полчаса выгнали медведя, который поедал в кустах какую-то мертвечину и, если б не собачки, мог мы неожиданно выскочить на меня, решив, что я заинтересовался его добычей.

Большим удовольствием для собачек была ловля *евражек*, т.е. *сусликов крапчатых полярных*. В тех районах этих зверушек обитало великое множество; кое-где подножие склонов было сплошь изрыто их норами с земляными бугорками около выходов. Эти симпатичные и подчас довольно крупные, но противно пахнущие зверьки при нашем приближении выскакивали из нор и становились столбиком. Подняв и прижав передние лапки к груди, они издавали свистящие звуки, видимо, информируя своих сородичей о потенциальной опасности; затем ныряли обратно в норки. Когда мы спускались в долины, и склон резко выполаживался после скальных уступов, мои собачки стремительно неслись вниз, ловили и сладострастно давили бедных евражек. Правда, съели они за это время, кажется, всего одного зверька. Как-то раз, Дамир схватил евражку за шею, а Булур за спину; после чего каждый начал тащить добычу в свою сторону, изо всех сил упираясь ногами. Оба при этом рычали, а глазами метали друг на друга молнии. Закончилось тем, что они бросили зверька и сцепились друг с другом в яростной схватке.

Любили они также бегать за белками и бурундуками, когда те оказывались на земле, но здесь им не везло. Ну, и, конечно, всю гонялись за куропадчыми выводками, хотя обычно мама-куропатка, притворившись раненой, умудрялась увести от них своих малышей.

В один из последних маршрутов этого полевого сезона, когда мы с рабочим-радиометристом, спустившись с крутого скалистого гребня, шли по его узкому плоскому отрогу, довольно круто обрывавшемуся в долину ручья, Дамир и Булур выгнали оттуда прямо на нас двух *росомах*, которых рабочий застрелил. Их шкуры были хороши и, слава богу, не пропали – на базе он их выделал, а потом в посёлке заказал из них шапки для своих дочек.

Эта осень (точнее, начало зимы) в Сеймчане оказалась для Дамира и Булура последней: их увели с цепи прямо из будки как раз в тот ноябрьский вечер, когда родился наш сын. Я искал их, как мог, но безуспешно – уж больно хороши были у них шкуры. Дня через три, когда собирался прекратить поиски, ко мне на работу пришёл один местный малознакомый «полубич», раза три нанимавшийся в экспедицию на полевые работы. Он заявил, что знает, кто увёл моих собак. Не нужно было быть *Шерлоком Холмсом*, чтобы догадаться, что те, к которым он меня собирался вести, отказали ему в выпивке. Я взял с собой металлическую деталь с отверстиями для пальцев, которая вполне годилась в качестве кастета. Стоял холодный вечер второй половины ноября, было за сорок градусов,

но долго идти не пришлось: бич-хата эта, как ни странно, находилась совсем близко от центра нашего посёлочка; более того, - вблизи одного хоть и одноэтажного, но местного «полуправительственного» здания (то ли архива, то ли ещё чего-то такого). И это очень удивительно, потому что абсолютное большинство бич-хат располагалось либо на самых окраинах вблизи болота, поросшего тальником и корявыми лиственницами, либо около реки Сеймчанки, либо за вторым (аэропортовским) посёлком. Мой «Вергилий» провёл меня через двор, сплошь заваленный всяким хламом, образовавшим сугробы различной высоты и формы, из которых кое-где торчали то арматура, то дырявый таз и т.д. Толкнув косую дверь, мы вошли в сени, а через них – в комнату. У низенького окошка, покрытого толстым слоем льда, стоял стол с остатками пиршества – консервными банками, вскрытыми широким абсолютно тупым ножом, о чём свидетельствовали их ужасающие рваные края, огрызками хлеба, галет, сухарей и обглоданных, вероятно, собачьих костей, а также грязными эмалированными кружками и гранёными стаканами. И на столе, и повсюду на полу стояли, а чаще валялись пустые бутылки из-под водки, местного вина и пива. Интерьер дополняла грубо сколоченная лавка, две колченогих табуретки и тахта, застеленная грязными рванными одеялами, на которой лицом к стене спал маленький седой мужичонка. На лавке сидели мало чего соображающие смурной мужик со шрамом на щеке и махонькая якутка. В комнате стоял тяжелый запах немытого тела, блевотины и дыма от плохой тяги топившейся печки. Грязища была неопиcуемая. Мой проводник, только переступив порог, стал «качать права», ведя разоблачительные речи и шаря взглядом по столу в поисках алкоголя. Поняв, что зря сюда попал, я развернулся и вышел. «Саныч, стой», - сказал вышедший следом «Вергилий»; потом добавил: «Гляди-ка!» и зажёл спичку, осветив сени. В углу стояли две здоровенные деревянные бочки. На три четверти они были полны замерзшей водой. Из льда торчали хвосты и морды собак различных мастей и пород, с некоторых наполовину были сняты шкуры. Зрелище, однако, не для слабонервных. Поразительно всё же, до каких глубин падения способен дойти Номо sapiens! Ещё, повторюсь, удивительно, что место это находилось почти в центре благоустроенного посёлка. А где же была санэпидемстанция? Вместе с тем, стало ясно, что поиски можно закончить, тем более что и начинать-то их было глупо.

Теперь чуть-чуть о *кошках*. В Сеймчане у многих из них, даже сугубо домашних и ухоженных, были отморожены кончики ушей и хвостов, отчего выглядели они подчас непривычно для впервые прибывших сюда жителей «материка». Сколько я знаю, в нашей экспедиции в поле их не брали. А вот на Новой Земле в составе Арктической экспедиции на рубеже 80-ых годов прошлого века наличествовала кошка-ленинградка по имени Муська. Вообще-то завезли её нелегально, поскольку привозить с материка кошек и собак запрещалось, но на спецрейсе из а/п Ржевка всё можно. Вот Муська и оказалась в Пермском отряде на юго-востоке архипелага. Она кочевала со стоянки на стоянку на вездеходе, а когда геологи ходили в маршруты, дружила с оставшимся на лагере дежурным или блаженно спала на чьём-нибудь спальном мешке под вой ветра. Всё.

Олени. Северный «домашний» олень особенно летом, когда линяет, редко выглядит так, как на фотографиях в глянцевах журналах для пассажиров международных авиалиний. Обычно он невелик (масса редко достигает 60 кг) и слаб - максимально может везти груз 25 кг. Исключение составляют ездовые олени (учуги). В сезонных партиях для переброски полевого снаряжения и продовольствия на 12-15 человек с одного лагеря на другой требуется не менее 25-30 оленей. Конечно, для местного населения таёжных районов и тундры, особенно в прежние времена, они – незаменимы. Со школьной скамьи мы знаем, что эти животные обеспечивают аборигенов и одеждой (кухлянки, торбаза и т.д.), и жилищем (чумы, яранги и т.д.), и продовольствием, служат средством передвижения. Вместе с тем, те два полевых сезона, в течение которых я общался с этими парнокопытными, не привели меня к заключению, что олень – это личность. Возможно,

ещё и потому, что был я тогда молод, неопытен (чуть за двадцать), да и общаться с ними столь близко и непосредственно, как потом с лошадьми, не пришлось. На мой сугубо субъективный, подчёркиваю, взгляд, олень - достаточно примитивное животное с невысоким интеллектом. Его большое достоинство - неприхотливость. Помимо любимой пищи – ягеля, который в тайге хоть и обычен, но распространён всё же не повсеместно, олени едят побеги карликовой берёзки, тальника и других кустарников. Большим лакомством для оленей являются грибы. Когда они появляются, олени начинают убегать со стоянок и приходится тратить время на их поиски; поедают, между прочим, олени иногда мышек-полёвок и леммингов. Донимают оленей, как и всех других, в тайге и тундре кровососущие насекомые. В первую очередь, конечно, комары и мошка. На любой стоянке, если место не было продувным, каюры делали для оленей дымокуры из гнилушек и влажного мха сфагнума. А вот оводы (местное название – пауты), на которых хорошо ловится хариус, умудряются прокусывать линиялю в это время года шкуру оленей и откладывать туда свои яйца. Из них вырастают крупные (до 2 см) овальной формы личинки мерзкого вида, от чего шкура оленей становится бугристой. В первый же сезон, на Вилуе, меня поразило (точнее, передёрнуло), когда каюр-якут и его жена эвенка вытаскивали из-под шкуры убитого оленя эти личинки и с удовольствием поедали их содержимое. Оказывается, у всех северных народов это чуть ли не лакомство. Ещё бич оленей – болезнь «копытка». Установлено, что это заболевание (некробациллёз) бактериального происхождения. У оленей развивается хромота, появляются язвы, идёт воспалительный процесс. Они отстают от стада. Таких оленей пристреливают. Начинается эта болезнь чаще всего после таяния снега, когда наступает жара. Люди, кажется, этой болезни не подвержены.

Олени хорошо плавают. Главное – загнать их в воду; а уж как их вожак поплыл – все за ним. При работе с оленями, как и с любыми выючными животными, очень велика роль каюров. А с северными народами общаться не всегда легко. Когда они не хотят, их очень трудно заставить отправиться в путь: найдётся тысяча причин, почему нельзя двигаться дальше.

На Западной Чукотке в бассейнах рек Олая, Бол. Анюя, а также в верховьях р. Пенжины (это уже Камчатская область) олени стада кочуют из года в год. Характерный запах, который подчас улавливал мой длинный нос, позволял иногда, находясь в маршруте на горных грядках, устанавливать приближение чукчей или ламутов с оленями. Очень интересно выглядит стадо издалека, на какой-нибудь высокой и широкой водно-ледниковой террасе реки. Животные всё время находятся в движении по кругу или спирали. Поразительно, как опытные аборигены, глядя на незнакомое стадо, достаточно точно сразу же определяют количество оленей. Например: «Олешек 3000, однако, будет». Оказывается, что так и есть. В открытых и почти лишённых деревьев долинах и в летние месяцы можно встретить упряжку оленей, везущих на нартах с толстыми полозьями детишек и пожилого каюра. Скольжение нарт по ягелю вполне сносное, особенно после дождя.

Теперь о появлении на божий свет оленьего потомства. Как правило, роженицы освобождаются от бремени легко, да и беременность их далеко не всегда визуально заметна. Когда оленёнок появляется на свет, мать вылизывает его, а он, чуть-чуть полежав, пытается встать на свои, кажущиеся очень длинными, тонкие ножки. Раза с третьего это ему удаётся и уже через день он может вместе с караваном пройти километров десять по тайге до новой стоянки. Как и все дети, выглядят они очень мило. Мать их радуется и оберегает: прежде всего, от собак.

В заключение маленький эпизодик с участием оленей и собак. Как-то в тумане, спускаясь с горы в долину реки, мы с рабочим, выйдя из облаков, увидели яранги, около них ламутов, собак, а далеко за ними оленьё стадо. Ветер был от нас, и мы не думали, что встретим аборигенов. Я по ряду причин не очень-то любил такие встречи (о чём, кстати,

сейчас жалею); чувствовал себя скованно, каким-то «сахибом», что ли. Не нравилась их грязь, иногда назойливое попрошайничество и т.д. Но деваться было некуда, они уже спешили к нам. Это были женщины, дети-школьники на каникулах и старики. Но впереди них бежали собаки. Это были мелкие лайки-оленегонки. Очень координированные и быстрые, умеющие сгонять разбредшихся оленей в одно стадо. Многие из них, впрочем, бежали, слегка прихрамывая. Когда они приблизились, то мы увидели, что бегут они на трёх лапах, а одна передняя привязана материей к шее. Мы решили, что лапы у них повреждены. Но оказалось, что им специально привязывают лапы, чтобы они меньше гоняли оленей. Между прочим, в пос. Омолон я не раз видел собак-инвалидов, прекрасно бегающих на трёх лапах. Зимой некоторые из них даже ходили в упряжке. Слышал ещё, что собака может бегать на двух лапах, но они должны быть по диагонали. Не байка ли?

Лошади. С лошадьми в полевых условиях мне впервые пришлось познакомиться в 1965 г. в Билибинском районе (Западная Чукотка) на преддипломной практике после 5-ого курса (срок учёбы составлял тогда пять лет четыре месяца, а защита дипломов проходила в конце декабря). Запомнилась переправа на лошадях в начале сезона (кажется, в конце июня) через р. Ильгуею – правый приток довольно большой р. Олой. Наступало тёплое время. Снег на сопках интенсивно таял; стояла большая вода с довольно сильным течением и бурунами на перекатах, которые не всегда были чётко видны. Выбрав подходящее место, крепко сбитый, лет тридцати каюр (конюх) Володя рассадил нас на лошадей. Сам сел на жеребца и переправа началась. Всё прошло благополучно. С седла никого не смыло. Никто особенно не вымок, да и плыть лошадям пришлось метра три-четыре, не больше; остальное время переправы они не отрывали копыт от дна. Лишь одна лошадь, выбираясь на противоположный берег, с трудом преодолела скользкий глинисто-каменистый подъём, едва не скинув всадника. Всё же некоторый напуг при переправе имел место.

Лошадей было шесть. Обычно большая часть среди тех, которых берут в поле – мерин, но обязательно должна быть и кобыла. Она у них всегда за жока, и они следуют за ней безропотно. Однако она же чаще всего является инициатором побегов. Причём лошади могут ночью уйти не только путанные (т.е. с путами на передних ногах), но и стреноженные. Состав нашего конного отряда был не совсем обычный – три мерина, две кобылы (опытная старая и молодая, но уже объезженная трёхлетка) и жеребец. Он, вероятно, был не местный («якутской» породы), а «материковский», так как был крупный и достаточно длинноногий. Этот жеребец доставлял каюрам массу хлопот, всё время подкатываясь к кобылам. Поэтому на ночь его нередко привязывали к деревьям, что крайне неудобно, так как лошадь на длинной верёвке начинает путаться. Вьючили его втроём или даже вчетвером, крепко привязывая морду к дереву коротким поводом.

Как-то во второй половине сезона отряд переходил на новую стоянку. Нам, двоим студентам, поручили сопровождать каюров. Мы должны были помочь им ориентироваться и следить, а, при возможности, помочь поймать жеребца, которому удалось убежать (не помню каким образом) не завьюченным. Переход был довольно длинный – более 10 км и с перевалом. У жеребца «выиграло ретивое» (это периодически случалось, но тут было что-то!). Он совсем ополоумел. Всё время нашего следования оглашал просторы лесотундры заливающим ржанием, бил копытами о землю так, что в стороны летели комья грязи и камни, а его устрашающее возбуждённое естество периодически билось о живот. Он двигался параллельным курсом, оказываясь то впереди нас, то сзади и стремясь приблизиться к кобылам, но, в то же время, стараясь не попасть в наши руки. Лишь когда мы пришли на стоянку и развьючили лошадей, а потом привязали кобыл к деревьям, положив около них длинные верёвки с петлями, каюрам всё же удалось захлестнуть ноги жеребца и повалить на землю. После чего все бросились на

поверженного возмутителя чукотской тишины, и каюрам удалось, наконец, его взнуздать. Потом, уж не помню, как, каюры привязали его накоротко к дереву и хорошо отутюжили спину.

Ближе к концу сезона *Валерия Шмелёва* (см. выше) и меня отправили на базу с поручением привезти хлеб, который должен был испечь завхоз, и ещё какие-то продукты по мелочи. У Валеры был большой опыт обращения с лошадьми, я же в этот день впервые проехал, слезая, кажется, один раз, километров 25-30. Сёдла были, естественно, выючные с двумя крючьями с каждой стороны для того, чтобы вешать на них сумы. Мы постелили на них ватники, чтобы было мягко сидеть и чтобы при неожиданном рывке лошади не удариться об упомянутые выше крючья. Лошади вели себя спокойно, добрались мы без проблем, но всё же, когда я слез, то первые шаги делал на каких-то не своих ногах.

В дальнейшем на Северо-Востоке Азии мне ещё 10 раз довелось работать в партиях, где внутренним транспортом были лошади в количестве 5-6 голов; при этом четыре раза руководить перегоним лошадей либо после полевого сезона в населённый пункт, где их потом грузили на самолёт Ан-2 или вертолёт Ми-8 для доставки к месту постоянного пребывания, либо, наоборот, в начале сезона, получив их на конбазе и доставив затем на перевальный населённый пункт, вести с каюрами до базы полевой партии (отряда). Конечно, после полевого сезона перегонять лошадей несравненно легче. Во-первых, сам ты и рабочие в хорошей физической форме; во-вторых (что, может, даже и важнее), лошади к каюрам и к тебе привыкли до того, что подчас, когда их седлаешь или выючишь, позволяют пролезать под их брюхом, чем, впрочем, злоупотреблять не следует. А вот в начале сезона, когда приходишь на конбазу и видишь, как за оградой их арканят, а потом взнуздывают, порой мороз пробирает по коже: до чего они кажутся свободолюбивыми и строптивыми. Провести их от конбазы до аэропорта (7 км) тоже не так-то просто. Не хотят они идти – упираются, дёргают повод, пытаются наступить тебе на пятки (а это больно!), некоторые кусают в плечо или предплечье (очень больно!) и т.д. После такого укуса иногда надолго остаётся фиолетово-лиловая гематома со следами зубов. «Почеловечески» их понять можно: бегаешь себе в вольере, ешь вволю сено и иногда ячмень, овёс, конюхи все знакомые, а тут отдают тебя каким-то неприятным дядькам, а те тащат куда-то в неведомое, подальше от стойла.

Характеры лошадей не менее разнообразны, чем людские. Среди них есть оптимисты, есть пессимисты, меланхолики-пофигисты и т.д. Есть большие хитрованы, есть простаки и прочее. Естественно, все тонкости их лошадиной психологии постигаешь не сразу, тем более, что это дело каюра (конюха).

Но начнём по порядку. Погрузка лошадей в авиатранспорт а/п пос. Сеймчан чаще всего производилась либо в дальнем конце аэродрома, ближе к лесу, либо (что реже), наоборот, ближе к аэропорту; во всяком случае, подальше от полосы, где садились рейсовые Ил-14, Ли-2, а потом – Як-40 или Ан-24. Зрелище это почти всегда было эпическое. Свободные от полётов лётчики, бортмеханики, наземные авиатехники и т.д., а также транзитные пассажиры и местные, ожидавшие прихода борта, да и просто зеваки, а также местные бичи, которых всегда около а/п было в достатке, с удовольствием становились зрителями и спешили к месту действия.

Погрузка в Ан-2. Для погрузки обычно изготавливали трап с перилами выше крупы лошади, а также станок, который заносили в самолёт. Был он весьма примитивен: тремя поперечными досками скрепляли три-четыре доски длиной более 2 м; при этом поперечины выходили за края пола сантиметров на 30-40 с каждой стороны. Это делалось для того, чтобы прибить к ним укосины, необходимые для поддержки вертикальных досок, к которым с внутренней стороны прибивали затем несколько продольных досок до высоты, близкой грудной клетке лошади. Впереди также прибивали доски три, к средней из которых потом накоротко привязывали повод лошади. Сзади, естественно, досок не

было, их вставляли после того, как лошадь заведена в станок. Чаще же вместо досок прямо под задом лошади привязывались верёвки. В идеале так, чтобы они не давали лошади действовать задними ногами. Станок, естественно, должен быть крепким, с хорошими стойками и надёжно скреплён гвоздями.

Перед началом погрузки лошадь следовало поводить взад-вперёд, чтобы она попривыкла и не нервничала. На шее каждой полевой лошади всегда, кроме уздечки (иногда и с мундштуком), обязательно должен быть повод из верёвки длиной метра в 4-5. Завязывается он прямо на шее якутским (каюрским) узлом так, что не затягивается, но если нужно снять, то, дёрнув за короткий конец его легко развязать (это чтобы лошадь не удавить при экстремальных ситуациях). Вот к этому поводу нередко и привязывается очень длинный фал. Его другой конец продевается в кольцо (крюк) примерно в центре правого борта самолёта. Один человек (с опытом обращения с конями) ведёт лошадь за повод рукой поближе к морде, а два-три человека начинают тащить фал через кольцо сначала в самолёте, а затем выпрыгнув из него или передав другим, двигаясь в сторону от самолёта. Здесь бывает масса нюансов, что зависит и от лошади, и от людей. Лошади крутят мордой, шарахаются, упираются задними ногами, иногда пытаются встать на дыбы и ударить того, кто их тянет за повод, передними ногами. Сзади кто-нибудь дубасит животное по задку, либо же человека два, находясь по обе стороны от него, верёвкой подпирают сзади под коленками и тащат в сторону самолёта. Когда и так не получается, то, если только лошади не удалось вырваться и убежать, её привязывают к какому-нибудь столбу и дают время успокоиться. Затем на конце фала делается удавка и заводится за задние зубы нижней челюсти. Тогда лошадь тащат и за повод, и за фал, упирая на последний. Это для лошади очень болезненно, и большинство из них уже не могут сопротивляться так интенсивно, как раньше. (Кстати, в экспедиции был случай, когда удавкой из фала лошади отрезало язык, и она умерла от потери крови). Дальше главное - завести лошадь на трап, перед которым она обычно пытается тормозить передними ногами и встать боком. Здесь как раз очень эффективно поджимать её сзади ниже колен верёвкой, двигая вперёд. Это очень ответственный момент, и человек, который ведёт лошадь в поводу, не должен медлить, а как можно быстрее забежать в самолёт и пройти в узкое пространство между станком и левым бортом Ан-2, таща лошадь в станок. Сзади тоже кто-то должен стимулировать её к этому. Как только лошадь оказалась в станке, тот, кто впереди, как можно скорее и покороче привязывает повод к поперечной доске впереди станка, одновременно с другой стороны станка закрепляется верёвка, подпирающая лошадь сзади. Тут все вытирают пот и поздравляют друг друга с завершением этого этапа. Это в теории. А на практике чего только не происходило. Подчас действие было очень зрелищно. К сожалению, тогда не было современной цифровой техники, чтобы успеть зафиксировать этот момент. Бывали случаи, когда лошадь вырывалась, вставала на дыбы и била задом налево - направо, а все разбежались кто куда, подчас в спешке падая и молниеносно вскакивая. Случалось и так, что конь, находясь уже в станке, умудрялся, имея некоторые степени свободы, разметать станок и выскочить из самолёта. Я сам был тому свидетель, помогая коллегам другой партии грузить лошадей. Мы грузили их в станки, которые делали где-то на стороне. Они были сбиты из горбыля и имели хлипкий вид. Когда жеребец был уже в станке, куда вошёл хоть и, сопротивляясь, но не очень сильно, то, пока сзади него закрепляли верёвки, стал дёргать головой сверху вниз. В результате ему удалось оторвать переднюю поперечину и ринуться задом в сторону выхода. Я находился слева от станка и собирался выходить. *Витя*, который был сзади жеребца, буквально улетел в самый хвост самолёта, который, к счастью, был ничем не загружен. Конь выскочил из самолёта с доской, из которой торчали гвозди, и стал выписывать всяческие кульбиты. Все разбежались. Он долго не мог успокоиться. В тот день мы его уже больше не отважились беспокоить, дали прийти в себя и поймали только к вечеру. Однако бывали и такие лошадиные персонажи, что, глядя

на их поведение при первом знакомстве, было страшно подумать, как будем заводить их в самолёт. И вдруг они почти совершенно спокойно и без сильного принуждения бодренько сами заскакивали внутрь Ан-2.

Другой вариант погрузки, который мы чаще использовали осенью при возвращении животных на конбазу, когда уже хорошо их знали, - без трапа. Животное также подтягивают за фал, пытаюсь подвести как можно ближе к самолёту, а затем два человека по разные стороны от лошади (если она сильная, то лучше больше) одновременно хватают один правую, другой левую ноги и ставят на пол самолёта. Далее им нужно подумать о своей безопасности, а третьему человеку лупить её по задку, и лошадь «залетает» в самолёт, иногда чуть не ударяясь головой о потолок. Затем следует операция, уже описанная выше, причём тот, кто привязывает лошадь впереди, должен находиться в самолёте уже тогда, когда её подвели к трапу. Это довольно рискованный, но в то же время эффективный и быстрый способ загрузки. Ещё и потому, что некоторые лошади боятся трапа.

Большинство лошадей предпочитают бить задними ногами, гораздо реже – передними, и это очень опасно. Один раз я был свидетелем, как лошадь, к счастью вскользя, ударила передним копытом сумевшего вовремя среагировать рабочего, всё же он отлетел от неё метра на три. Есть, как уже писал, особи, которые любят кусаться. Большинство лошадей предпочитают какой-нибудь один из этих трёх вариантов отстаивания своей независимости, и когда ты знаком с лошадиным персоналом, то знаешь, что от кого можно ожидать. Однако встречаются и такие черти (к счастью, крайне редко), которые бьют и передними, и задними копытами, да ещё и кусаются. При погрузке и реже выгрузке лошадей бывали случаи, когда животное копытом пробивало закрылок борта и т.д.

Погрузка в Ми-8. Грузить лошадей в Ми-8, которые стали приходить на смену бензиновым Ми-4 в нашем регионе в середине 70-ых годов, при прочих равных условиях гораздо легче. К тому же туда помещается два станка и ещё остаётся довольно много места для сопровождающих и груза. При погрузке сначала в вертушку ставят один станок, заноса его сзади, а затем заводят лошадь (никакого трапа здесь не надо, поскольку им служит нижняя часть вертолётки). Затем ставят второй станок и заводят вторую лошадь. В Ми-8 они обычно и вели себя спокойней, вдвоём-то веселей!

Теперь *о перевозке лошадей.* Сопровождающий должен иметь при себе ТТ или револьвер системы наган. Как исключение – ружьё или карабин, но, учитывая их габариты, орудовать ими в случае надобности в узком пространстве около станка весьма неудобно. Мне пришлось в Ан-2 и Ми-8 сопровождать лошадей несколько раз, и только один раз мерин повёл себя очень нервно. Пытался брыкаться и т.д. Начал нервничать и бортмеханик, который сидел впереди станка у кабины пилотов. Он апеллировал к ним, требуя применить оружие. Я, находясь слева по борту и соответственно сбоку от лошади, попросил бортмеханика успокоиться и стал, хоть и сам нервничал, гладить и шептать на ухо мерину какую-то чушь. К моей радости (и гордости) он, наложив большую кучу, успокоился. Однако бывали случаи, когда лошадей приходилось застрелить, иначе могло бы произойти крушение самолёта.

Перегоны лошадей. Самый тяжёлый и длинный перегон от пос. Омолон до верховьев р. Пенжины, в котором я участвовал, описан выше. Верхом, как правило, едешь редко. В основном, либо ведёшь лошадь в поводу, либо идёшь впереди каравана или сбоку от него.

Самые ответственные места, где надо быть бдительным, это – водотоки, которые нужно форсировать (особенно вплавь, когда тебя смыкает с седла и ты держишься за него или за шею лошади); участки тайги, где были пожары, со старыми гарями и густейшим молодым мелкоколесьем, а также участки буреломов; широкие долины крупных рек с

«таликами» и каменистые участки склонов, когда пересекаешь горную грядку, идя к перевалу.

Лошади, конечно, хорошо плавают и воду любят, но загнать их туда, особенно завьюченных, порой бывает очень сложно. Случалось, что лошадь уже прошла по длинному перекасту большую часть реки - до берега совсем близко, и тут она вырывается, стремясь кратчайшим путём добраться до него. Но там глубина; она плывёт, её сносит вниз по течению (а вместе с ней иногда и сопровождающего). Начинается крутой участок берега, на который сложно выбраться, тогда лошадь поворачивается и плывёт к тому берегу, с которого стартовала. Кобылы обычно ведут себя на переправах более умно и уверенно, но не всегда, конечно.

Иногда при переходе попадаются такие участки тайги, что приходится орудовать топором, чтобы прокладывать дорогу и не рвать в клочья вьючные сумы. Еще хуже участки буреломов, которые порой с лошадьми бывает не преодолеть, и приходится их обходить.

Теперь про долины крупных рек с таликами. Ширина долины р. Омолон ниже одноименного посёлка кое-где достигает 15-20 км. Она представляет собой преимущественно малозалесённые участки с марями и кочкой разной высоты, болотными озерцами с открытой водой, а также коварными таликами, где отсутствует мерзлота до глубины 3-5 и более метров. Кроме того, на этой площади много стариц и проток, а также реликты террас различных уровней, образующих возвышенности, покрытые густым лесом, где превалирует чозения, иногда высотой с трёх-четырёхэтажный дом, а также осина и редко берёза. В середине 60-х годов на левом берегу Омолона в этой долине, называемой «Долиной смерти», при следовании в пос. Омолон каравана из шести лошадей пять утонуло на глазах у сопровождающих их геолога и рабочих. Геолог, донской казак по месту рождения, трепетно относящийся к лошадям, чуть ли не со слезами на глазах рассказывал, что через участок, который показался им опасным, они вели лошадей в поводу, и сами, хоть проваливались, но не глубже колена. Вдруг лошади, за их спиной, стали проваливаться, постепенно погружаясь в трясину всё глубже и глубже. Сделать что-либо было невозможно. Некоторые животные, уже погружившиеся в эти «колодцы» по грудь, довольно невозмутимо продолжали щипать зелёную осоку по краям колодцев. Три года спустя, в сентябре 1969 г. я с тремя рабочими перегонял лошадей от базы нашей партии на р. Карбасчан до пос. Омолон. Это был правый берег Омолона. Долина здесь выше устья р. Талалах (правого притока р. Омолон) была не столь опасна, как на левом берегу, тем не менее, кое-где её ширина достигала 8км, обычно же не более 5-6 км. Нам удавалось идти по реликтам песчано-галечных террас 8-метрового уровня. Между ними были заболоченные участки. Потом участки террас кончились и лафа тоже. Нам надо было либо отворачивать к северу от нашего пути, где километрах в трёх начинались очень пологие склоны с развитием солифлюкционных процессов, либо продолжать свой путь по открытой плоской долине с очень редкими чахоточными, обычно сухими лиственницами. Мы предпочли второй вариант. Вырубили шесты и осторожно двигались вперёд. Наш жеребец всё же провалился, и его стало очень медленно засасывать в трясину. Повезло, что чуть в стороне, метрах в шести, были более-менее твёрдые участки. Для начала мы подвели под грудь коня жерди из сухих лиственниц, и сумели к седлу привязать верёвки, другие концы которых закрепили на сёдлах двух наиболее надёжных лошадей, которые стояли на более-менее твёрдой почве. Затем, понукая лошадей и впрягшись сами, стали вытаскивать засасываемого, особенно не веря в удачу. Однако получилось. Через полтора дня мы уже шли по натопанной дороге к посёлку. Лошади, чувствуя близость жилья и грядущего отдыха, километров за пятнадцать до посёлка пошли очень резво, толкая нас в спину своими мордами и норовя копытами наступить на пятки.

Был ещё случай, когда при следовании каравана вдоль подножия, казалось бы, чуть ли не скального склона северной экспозиции, конь по самую грудь провалился в термокарстовую яму, на дне которой был лёд и крепко там застрял. Караван сопровождали два каюра и двое супругов-студентов из Киевского университета. Мы, геологи, после небольшого отдыха на базе перед очередным заходом, отправили их пораньше с тем, чтобы они установили лагерь, а мы на следующий день тремя парами вышли к нему маршрутами. Когда вечером этого дня явились студенты и заявили о случившемся, мы сидели в палатке и гоняли чай. Пришлось, захватив кайло, лопаты и верёвки, отправиться, на ночь глядя, к месту происшествия, благо стоял полярный день. Конь находился в узкой трещине. Выглядел жалко, его бил озноб. Мы вырубili две жерди, концы которых подтесали, и с помощью кайла и лопат несколько разровняли мёрзлый грунт перед грудью коня. Затем подвели жерди-лаги под его грудь, чтобы использовать их в качестве рычагов для подъёма животного; после чего, привязав (что было непросто) верёвки к седлу коня, одну из них закрепили на седле лошади, а другую решили тянуть сами, перебросив её через наклонное дерево, стоящее недалеко. Все детали спасательной операции я не помню. По её ходу в наше действо вносились коррективы, в результате которых мученик, в конце концов, покинул злосчастную яму. Все устали и даже не заметили, как ночную прохладу сменило утреннее солнце, стало тепло. Спасенный конь тяжело дышал, его била мелкая дрожь, но уже часа через два был завьючен и успешно добрёл до стоянки.

А билибинские геологи (т.е. те, кто работали в Анюйском РайГРУ на Западной Чукотке и жили в Билибино) перегоняли лошадей после окончания сезона на конбазу в пос. Петушки, что около пос. Черского в приустьевой части Колымы, на расстояние до и более 500 км!.

Теперь о лошадях «в бегах». Когда я первый год работал в Сеймчанской КГРЭ, в августе месяце мы на двух резиновых лодках грузоподъёмностью по 500 кг и одной – 300 кг сплавлялись по р. Омолон. На восточную границу нашей территории (листа м-ба 1:200 000) нас забросил вертолёт. Мы делали маршруты по правобережью реки (это уже Западная Чукотка), затем сплавлялись ниже по течению и т.д. Погода стояла прекрасная. Сплав был великолепен, а река и окружающие пейзажи достойны иллюстрированных журналов. Когда мы оказались чуть выше устья р. Бургачан, левого притока Омолон, где была наша база, начальник отправил меня и моего напарника радиометриста *Витю Свистунова* на базу (около 9 км), чтобы опробовать участок в районе руч. Извилистый (левого притока р. Бургачан), где шлиховым отрядом *Ю.В. Казьмина* был выявлен устойчивый ореол золота с весовыми содержаниями, а я в маршруте на окружающих сопках первый обнаружил мощную зону окварцевания с редкой сульфидной минерализацией. Во время нашего сплава лошади и каюры находились на базе партии. Переплыв Омолон, мы спустили из лодки воздух и пошли на базу. Чуть больше недели мы отбирали пробы, а затем вернулись на базу. Там взяли продукты и всякую мелочь и впятером с лошадьми отправились на северо-запад территории, чтобы там к нам, переплыв Омолон, присоединились участники сплава. Выйдя во второй половине дня, мы прошли около 7 км до берега р. Кедон, где собирались перейти её вброд. Но вечером это не получилось. На следующий день мы всё же нашли очень длинный косой пережат (вначале по течению, затем против течения реки) и, хоть и вымокнув, но перешли на другую сторону вброд. Предстояло ещё пересечь сильно залесённую и изрезанную старицами и протоками (которые каждый год меняли свои русла, так что карте и старым аэрофотоснимкам не очень-то можно было доверять) долину реки шириной километра в 3-4. Опять пришлось помокнуть. Всё же я думал, что дня через полтора мы будем на месте (нужно было пройти около 25 км). Идти вниз по левому берегу долины р. Омолон можно было либо у топкого и залесённого подножия сопки, либо непосредственно по песчаному склону, поросшему кедровым стлаником, где

местами была натоптана звериная тропа. Мы сделали неплохой переход, но меньший, чем я ожидал. Место для стоянки было неплохое, но травы для лошадей было мало. Молодой каюр молчал, старый (лет 42-45, кадровый офицер, участник ВОВ, отсидевший срок за убийство любовника жены по возвращении домой) роптал. Всё же я посчитал, что лучше остановиться – немного травы всё-таки было, и ещё коням дали овса. Кобылу, жеребца и ещё одного свobodолюбивого мерина на всякий случай спутали; поели и собрались спать. В этот день ещё с утра задул холодный ветер, и стало прохладно. Когда мы проснулись и вылезли из палатки, то всё вокруг было бело. Снега выпало сантиметров десять. Было это – примерно 27 августа. А лошадей-то – ищи свищи. И следов не видно. Походили – поискали, да и отправились мы с Витей пешком к ожидающим нас коллегам. Подойдя к берегу реки напротив их предполагаемой стоянки, пустили ракету, покричали. Вскоре появилась резиновая лодка. Они обрадовались, что мы пришли так быстро, но обрадовались преждевременно. Здесь поясню, что даже на базе партии у нас была портативная рация «Недра», поскольку раций типа РПМС или Р-4М в экспедиции нехватало, а до стационарной разведочной партии Калык от нашей базы в направлении на юг было около 30 км, вниз по р. Бургачан. Поэтому нам и дали такую рацию, связь с Калыком по ней, однако, была ужасная (почти никакая). Не буду останавливаться на деталях, но пришлось часть груза и камней залабазировать. Работали мы, перетаскивая груз на себе, затем ходили в маршруты. Но всё кончается. И вот ведь поразительно, лошадей искали и с вертолётa (мы всё же сумели сообщить об этом в экспедицию), но ничего сверху видно не было. 18 сентября мы закончили работы и собрались, забрав то, что можем унести, а остальное залабазировав, идти на базу. День распогодился, было солнечно и ветрено. И тут мы с небольшой вершины на левом берегу р. Кедона, откуда был хороший обзор, увидели наших лошадей. По карте оказалось – около 3 км. У нас были с собой на всякий случай верёвки и уздечки. Пошли к лошадям. Слава богу, они никуда не делись, а мирно паслись, с удовольствием хрумкая хоть и прихваченную морозцем, но всё ещё сочную высокую траву. Увидев нас, эти черти радостно заржали и побежали (!) к нам. Соскучились, оказывается. Вид у них был очень довольный, а бока очень круглые. 23 сентября караван с лошадьми и сопровождающими под началом старшего геолога отправился на перевал-базу для дальнейшего перелёта в пос. Сеймчан.

Подобный, ещё более поразительный случай на ту же тему имел место в том же (1967) году в соседней партии известного магаданского геолога-петрографа светлой памяти *Павла Петровича Лычагина*. Их лошади ушли в бега чуть ли не в первый же день начала работ, их тоже безуспешно искали и так, и с вертолётa. Когда же полевой сезон, потребовавший много сил и пота, был завершён и коллектив вернулся на базу, следом за ними в тот же день пришли крутобокие справные кони. Всё это чистая правда.

В 1970 году, когда я под началом уже не раз упомянутого здесь *Валерия Шмелёва* работал в бассейне р. Алы-Юрях, лошади тоже ушли от нас в первые дни нашей работы. Всё правобережье р. Алы-Юрях пришлось картировать, таская всё на себе. Потом они сами пришли на базу в наше отсутствие. Больше с ними проблем в том году не было.

В 1976 году полевая база нашего Хебикенджинского отряда располагалась на бровке высокой террасы правого берега р. Русская Коркодонская. С террасы открывался прекрасный вид на широченную долину реки, за которой в голубой дали величаво вздымался горный массив с относительными превышениями более 1000 м. Растительности в долине было мало, и, в основном, - кустарники, обрамлявшие несколько мелководных русел реки. Лошадям здесь было раздолье – вдоволь травы и твёрдый грунт под копытами, да и каюрам, когда мы находились на базе, хорошо – видно коней издалека. В составе отряда был двадцатичетырёхлетний геолог *Коля Усачёв*, выпускник геофака МГУ. Он распределился в нашу экспедицию и, проработав год на геосъёмке м-ба 1:50 000, был на год призван рядовым в ряды Советской Армии, а после службы попал в мой отряд на среднемасштабное геокартирование. *Коля (Николай Андреевич)* – личность

исключительная, по-настоящему нордическая. Он и по происхождению (из поморов), и по поведению, и по общему настрою очень напоминает главного героя романа *Олега Куваева* «Территория» молодого геолога *Баклакова*. В нём сочетаются прекрасный природный ум и физическое развитие, творческая смекалка, золотые руки, смелость, бесстрашие и авантюризм, а также почти патологическая жажда справедливости. Кстати, его кумиром в те времена был Че Гевара и, прекрасно учась в университете, Коля одно время собирался ему на помощь в Латинскую Америку (в иностранный легион). Именно он, на следующий год после моего отъезда с семьёй на материк, на нашем листе (к северу от территории работ моего отряда в 76-77 гг.), открыл перспективное золото-серебряное проявление, которое довёл через все стадии поиска и разведки до, всем теперь известного, крупного месторождения Кубака. Уже после перестройки из рук *Примакова* получил за это Государственную премию и значок первооткрывателя. Ещё *Коля* – Заслуженный геолог России. В университете он успешно занимался боксом и конкуром. Тогда он был средневес и, живя в общежитии МГУ, подрабатывал в качестве спарринг-партнёра легендарного олимпийского чемпиона *Бориса Лагутина*. Лыжи *Коля* любил с детства, но специально никогда ими не занимался, однако на поселковых соревнованиях пробегал десятку наравне с местными лидерами близко к первому разряду. А ещё *Коля* – прекрасный рыбак и охотник (в одну из зим брал лицензию на отстрел соболя и белки). О нём можно рассказывать долго, но здесь опишу лишь один из характеризующих его сюжетов, тем более что он связан с лошадьми. Осенью, когда мы, закончив съёмку и вернувшись на базу отряда, сидели в палатке и камералили, к нам заглянул рабочий и сказал, что по долине в нашу сторону движется вездеход. Этот гусеничный транспорт стал использоваться в отрядах м-ба 1:50.000 недавно. Однако сейчас на нём прибыл Лесохотнадзор, который даже не знал о существовании нашей базы и оказался здесь проездом. Я воспринял появление их представителя спокойно. На мясо сохатого у нас была лицензия, пеньки после поруба – нужной высоты, туалет имелся и т.д. Начальник группы, показав ксиву, вошёл в палатку и сел на нары: «Акт будем составлять». «Это почему же?» – удивился я, но причина-то, оказывается, была. Завхоз, находясь в наше отсутствие на базе, соорудил выше неё в кустах на главном русле реки небольшую запруду. Мы о существовании её даже не подозревали. Спускавшиеся в это время вниз по течению хариус и сиг-конёк (серюк), а заодно иногда и утки попадались в корзину. Хитрован завхоз умудрялся потрошить и солить рыбу в кустах, втихая от нас. Честно говоря, с таким коварством мы все столкнулись впервые. Я мигнул *Коле*, и пока представитель Лесохотнадзора составлял акт, тот успел поставить на стол бутылку и закуску. Начались дипломатические переговоры, закончившиеся рукопожатиями и похлопываниями по плечу; тем более, что у нас нашлись общие хорошие знакомые. Но это только половина истории. Далее же было следующее. Часа через два, когда уже солнце начало садиться за горной грядой, *Коля* вдруг, ударив себя в лоб, вспомнил, что ниже базы там, где все ручейки сливается в одно русло, он сутки тому назад растянул длинный, но не более метра высоты бредень и уже успел утром вытащить несколько хариусов, которые засолил и сейчас они лежали на кухне. «А ведь 71-ый двинул по руслу. Уж не сняли ли они бредень? Чёрт бы с ним, но он – не мой, я должен его вернуть!». Я стал отговаривать *Колю*, ссылаясь на то, что часа через два будет темно и вездеход уже далеко, но убеждать *Колю*, если он что-то решил твёрдо, все равно, что писать против ветра. Среди наших коней была красивая и высокая норовистая кобыла-трёхлетка. *Коля* сумел объездить её, она его любила и слушалась. Специально для неё он взял в поле кавалерийское седло. Заседлав кобылу, *Коля* с ружьём-вертикалкой за спиной прыгнул в седло и поскакал вниз по долине реки. Возвратился он во втором часу ночи, когда темень была хоть «выколи глаз», луны не было, и мы начали волноваться. Но вот и он, потный, и как всегда, невозмутимый. «Ну чего?» – это мы. – «Нормально». *Коля* рассказывает, что ему пришлось проскакать в одну сторону километров пятнадцать. Хорошо, что костёр был виден издалика. «Смотри-ка, – сказал инспектор – прискакал!». – «Отдайте бредень,

ребята!». - «Ещё чего! Может, тебе и бутерброд с красной икрой намазать? Разворачивай кобылу». – «Ребята, бредень не мой, я без него не уйду». Инспектор, неплохой мужик, не выдержал и засмеялся: «А ведь, правда, не уйдёт. Отдайте ему бредень. Бог с ним, раз уж столько проскакал».

И ещё, *о появлении жеребят*. У кобыл, как правило, беременность совсем не видна. Иногда кажется, что она в положении – ан нет; и наоборот, совсем не ждёшь, что лошадь беременна, а она на сносях. Даже знатоки часто ошибаются, поэтому в поле с конбазы нередко попадают беременные особи. Впрочем, работают они не хуже других и только совсем перед родами можно понять, что скоро на свет появится ещё один непарнокопытный. Рожают кобылы, как правило, очень легко, а их новорожденные уже на второй день способны делать довольно большие переходы. Растут они тоже очень быстро. Кстати, если в поле появились жеребята и за три-пять месяцев подросли, то в случае гибели какой-нибудь взрослой лошади, вместо неё можно сдать на конбазу жеребёнка. И уж раз речь пошла про животы, следует сказать, что когда выючишь лошадь, то затягивать «через» (черезседельник), переброшенный через вьюки и сверху их баульный мешок, нужно как можно сильнее, давя сапогом или коленкой в живот лошади. Дело в том, что абсолютное большинство из них при затягивании «череза» очень сильно раздувают живот, а ослабляют его только тогда, когда их ведут в поводу, от чего вьюки съезжают и т.д. Ещё лошади любят театрально падать на спину, симулируя крайнюю усталость и т.д. Это, впрочем, обычно в начале сезона, когда ещё они не привыкли к новым людям - пробуют их на «слабо». Осенью бывали случаи, когда смирная лошадь, ведомая в поводу, вдруг становится бешеной, делает резкий скачок, иногда вырывается и убегает. Причиной тому являются осы, которые делают свои гнёзда-коконы на земле около больших камней или деревьев и впиваются в крупы побеспокоивших их животных. Особенно это «стрёмно», когда в связке несколько лошадей. Тогда, находясь среди обезумевших животных, можно получить серьёзную травму от их непредсказуемых прыжков.

С конбазы на полевые работы иногда выдают и кобыл с жеребятами разного возраста. Это, кстати, облегчает погрузку таких кобыл в Ан-2 или Ми-8, так как если жеребёнок внутри борта, то его мама сама туда забежит, даже если очень боится самолёта. Материнский инстинкт - великая вещь.

В поле лошади должны обязательно быть подкованы, иначе им тяжело ходить по камням. Нередко приходилось заниматься этим прямо в полевых условиях. Я при этом процессе несколько раз был ассистентом. Морду лошади следует очень коротко и крепко привязать к дереву, чтобы у неё не было степени свобод для дерганья головой. Затем по команде каюра хватаешь ногу лошади, отрываешь от земли и заворачиваешь копытом вверх. Лучше, если под колено лошади подставляется чурбан или удаётся его поставить на своё колено. Страшновато, но «кудыденесся-то»!! Примерно так же поступают, когда чистят лошадям стрелки, куда могут попасть мелкие камни и т.д.

Тут я заканчиваю лошадиную тематику, хотя ещё многое есть чего рассказать (но, пора и честь знать, – «старый *Мазай* разболтался в сарае»). Очень это замечательные животные, что бы мы без их помощи делали в поле в те уже очень далёкие времена! Спасибо им!

Дикие животные тайги и тундры. В главе «Физико-географический очерк» геологических отчётов прошлых лет, помимо прочего, присутствует фраза: «Животный мир района исследований богат и разнообразен» или наоборот: «...не отличается большим разнообразием», причём нередко в обоих случаях далее следует перечень одних и тех же животных. Если кто забыл, то посмотрите отчёты о полевых работах. Животный мир

Колымо-Омолонского региона и Западной Чукотки, а также арктических архипелагов, где мне пришлось поработать, богат, но не очень-то разнообразен.

Начнём с медведей – *бурых* в тайге и лесотундре континентальных районов Северо-Востока Азии и *белых* – на архипелагах Арктики.

Бурые медведи. Про них знают все. В Магаданской области (а в те времена, когда я работал на Северо-Востоке Азии, Чукотка тоже входила в её состав) их, конечно, не так много, как в Корее и на Камчатке во время хода красной рыбы, но тоже хватает. В тех местах, где приходилось бывать, медведи просыпаются и покидают берлогу во второй половине мая, когда начинается интенсивное таяние снежного покрова. За время зимней спячки у них в заднем проходе образуется пробка, и при выходе из берлоги медведи имеют связанные с этим проблемы. Об этом я не раз слышал от охотников, на весновках же (особенно по ночам) приходилось просыпаться от диких, леденящих кровь воплей, а в тайге встречать места с остатками ошмётков и пробок из шерсти, вокруг – сломанные деревья и следы когтей на коре толстых стволов лиственниц. Естественно, что медведи после зимней спячки «чумовые», тощие, некрасивые, со сбившейся шерстью, висящей клочьями. Постепенно они приходят в себя, разоряя птичьи гнёзда на земле, ловя мышек и евражек, поедая ягоды шикшу и бруснику, оставшиеся с прошлого года и т.д. Лафа начинается, когда поспевают голубика, которой обычно «пропасть» каждый год. В сухих широких долинах Западной Чукотки у подножия склонов прекрасные голубичники. Сидя на горных гребнях либо находясь на их склонах, случалось насчитывать до десятка косопалых с малышами, занятых пожиранием вкусной ягоды. Окрас медведей очень варьирует. Случалось видеть зверей от темно-бурого чуть ли не с чёрным отливом цвета до желтовато-коричневого и светло-жёлтого. Один раз недалеко от нас медведь, стоя на задних лапах, стал вертеть головой. Его шерсть имела темно-коричневый окрас, а вокруг глаз были светло-жёлтые обводы величиной с крышку заварника, что было очень похоже на очки. У медведицы бывает два, реже один и очень редко три медвежонка. Кроме того, до полутора-двух лет с ней, как правило, ходит «пестун» (нянька) – из прошлого помёта. Очень забавно, сидя в безопасном месте (особенно когда ветер в твою сторону), наблюдать за медвежьим семейством. Медвежата играют, как маленькие детишки, шалят, треплют друг друга, пристают к матери и пестуну. На склонах не очень крутых террас, поросших травой и мхом, они с кайфом катаются на пятой точке. Когда медведица с медвежатами завидит человека, то спешит поскорее увести своих ненаглядных подальше. Как-то, увидев нас, медведица погнала двух малышей вверх по склону. Один послушно побежал вверх, другой же стал выпендриваться и вообще был не столь шустрый. Тогда мамаша вернулась и побежала рядом, всё время оглядываясь на нас и отвечая ему мощные оплеухи, от которых он, как футбольный мячик, летел вперёд. Неожиданно столкнуться с ней в тайге, конечно, страшно. Впрочем, надо сказать, что за всё время моей работы в экспедиции ни одного несчастного случая в связи с медведями не произошло. А вот до и после были.

Один произошёл с геологом *Виталием Андреевичем Шишкиным*, известным исследователем метаморфических комплексов докембрия Приколымья, ныне живущим в граде на Неве. Он вместе с рабочим, вероятно, осенью (поскольку В.И. был в телогрейке) нос к носу столкнулись с медведицей. Рабочий был с карабином, а у *Шишкина* за поясом – револьвер системы наган. Кажется (точно рассказ *В.А.* не помню), рабочий всё же успел выстрелить, но медведица ударом лапы содрала ему ухо и щеку; потом кинулась на *Шишкина*. Он, очень отважный человек, сунул навстречу зверю локоть левой руки, обмотанный телогрейкой, а другой рукой выстрелил прямо в ухо зверю, убив его наповал.

Второй случай произошёл поздней осенью в бассейне верховьев р. Сеймчан. Медведь, ещё не залегший в берлогу, подошёл к палатке, где спали геолог, рабочий и студент. Деталей не знаю, но по рассказам было примерно так: спящего рабочего он убил сразу через палатку ударом лапы. Студент выскочил из палатки и побежал, медведь и его

порешил. Затем ринулся в палатку, разорвав её. Геолог сумел в темноте нашарить пистолет и несколько раз выстрелил в медведя, который нанёс ему ряд ударов лапой, сильно повредив плечо. Года через три после этого происшествия в Ленинград на курсы повышения квалификации из Сеймчана приехал хирург *Бреус*, оперировавший геолога. Он рассказал мне, что, когда обрабатывал рану на плече, его поразило, как глубоко под кожу проникли иголки лиственницы. Геолог выжил, но уехал из Сеймчана и, кажется, завязал с геологией.

Теперь расскажу о своих контактах с косолапыми. Встреч было много, но большинство не интересны. В свой первый полевой сезон в Сеймчанской КГРЭ в 1967 г. я оказался в поле на весновке в 20-ых числах апреля. Повсюду были снега, но солнце днём жарило будьте-нате, хотя ночью температура опускалась ниже -30° да и днём стоял минус. Карликовая берёзка и ивка зазеленели только в конце мая. В один из таких дней я, захватив свою одностволку 16 калибра, отправился на охоту. На протоке р. Бургачан возле нашей строящейся базы ещё оставался (из-за северной экспозиции протоки) лёд, тогда как на основном русле вода уже всюду шла поверх льда, и река начинала вскрываться. Между протокой и основным руслом находился небольшой остров, заросший кустарником, осиною и лиственницами. Вдруг метрах в пятнадцати от меня среди густых зарослей зеленеющей карликовой берёзки показалась громадная голова медведя. Вероятно, он был очень велик, и пока я раздумывал стрелять или нет, мишка, слава богу, растворился так же быстро, как появился.

Теперь про две более захватывающие встречи. В 1969 г. база нашей полевой партии находилась в среднем течении р. Карбасчан в границах того же сдвоенного листа м-ба 1:200 000, но уже на правом (чукотском) берегу р. Омон. Карбасчан – река небольшая, но тогда вода ещё не упала, и мы решили, что часть груза можно сплавить вниз по течению на двух «пятисотках» НЛ-5. На первой лодке поверх груза восседал я, на второй – впереди студент, а сзади рабочий с веслом. Русло изобиловало поворотами и корягами, так что надо было быть внимательными. К тому же кое-где вдоль берега росли низко наклонённые деревья, порой перегораживающие чуть ли не всё русло, и приходилось низко наклоняться, чтобы проплыть под ними. Для защиты дна лодок от подводных коряг и камней, мы обтянули их снизу брезентами. Постоянно из тенистых заводей слетали утки и гагары; на одной косе стояла крупная сохатиха (лосиха) и кормила малыша. Второй стоял рядом. Было очень тепло, но гнуса ещё было мало. Мы подплывали к очередному повороту реки; слева по ходу была длинная коса, справа – обрывистый борт террасы 4х - 5-метрового уровня. На изгибе реки просматривался длинный пережат, скорость течения перед ним возрастала. Когда лодка приблизилась к этому месту, я увидел, что по пережатию несётся сохатёнок, а по пятам за ним – бурое массивное животное. Это был медведь среднего размера. В следующий момент, прыгнув и немного пристав на задние лапы, он схватил жертву за шею и задушил её. Но тут он увидел меня и от неожиданности разжал челюсти, а тело убитого им животного подхватило течение и затащило под залом у правого берега реки. Я стал табанить, и лодка на мели, вблизи косы, замедлила ход. Медведь тем временем выбрался на косу и побежал по воде к лодке, затем встал на задние лапы и приблизился ко мне. Между нами было уже не более 3-х метров. Пасть зверя была разинута, и я видел её красное нутро, высунутый язык и клыки. Ружье было близко, но засунуто под верёвки, крепившие груз. Доставать его было бесполезно. Я схватил дюралевое весло и стал им махать, матерясь и вопя. Это как-то остановило зверя – он то делал шаг в мою сторону, то отступал. Лодку отнесло чуть поглубже, я каким-то чудом сумел оттолкнуться веслом от дна, и лодку подхватило течение. Медведь бросился в воду чуть выше по течению и поплыл на другую сторону реки. А что же вторая лодка? Она находилась от меня метрах в ста. Увидев медведя, рабочий, управлявший лодкой, не придумал ничего оригинальней, чем направить её к правому (противоположному) берегу и, ухватившись за наклонившееся к воде дерево, наблюдать со студентом, что же будет

дальше. Медведь, переплыв Карбасчан, резво заскочил на террасу. Тут рабочий (или студент) выстрелил из карабина. Медведь, услышав выстрел, не испугался, а увидев людей, побежал по террасе к ним и стал спускаться. Оттолкнувшись от дерева, рабочий и студент принялись усиленно грести, я делал то же самое. Но всё уже было позади. Было ли страшно, когда зверь был рядом? Даже не знаю, но сердчишко ёкнуло и упало, как перед дракой – это точно.

В следующем 1970-м (от РХ) году мы работали под началом *Валерия Шмелёва* в бассейне р. Алы-Юрях на границе Приколымья и Омолонского массива. Это был таёжный район с низкогорным рельефом, значительную часть которого занимали болота, поросшие лиственницами. На правом берегу реки среди кочковатых и местами сильно заболоченных с термокарстовыми озерами просторов на контактной печати дешифрировалась структура, близкая кольцевой, диаметром до 5 км с небольшим озерком в центре, из которого вытекал слабо проявленный на аэрофотоснимке водоток. Вообще-то, вся эта заболоченная территория являлась полем развития нижнемезозойских, преимущественно юрских отложений, богатых органическими остатками, но высыпки этих пород встречались среди задернованных участков крайне редко, лишь на небольших слегка приподнятых сухих участках. Присутствие среди этих пород, образующих пологие линейные складки, кольцевой структуры могло указывать либо на проявление относительно молодого вулканизма, либо на масштабные термокарстовые процессы, либо (что наиболее интересно) на метеоритную (!) воронку. Ближе к концу сезона я отправился туда с маршрутом. Пошёл один, шагать в одну сторону предстояло более 16 км. Ни ружья, ни карабина решил не брать, а взял две ракеты и револьвер системы «Наган», между прочим 1914 г. выпуска. Они были гораздо лучше и надёжнее, чем наганы 1938 и 1941 гг., хотя и из тех, и из этих стрелял я одинаково отвратительно. Как выяснилось, кольцевая структура на контактной печати была обязана двум невысоким (с превышением не более 30 м) увалам, поросшим густым, «пьяным» лесом из корявых, чаще сухих лиственниц. В закопушках на склонах увалов я нашёл глинистые сланцы с поздне триасовыми (карнийскими) двустворками. Вообще же место это было весьма противное – заболоченное между возвышенностями да ещё и со старой гарью, буреломом и густой порослью молодых лиственниц. Конечно, для полной картины следовало бы взять шлих из рыхлого материала на предмет обнаружения тектитов – возможных индикаторов метеоритного происхождения структуры. Окончив работу, я вышел за пределы увалов и, выбрав более-менее удобное место для перекуса, вскипятил чай, который распивал, сидя на поваленном стволе дерева среди густого «частокола» тонких сухих лиственниц. Когда я закончил чаепитие и уже собрался go home, услышал треск сучьев. Кто-то большой ломился через заросли в мою сторону. В таких случаях, прежде всего, думаешь – медведь! Но в тот момент я решил почему-то, что это сохатый. И оказался неправ – на меня выскочил небольшой медведь. Вскочил и я. За спиной был рюкзак с револьвером в кармане, в руке увесистый молоток с длинной ручкой. Увидев меня, зверь, совершенно обалдев, вскочил на задние лапы. При желании (но его не было; не до того) я бы легко мог долбануть зверя по башке молотком. Всё же я среагировал – закинул рюкзак на голову (не раз слышал, что медведь всегда бьёт лапой именно по ней) и заорал, пугая окружающие просторы тайги дурным голосом. Косолапый, по-моему, испугался не меньше меня. Стоя на задних лапах, он резко развернулся на 360°, и, упав на передние, рванул с дикой скоростью, круша встречные стволы сухостоя и оставляя за собой жидкие экскременты. Напряжение резко спало, и на базу я вернулся в приподнятом настроении, что врачи объяснили бы мощным выбросом тестостерона. Ещё дней пять у меня было праздничное настроение. Хороша, однако, была встряска для организма.

Теперь *про медведей и лабазы* (т.е. склады, где мы оставляли продукты). Для этих целей чаще всего служили бочки из-под бензина. В мехцехе нашего посёлка обрезали их верхнюю часть, а затем к ней и к бочке приваривали по три крюка. В поле в бочку клали

продукты, а сверху закрывали её крышкой; крюки же обматывались проволокой. Доставлялись бочки-лабазы к нужному месту с помощью вертолѐта. Когда бочек под лабазы не хватало, то для этого использовали баульные мешки. Такой мешок потом поднимался на верѐвке, перекинутой через горизонтальную жердь, прибитую или привязанную к близко растущим деревьям, на такую высоту, чтобы медведь с земли не мог достать до него лапой. И всё равно случалось, что косолапым удавалось лабазы разграбить или испортить. Нередко зверь, обнаружив бочку, ронял её на бок, а затем катил до тех пор, пока хватало сил и терпения. Это надо было иметь в виду при выборе места для лабаза. В 1968 г. бочка-лабаз стояла в небольшой яме на высокой террасе реки. Медведь, уронив бочку, вытащил её из ямы и затем катил почти два километра до бровки террасы, после чего скинул в реку, где мы, хоть и с трудом, нашли её, когда вода в реке упала. Консервам в банках ничего не сделалось, макароны же, соль, чай и галеты пропали, а кусковой сахар (из «сахарных голов») хоть растворился не весь, но стал похож на пчелиные соты и очень долго таял в кипятке. Бывали случаи, когда от бочки, которую зверь катил по курумникам, отскакивали недобросовестно приваренные крючья, и всё содержимое лабаза становилось достоянием животного.

В том же 1968 г. другой наш лабаз-баул был подвешен между деревьями на капроновом фале. В тот полевой сезон мы работали без лошадей, чему способствовал характер гидросети. Вертолѐт забрасывал отряд на западные рамки листа; рабочие сплавляли груз вниз по течению до новой стоянки, а мы маршрутами выходили к этому месту. Часть территории приходилось отрабатывать с выносных стоянок, перетаскивая груз на себе. Пота там мы пролили немало. Ближе к концу полевого сезона, когда мы, сидя на базе, ждали вертолѐт для заброски к упомянутому выше лабазу-баулу, борт прилетел к нам во второй половине дня, но из-за плохой погоды лѐтчики остались ночевать. Утром следующего дня погода улучшилась, но незначительно – была низкая облачность, туман и моросило. Всё же Ми-4 доставил нас к месту лабаза, и мы, побросав наш немудрёный скарб из кабины зависнувшего и не заглушавшего мотора борта, затем сами попрыгали из него. Ми-4 тут же был таков. Погода, однако, была премерзкая; похоже, что дождь зарядил надолго. Мы быстро поставили две маленьких палатки и, закинув туда спальные мешки и бутор, отправились к лабазу. Но вместо него на фале ветер болтал взад-вперѐд рванный и пустой баул. Вешали мы его в начале сезона, когда было солнечно и сухо. Вероятно, из-за исключительно дождливого лета, а, может быть, и ещё по какой-то причине, фал провис, и медведь-великан (об этом свидетельствовали отпечатки лап) сумел когтем зацепить и порвать его. Этот медведь был здесь не один, поскольку наличествовали отпечатки и других медвежьих лап. Кроме того, вокруг в грязь были втоптаны россыпи макарон, сухой картошки, галет и т.д. Звери попиروвали на славу – повсюду валялись разорванные или смятые консервные банки из-под сгущенного молока, тушёнки и говяжьего фарша, а также медвежьи кучи. Очень интересно выглядели консервные банки: некоторые были разорваны, другие смяты. Ещё были банки фарша и говядины, проколотые когтями. По-видимому звери в процессе изучения содержимого лабаза сумели уяснить, что не обязательно разрывать банки, а можно их проколоть ногтем и понюхать. «Ага, это – фарш, на фиг! А это – сгущѐнка, годится!». Работать нам двумя маршрутными парами предстояло десять дней с одним перебазированием (на собственных плечах) на ещё одну стоянку; в активе же были привезѐнные на вертолѐте две буханки хлеба, выпеченного на базе, немного сухарей, круг сушеной картошки массой 3кг, две пачки чая, пачка сахара-рафинада (60 кусков) и немного макарон. Дождь, между тем, моросил и моросил. Мы забрались в палатки и предались Морфею. Я проснулся, когда мой начальник, незабвенный *Евгений Фѐдорович Дылевский*, вылезал из палатки, по которой по-прежнему стучали капля дождя. Немного понежившись, я тоже выбрался на свет. Тут подошёл *Женя*. «Смотри» - сказал он, продемонстрировав мне две банки тушёнки и одну банку сгущѐнки. Имея аналитическое мышление, он длинным концом

геологического молотка сделал закопушку в грунте под лабазом, и извлёк эти банки из грунта, затоптанные туда зверем, порвавшим баульный мешок. А жизнь-то налаживалась! К тому же год этот был очень ягодный и грибной. Грибами за это время мы наелись на много лет вперёд. Хариуса в этих местах не было, к тому же мы решили не брать серьёзного оружия, у нас на четверых было несколько сигнальных ракет и у начальника один револьвер системы «Наган». Отработав на первой стоянке шесть дней, мы двинулись на новую стоянку. Предстояло пройти километров шесть-семь с «полной выкладкой» и перевалить через, хоть и не высокую, возвышенность, поросшую стлаником. Когда, преодолев километра четыре, мы скинули рюкзаки и блаженно отдыхали, начальник спросил: «А у кого банка сгущёнки?». На оставшиеся три маршрута и обратный переход до базы по сплошной кочке (более 10 км) у нас, помимо половины пачки сахара, трети банки тушёнки, сухой картошки, нескольких сухарей и банки сгущёнки, ничего не было. Увы, её забыли на стоянке. «Есть добровольцы сходить обратно?»- спросил *Женя*. Таковых не оказалось, и мы, в несколько подавленном настроении, начали спуск в ручей. В его долине на одной из редких низеньких лиственниц прыгала белка. Мы устроили на неё охоту. *Дылевский* раза три стрелял, но мимо. Белка прыгала с дерева на дерево, а мы раскачивали их. Наконец, она свалилась на землю, и *Витя Свистунов* во вратарском прыжке «а ля *Яшин*» уже схватил её одной рукой, но она цапнула его за палец и добежала до более густого участка, где и скрылась от нас. И, слава Богу! Когда мы пришли на стоянку и, поставив палатки, заварили остатки чая с ягодами, *Женя* вдруг вытащил банку сгущённого молока. Мы были неописуемо рады. Много ли надо для счастья!

Медведи белые. На арктических островах встреча с Polar bear не редкость, хотя бывали сезоны, когда они были единичны. Зависит это в первую очередь от ледовой обстановки, которая, в свою очередь, в значительной степени определяется ветрами. Когда льды около берега, то и нерпы много, а медведи её очень любят. Вместе с тем, в одних и тех же местах при близкой ледовой обстановке в разные годы количество их бывает очень различно, т.е. оно зависит ещё и от их ежегодных миграций. Если говорить о конкретных архипелагах, то, например, на Новой Земле их обычно гораздо больше на восточном, карском побережье. Достаточно много их и на юге, в проливе Карские ворота. Встреч с этими косолапыми было много, но запоминающихся – хватит одной руки посчитать на пальцах.

В 1980 г., когда я ещё работал под знамёнами *В.Д. Крюкова* в АКГГЭ, перед нашим отъездом в поле на вездеходе из пос. Белушья Губа, подошёл незабвенный *Виталий Иванович Устрицкий* с собакой на руках и сказал: «Возьмите с собой. Хорошая собака, сейчас без хозяев. Зовут её Лайда». И Лайда поехала с нами. В том отрывке, который изложу ниже, помимо Лайды, будут фигурировать не только белые медведи, но ещё гуси, лебеди и другая собака. Итак, мы отправились в путь. Лайда оказалась очень тихой и воспитанной собакой, совсем не докучавшей нам. Помимо прочего, она предпочитала не ездить на вездеходе, а бежать вслед за ним. Когда мы, сделав ряд маршрутов, добрались до п-ова Пиритовый, что на юго-западе архипелага в проливе Карские Ворота, всё юго-западное побережье п-ова Пиритового было забито льдами. Не успели мы поставить палатки и задуматься, что будем готовить на обед, как услышали её лай. Выйдя из палатки, увидели, что за вездеходом совсем близко от нас стоит белый медведь, около которого вертится и чуть ли не хватает его за нос Лайда. Медведь поспешил ретироваться. Две или три медвежьих семейки мы видели на льду в проливе. Причём одна мама с двумя детками и пестуном квартировала совсем недалеко – метрах в 250 от лагеря. На нас они никакого внимания не обращали, тем более что рядом с ними на снегу лежал убитый мамой тюлень. Вездеходчик, бывший танкист Сов. Армии *Слава Иванов*, побывавший на танке в 1968 г. в Чехословакии, всё время нашего пребывания в этих местах спал в крытом кузове вездехода, отапливая помещение на ночь паяльной лампой. Лайда вообще очень любила гонять медведей, и это у неё получалось; вероятно, потому, что были они сытые.

Однако как-то, переезжая на новую стоянку, мы были свидетелями, как она погнала очередного косолапого. Он вначале побежал от неё, потом вдруг развернулся и двинулся ей навстречу. Лайда рванула от него, медведь отстал; тогда она опять стала его преследовать и т.д. Ещё её страстью были линялые гуси (гуменники, казарки) и лебеди со своими отпрысками. Гуси, впрочем, уже заканчивали линьку. Всё же Лайда порой умудрялась находить ещё не поднявшихся на крыло и очень ловко, как пассатижами, перекусывала их шеи. Это мы даже приветствовали, а вот простить ей те же операции с лебедями не могли. Однако и не могли ничего поделать. На просторах очень плоской с многочисленными, подчас весьма мелкими озёрами тундры лебедей, гусей и уток гнезилось много. Лайда, бегущая по тундре то с одной, то с другой стороны от вездехода, нередко успевала гораздо раньше нас увидеть лебединую семью и неслась к ней на «всех парусах». Мать и отец-лебеди очень трогательно защищали своих малышей, иногда даже отгоняли её, но редко. Обычно же Лайда очень ловко орудовала своими челюстями, а нам, с опозданием подъехав, оставалось только подобрать её добычу. Кстати, лебедей она не ела, да и гусей, кажется, тоже. Зато у нас в полутораведерной кастрюле на стоянках постоянно тушилось гусиное и лебединое филе и ножки. Здесь надо сказать, что лебедь далеко не такой благородный и вкусный, как принято считать. Мясо его жесткое, какое-то синеватое, к тому же, когда его разделяешь, оно неприятно пахнет и т.д. Между прочим, таково же мнение о лебедях у Аксакова, который пишет, что в старые времена на пиршествах тушкой лебедя с оперением накрывали различное мясо и птицу, т.е. она исполняла чисто декоративную роль. Об этом всё. Одна из последующих наших стоянок была на юго-востоке архипелага в проливе Карские Ворота. Мы приехали туда во второй половине дня. Был туман, низкая облачность, ветер и т.д. Поставив лагерь и поев, забрались в палатки и заснули. Проснувшись среди ночи, я услышал, как кто-то очень громко и плотоядно грызёт кость. Вылез из спального мешка, взял карабин и осторожно выглянул из палатки. Чуть в стороне от двух наших палаток и вездехода кость грыз плохо различимый в тумане белый зверь. «Медведь» - мелькнуло в мозгу. А где же наша сторожиха Лайда? Что-то её не слышно. Тут-то я и увидел, что она лежит недалеко от нашей палатки, свернувшись клубком, и спокойно сопит в две носовых дырочки. Оказалось, что белый, точнее, беловато-серый с чёрными пятнами зверь – собака с военной точки мыса Меньшикова. Как мы потом узнали, где-то в этих местах её подобрал другой отряд нашей партии, будучи здесь проездом на Карское побережье. Потом она то ли убежала, то ли отстала от этого отряда. Выяснилось, что, пока мы её не подобрали, она недели две провела одна в тундре, Собака была молодая, глупенькая (это, ладно), но ещё – и вороватая, а это хуже.

В 1983 г. я проводил тематические исследования на восточном побережье о. Северный Новой Земли в районе горы Чёрной. Там по данным тридцатилетней давности известен гранитный массив, прорывающий отложения среднего и верхнего палеозоя. Вот к этому месту нас со студентом и доставил вертолёт Ми-8. На топооснове здесь показана промысловая изба, но я прекрасно понимал, что её там может и не быть. Ведь всё местное население (преимущественно охотники-промысловики с семьями) в 1953 г. было эвакуировано на материк, а ведь любое жильё требует присмотра, тем более в местах, где порой дуют ураганные ветры. К тому же ещё и, так называемый, человеческий фактор, когда вместо избы, показанной на карте, встречаешь лишь нижний сильно обгоревший венец. Поэтому, помимо еды и прочего, мы взяли с собой две палатки и для их утепления рулон рубероида. Дом, однако, стоял там, где ему и положено, и был великолепен. Это была крепкая пятистенка из пронумерованных брёвен лиственницы. Жилая часть состояла из горницы на всю ширину дома и двух смежных с ней небольших комнат, которые отапливались кирпичной печкой, сложенной на их границе и топящейся из большой комнаты. Была ещё и печь со щитком. Мы выбрали комнату поменьше – ту, что дверь слева. Всё было очень аккуратно. Более того, в большой комнате висела лампа, а на стене

был выключатель. Студент подошёл к нему и включил. Я при этом саркастически засмеялся и, как оказалось, зря – лампочка зажглась, поскольку была проводами подсоединена к батареям, стоявшем в тёмном углу комнаты. Да-а, класс! Потом мы узнали, что в этом помещении жили военные топографы. Спасибо им большое! Но печка дымила, а в крыше были дыры. Вот тут-то и пригодился наш рубероид. Пришлось лезть на крышу, латать её и чистить трубу, что мы и исполнили. Всё здесь было здорово – и геология, и окружающая природа с обилием проточных озёр, соединяющихся узкой перемычкой с морем и богатых гольцом и палией. Приехавшие сюда позднее геологи Арктической КГРЭ, двое из которых поселились в соседней комнате, назвали это место «Филиалом Рая». Наша со студентом *Серёжей Плещенко* комната была размером примерно 2.5×3-3.5 м. Слева и справа от входа находились нары, а между ними большое окно с видом на море. Стёкла в нём отсутствовали, мы частично забили их фанерой, а частично – плёнкой. Серёжа спал справа, я – слева. Кажется, на третий или четвёртый день нашего пребывания в доме, когда мы уже во всю маршрутили, я крепко спал, лёжа на боку, лицом к стене – день-то стоял полярный! Вдруг, сквозь сладкий сон, до моего сознания дошёл какой-то странный звук. Я перевернулся в спальном мешке направо и, опершись на правый локоть, инстинктивно посмотрел на окно, затянутое полиэтиленовой плёнкой, которая выгнулась в сторону комнаты правильным конусом. «Поразительно, как ветер избирательно дует»- мелькнула в моей сонной башке глупая мысль. В следующий момент плёнка порвалась, и в проёме окна появилась здоровенная белая морда с черным влажным носом и маленькими глазками. Да, это был хороший экземпляр Polar bear! Морда его была так близко, что я легко мог бы ударить по её носу кулаком, а потом бы всю жизнь этим гордиться. Но в действительности я поступил совсем не так: как будто подброшенный пружиной, вылетел из спального мешка, крича почему-то: «Куда прёшь!». От моего истошного крика проснулся *Серёжа* и тоже вскочил на ноги, схватив ружьё, которое висело над его нарами на стене. Но косолапый уже улепётывал, что есть сил. Причиной его любопытства, вероятно, были камуса, снятые студентом с оленя и лежавшие под нарами.

В 1984 г. наш тематический отряд из трёх человек работал на северо-восточном (Карском) побережье Новой Земли от устья р. Быстрой на юге до мыса Константина и р. Ущелье на севере. Не успел вертолёт, доставив нас сюда из залива Иностранцева, что на северо-западе архипелага, улететь, как к нам, сидящим на выгруженных вещах, поспешил персонаж в «белом халате», но не врач. Изучив обстановку, он отправился дальше. Медведей в тот год было в этих местах очень много. Все они двигались с юга на север, шли в сторону льдов, поджавших нерпу к берегам. На выполаживании береговых обрывов, где были снежники, вдоль них там и сям торчали террикончики медвежьих экскрементов, состоящих почти исключительно из переработанной морской капусты и различных других водорослей, а также мелких крабов и рачков. «Мясо-мясо, вперёд на север за тюленьим жиром и мясом» - пели медведи, идя на север, и не обращая на нас особого внимания. Кажется, в первый же маршрут мы встретили семь зверей. Причём, я, оруженосец, умудрился оставить ружьё на одной из точек наблюдения, обнаружив это только тогда, когда мы, выглянув из-за скалы, увидели совсем недалеко от нас двух медведей. Пришлось осторожно пятиться назад и затем быстро двигаться к месту, где оружие было оставлено. Постепенно мы попривыкли, да и их, похоже, стало меньше. Они нас не трогали, мы их тоже. Дней через десять, маленькое судёнышко капитана *Шаргаева* с отрядом *В.И. Бондарева* переправило наш отряд севернее, в район мыса Константина, южнее которого, в бассейне р. Неблужной, обнажается эталонный разрез конца кембрия – силура с органикой чуть ли не всех граптолитовых зон, замечательно описанных в монографии выдающимся специалистом *Р.Ф. Соболевской*. Там, где мы высадились, была когда-то промысловая изба, но от неё ничего не осталось, кроме частично сгнившего пола. Всё же это было лучше, чем ничего. К тому же плавника разных габаритов и форм было здесь немерено. Мы установили две (4-х и 2-х местную) палатки прямо на пол, а потом с

радиостом вокруг них по всему периметру соорудили ограду высотой более двух метров. Сделали также дверь на петлях, которая на ночь запиралась на крюк, найденный среди остатков прежнего жилья. Сбоку от нашей 4-х-местной палатки в заборе на высоте около метра было небольшое окно, которое на ночь изнутри закрывалась крышкой от ящика. Так мы старались обезопасить себя от непрошенных гостей, которые продолжали проходить мимо нас. Есть даже слайды с медведями, сделанные из укрытия с очень близкого расстояния. Позже, уже в сентябре, когда выпал снег, одна мамаша с двумя медвежатами провела вблизи нас две или три ночи, затем двинулась дальше. Наш радист, оставшийся в лагере один, когда мы уходили в маршрут, соорудил хитроумный агрегат, используя для этого бочку из-под бензина. Сделав из плавника козлы, он подвесил на них бочку, а затем огородил лагерь найденной проволокой. На проволоке вблизи бочки болталась кувалда и, когда кто-нибудь задевал проволоку, кувалда била по бочке. Потом он этот агрегат усовершенствовал таким образом, что кувалда ударяла в капсюль патрона от ракетницы и т.д. Но теория порой бывает всё же далека от практики. При сильном ветре, а здесь он был нередок, мы подчас ночью вскакивали от выстрела ракеты и хватали оружие, но зря. Поэтому пришлось ограничиться только ударом кувалды о бочку, но и это пришлось вскоре прекратить. Как-то мы решили устроить в 2-х-местной палатке баню. Мылись по очереди, я был последним. Не успел я домыться, как меня позвали наружу. И было из-за чего. Над нашим закрытым входом красовалась голова медведя. Выглядела она очень впечатляюще, а медведь очень упорно хотел к нам проникнуть, невзирая на выстрелы из ружья, карабина и ракетницы. Потом его голова пропала, показавшись затем в лазе-окне (сбоку от палатки), который мы закрывали на ночь крышкой от ящика. «Стрелять?» - спросил радист. «Конечно», - ответил я. Медведь уже целиком просунул морду в окно. Радист выстрелил в ухо и положил конец инциденту. Всё же этот упорный мишка испортил нам вечер. Мы собирались рубануть макарон с тушёнкой и немного выпить, но пришлось сначала снять с медведя, который оказался совсем небольшим, шкуру. Возвышаясь над забором, выглядел он весьма внушительно, во-первых, потому, что у страха, как известно, глаза велики; во-вторых, - потому, что, вероятно, задними лапами стоял на толстой поперечной доске.

Интересный случай с участием медведя произошёл с известным исследователем среднего палеозоя Новой Земли *Николаем Соболевым* в губе Сев. Сульменёвой, кажется, в 1975 г. *Коля* вышел из избы, чтобы набрать из протекающего недалеко ручейка воды в чайник. Был он в кедах. Пока набирал воду, не заметил, как подошёл медведь, настроенный серьёзно. *Коля* стал махать чайником. Когда медведь ринулся к *Коле*, тот оступился и упал, а медведь ещё и на ногу ему когтем наступил, порвав кеды. Тут *Коля* обозлился и, вскочив, ударил зверя чайником по носу. И это было то, что нужно, – зверь убежал. Ведь нос у животных самое слабое место, чем и пользуются дрессировщики.

Закрывая новоземельскую медвежью тематику, скажу, что мне известен единственный случай нападения белого медведя на человека летом на Новой Земле со смертельным исходом. Произошло это осенью 1978г. Военный топограф ночью вышел из палатки и был убит одним ударом лапы, медведь схватил его и утащил на льдину. Медведя этого потом застрелили. В конце сентября того же года в самый центр пос. Белушья Губа пришёл небольшой медведь и спокойно устроился на ночлег около гостиницы. Дети подходили к нему и кормили, хотя по громкой связи постоянно звучало, что родители не должны позволять им это делать. Мы уже вернулись с полевых работ, и я сам видел этого медведя. В конце концов, медведя усыпили и сонного на вертолёт увезли на ближайший большой остров Междушарский. Лётчики рассказывали, что на следующий день он переплыл пролив и направился в сторону посёлка. Вкусно там кормят!

Сохатые (они же – лоси; они же – *Alcesalces*, но уже по латыни). Это - парнокопытные млекопитающие, широко распространённые в таёжных районах и меньше - в лесотундре. Они относятся к семейству оленевых. Возраст лося-самца определяется по

количеству отростков на роге минус один. Нам встречались сброшенные рога животных с 24 отростками. Сбрасывают они их каждый год. Это животное ведёт одиночный образ жизни, но в брачный период с одним самцом может одновременно пастись до восьми самок, чему я сам был свидетель. Говорят, что гаремы бывают и ещё многочисленнее. Вместе с тем, есть отдельные территории, где, наоборот, в силу сложившихся причин с одной самкой гуляют и спариваются несколько самцов. Весной, уж не знаю в силу каких причин, в дельте реки Кедон (крупного левого притока р. Омолон ниже по течению одноименного посёлка) мы в последних числах апреля с вертолѐта среди зарослей чозений и тальника наблюдали до 40-50 особей обоего пола, которые выглядели, как одно стадо (прямо, как зубры в Беловежской пуще). Свадьбы у сохатых бывают в сентябре ($\pm$ одна-две недели). Тогда самцы агрессивны, о чём они оповещают окружающие их просторы, издавая трубные звуки. В 1972 г., возвращаясь маршрутом на базу после продолжительного захода, я отослал своего рабочего с лошадьми, чтобы он затопил баню и т.д., а сам после окончания маршрута, не торопясь, шѐл вниз по долине р. Алы-Юрях. Погода стояла прекрасная, начиналось бабье лето, ветер носил паутину, было тепло и солнечно. Небо и вода в реке были ослепительно голубые, а палитра красок тайги включала зелёный, желтовато-зелёный, золотисто-жѐлтый и желто-красный со множеством оттенков цвета. Идти по долине было хорошо и приятно, болотистых участков было мало; к тому же последнее время стояла сухая погода. До базы оставалось не более четырёх километров, когда я обратил внимание, что по долине в моѐм направлении, но чуть в стороне, движется крупный рогач. Когда расстояние между нами сократилось, я увидел, что он постоянно своими могучими рогами подцепляет высокие сухие кочки и подбрасывает их высоко вверх. Зарядив свою одностволку жаканом, а три положив в карман, я стал забирать ближе к склону, но зверь, к счастью, меня не заметил, пройдя метрах в двухстах.

Перед свадьбами они при трении рогами о стволы деревьев сдирают с рогов тонкую серебристо-серую шѐрстку, отчего она свисает рваными клочьями, а сами рога кровоточат. В том же 1972 году, когда мы уже закончили геологическое картирование территории и камералили на базе, как-то, находясь мужским коллективом в столовой за чаепитием, вдруг услышали женские крики из района наших жилых палаток. Место размещения базы в этот полевой сезон было замечательное. Оно располагалось на высокой первой надпойменной террасе вблизи слияния трёх достаточно крупных водотоков. Поверхность террасы была ровная и сухая, а четыре жилые палатки и склад с продуктами находились по периферии поляны, покрытой ягелем и обрамлѐнной высокими и стройными красавицами-лиственницами. От жилых палаток к столовой-кухне, расположенной среди чозений, осин и куста кедрового стланика прямо у обрыва реки высотой до 2.5м, вела тропинка через густую поросль молодых кудрявых лиственниц. Чуть ниже по течению р. Токур-Юрях у песчаной косы на террасе стояла срубленная нами баня и находился погреб для хранения скоропортящихся продуктов, сделанный нашим бывалым завхозом. Одним словом (нет, двумя) – «Санаторий Сыроежка», что и было написано на фанере, прибитой к колу. Но продолжу. Услышав женские крики, мы выскочили из палатки. В ней в это время лежали мелкокалиберная винтовка и моя одностволка 16-калибра. Пока мы суетились (я, схватив мелкашку и пытаюсь найти патроны, а студент-практикант из Киевского университета *Володя Бондаренко*, зарядив одностволку первым, попавшимся под руку, патроном с утиной дробью), около столовой появился довольно крупный сохатый, с кровоточащих рогов которого свисали клочья содранной с них шкурки, поводя вокруг бешеными глазами. Лицензия на отстрел лося у нас была. Студент, стоя метрах в четырёх от сохатого, выстрелил из ружья. Зверь подпрыгнул вверх, а затем – с обрыва в воду. Потом поплыл, но вдруг перевернулся на бок, задрыгал ногами и испустил дух. Резиновая лодка была на плаву. Мы закинули верѐвку на рога и сплывили зверя чуть ниже по течению на косу, где принялись его разделывать. Удивительно, но на нём не было никаких входных и выходных отверстий

выстрела! Конечно, это была дробь утиная (пятёрка, кажется), но всё же? Начались шутки – дескать, умер от разрыва сердца и т.д. Между прочим, студент *Володя* был кандидат в мастера спорта по стрельбе из пистолета. Он действительно стрелял хорошо, а наши барабанные револьверы-наганы пристрелял очень грамотно. Однако, когда он стрелял не по мишеням, а, по живой дичи, ему до сих пор не везло. Вероятно, мешал темперамент. Лишь когда мы сняли шкуру и начали доставать внутренности, то оказалось, что лёгкие животного были напичканы мелкой дробью, т.е. умер он от отёка лёгких (таков был вердикт нашего консилиума). Чего только не случается.

Ещё о том, что летом не только людей, но и всех животных, как известно, донимает гнус. Сохатые находят на время спасение от него, заходя в воду и иногда погружаясь в неё с головой. Как-то раз, летом 1967г мы с *Витей Свистуновым*, оказавшись около озера, расположенного в долине р. Омолон у подножия горы Бургачан, насчитали восемь одновременно купающихся животных. Не исключено, что их было ещё больше. Звери заходили в воду по шею и глубже, а затем скрывались с головой, поворачивая её влево-вправо, о чём свидетельствовали завихрения воды над их рогами. Я читал потом, что они ещё чего-то там едят, какую-то полезную для них микрофауну-флору. Пока мы считали сохатых, не заметили, как метрах в десяти от нас из кустов появился громаднейший экземпляр этого вида. Он был очень здоров и стар («суперстар»), имел большую бороду и рога с множеством отростков массой, пожалуй, пуда в два. Вот ведь какую тяжесть таскают на своей башке; может быть, поэтому говорят иногда «глупый лось». Зверь увидел, нас, лежащих у бровки озера, но не удостоил своим вниманием. И это хорошо.

Олени дикие. В Колымо-Омолонском междуречье и на Чукотке настоящих диких оленей (сокжоев, карибу) нет. Все те, что встречаются иногда, являются бывшими домашними. С другой стороны, домашний олень – это одомашненный бывший дикий олень. Всё же такие сбежавшие и одичавшие олени бывают подчас крупнее домашних, достигая массы более 100-150 км. А вот на арктических островах олени дикие, но, вероятно, тоже могли в прошлом быть одомашненными, а затем убежать и перейти по льду или переплыть на острова. На Южном острове Новой Земли диких оленей много, оценки численности их популяции различны и сильно зависят от падежей, которые периодически происходят из-за оттепелей, а затем гололёда, когда они не могут добывать пропитание (карликовую ивку, ягель и т.д.), пробивая лёд копытом. В зависимости от времени года олени мигрируют то с крайнего юга на север, то наоборот. Во второй половине июля 1978 г. наш отряд, двигаясь на вездеходе на юго-восток от залива Рогачёва, дня полтора наблюдал передвижение кочующих оленьих стад. Интересно, что если вожак обособленной группы перебежал перед вездеходом, то и всё стадо обязательно будет бежать до тех пор, пока не обогнёт вездеход спереди; даже, если оленям для этого придётся бежать не одну сотню метров. Последними бегут самки с детёнышами и тоже оббегают вездеход спереди, порой выбиваясь из сил, если придурок за рычагами не останавливается и не даёт им передышки. Среди оленей Новой Земли явно различаются два подвида. Один представлен относительно низкорослыми животными (и такие преобладают), другие – высокие, крупные, на более длинных ногах и с более крупными рогами. Как правило, вторые не образуют крупных групп и чаще вообще одиночны.

Во время гона (свадеб) некоторые самцы, вероятно, находящиеся в фаворе у противоположного пола, очень устают. Вот два примера, свидетелем которых я был. Осенью 1979 г. мы работали на левом берегу р. Рогачёва и одноименной губы. Было как раз время оленьих свадеб, к тому же олени были кругом. Мы ехали на 71-ом, сидя на самодельной скамейке вездехода над вентилятором, клонило ко сну. Среди нас были студенты, интересующиеся камусами и рогами. Здесь же с прошедшей зимы до сих пор оставались падшие олени, шкуры которых сильно подсохли и частично подгнили, но камуса изредка ещё годились. Студент постучал по кабине водителю, чтобы тот остановился. Затем он подошёл к группе стоящих оленух, около которых лежал мёртвый

(?) олень с прекрасными рогами, что бывает редко, поскольку их концы сразу же успевают обгрызть мышки. Оленухи разбежались. Студент взял оленя за рог, но тот вдруг вскочил и рванул от него, задрав свой короткий хвостик, из под которого на землю сыпались горошинки. Второй случай был на Шпицбергене, где сотрудник ВНИИОкеангеологии *Борис Васильев* подошёл к подобной группе разбежавшихся оленух и шлёпнул их спящего «утомлённого солнцем» кавалера по задку. Тот вскочил только после второго хлопка.

На арх. Шпицберген олени очень своеобразны. Они - какие-то толстенькие с большими мордами, с короткими относительно тонкими ножками. Бродят они повсюду, заходят в жилые посёлки и нередко людей совсем не боятся. Прямо около аэропорта, вблизи угольных разрезов их можно наблюдать иногда сразу же после вылазки из самолёта рейса Осло-Лонгйир. Штрафы за браконьерство здесь очень велики. Вместе с тем, по крайней мере, с начала нового XXI века на Свальбарде стали выдавать лицензии на отстрел этих животных. Вероятно, их сейчас кое-где переизбыток и, может быть, всем не хватает корма. В сентябре 2003 года в Баренцбурге, когда мы уже были на базе Шпицбергенской партии, появился бывший норвежский шахтёр, знакомый *А.Н. Сироткина* и *А. Бирюкова*. Он, закончив своё пребывание в Лонгйире, и уехав в Норвегию, там, имея начальный шахтёрский капитал, разбогател и стал миллионером. Его хобби – охота. Он ездил на сафари (на львов, слонов и т.д.) в Африку и, кажется, в Индию. А тут, ностальгируя по Шпицбергену и помня, что русские тоже могут выпить, решил поохотиться на оленей (reindeer's). Избрал он для этого Землю Норденшельда, что напротив, через залив, русского рудника Баренцбург, а в качестве шерпов и фотокинооператоров взял *Андрея Бирюкова* и *Васю Дымова*. Чтобы совсем не было скучно, с материка он захватил с собой длинноногую фру выше его чуть ли не на голову. Вася отснял, как всегда, прекрасный фильм, который показывал нам потом на базе партии с соответствующими комментариями. Теперь, к сожалению, его уже нет среди нас, а был это очень талантливый, любознательный и добрый человек.

Прочие обитатели тайги и тундры. На Северо-Востоке Азии из крупных парнокопытных ещё заслуживает упоминания снежный баран, а среди хищников и грызунов – полярный волк, соболь, песец, белка и, конечно, горностаи.

Мне пришлось работать в районах, где обитает **снежный баран**. Это очень красивое и довольно крупное животное весом от 50-60 (обычно самки) до 100 и более килограммов. Они обитают на границе скальных уступов горных хребтов и их подножий, выбирая для питания и отдыха участки, с которых окружающая местность хорошо просматривается. Самцы носят массивные, закрученные и тяжёлые рога, у самок они обычно невелики и изогнуты слабо. Около Анюйского вулкана, образующего красивый вулканический конус на левобережье р. Мони и внедрившегося в граниты мелового возраста, есть прекрасное место, где водоток, огибающий конус вулкана, берёт начало от небольшого водопада, низвергающегося со скального гранитного уступа. Там прекрасная трава, кустарники и цветы на почве, удобренной вулканическим пеплом. Это место, являющееся памятником природы, - излюбленная столовая баранов. Другое очень красивое место, где постоянно обитают бараны, находится на юге Оломонского массива. Здесь из подпружного горного озера вытекает крупный приток Ололона – р. Кедон. Эти места своей красотой затмевают компьютерные картинки сказочной страны Авалон Гарри Поттера.

Полярных волков доводилось видеть летом на Западной Чукотке. Выглядят они в это время не впечатляюще – тощие с обтрёпанной шерстью и т.д. Зимой же - совсем по-другому, но зимой я видел их только один раз и с вертолёта. Это был очень крупный экземпляр с чудесной серовато-белой шерстью.

Соболя, как правило, много в густых порослях лиственницы с буреломами и старыми гарями. Это серьёзный хищник; там, где появляется соболь, белки уже нет. Соболь её уничтожает и прогоняет. В маршрутах соболя обычно приходилось встречать

на деревьях, но как-то раз, когда мы с рабочим рвали свои куртки, проходя через старую гарь с порослью молодых лиственниц, мои собаки заинтересовались крупным валуном, лая и пытаясь туда проникнуть. Я отогнал их, потом опустился на колени и заглянул под камень. Там на меня испуганно глазками-бусинками смотрели пять маленьких соболят, мама которых, вероятно, отправилась на охоту. Соболев не брезгает забраться под брезент, где лежат продукты, во время полевых стоянок и может нанести серьёзный урон отряду.

Песцы в тех районах Северо-Востока, где мне приходилось бывать, редки. Им милее лесотундра и тундра. На арктических же островах их кое-где очень много. Особенно около птичьих базаров, где они постоянно рыщут в надежде украсть с гнезда яйцо, либо «схарчить» упавшего из гнезда птенца. Песцы – санитары тундры и кормят их ноги. У них очень характерный «спотыкающе-ныряюще-хромающий» бег. Воры они отменные, и мы не раз на островах страдали от их налётов. Особенно они обожают таскать свежую или засоленную рыбу, тут им нет равных в хитрости и ловкости. Но они же бывают и рыбаками. Главный геолог Шпицбергенской партии и замечательный исследователь металлогении и геологии докембрия (и не только) этого региона профессор *А.Н. Сироткин* рассказал, как летом 2014 г. на п-ове Нью-Фрисланд песцы выслеживали в промоинах ручья среди снега и льда довольно крупных гольцов и затем, бросаясь на них в прыжке, вытаскивали на берег.

Летом песцы сероватые – желтовато-серые; в сентябре меняют свой летний прикид на тёплые и красивые белые шкурки. В помёте самка приносит до 5-6 щенят и более. Выглядят они умильно, но, как гласит статистика, зиму переживают из них не более одного-двух. Сурова Арктика со своими детьми! Некоторые песцы летом совсем не боятся людей. В 1986 г. мы с *Борисом Васильевым* устроились на обед около моря в Речерч-фиорде. Светило солнце и было тепло, мешал только холодный ветерок. Мы сняли сапоги, а портянки положили на камни для просушки. Тут появился очень умильный недопёсок (так у песцов называются щенки). Он подошёл к *Боре*, который ел печенье. *Боря* покормил его с руки, недопёсок довольно аккуратно поел. Потом прошёл туда, где находились Борины ноги в носках; понюхал их (между прочим, не чихая) и, вероятно, в знак расположения, укусил за большой палец. Вот и делай недопёскам добро!

Белки. Белок знают все (их полно и в лесопарках Питера), но, возможно, не все знают, что среди них бывают белки очень разного окраса и что есть ещё белки-летяги. В «Сказке о царе Салтане», которую мне читали в детстве, была иллюстрация той самой белочки, которая грызла золотые орешки, и была та белка огненно-рыжая, поэтому я долго думал, что все белки такие. Ан - нет, рыжими они бывают крайне редко и шкурки эти наиболее дорогие. Обычно же вылинявшая белка серая и рыжевато-серая до тёмно-серой, участками почти чёрная с различными оттенками этих цветов. Белки-летяги, которых кое-где в колымской тайге много, благодаря своим перепонкам, соединяющим лапы, замечательные «летуны». Просто поражает, как они, прыгая с дерева, летят, паря, вниз и вдруг резко меняют свой курс, поднимаясь под углом вверх и достигая другого дерева. Летяги агрессивны, и, появляясь в новом месте, обычных белок быстро оттуда выживают. Популяции белок, как и многих других, особенно мелких, грызунов, очень изменчивы по численности. Описаны случаи массовой гибели-самоубийства этих зверьков, когда они осенью в больших количествах бросаются в море и плывут, сколько смогут.

Бурундуки - очень симпатичные маленькие безобидные зверьки, за которыми приятно наблюдать в маршруте, попивая чай на привале.

Горностаи. Это маленький, но очень шустрый, бесстрашный и дерзкий хищник с большим чувством собственного достоинства. Летом он - в буровато-жёлтой сверху и желтовато-белой снизу шкурке, которую меняет зимой на белую. Кончик его хвоста всегда чёрный. У горностая длинные тело, шея, а голова треугольная с маленькими

округлыми ушками. Шкура их ценится и, как известно, в прошлые времена из них шили королевские мантии. Нор горностаи не делают, чаще всего поселяясь в камнях около рек или озёр. Горностаи питаются мелкими грызунами, но нападают на животных, иногда значительно превышающих их размером – рябчиков, куропаток, глухарей, зайцев, прокусывая им затылочную область. Как-то в апреле на весновке, когда я пошёл на лыжах за куропатками, мне встретился очень странный след – сначала это были отпечатки когтей белой куропатки, затем – довольно широкая полоса. Пройдя ещё несколько метров, я увидел, как маленький горностай, пятясь задом, тащит в зубах добытую им куропатку к камням, на которых снег уже стоял.

В конце 80-ых годов мне посчастливилось провести два полевых сезона, работая на Западной Чукотке в бассейне р. Бол. Анюй с двумя замечательными геологами и людьми, сотрудниками СВКНИИ ДВО РАН *П.П. Лычагиным* и *С.Г. Бялобжеским*. В конце сезона мы приехали на ГТТ на р. Бол. Анюй, где несколько лет назад находилась база полевой партии Анюйского РайГРУ. Палатки натянули на старые каркасы с полом и нарами. Я жил один в 4-х-местной палатке, а поскольку было уже начало сентября, то поставил в палатку печь и вечером слегка подтапливал её. В Бол. Анюе неплохо ловился хариус и ленок. Мы, помимо прочего, солили его и вялили, сделав небольшой каркас и накинув на него положок, для защиты рыбы от мух. Дня через два заметили, что рыбы на вешалах как будто поубавилось, а ещё через день я рано утром, выскочив ненадолго из палатки, вдруг увидел, как тушка вяленого хариуса залезает под угол двух венцов палатки. Спросонок это показалось просто какой-то чертовщиной. Не поверив глазам, я наклонился и взял хариуса в руки. Тогда из-под пола палатки, в промежутке между брёвнами и землёй, показалась голова возмущённого моей наглостью горностай, который зашикал и зацокал на меня. Вероятно, он решил, что сумеет в тепле (ведь печку я изредка топил) и с запасом рыбы с комфортом перезимовать в этом месте.

Лемминги – очень мелкие грызуны, типичные обитатели тундры. В отдельные годы их на юге Новой Земли бывает очень много. А когда много леммингов, то много и полярных сов, которые леммингов очень даже обожают. В тундре полярные совы очень далеко видны и выглядят, как белые столбики.

Ещё раз повторюсь, что численность популяций всех грызунов и куропаток подвержена очень значительным колебаниям, что объясняется периодическими эпизоотиями, когда после пика численности, года через три-четыре, она снижается чуть ли не до нуля, а ещё года через три-четыре опять достигает максимума. В некоторые годы весной в Колымо-Омолонском регионе геологи на весновках наблюдали миграции зайцев, когда они передвигаются громадными «стадами». Куропатки осенью, уже став белыми, группируются в громадные стаи более 500 птиц (табунятся), и, когда одновременно взлетают, буквально заслоняют солнце.

Ещё можно рассказать про животный мир арктических морей – стада *белух*, *моржей* (одно из стад которых постоянно квартирует на пляже в замке крупной синклинальной складки, сложенной известняками нижнего девона, а их вожак, очень крупный экземпляр, отдыхая со своими коллегами на пляже мыса Константина, сильно напугал меня, прыгнув метров на пять в мою сторону, когда я попытался его сфотографировать с близкого расстояния), про *касаток*, *нарвалов*, пускающих высокие фонтаны воды, про *нерп*, *лахтаков* и других тюленей и т.д. Про животный мир Крайнего Севера и Арктики можно рассказывать долго, вспоминая всё новые, и новые всплывающие в памяти истории, но заканчивать когда-то надо. Пора и честь знать!

Из канадских опытов

В 1985 г. канадские уроки начались в Москве. За день до вылета идем с *Б.Г.Лопатиным* в Министерство Геологии за документами и для собеседования. *Лопатин* неоднократно бывал в разных заграницах, я в командировке впервые. *Бориса Георгиевича* сразу же отпустили, а мне предстояло собеседование в ЦК КПСС. Министерский ответственный товарищ, начиная с обеденного времени, до конца рабочего дня время от времени позванивал в ЦК и после очередного звонка сообщал, что надо еще подождать. В конце дня оказалось, что, наконец, провести собеседование ЦК поручил ему. Он вернул мне паспорт, вручил билеты, командировку и пожелал успехов. Собеседование, похоже, могло состояться попутно с обедом в ресторане, сообрази я вовремя, но денег на ресторан все равно не было.

Прилетели в Канаду, аэропорт Мирабель. Нас забыли встретить и препроводить на рейс в Калгари просто по разгильдяйству. Билетов на самолет в Калгари у нас нет, денег несколько долларов, а лететь еще через всю Канаду с востока на запад. *Лопатин* позвонил в Калгари директору Института седиментологии и нефтяной геологии *Уолтеру Нассичуку* (ISPG *Walter Nassichuk*), канадскому руководителю совместных проектов. Сам факт такого междугороднего звонка за счет адресата поперек всей северной Америки с автомата мне показался чудом. *Нассичук* был в отъезде, делами заправляла его секретарь миссис *Андрейчук*. Вскорости нас пригласили на рейс в Калгари. В те времена столь быстрое решение воспринималось как еще одно чудо.

Цель нашей поездки - две недели полевых работ на о. Мелвилл в составе канадской геологической партии. Региональные геологические работы в Канадской Арктике на суше и на островах курируются и выполняются в основном Институтом Геологической службы Канады в Калгари. Директор института *Уолтер Нассичук* бывший украинец. Его семья успела переехать из Львова на запад до присоединения к России. *Нассичук* поручил нас *Дону Куку*, который и сопровождал нас на о. Мелвилл, сначала на большом «Боинге» в Rea Point на востоке острова, на базу нефтяных компаний, с которой в зимнее время организовывались и снабжались геофизические и буровые работы на островах Королевы Елизаветы. Летом база поддерживалась небольшой командой в двухнедельном вахтовом режиме. База состояла из грунтовой посадочной полосы для больших самолетов, закрытых складов и стеллажей под открытым небом, жилого блока с кухней, столовой, гостиницами, залами для развлечений и спальнями для многочисленного зимнего состава. Выходить на улицу не разрешалось из-за белых медведей, о чем предупреждали огромные плакаты. В Rea Point я впервые и единственный раз увидел вблизи настоящих ездовых собак HUSKI. На нашем восточном севере много разных собак и в поселках, и в бригадах оленеводов. Это либо мелкие пастушьи лайки, управляющиеся с тысячными стадами оленей, либо разномастные разнокалиберные полуголодные собаки, сидящие на привязи в ожидании зимы. Таких красавцев HUSKI, как в Канаде, я видел позже только в телевизоре.

С базы Rea Point на вертолете перелетели в полевой лагерь на западе острова вблизи фьорда Ibbett Bay. Похоже, это был образцово-показательный стационарный полевой лагерь. Отсюда все лето работали региональные геологи-съемщики, здесь же базировались кратковременные визитеры: биостратиграфы — палеонтологи, структурные геологи, русские геологи и сопровождающие их пастыри и др. Мы застали орнитолога, сбежавшего на время с постоянной работы в заповеднике на материке, чтобы познакомиться с популяцией гусей.

Руководителем регионального геологического проекта и старшим на лагере был Dr. *Robert L. Christie, Боб Кристи*. Партия *Боба Кристи* проводила, как теперь принято говорить, актуализацию геологической модели острова Мелвилл. У нас такие работы называются геологическим доизучением. Выполнялись наземные маршруты, собиралась информация по отчетам и публикациям, съемки потенциальных полей, интерпретировались сейсморазведочные профили. В итоге была построена новая геологическая карта среднего масштаба с разрезами и написана подробная монография. В маршруты развозили вертолетом ежедневно с базового лагеря, либо группы по два человека работали с выносных лагерей с маленькой палаткой, спальными мешками, минимумом продуктов, винтовкой.

Боб Кристи (1926 - 1999) принадлежал славной когорте пионеров познания геологии Канадского Арктического архипелага. В 1954 г. он сделал первые рекогносцировочные маршруты вдоль северных берегов острова Элсмир. Полевые работы в тот год начались в апреле и закончились в конце сентября, транспортом были лыжи и собачьи упряжки. Потом *Боб Кристи* работал на многих островах вместе с легендарными арктическими геологами *Ray Thorsteinsson, Tim Tozer, John Fyles*. В 1962 г. на о. Сомерсет Боб описал вулканические брекчии, прорывающие палеозойские отложения, отметив в дневнике: "возможно, кимберлитовая трубка". В 1965-1966 гг. *Боб Кристи* выполнял Канадско - Датские проекты по увязке геологии о. Элсмир и северной Гренландии, что позднее привело к определению Пирии как особого геодинамического региона. Им был подготовлен путеводитель и проведена геологическая экскурсия по Арктическим островам в 1972 г. для XXIV Геологического конгресса в Монреале.

Однажды *Боб Кристи* и *Уолт Нассичук* пять дней пережидали непогоду в маленькой палатке без еды на острове Пандора. Было холодно. Согревались в спальнях мешках. Ожидание скрашивалось «Войной и Миром» - том в 700 страниц оказался у *Боба Кристи*.

Боб великолепно организовал наше посещение. Мы увидели девонский турбидитовый комплекс, юго-западную периферию бассейна Свердруп на Sabine Peninsula с верхнепалеозойскими эвапоритами с диапирами, перекрытыми гипсами и ангидритами, неопротерозойские-нижнепалеозойские метаморфизованные комплексы на юго-западе острова, мезозойские битуминозные песчаники, такие же, как на материковой Канаде - неисчерпаемый источник углеводородов.

В какой-то момент в гостях у *Боба Кристи* появился *D.K.Norris, Дон Норрис*, геолог старшего поколения, прославившийся работами по Северо-Западным территориям, Юкону и на западе Канады. Похоже, это была инспекция, но кого он инспектировал - *Боба Кристи*? советских геологов?

Примечательны два случая общения с *Доном Норрисом* по геологии. Вместе сопровождали в маршруте *Криса Харрисона*. Тонкий флиш с редкими известковистыми прослоями. На обнажении *Крис* быстренько нахватал больших образцов на конодонты и скрупулезнейшим образом долго выискивал и замерял ориентировку тонкой слоистости, сланцеватости, осей мелких складочек, чтобы реконструировать эволюцию полей напряжений. Ждем, когда *Крис* закончит. Говорю *Норрису*:

- Я бы лучше поискал фауну.

- Я тоже.

В вертикальных стенах каньона Ibbett Bay просматривается линзовидно-слоистая структура палеозойских толщ. Линзы протяженностью в десятки и сотни метров, мощностью десятки метров отлично видны издали, но подобраться к ним смогли бы

только искусные скалолазы. Попробовали разглядеть структуру с вертолета. Впечатления противоположные. *Дон Норрис* и я склоняемся в пользу седиментационной природы линз, *Крис Харрисон* увидел тектонические чешуи. Истина, по-видимому, посередине.

В 1988 г. *И.С. Грамберг* отправил в Канаду *М.Е. Городинского*, *Ю.М. Бычкова* и меня. Канадцы предложили посетить северный Юкон и Северо-Западные территории. Нас это вполне устраивало. Сначала несколько дней работали из Иннувика. Ездили на джипе по трансканадскому шоссе и осматривали придорожные обнажения и выемки. Несколько раз на вертолете летали на реперные участки, увидеть и простучать принципиальные геологические взаимоотношения. Нами руководил *Майк Сесил (Michel P. Cecile)*. Ему помогали *Лэри Лейн (Larry Lane)* и *Олег Родькин*. Потом переместились ближе к побережью в полевой лагерь Шингл Пойнт (Shingle Point) вблизи устья Blow River. Старшим на лагере, ответственным за все: питание, туалет - канализацию, задания вертолету и т.п., - стал *Лэри Лейн*. Это всего лишь дополнением к полевым работам по его собственному проекту. Русские с *Сесилом* и *Родькиным* - всего лишь одна из групп, работавших с лагеря *Лейна* и опекаемых им. Но *Лэри* участвовал в наших маршрутах, когда удавалось.

Лагерь находился в 2 — 3 км от радиолокационной станции канадско-американской линии предупреждения советской ракетной угрозы. Рядом полоса для небольших самолетов с добротным грунтовым покрытием. Командир радиолокационной станции, бывший чех, встретил нас дружелюбно, провел экскурсию по несекретным помещениям, пригласил навещать их в любое время - в душ, посидеть в холле у телевизора, выпить в баре, купить какую-нибудь мелочь. Место облюбовано канадскими геологами для сезонного базирования. Тут же небольшой домик, куда военные и гражданские служащие станции приезжают отключиться, попить пива и поесть жаренных на решетке сосисок. От посадочной полосы идет грунтовая дорога.

От самолета к лагерю нас привез на маленьком грузовичке *Дейв*, вольнонаемный туземец — индеец или иннуит. Поставили палатки - большая столовая, она же общая камералка, состыкованная с кухней — и маленькие шатровые каждому отдельно. На следующий день начали летать «в поле» на вертолете. *Бычкову* нужны разрезы триаса, *Городинскому* — рудная минерация, предпочтительнее золото, мне - любая геология, чтобы лучше понимать, что пишут канадцы и американцы по тектонике, геодинамике и оценке нефтяного потенциала. Вертолет один, маленький. Каждый день устанавливаем очередь, кому за кем лететь. Погода мешает меньше, чем обычно у нас в России. Пилот сам решает, когда она нелетная. Бывало, увезет первых, потом ляжет туман, и ближе к вечеру они появляются из невидимости откуда-то снизу. Рассказывают - летели сначала ползком вдоль морского берега, потом по речке от устья вверх по течению. На террасу к лагерю вертолет поднимался от русла. Пилот - бывший военный летчик прошел полный курс переобучения на гражданского летчика. Засчитан был только общий налет часов. В Канаде говорят: «There are old pilots, there are old pilots. There are no old bold pilots.» Наш вертолетчик тоже не долетал до старости. Неудачно приземлился на елку, остался жив, но летать перестал.

Мне нужно было посмотреть разрез нижнего палеозоя на горе *Wale* вблизи границы с Аляской. Там переслаиваются осадочные и основные изверженные породы. Сели вблизи обнажений, интересуюсь, далеко ли до границы. Оказалось, рядом, но граница в другой стороне. Мы в США. Я встревожился, но пилот успокоил - это его нарушение, и если бюрократия проснется, ему несдобровать. Бюрократия проснулась в другой раз.

М.Е. Городинский с бывшим русским, нынешним канадцем *Олег Родькиным* на пару дней отправились на отработанную россыпку. Тазик для промывки шлихов у них с собой. Вечерней связью *Марий Евгеньевич* подробнейшим образом по-русски рассказал, что он увидел и понял про эту россыпь и долину. В долине все склоны детально раскопаны строго по линиям. В шлихе он увидел несколько золотинок. Россыпь отрабатывалась промприбором. Канадский промприбор поменьше тех, что я видел на Колыме.

Ночью, как обычно, вышел «проверить погоду». Вижу два вертолета. Хорошо - будет проще распределять маршруты. Утром вертолет опять один. Спрашиваю у *Сесила* — не сон ли. Не сон. Прилетали руководители Арктического проекта — особой структуры, выполняющей и контролирующей все экспедиционные работы в канадской Арктике — и распорядились русским не ходить на секретную радиолокационную базу. У *Сесила* пониженный тонус, и существенно приуменьшился запас напитков. Ситуация типа «элементарно, *Ватсон*». Геологическая служба своевременно запросила у канадских военных разрешение на присутствие русских вблизи радиолокационной базы. Ответа не получили, что при развитой бюрократической демократии не является запрещением. Русская речь в эфире оказалась сюрпризом, и то ли военные, то ли Арктический проект на всякий случай решили отреагировать стандартным бюрократическим способом. Скорее, Арктический проект, потому что начальник базы о запрете узнал от нас. Мы остались без души и без пива.

До запрета успели сходить в душ и с *Сесилом* отметить в баре. В баре плотно сидел *Дейв*. Днем он под хмельком катается без дела на грузовичке между базой и геологическим лагерем. Увидел нас, обрадовался, встал, обнял *Сесила*, похлопал по груди его и себя, приговорив: «Ты канадец — я канадец». Тут же упал в кресло и заснул, но успел сказать: «Fuck white people». Увольнять его бессмысленно. В штате должно быть два туземца, и *Дейв* не худший выбор.

Штат базы смешанный, наемные гражданские и военнотружашие. Видел несколько молоденьких солдатиков. Их привозил отвлечься и полакомиться сосисочным барбекю с

пивом канадский китаец. Он специалист, ответственный за электронику, и заметно старше опекаемых им мальчишек. Я издали слышал только громкий с напором рассказ китайца, из которого следовало его искусство выходить победителем из любой сложной ситуации. Он ухитрялся пользоваться только одним глаголом «fuck» с разными предложениями. Вошел «fucked in», вышел «fucked out», преодолел «fucked over» etc.

Боб Кристи, М.Косько, Б.Лопатин
Остров Мелвилл, 1985 г.

Работая с канадцами, как у них, так и на нашем Северо-Востоке, я был поражен открытием, насколько мы одновременно и разные, и одинаковые во всем: профессионально, в социальных и в простых человеческих отношениях. С тех пор многое изменилось. Радиолокационная станция сейчас работает в автоматическом режиме, без постоянного персонала, а взлетно-посадочная полоса именуется аэропорт Шингл Пойнт. Но и мы, и канадцы остались со своими достоинствами и недостатками, преимуществами и упущениями.

Японские байки

Байки легко рассказывать, но сложно записывать. Самые интересные и смешные далеко не всегда стоит опубликовывать, так как «главные герои» могут и обидеться. А те, которые можно без опасений обнародовать, зачастую и не особенно интересны. Так что напишу я лучше про Японию. Японцы вряд ли это когда-нибудь прочитают, поэтому даже имена можно не зашифровывать.

Байкал

С японцами я впервые тесно познакомился в 2002 году в экспедиции на озеро Байкал. *Минами-сан* и *Сакагами-сан* прилетели в Иркутск из небольшого провинциального университета на острове Хоккайдо. *Минами-сан* – спокойный, «основательный», представительный. *Сакагами-сан* – шустрый, активный и смешливый. Эта встреча впоследствии известным образом изменила мою жизнь.

Мы собирались изучать байкальские газовые гидраты. Гидраты являются уникальным природным феноменом, а на Байкале они и вовсе особенные. Термодинамические условия их кристаллизации в пресных водах гораздо благоприятнее, чем в морях. Особый колорит придает неожиданный состав гидрат-формирующих флюидов: частое насыщение рассолами (и это в озере!) и обогащение этаном. Гидраты здесь действительно выглядят очень эффектно: иногда это мелкие горошины кубической структуры-2, залегающие непосредственно на массивных образованиях кубической структуры-1; иногда гидраты выпачканы в коричневой нефти, а иногда рядом с ними находятся аутигенные сидериты с безумно тяжелым изотопным составом углерода. В морях и океанах все обстоит совершенно иначе, а механизмы формирования гидратов (и связанных с ними аутигенных карбонатов) более или менее понятны. На Байкале, напротив, одни сплошные загадки.

Проведя несколько дней в Иркутске и обсудив детали предстоящей экспедиции, мы отправились в Листвянку. Мое первое впечатление от научно-исследовательского судна «Г.Ю. Верещагин» было, мягко скажем, неважным. Незадолго до этого я отработал в Баренцевом море на довольно паршивом судне «Гидролог» и очень устал от постоянной качки, плохого питания и полного отсутствия комфорта. К счастью, качки в этом Байкальском рейсе не было, впрочем, как и комфорта. «Верещагин» был сделан давным-давно на Украине, а потом его корпус, разрезанный на три части, перевезли в Сибирь. Убогость судна я объяснял тем, что, вероятно, при последующей сборке эти части поменяли местами.

Японские желудки не справлялись с судовой пищей. *Минами-сан* и *Сакагами-сан* постоянно крутились у единственного галюна: один из них находился внутри, а второй в режиме ожидания снаружи. Возможно, этой ситуации способствовала конструктивная особенность судна – труба слива из галюна располагалась в непосредственной близости от трубы забора воды. Нам же помогал спирт, к которому мы, с исключительно лечебными целями, вскоре приучили японцев. Им стало легче. Забегая вперед, скажу, что уже через три года «Верещагин» был отремонтирован и превратился в очень приятное и удобное для жизни и работы судно.

Все мои познания в японском языке на тот момент заключались в умении писать иероглиф «камикадзе». После небольшого сабантуя в конце очередного рабочего дня я взял ручку, лист бумаги и ловко нарисовал этот иероглиф. *Минами* и *Сакагами* посмотрели на меня с интересом.

Тогда я впервые подумал, что было бы совсем неплохо съездить поработать в Японию. Мечта эта была абсолютно абстрактной, но, как ни странно, сбылась...

Северный Ледовитый Океан

Очень мне повезло оказаться одним из участников проекта по бурению приполюсной части Северного Ледовитого океана в 2004 году. Также туда затесались трое японцев.

Козо Такахаши был не совсем типичным японским профессором: он выделялся неплохим знанием английского, общительностью и чувством юмора. С собой *Такахаши* взял аспиранта по имени *Йо*. Это был абсолютно обычный японский студент: с плохим английским, необщительный и очень трудолюбивый. Он всю жизнь просидел на острове Кюсю и совершенно терялся в компании европейцев-американцев. *Йо* вел себя тихо и скромно, работал и улыбался. Обязательно кланялся при встрече. В общем, был белой вороной на фоне самоуверенных и пробивных западных коллег.

Третий японец – *Итсуки*. Тоже аспирант, но при этом полная противоположность *Йо*. Коммуникабельный, активный, плюющий на все условности, принятые в японском обществе. Его вполне можно отнести к новому поколению японцев – жителей больших городов, избалованных новыми технологиями и относительно комфортабельной жизнью. С *Йо* он не общался.

Козо научил меня говорить слово «пожалуйста» по-японски: «доиташемацта». Я не смог запомнить это слово с первого раза и тогда он предложил мне простой способ – ассоциацию с английским «don't touch my moustache». Запомнив эту подсказку, я расслабился. Однако, когда захотел в очередной раз козырнуть своим знанием японского, в голове крутилось только бессмысленное «don't touch my moustache», которое никак не трансформировалось в желаемое «пожалуйста». Пришлось переспрашивать *Козо*. После этого случая «доиташемацта» я запомнил навсегда.

Русская музыка в СЛО

Северный Ледовитый океан, 88 градус северной широты, шведский ледокол "Оден", 2004 год. Я смотрю в микроскоп, и вдруг из соседней лаборатории доносится знакомая музыка: "...нас не догонишь!". Прислушиваюсь - точно *Тату*, и поют по-русски. Выползаю из-за стола и двигаюсь в соседнюю лабораторию. Там сидит японец *Итсуки* за ноутбуком, дергается в такт *Татушкам*, меня не видит, поскольку спиной повернут.

- Hey, Itsuki, - говорю, - You like it?

Он поворачивается:

- Yes, nice music! If you want I can give you.

- No, thanks.

Я улыбнулся. *Итсуки* тоже. После этого мы стали с ним общаться гораздо больше и даже подружились... Когда я в 2005 году прилетел в Токио, именно *Итсуки* устроил мне обзорную экскурсию по этому мега-городу. У меня как раз было пять часов свободного времени перед самолетом на Хоккайдо. Я спросил тогда у *Итсуки*, как, мол, жизнь на ~~Марсе~~ Хоккайдо? Он ответил, что холодно, но мне должно быть нормально, поскольку я русский.

Для японцев Хоккайдо действительно экзотический остров, на котором они совсем не стремятся селиться. Когда руководители Японии говорят, что их населению очень тесно, и требуют вернуть четыре богом забытые Курильских островка, я сразу вспоминаю пустынное Хоккайдо. Боюсь представить, сколько японцев жило бы на тех островах, если их вернуть. Наверное, народ приходилось бы туда ссылат за какие-либо провинности.

Тоннель под Байкалом

Перед очередным отъездом на Байкал ко мне подошел один из научных сотрудников нашей японской лаборатории – *Окада-сан* – и попросил привести 5 кг байкальской глины для своих экспериментов. Поскольку дядька тот по-английски не говорил абсолютно, ему

помогала с переводом *Катаока-сан* (аспирантка нашей газогидратной лаборатории), которая сама-то, мягко скажем, на ахти какой великий лингвист.

Был я тогда очень занят подготовкой к экспедиции и потому быстренько согласился, хотя, честно говоря, удивился постановке вопроса – привезти 5 кг глины из «неважнокакой» точки Байкала. Обычно просят осадки из каких-либо стратиграфических интервалов, или структур, ну или еще хоть как-то обосновывают – а тут просто 5 кг... да и цифра сама по себе впечатляет, ну не слабые должны быть эксперименты... Явно не под электронным микроскопом рассматривать.

Тогда я вообще слабо представлял, чем этот сотрудник занимается. Спрашивать бесполезно, разве что на языке жестов. А в экспедиции мне все про него рассказали: он оказался специалистом по проектированию тоннелей... И я не сомневаюсь, что тоннель под Байкалом теперь уже наверняка спроектирован.

Окада-сан

Окада-сан - очень странный японец. Над ним многие подшучивали - за спиной, конечно.

На все заседания лаборатории *Окада-сан* приходил с толстой тетрадкой и тщательно конспектировал речи шефа, тогда как другие либо спали, либо отрешенно медитировали. А шеф поговорить любил и делал это очень основательно и долго, в режиме монолога, естественно.

Окада-сан проектировал тоннели и пытался убедить окружающих, что это самый лучший и надежный способ добычи газовых гидратов. На одной из конференций он показывал свои результаты по проектированию тоннеля к газогидратоносным структурам в Охотском море. Когда его спросили, сколько это удовольствие может стоить, он ответил, что эти мелочи его мало заботят, главное – спроектировать тоннель, остальное же совершенно не его дело.

Был он довольно тихим, со всем соглашался, постоянно кивал головой и улыбался. Здравовался со мной, даже если шел по противоположной стороне улицы. Пытался говорить по-английски, несмотря на то, что знал, от силы, слов десять. Их и использовал вперемешку с жестами и мимикой. Зрелище было феерическим.

На одной из вечеринок в лаборатории мы разговорились об увлечениях сотрудников. Так вот, *Окада-сан*, между прочим, занимался каратэ и был обладателем черного пояса. Совершенно неожиданно. Даже зауважал этого странного товарища.

Вообще у них каратисты какие-то скрытные. Однажды у нас был магистрант - худенький заторможенный парнишка, про которого все говорили, что он увлекается анимэшками, и добавляли шепотом – «порнушные» (японцы известные сплетники). По виду - полный ботаник. Однако, тоже черный пояс.

Химия и жизнь

После Байкальской экспедиции я попросил *Минами-сана* сделать химический анализ моих проб. *Минами-сан* – химик, он заведовал соответствующей лабораторией в моем японском институте. В его лаборатории находилась масса самой современной аппаратуры и симпатичных студенток. Его все любили.

Впоследствии я понял, что *Минами-сан* живет по принципу take it easy. Он никого не напрягал и не напрягался сам. Студентки от него были без ума. А студентов он просто не брал.

- Чего-то *Минами-сан* долго думает, как мои пробы померить, - пожаловался я однажды своему коллеге *Нуокаве-сану*.

- А сколько ты ждешь? - спросил тот.
- Месяц.
- Рассчитывай, как минимум, на полгода, - усмехнулся Нунокава-сан, - с *Минами-саном* иметь дело быстро еще никому не удавалось.
- Да мне нужно-то всего 10 проб по 4 элемента в каждой.
- У *Минами-сана* - один студент - один элемент. Все слишком просто.
- Мда, так ему нужно много студентов. Очень много.

Через 3 месяца *Минами-сан* пригласил меня за результатами. Я быстренько просмотрел их. Вес карбонатов Са, Mg, Fe и Mn в некоторых пробах получился больше исходной навески, которую я дал для анализа. Тыкаю пальцем, объясняю.

Минами-сан хватается за голову.

- *Алеша*, I am sorry! I must recalculate!..

(Доверился своим студенткам)

Жених

Однажды я летел Аэрофлотом из Токио в Питер, с промежуточной пересадкой в Шереметьево. Интервал между рейсами был меньше двух часов, поэтому я немного нервничал. Однако стоило войти в здание Московского аэровокзала, как я увидел японца, держащего в руках табличку с названием моего города. Он был одет в форменный пиджак сотрудника Аэрофлота и громко, на русском и японском языках, зазывал всех желающих попасть в Санкт-Петербург.

Желающих оказалось двое – я и молодой японец лет 25-ти.

Нас провели в специальный зал для транзитных пассажиров, где мы прошли паспортный контроль и регистрацию на рейс. После этого нас посадили в микроавтобус и отвезли в Шереметьево-1. Неплохой сервис.

Японец всюду следовал за мной. В Шереметьево-1 была полнейшая неразбериха – толпы людей мигрировали в тесном зале ожидания, периодически раздавались объявления о посадке, народ суется, и японец выглядел совершенно потерянным в этом хаосе. Наконец он решился заговорить со мной.

- Ты в Санкт-Петербург? – Спросил он по-японски.
- Да, - ответил я, - ты говоришь по-английски?
- Нет.
- А по-русски?
- Нет.
- А чего в Россию прилетел?
- К девушке. Мы с ней по Интернету познакомились.
- Она знает японский?
- Почти нет. Немного.

Я не стал спрашивать, как они общались друг с другом. Очевидно, это был язык любви. Когда мы, наконец, приземлились в Питере и вошли в зал прилета, я увидел ее. Точнее, их. Его встречали пять девчонок! Он был немного растерян, но, по-моему, очень счастлив.

Такеючи-сан

Томару-сан (постдок в нашей гидратной лаборатории) участвовал в небольшой экспедиции в Японском море. Перед отъездом он сказал мне, что вернется с одним ученым из Токийского Университета, с которым у него запланированы некие эксперименты.

На поверку этим ученым оказалась девушка. Очень симпатичная, даже татуировка на лодыжке имела... При знакомстве протянула мне руку и представилась: *Такеючи-сан*.

«Ого», - думаю, - «так вот ты какой – северный олень». Дело в том, что читал я одну статью *Такеючи-сан*, очень, надо сказать, неплохую, и честно говоря, был уверен, что это какой-то продвинутый мужик японский. А оказалась девушка.

Все в лаборатории решили, что *Такеючи-сан* – герлфренд *Томару-сана*. Однако, смотрю – шифруются они конкретно, но этим-то никого тут с толку не собьешь, поскольку с японскими парами такое часто случается.

На следующий день пошли мы всей лабораторией в изокаю (кабак) попить пива. Они, естественно, рядом сели, однако, минут через тридцать *Томару-сан* ушел в дальний угол к студентам, где и остался - будто бы не при делах. Там его студенты быстренько раскололи за кружкой сакэ, и добытую информацию сразу же по кругу пустили – *Такеючи-сан* не его девушка!

Ну и ладно – его не его, нам то что. Хотя новость была подана с явным сомнением в достоверности.

Через пару дней закончили они свои эксперименты, и собралась *Такеючи-сан* обратно в Токио. Попрощались мы, и *Томару-сан* повез ее в аэропорт. И с концами – на работу не вернулся. Спрашиваю на следующий день у *Хачикубо-сана* – где, мол, сотрудник? Как где – в Токио, он с *Такеючи-сан* туда улетел.

Вскоре *Томару-сан* вернулся.

"Ты в Токио летал?" – спрашиваю.

"Да", - отвечает, и тут же скороговоркой, - "но я не из-за *Такеючи-сан*, вовсе нет, там просто совещание по IODP, *Такеючи-сан* тут вообще не при чем".

"Да ладно", - говорю, - "Конечно, не при чем".

Будто я его спрашивал про *Такеючи-сан*....

Самолеты

Из Иркутска мы летели во Владивосток с промежуточной посадкой в Хабаровске - я и семь ~~самураев~~ японцев. При регистрации мне обменяли восемь билетов на один посадочный талон на всех, сообщив, что рейс транзитный и посему мы можем занимать любые свободные места.

- Ок, мы летим без мест, - сообщил я японцам. Их лица недоуменно вытянулись.

- Как без мест? Стоя?

- Да! - я просто не мог ответить иначе.

- Ёёёёёё, - донесся полный ужаса обреченный вздох.

Они поверили в это сразу, ни секунды не сомневаясь, что в России такое возможно.

- Да ладно, шучу я - просто места у нас не фиксированные.

- Уфффф, - выдохнули японцы...

Последствий для меня эта милая шутка не имела, так как все коллеги имели чувство юмора.

Среда

Мне нравятся названия дней недели на японском языке. Но больше всего "суйёби" - среда. Чувствуется что-то родное...

Электричество

Япония – это страна абсолютного экстрима. 120 млн. чел. живут на ограниченной территории, которую постоянно трясет и периодически заливают волнами цунами. Фактически, это пороховая бочка. Маленькие несчастные острова уже давно облюбовали многочисленные геологи-тектонисты, изучающие здесь процессы субдукции, землетрясения, а также всякие иные сейсмические заморочки. Что касается самих японцев, то им ничего не остается, как с детства учиться противостоять стихии.

И вот сижу я на работе за компьютером, никого не трогаю. Вдруг раздается характерный щелчок, вырубается свет, и, вслед за ним, тухнут все компьютеры. Через мгновение наступает абсолютная тишина, длящаяся не более секунды, по прошествии которой все японские студенты и аспиранты резко вскакивают со своих мест и со скоростью курьерского поезда выносятся из кабинета. Я остаюсь один во вновь наступившей пронзительной тишине.

Вылезаю из-за стола и подхожу к окну. На улице солнечно и жарко, редкие прохожие потеют и пьют воду из бутылок; в проносящихся раскаленных машинах открыты все окна... Обычный будний день...

«Щелк» - зажигается свет, «жжжж» - дружно заурчали винчестеры, «хлоп» - хлопает дверь...

Японцы гуськом возвращаются на свои места.

- Что это было? - спрашиваю я.

- Ничего, - отвечает *Кимико*, виновато пожимая плечами, - просто отключилось электричество...

Русские песни

Однажды я побывал в гостях у японца, работающего чиновником в городской мэрии. Мы поели якинику, выпили бутылку вина, после чего он спел на русском языке «Катюшу» и «Миллион алых роз». Эти две песни действительно очень популярны в Японии, но только, как вы понимаете, на японском языке.

Я выразил удивление и, конечно же, поинтересовался, откуда он знает русские версии этих песен.

«А у меня», - говорит, - «жена закончила русское отделение Токийского Университета. Почти 30 лет тому назад».

Жену он построил, как и положено истинному самураю, так что видел я ее всего один раз. Она принесла мясо, поклонилась и незаметно аннигилировала...

Выпускники

В один из воскресных дней мне пришлось работать на масс-спектрометре. Пришлось перенять дурные японские привычки, одной из которых является посещение института по выходным. Но тут сложилась вполне однозначная ситуация: нам с *Кида-саном* были срочно нужны данные. Он, в свою очередь, предусмотрительно застолбил масс-спектрометр на понедельник, значит, мне оставались суббота и воскресенье. В субботу я подготовил пробы и поставил их продуваться гелием. На следующий день образцы следовало растворить в кислоте с целью выделения углекислого газа. Последний я собирался поместить в масс-спектрометр и измерить изотопный состав кислорода и углерода. Однако в воскресенье в нашем институте проводились вступительные экзамены, поэтому входить имели право только абитуриенты... А пропуск мне *Хачикубо-сан* выписать забыл.

В институт я, естественно, проник. Была у меня на примете одна секретная дверь, которая никем не охранялась. У *Хачикубо-сана* от этой двери был ключ, похищенный им еще лет 5 тому назад. Конечно же, он вызвался проводить меня. И вот мы короткими перебежками добрались до Лаборатории, облегченно вздохнули и принялись настраивать прибор. Вскоре мне понадобилось по каким-то делам зайти в общую комнату. Поднимаюсь на этаж выше, открываю дверь:

- Охайо гозаимас, - *Хасама-сан* сидит как ни в чем не бывало за компьютером и пишет какой-то очередной реферат.

- *Хасааама-сан*, - говорю я, нарочно растягивая ее имя, - как ты здесь оказалась? Все входы закрыты.

- Очень просто, - отвечает, - я отсюда никуда и не уходила...

Вот такие японские студентки-дипломницы. На самом деле у нее просто куча хвостов, без сдачи которых ей не получить диплом. Поэтому и сидела сутками, бедная девочка...

***

Вы думаете, только у нас студенты получают диплом и идут работать, кем попало, но только не по специальности? Как бы не так. Вот несколько примеров из моего японского института.

Арито-кун. Дипломная работа посвящена определению состава природных газов, так что весь последний год он работал на хитрых хроматографах. И что вы думаете? Устроился работать продавцом в магазине в Саппоро. Большой магазин недалеко от центрального вокзала... При чем тут газы?

Окабе-кун. Исследовал изотопы газов и воды. Спрашивается, зачем? Получив диплом, поступил в художественную школу и начал учиться на художника.

И таких примеров масса.

По-моему только один товарищ – *Окабе-кун 2* (тезка будущего художника), нашел себе работу по специальности в одной частной фирме. Так вот, через неделю после этого ему сообщили, что фирма успешно обанкротилась, тотемо сумимасен...

Юда-кун

Был у меня студент - *Юда-кун*. Гопник-гопником. По ночам работал в каком-то кабаке, а днем, соответственно, в университете спал, уткнувшись носом в компьютер. Постоянно изводил местного ботаника *Озэки-куна*, поскольку нечего так активно учиться.

Два дня в неделю мы с *Юда-куном* проводили эксперименты на лазерном счетчике частиц. И вот два раза в неделю он подходил ко мне, отвешивая низкие поклоны, и смущенно предлагал пойти в лабораторию поработать на приборе. И хоть бы раз пропустил!...

Полизиферы левоглюкозана

Я был единственным русским в университете, поэтому периодически приходилось "работать" переводчиком.

Однажды зашел ко мне какой-то незнакомый парень в белом лабораторном халате, протянул ксерокс статьи на русском и принялся очень сильно просить ее перевести. Просил по-японски.

- По-английски говоришь? - спрашиваю.

- Четко, - отвечает (чуть-чуть, то есть).
- Но я тебе ее только на английский переведу, ОК?
- Ок, Ок, онэгай щмас.

Читаю название статьи: "Полиэфиры левоглюкозана. Полимеризация левоглюкозана и его эфиров".

В меня начинают закрадываться смутные сомнения. Если я по-русски не понимаю, о чем речь, как я это буду на английский переводить? Однако, парнишка смотрел на меня так, будто от моего перевода зависела судьба его диссертации или какого-нибудь важного эксперимента. Я вздохнул. Пареньку определенно нужно было помочь.

- Хорошо, договорились, послезавтра приходи.

Парень откланялся и довольный вышел из кабинета.

Статью я парнишке перевел.

Приколов в ней было много - и всякие четырехгорлые колбы, и обратные холодильники, и "прикапывание", не говоря уже о всевозможных цис- соединениях. Можно было, конечно, в качестве шутки перевести "обратный холодильник" как, например, "нагреватель", но я решил ограничиться законным термином backflow condenser. При изучении вопроса (не касаясь статьи напрямую, но для общего развития), выяснил, что эта тема используется, в частности, в самогоноварении.

Оставил перевод на ноутбуке и ушел обедать. По возвращении перевода не обнаружил, зато увидел на его месте коробку конфет и записку. Из записки с трудом разобрал следующее (орфография сохранена):

The other day I was worry for no self introduction. My name Day Yoshida, belong to doctors course by the Material Engineering. .... непонятливо..., but you accepted translation. This is a proof of gratitude to you. It may not be told to be wear in English (эта фраза очевидно большого смысла не имеет, скорее всего я неправильно разобрал почерк). Thank you.

Очень трогательно. Надеюсь, перевод ему помог. А вместо конфет мог бы и пива принести.

За понимание

Запомнилось одно из заседаний нашей японской лаборатории.

Хачикубо-сан докладывал результаты своего эксперимента, и, как это положено у японцев, предварительно раздал всем соответствующие распечатки на нескольких листах. *Хитоши* (шеф) задал ему вопрос. *Хичикубо-сан* ответил. *Хитоши* задал очередной, и у них завязалась дискуссия минут на 20. Постепенно все поняли, что уже абсолютно не в теме происходящего. *Хитоши* с *Хачикубо-саном* тоже друг друга совершенно не понимали. Однако *Хитоши* человек дотошный и решил-таки дойти до полного решения вопроса. И вот, наконец, была достигнута точка абсолютного непонимания. *Хачикубо-сан* и *Хитоши* переглянулись:

- Ты сейчас какую страницу обсуждал?
- Третью!
- А я первую.

Из жизни морских изыскателей

Действующие лица:

Лев Пан-капитан; Виталий Касюк-боцман;

Геотехническая группа: *Куринный Николай, Козлов Сергей, Егоров Юрий, Изосин Николай, Куренной Дмитрий.*

Хочу поделиться воспоминаниями о выполнении морских изыскательских работ по международному проекту прокладки подводной волоконно-оптической линии связи (ПВОЛС) ПОЛАРNET. Цель изысканий - объединить телекоммуникационные системы Америки, Европы и Азии.

Изыскания по плану проектировщиков в российских территориальных водах были разбиты на два этапа. Первый этап работ (2002 г.) предусматривал выполнение морских изысканий от границы с Норвегией через Баренцево и Карское моря, до кромки льдов, а также, через Берингово и Чукотское моря, до начала ледовых полей. Второй этап работ (2003 г.) выполнялся с помощью А/Л (атомный ледокол) «Советский Союз» через центральную арктическую зону российской Арктики по шельфу Карского, моря Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского морей.

В настоящем повествовании речь пойдет о проведении морских изысканий на восточном сегменте будущей трассы, которые выполнялись с Г/С (гидрографическое судно) «Николай Коломейцев». После всех обыкновенных формальностей (доставка грузов, разгрузки, погрузки, проверки оборудования) в середине августа судно вышло из Владивостока на изыскания.

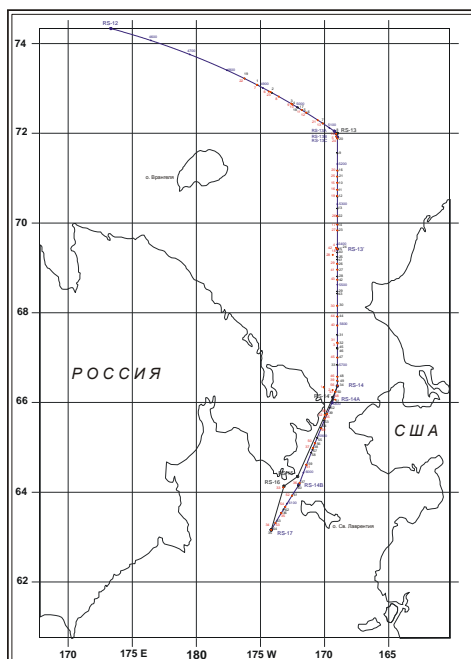

Схема трассы изысканий

Погода, в целом, нам благоприятствовала. Экипаж судна и экспедиция работали слаженно. Все виды изысканий проведены качественно и без сбоев, что отмечено двумя наблюдателями на борту (канадец-специалист по навигации и француз-специалист по изысканиям в море, оба спокойные профессионалы). К концу сентября подошли к конечной точки изысканий в Чукотском море. На горизонте замаячили льды. Сначала попадались отдельные льдины, на которых отдыхали моржи. Затем скопления льдов, на

которых «пировали» белые медведи, а совсем рядом простиралось бескрайнее ледовое поле. Выполнив в конечной точке (R-12) все надлежащие по проекту работы и насмотревшись на этот дикий пир, «отметив» по традиции завершение работ на сегменте, легли на обратный курс.

Окончание работ. Традиция

А курс наш лежал через бухту Провидения – самый восточный порт СССР (теперь России) с 1960 года. Там нас ждал отдых. Погода, по-прежнему, была к нам благосклонна.

Штиль на море. Слабый южный ветерок. Идем средним ходом. Вечерело. По команде капитана, все изыскательское оборудование, находящееся на палубе и в лабораториях, следовало надежно закрепить. Чем и стал заниматься экспедиционный состав под руководством боцмана. Отошли от скоплений льдов километров 10-15, еще попадались отдельные льдины, но скоро и они закончились и мы шли уже по чистой воде к Берингову проливу. Спускаюсь на нижнюю палубу, выхожу на воздух еще раз проверить, как закреплено геотехническое оборудование, и слышу странное «хрюканье и сопение» за бортом. А за бортом здоровенный белый медведь пытается соревноваться в скорости с кораблем. Он, видимо, принял «белый пароход» за высокую льдину, да еще и освещенную, и никак не может понять, почему она от него убегает. Проплыл он достаточно много. Завтрак и обед, заработанный на тех льдинах, где происходила охота и пир, он уже, по-видимому, полностью израсходовал, и наконец-то, понял, что на эту «убегающую льдину» ему не забраться. Хрюкнул, развернулся на 180 градусов и поплыл обратно-подкрепиться.

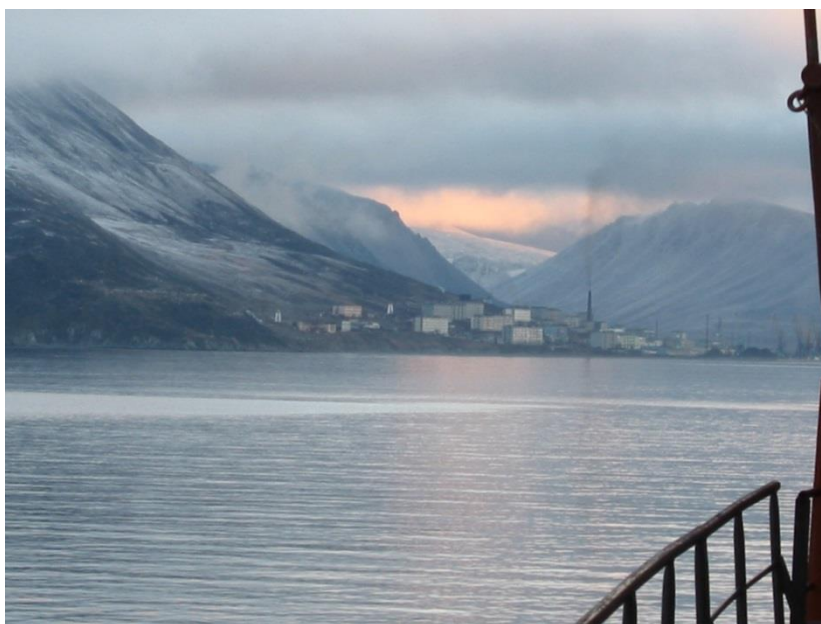
Утром через двое суток мы были в порту Провидения. Здесь планировалась заправка судна водой и кратковременный отдых экипажа и экспедиции.

Мыс Дежнева

Однако, по техническим причинам (перестроечное время) водой судно заправить не удалось, в связи с чем стоянка была значительно сокращена.

Бухта Провидения. Порт

Решено было заправляться в Петропавловске-Камчатском. На вторые сутки снова вышли в море. Идем по бухте малым ходом к Берингову морю. Время обеда. И в это время, по трансляции, раздается весьма странная команда: «палубной команде принять *боцмана* с левого борта». Привычно, команда звучит так: « палубной команде принять *лоцмана...*». Оказывается, забыли боцмана в порту. И он на пограничном катере догоняет судно. Через некоторое время в кают-компании появляется абсолютно трезвый, чисто выбритый боцман, как будто только что из парикмахерской. Все думали, что к нему применят соответствующие санкции, однако у боцмана нашлись весьма надежные аргументы, о которых, конечно, знал капитан, поэтому сильно и не переживал.

Между тем судно, сопровождаемое небольшой стаей китов, вышло в Берингово море.

Киты по курсу в Беринговом море

Погода, по-прежнему, нам благоприятствовала. Идем вдоль государственной границы. На траверзе о. Св. Лаврентия (США) канадец упросил руководство экспедиции слегка изменить маршрут, чтобы выполнить еще станцию донного пробоотбора. Судно легло в дрейф. Мы сделали два спуска грейфера. Оба грейфера пришли на борт, заполненные по самые «смотровые крышки», набитые ракушей и разнообразной придонной живностью. Лихо выбрав свою донную добычу – целые раковины, наблюдатель исчез в своей каюте и сутки его никто не видел. Через сутки створки раковин стали появляться везде, по всему пароходу. И на ходовом мостике, на камбузе, в машинном отделении, у членов экипажа и экспедиции. Многие раковины были им подписаны, указаны координаты места взятия пробы. Раздача этих сувениров сопровождалось словами: «Политика часто разъединяет, а природа, морские дары объединяют людей всего мира».

Как известно, хорошая погода когда-то кончается. И наша экспедиция не стала исключением из правил. Итак, нам здорово повезло, что в регионе во время изыскательских работ была приличная погода. С утра стали поступать неутешительные прогнозы погоды.

Начало шторма в Беринговом море

Целая серия циклонов шла с юго-запада нам навстречу. Уже в Охотском море бушевал сильнейший шторм, где терпели бедствие два парохода. К вечеру и мы стали ощущать приближение циклонов. Заметно усилилось волнение и качка судна, а ночью начался настоящий шторм, который к утру перерос в свирепый шторм. Ветер усилился, до 30 м/сек, волнение до 8 баллов. Все понимали, что отделаться малой кровью вряд ли удастся. Прятаться и укрываться было негде. Мы находились на полпути к Командорским островам. Оставалось одно: уповать на работу двигателей и держать курс на волну. За двадцать лет морских работ такой жестокий шторм я видел впервые. Корабль сразу опустел. Кроме рабочей вахты, не встретишь никого. Приказом капитана закрыт камбуз. А боцману было дано распоряжение обеспечить экипаж и экспедицию сухим пайком и питьевой водой. Хотя питаться, в такой экстремальной обстановке, не многим и хотелось. Судно швыряло, как щепку. Шторм продолжался двое суток. Лежать, спать, читать или заниматься какой-либо работой было совершенно невозможно. Кто, хоть раз, проезжал на скорости «лебяжьей канавку» в Ленинграде, наверняка ощущали чувство «зависания», а здесь еще природа добавила «винтовую» качку с грохотом волн, разбивающихся безжалостно о корабль. Утром с трудом поднялся на мостик. Там был настоящий разгром. Боцман с матросом крепили к стене холодильник, который сорвался с креплений и перемещался совершенно непредсказуемо по ходовой рубке. Все «импортные украшения рубки» (гидрографический флот уже несколько лет занимался перевозкой машин из Японии и Кореи, выживать морякам надо) летали и катались по палубе.

Спасение отечественного автопрома - дело моряков-гидрографов

Волны перехлестывали через мостик. Судно на миг зависало, а затем несло вниз, чтобы встретить очередную волну. Капитан с удивительным спокойствием расположился в своем кресле и давал указания вахтенному матросу, который находился за штурвалом. Спокойствие капитана передавалось всем, кто был в рубке.

Люди по-разному реагируют на экстремальные условия на море. Одни впадают в спячку, у других меняется настроение, кто-то хочет постоянно есть, кто-то вообще на еду «смотреть» не может, а некоторые запасаются машинным маслом, солидолом и т.п., памятуя о трагедии в Северной Атлантике, произошедшей с контейнеровозом «Механик Тарасов» в 1982 году.

К вечеру шторм начал утихать, хотя волна была еще высокой. Однако качка стала значительно меньше. В кают-компании запустили фильмы *Леонида Гайдая*. Судно постепенно стало оживать. Уже ночью, после двух суток мучений, людям удалось нормально отдохнуть. А утром народ поспался на палубу. Шторма как и не было, а последствия от него остались весьма значительные.

Наконец, мы дошли до Петропавловска-Камчатского, где можно было пополнить запас пресной воды. В нашем распоряжении было около 8 часов. Быть на Камчатке и не искупаться в термальных источниках - даже не прилично. Собрав коллектив желающих, рванули в п. Термальный. У местных наших коллег (геологов, гидрогеологов) выяснили, что все термальные бассейны отныне «частные» и большинство из них, в настоящий момент, находятся на профилактике. Рядом функционирует только один бассейн. Двинулись к нему, а там «иркутская братва» гуляет по полной программе. Охрана этой «братвы» стояла стеной. Пришлось с «ребятками» договариваться. Договорились на два часа. Это были два часа настоящего блаженства. Коллеги, долгое время не видевшие не только бани, но и душа, не вылезали бы из бассейна до вечера. Вытащить их было оттуда очень непросто. Однако, время нас сильно поджимало, нужно было ехать на судно. Пополнив запас пресной воды, судно вышло в Тихий океан. И уже с комфортом вдоль Курильских островов пошли к Владивостоку. Еще раз убедившись, сколько же в нашей стране красивейших мест, к большому сожалению, пока не освоенных.

То, что происходило на западном и центральном сегментах проектируемой трассы, - это уже другая история.

Путевые заметки или руководитель всегда на высоте

1). 2007 г.

Один из ученых ВНИИО как-то на Ученом Совете сказал, что вся наша научная жизнь проходит от отчета до отчета.

Один из них пришелся на 2007 г. с ДО Лукойла – Лукойл-ПермНИПИнефть. Незаметно пришел срок сдачи и мы с руководителем *О.И. Супруненко* полетели в г. Пермь. Отчет по восточно-арктическим морям был принят вполне дружелюбно и собравшиеся высказали немало вопросов и пожеланий. Как говорится, атмосфера располагала, и в завершение, выступления *О.И.* продемонстрировал видеоряд со своего 70-летнего юбилея, который мы отметили в мае.

Наш отлет был запланирован на следующее утро, поэтому, освободившись, я собиралась посетить родину моих предков – город Краснокамск. Для быстроты и удобства передвижения была арендована машина, которая уже ждала возле института. Правда, оказалось, что средство передвижения вовсе не Пежо, а шедевр отечественного автопрома 10 модели. Мой практический водительский стаж к тому времени был достаточно скромнен. В довершение к этому, руководитель сообщил, что намерен меня сопровождать, во избежание каких-либо происшествий. Пока я осваивалась с машиной, *Олег Иванович* вел неторопливую беседу со своим однокашником, геологом и писателем *Семеном Ваксманом*, который проживает в городе Перми. Моя возня привела к тому, что я уронила в аккурат под машину мобильный телефон, который не преминул развалиться на все составляющие. Телефон был необходим, потому что использовался и как записная книжка тоже: адреса, пароли, явки... Первое, нужно достать и собрать. Как назло, задняя передача не желала включаться. Пришлось прибегнуть к помощи институтских водителей, которые наблюдали за моими действиями (следует отметить, что это был белокурый период моей жизни и все анекдоты про блондинок можно было увидеть на их лицах). Машина отъехала, телефон собран, ПИН-код сообщили из Питера... Мы тронулись в сторону Краснокамска.

Незаметно пролетело время общения с родственниками, посещение кладбища, где похоронены дедушка и бабушка.

Поздним вечером возвратились в Пермь, с тем, что бы назавтра ранним утром улететь домой. Но еще был не решен вопрос с оригинальным подарком для наших коллег в стеклянной упаковке, причем эндемического происхождения. Каково было мое удивление, когда утром я не застала *О.И.* в гостинице, а встретила его в столь ранний час с пластиковым мешочком, в котором изрядно веселился местный напиток.

Р.С. Не трудно подсчитать, сколько прошло лет с описываемых событий. И вот, на очередном обсуждении производственных тем с коллегами, был задан вопрос о наименовании привезенного тогда подарка...

На суд изумленных зрителей была представлена сохраненная *Николаем Макарьевичем Столбовым* стеклянная тара... – «Пермский край».

2). 2012 г. Австралия. Геологический конгресс. Остров Моретон. Сидней (в фотографиях с небольшими комментариями)

35-й Мировой геологический конгресс проходил в далекой Австралии, г. Брисбен. ВНИИОкеангеология была представлена устным и постерными докладами наших коллег. Устный доклад делал *О.И.*, как всегда, безупречно и толково...

Встречи с зарубежными делегациями

А после доклада был о. Моретон...

Национальный парк острова Моретон (Moreton Island National Park)

Моретон – третий по величине песчаный остров в мире, это один из австралийских национальных заповедников. Единственная возможность путешествовать по острову – на джипе, на острове нет дорог. Отправление из Брисбена на пароме. Через эвкалиптовый лес и побережье океана до пустыни, где непременно стоит попробовать себя в катании на санках с песчаной горы. Прогулка к старому маяку в северной части острова, где открывается самый красивый вид, а с мая по октябрь можно видеть китов, черепах и дельфинов. На острове водится много интересных птиц – морских орлов, пеликанов. Перед отъездом – Голубая лагуна, пресноводное озеро в центре острова, где вода очень теплая и где с наслаждением можно поплавать.... (Из туристической программы). А теперь немного в фотографиях...

Раннее брисбенское утро. В ожидании транспорта

Наша совместная команда, подавляющая делегация ЦНИГРИ
(г. Москва – г. Санкт-Петербург = 6:2)

Слава о невероятном рифе из останков полузатонувших кораблей уже давно разошлась далеко за пределы острова. В 1963 году здесь были специально посажены на мель пятнадцать судов, среди которых были баржи, землечерпалки и старые плоскодонные лодки. Первым был корабль «Мэриборо», а несколько позже к нему присоединили и остальные списанные суда.

Голубая лагуна

Плоды экзотического дерева

Маяк на ладони

Победа!

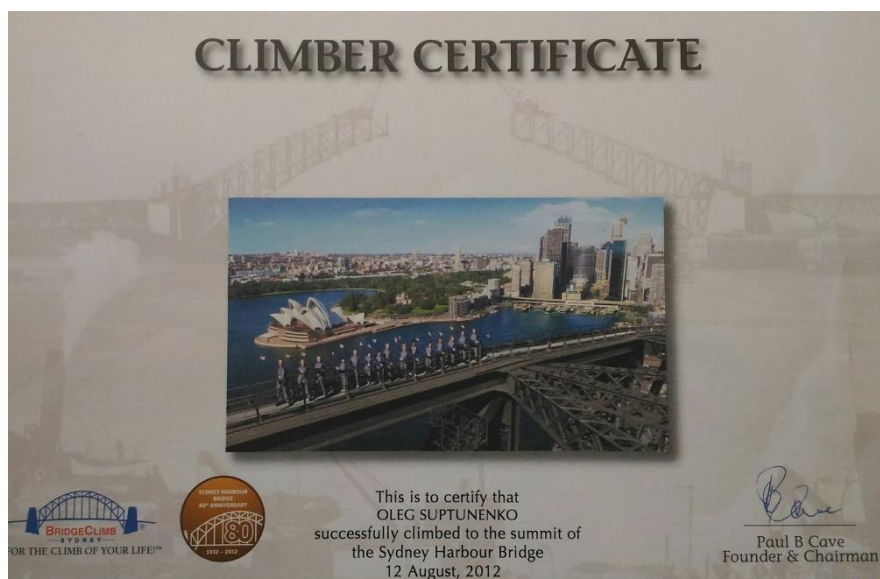
Записки при отъезде

А после Брисбена был зимний Сидней, и об этой части австралийского марафона тоже лучше расскажут фотографии...

Сидней - Опера и Мост

Сертификат *О.И.Супруненко*

Руководители В.Ю. Глебовский, В.Д. Каминский, Ю.К. Бордуков

Зима в Сиднее

Промежуточная высота (О.И. Супруненко и В.Ю. Глебовский)

Полный отрыв (Е.А. Кораго, О.И. Супруненко, В.Ю. Глебовский и А.Н. Смирнов)

Тяжело в учении...

Все началось еще задолго до самой практики, когда в апреле 2012 года нам сообщили, что наша дальняя (!) летняя практика будет проходить на Вуоксе. Лето приближалось и складывающаяся ситуация нас вовсе не радовала. В конце концов, путем мирного восстания, мы добились поездки в Туапсе. Лето, море, солнце, практически 48 часов в пути в плацкартном вагоне с орущими детьми, так же, как и мы, жаждущими моря, и запахом домашних котлеток со всех сторон вагона, который ко вторым суткам становился уже гораздо менее изысканным. В общем, мы предвкушали.

Надо сказать, что практика проходила не в самом Туапсе, а в поселке Бжид (ни много ни мало 70 км от города), а еще точнее, в бухте..., название которой говорило само за себя: добраться оттуда до цивилизации было сложно, а вернуться обратно в поселок еще сложнее.

Наше первое путешествие в ближайший более-менее крупный населенный пункт началось на второй день практики. В 11 утра мы выдвинулись в Архипо-Осиповку. Пешая десятикилометровая прогулка в солнечный день по берегу моря с изучением геологии, растительного, животного мира региона и все это под шум волн и в веселой студенческой компании. Здорово, не правда ли?! Нет, не правда! Это больше напоминало марш-бросок с

остановками для исторических и культурных справок о местности. Уже через час мы начали тихо ненавидеть друг друга и все окружающее: берег моря, растительный и животный мир, шум волн и особенно солнечный день. Солнце раскаливалось все сильнее и уже к середине пути мы превратились из группы студентов в группу унылых индейцев. Как написано на одном из туристических сайтов, «Пляж Бжида можно назвать одной из достопримечательностей курорта. Пляж довольно длинный, его протяженность составляет пять

Побережье Бжида

километров... Он состоит из гальки, в большинстве из мелкой... На курорте сеть так же пляж, состоящий только из песка». Это так, но для нас все прелести рекреационных ресурсов закончились метров через 700, когда песчаный и мелкогалечный пляж превратился в груды валунов и плит вперемешку с поваленными деревьями и мертвыми дельфинами. Специфический запах останков животных и тины, острые камни, способные прорезать обувь или послужить причиной поломанной ноги при одном неловком движении, – все это явно не делало наше путешествие эдакой легкой летней прогулкой. Солнце, пот, отсутствие воды, постоянные препятствия в виде камней, вонь и лицемерие полураспавшихся дельфиньих трупов – были нашими спутниками в течение всего дня. В общем, нам уже нравилось!

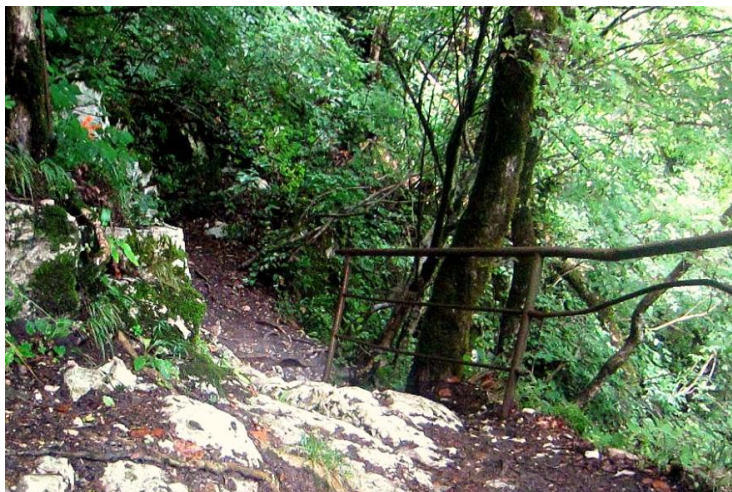
Оставив без должного внимания описание практики как таковой со всевозможными замерами, съемками, описаниями местности и изучениями геологии, климата, растительности, животного мира и этноса региона, скажу, что в середине «пути» наша группа разделилась на 2 бригады. Одна осталась в Бжиде, а вторая (в количестве трех человек и преподавательского состава) направилась в Сочинский национальный парк на

4-х-дневную стоянку у слияния рек Агура и Агурчик с целью изучения рекреационных ресурсов. Вот тут и было самое интересное. Дорога предстояла долгая и, естественно, невыносимо жаркая, но после путешествия в Архипо-Осиповку, мы были уверены, что готовы ко всему..., а зря.

8 часов пути и вот мы у входа в национальный парк. Впереди подъем на Поляну слетов (250 м над уровнем моря) с рюкзаками по 25-30 кг за спиной. Нас ободряли тем, что трасса будет простая, специально оборудованная для туристов, и в течение часа мы будем на месте, и вообще, все будет напоминать прогулку по лесу. Отлично! Нас даже не смутило, что не так давно нам уже обещали прогулку по берегу моря...

Говоря современным языком, жесть началась у самого подъема. Легкая испарина покрыла наши тела на первых метрах пути: 30°C жара и практически 100% влажность дали о себе знать достаточно быстро. Чуть позже грунт начал плавно расплзаться под ногами: здесь уже давали о себе знать проливные дожди. В 2012 году в регионе за несколько дней выпала более чем трёх-пятимесячная норма осадков. Но больше всего нас огорчали подъемы. Постоянные подъемы. Уже у первого указателя в 200 м (из приблизительно 3 000 м) начали посещать навязчивые мысли вернуться в Бжид с его мертвыми дельфинами и палящим солнцем. Зато следующие 400 метров были преодолены с малыми потерями. Мы прошли один из чудесных водопадов и с изумлением заметили, как все туристы, которые сопровождали нас основную часть пути, не торопясь, направляются в сторону выхода. В этот момент приходило медленное осознание, что дальше мы поползем совсем одни. И дальше мы действительно поползли: вместе с туристами закончилась и более-менее цивилизованная дорога. Мы карабкались по каким-то уступам и камням, поросшим мхом, попеременно цепляясь то за прогнившие и раскачивающиеся во все стороны перила, с трудом ограждавшие нас от пропасти, то за выступавшие на скалах корни деревьев.

«Оснащенные» тропы

У некоторых из нас были попытки цепляться еще и за змей, но, благо, они не увенчались успехом. Подъем становился все труднее: ноги соскальзывали с мокрых камней, и каждый шаг делался не только с чувством усталости, но и страха. Поэтому, поднялся сам – посмотри, поднялись ли за тобой все остальные. Готовности к подобного рода приключений у нас явно не было. Ты стоишь перед уступом и не знаешь, как на него взобраться, и не только потому, что рядом нет веток, за которые можно ухватиться или ноги постоянно норовят соскользнуть в обрыв и невозможно уверенно стоять; а, в первую очередь, потому, что он находится на уровне груди, и за спиной рюкзак, и сил уже нет. И ты просто стоишь и не знаешь, что делать... В этот момент уже хочется плакать.

Последнее серьезное препятствие на нашем пути все же подходило к логическому завершению. Минут через 10 мы увидели чудесную поляну, которая выходила прямо к горной реке. Отличное место для лагеря: ровная и обширная территория, живописные места, подход к воде, но мы прошли его мимо. Это было одно из самых глубоких разочарований в жизни. Еще 20 минут перекачивания по скалам и вот, наконец, мы у слияния Агура и Агурчика.

Слияние Агура и Агурчика

Нужно сказать, что уже на следующий день подъем занял у нас вполтину меньше времени, возможно, сказалось отсутствие рюкзаков, возможно – усталости. И в последующие дни каждый пытался побить временные рекорды по спуску и подъему в лагерь. Море, солнце и, конечно же, исследования – мы радовались каждому дню и тому, что практика уже принесла нам массу впечатлений.

Апогей впечатлений пришелся на один из пятничных вечеров. Вернувшись вечером в лагерь, мы решили, что было бы неплохо искупаться перед сном. Начали потихоньку вытаскивать из рюкзаков скомканные впопыхах вещи, как вдруг рядом с собой я услышала пронзительный женский визг, тут же над моей головой пролетели шорты, а вдогонку за ними – салютом какие-то мелкие шарики. Туристу на заметку: никогда не оставляйте 80-литровый рюкзак на долгое время на открытом воздухе. Достаточно 4 часов, и он превратится в отменный муравейник! В итоге, салютом из каких-то мелких шариков оказались личинки. Мы и не предполагали, что боимся муравьев. Достаточно быстро стало ясно, что криком муравьев не выгнать. В течение 20 минут мы не решались хотя бы просто подойти к рюкзаку: даже издалека он

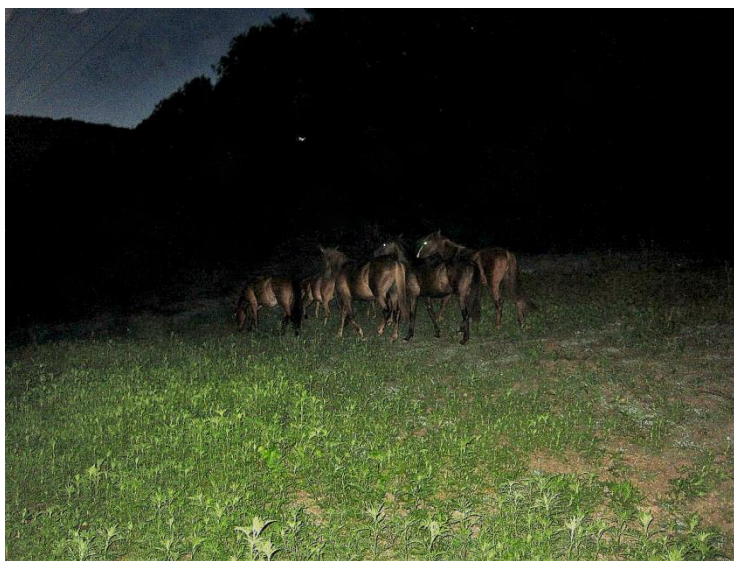
выглядел как разверзнутая бездна, кишася скоплением гадов, которые только и помышляли, чтоб отведать человечины. Начался мозговой штурм по депортированию муравьев из рюкзака. Идеи выкинуть рюкзак к черту вместе с новыми жителями, сжечь, отдать кому-нибудь из чувства мести – были восприняты хозяйкой достаточно критично. В итоге происходящее напоминало больше веселую эстафету: участники соревнований состязались в силе, ловкости, смекалке и быстроте по перекидыванию друг другу рюкзака! Собравшись с силами, мы все-таки перебрали его, обожгли и благополучно убрали в палатку.

К тому времени заметно стемнело и речи о водных процедурах уже не шло. Устроившись поудобней в палатке, мы решили отметить окончание тяжелого дня. Тосты о том, чтобы пережить эту практику, достаточно резко сменились на то, чтобы пережить эту ночь. С разных сторон мы начали слышать жалостливый вой, напоминающий плач детей. Шакалы. Перед выходом на охоту они устраивают между собой перекличку. Такая информация не могла ободрять, когда за окном час ночи, а вас трое... в палатке..., в горах. Мы смотрели друг другу в глаза, и полностью затихали на некоторое время от ужаса. Турист, как правило, живет дольше человека - в тот раз нам так не казалось. Даже вино уже не придавало уверенности в себе. Неожиданно высокий, скулящий вопль сменился частым фырканьем возле нашей палатки. Осмелившись все-таки выглянуть, мы увидели табун диких лошадей, мирно пасущихся на соседней лужайке. Мирных до поры до времени: малейший испуг мог погнать их прямо на наш лагерь, от которого в результате не осталось бы и живого места. Ситуацию усугубляло еще и наличие в табуне пары

жеребят. Единственным выходом было прогнать их туда, откуда они пришли. Сделать это оказалось не так просто. Также как и с муравьями, крик помогал мало, подражание фырчанию и размахивание руками тоже. В конечном счете, интеллект победил, и лошади ушли. Мы могли спокойно вернуться в палатку и продолжать беспокоиться из-за шакалов. Беспокоились недолго. Не прошло и десяти минут, как мы услышали, как кто-то крадется возле нашей палатки, периодически задевая ее стенки. Этот кто-то крался буквально в нескольких метрах от нас. Вероятнее всего, он нас видел, а вот мы его нет. Лишь где-то в темноте что-то шуршало, шелестело, поскрипывало. От страха ноги немели, а дыхание периодически прерывалось, зато оживали волосы. Сейчас нам никто не мог помочь, кроме нас самих: весь остальной лагерь мирно спал и даже не подозревал о происходящем. Ситуация резко изменилась с пришедшими звуками чавканья – лошади опять вернулись в лагерь. Громкие возгласы и хлопки на этот раз оказались более результативными: табун достаточно быстро развернулся и отправился восвояси. На беду одна из лошадей, видимо, не дожидаясь что-то невероятно вкусное на уже облюбованной поляне, решила вернуться. Одну из моих однокурсниц явно не устроило данное положение дел, и она ринулась прямо на нее с криками. Лошадь такого поворота событий явно не ожидала, мы, признаться, тоже. Юная девушка гнала изумившуюся лошадь несколько сот метров. Они уже поравнялись с остальным табуном, как моя однокурсница решила использовать запрещенный прием. Схватив с земли первый попавшийся прут, она с еще большим усердием начала гнать лошадей, выкрикивая: «Авада Кедавра!». Мы застыли на месте и смотрели, как она в ночи медленно уходит за горизонт...

Дикие лошади

Воссоединившись через какое-то время, мы предприняли очередную попытку лечь спать. Не тут-то было. Вслед за нашей подругой вернулся и табун. Это было уже слишком. «Сила трех» уже не спасала, поэтому пришлось будить лагерь. Нельзя сказать, что преподаватели были особо рады нашему ночному визиту к их палатке. С угрожающим видом: в трусах, ковбойской шляпе и с мачете в руках к нам вышел один из руководителей практики. Красочная история про муравьев, шакалов и диких лошадей была воспринята достаточно холодно, но меры были предприняты. Поскольку ни громкие возгласы, ни свист, ни хлопки, ни даже волшебные заклинания на лошадях особенно не работали, видимо, это были какие-то неправильные лошади, мы решили взять их количеством. Трое преподавателей в костюмах только что проснувшихся техасских рейнджеров и трио студенток, уже практически выбившихся из сил, опять пытались одолеть табун. На этот раз мы решили отправить их в ту сторону, куда они шли. В надежде, что больше они не вернуться. Лошади еще не успели раствориться в клубах пыли, как в лагерь, оставленный без присмотра, наведальсь несколько шакалов – небольшие по размеру, сродни средней дворняги, худые, со впалыми от голода животами и темной шерстью, свисавшей на них клочьями. Они пришли внезапно. Пришли ниоткуда. Они долго и жадно ели, выхватывая зубами и языком остатки нашего ужина, которые, по глупости, мы не успели убрать. Звери скалились на нас и друг на друга, показывая небольшие, но острые зубы, пытаясь ухватить кусок побольше и одновременно издавая

пронзительный вой. Было видно, что они не брезгают никакой пищей. Зрелище не из приятных. Мы никогда не слышали, чтобы шакал нападал на человека, и хотя в ту минуту это успокаивало мало, нужно было их прогнать. Так как шакалы были достаточно трусливы, это не составило особо труда. Буквально десяток брошенных в их сторону камней с громкими возгласами заставили их покинуть наш лагерь.

Наконец-то можно было отправляться на боковую. Хотя спать после всех приключений уже не хотелось, да и времени уже было столько, что и лечь спать, по большому счету, было поздно. Тем не менее, усталость сказывалась и, завернувшись в теплые и уютные спальники, мы решили отправиться на встречу к Морфею. Не тут-то было! Опять же из-за высоких интеллектуальных способностей мы поставили палатку прямо под деревом, что явно не понравилось его обитателям. Они нашли самое подходящее время, чтобы вывести нас из себя. Мне казалось, что ни одни белки никогда в жизни не могли с таким усердием обстреливать нашу палатку яблоками. Это были не просто белки, а настоящие белки-террористки. Мелкие фрукты, словно дробь, обрушивались на нашу палатку, так и норовя прорвать ее. Но через некоторое время весь окружающий нас шум превратился во что-то монотонное и непонятное. Мы, наконец-то, медленно погружались в глубокий, такой долгожданный, хотя и недолгий сон...

Утром мы проснулись от того, что наши друзья-белки радостно постукивали по нашей палатке уже такими знакомыми яблоками, а местные птицы, казалось, только поддерживали их в этом своими заливистыми трелями. Первое, что мы увидели, выбравшись на улицу – это кучи навоза, равномерно окружавшие палатку: лошади все-таки вернулись ночью, но на этот раз, похоже, только чтобы отомстить. Сложившаяся ситуация расстраивала не сильно, главное, что все закончилось, и можно было начать собираться обратно в Бжид. Закончилась пятница 13. До прошлого вечера никто и не предполагал, что мистика этого дня может найти такое яркое отражение в реальности.

Оставшиеся дни в Туапсе прошли в относительно спокойном режиме. Несмотря на все неприятности, трудности и даже опасности, мы запомнили это лето, как самое яркое в нашей жизни. А впечатления об этой практике останутся с нами ещё на долгие годы.

Особенности проведения геологической съемки в африканской республике Гана

(по рассказам геолога В.Н. Зенкова)

Я работал в Гане в начале 60-х годов в составе большой группы советских геологов, проводивших там геологическую съемку 1:200 000 масштаба.

Я занимался поисковым шлиховым опробованием. Численность шлихового отряда достигала 12 человек. Это было вызвано тем, что в засушливые периоды, бывающие между периодами дождей, все местные водотоки пересыхают и отобранные для промывки пробы приходилось подносить к воде на большие расстояния. Рабочими были местные негры. В маршруты ходили толпой и без оружия. Только у меня имелась малокалиберная винтовка.

Описанные в географической литературе опасные встречи со слонами, буйволами, носорогами и крупными хищниками: львами и леопардами — оказались сильно преувеличенными. Ко времени нашей работы названные животные были почти все повывбиты браконьерами и стали редкостью. В маршрутах мы с ними даже ни разу не встретились.

Правда, один раз во время сплава на резиновой лодке по реке Черная Вольта, протекавшей по району съемки, под нашу лодку нырнул огромный бегемот и чуть было ее не опрокинул. Но мы отделались только испугом.

Действительную опасность представляли ядовитые змеи. Их было много, и встречались они часто, причем, как правило, неожиданно. Особенно опасны бывали встречи с коброй. Укус кобры смертелен. Кроме того, кобра имеет нехорошую привычку плевать ядом. На расстоянии 3-4 метров кобра попадает ядовитым плевром человеку в лицо. Такой плевок, при попадании в глаза, тоже бывает смертелен, если рядом нет воды, чтобы быстро смыть яд.

Один раз кобра плюнула ядом в глаза рабочему из моего отряда. Воды рядом не было. Пострадавший встал на колени, а остальные рабочие по очереди стали писать ему прямо в глаза и таким образом спасли товарища от неминуемой смерти. А кобре отрубили лопатой голову, потом поджарили змеюку на костре и...съели. Мясо кобры вкусное. Я пробовал, но есть его с непривычки все равно противно.

Другой раз кобра чуть не плюнула в лицо мне. Кобра длиной 2.5 метра лежала, обившись вокруг куста акации и я ее своевременно не заметил. Увидел только, когда до кобры было два метра. Увидела и кобра меня. Шея ее раздулась, кобра была готова для своего опасного плевка. Но я ее опередил. Мгновенно скинув с плеч винтовку и практически не целясь, выстрелил, и попал пулей прямо в голову. Кобра поразивалась и сдохла. Рабочие тут же ее освежевали, сварили и съели.

Еще был случай с коброй, скорее смешной, чем страшный. В поселке геологов, во дворе одного дома громко закудахтали и заверещали куры. Хозяйка вышла из дома и видит, что их куры воюют с заползшей во двор большой коброй. Куры, растопырив крылья, храбро нападали на кобру, стараясь уцепиться за хвост, при этом очень удачно уворачивались от ее смертельных укусов и плевок. Битва кур с коброй закончилась тем, что хозяин сбегал домой за двустволкой и двумя зарядами картечи размозжил кобре голову, а хозяйка с благодарностью курам за то, что они подняли тревогу (кобра могла заползти в дом), насыпала им дополнительную порцию кукурузных зерен.

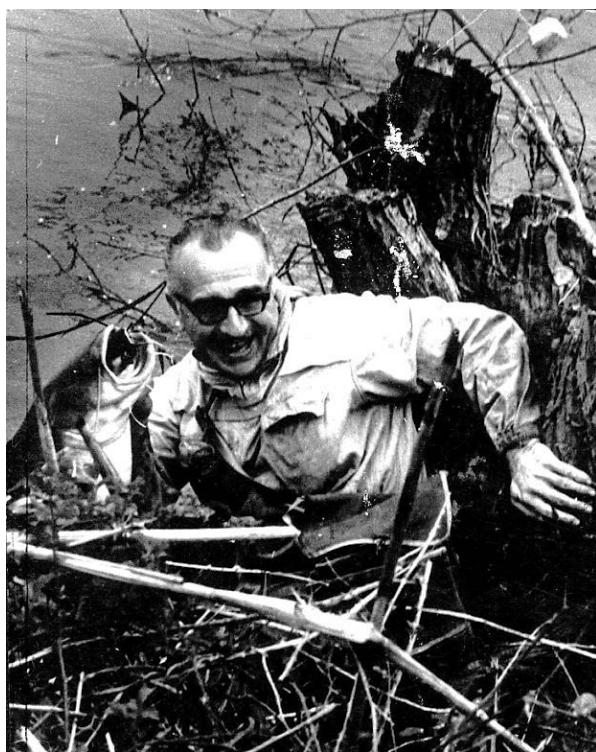
Представляли опасность и комары — разносчики тропической малярии. От малярии нам делали прививки и выдавали специальные таблетки. Но меня, видимо, все же укусил

один малярийный комар речного вида и с большим инкубационным периодом заразы. Я заболел тропической малярией уже по возвращении из Ганы, находясь в Арктике, работая на Новосибирских островах. Болезнь очень неприятная. Во время ее приступов температура тела поднималась до 40°C, меня бил озноб и трясло, как в лихорадке. Но мой организм, привыкший к арктическому холоду, переборол болезнь, я выздоровел, и тропическая лихорадка меня больше не беспокоила.

Но пора рассказать и о приятном. В реках и озерах Ганы много рыбы. И я, как заядлый рыбак, ее ловил. В реке Черная Вольта я однажды выловил сома весом 5.5 кг и крупного осетра. Извините, осетра я поймал в Иране, где тоже работал.

Виктор Зенков тащит сома из реки в Гане

Виктор на рыбном рынке в Гане

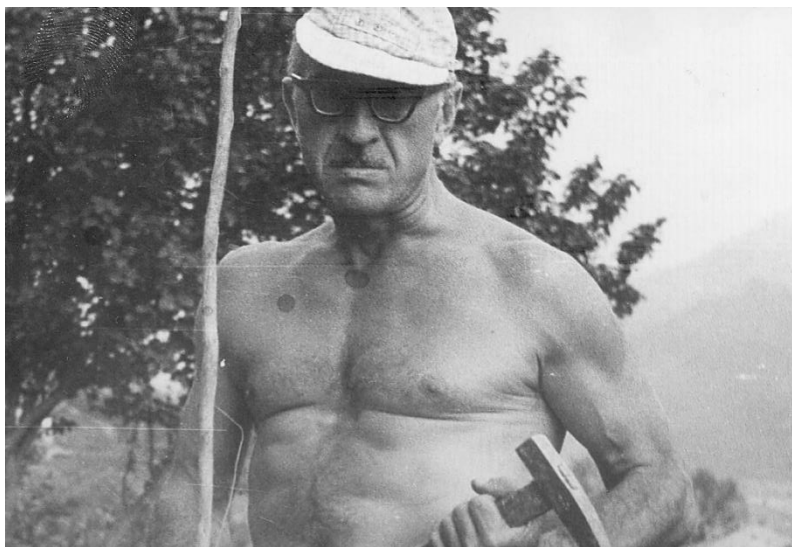

Виктор поймал осетра в Иране

Много в Гане и пернатой дичи. Особенно хороши цесарки, крупные и жирные. Цесарок я отстреливал из мелкашки по несколько штук в день и приносил их на кухню партии. Партия без мяса не сидела.

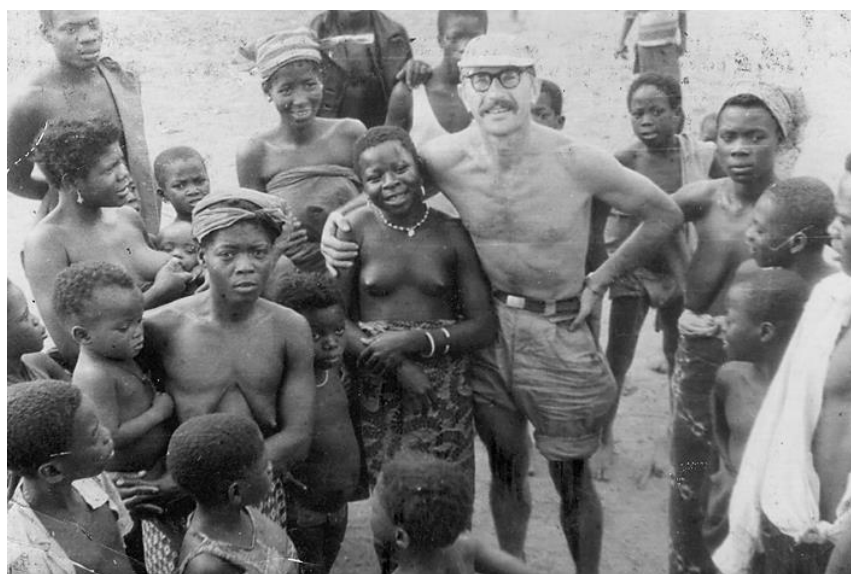
В Гане Зенков отъелся на мясе, рыбе и ананасах и стал здоров, как носорог

Помимо рыбалки и охоты, в камеральный период я с удовольствием занимался огородничеством. В Гане все растет круглый год. Еще бы не росло: средняя температура воздуха летом $+30^{\circ}\text{C}$, зимой $+27^{\circ}\text{C}$. Я выращивал, и в большом количестве, даже ананасы.

И еще о приятном. Недра Ганы содержат большие запасы золота. Не зря раньше Гану называли Золотым Берегом. Аллювиальные отложения золотоносны почти во всех реках. Золото добывают и моют все:

профессионалы и любители, мужчины и женщины, и даже дети. Вождь каждой маленькой деревни имеет свой золотой запас. Золото хранится в стеклянных бутылках и банках, выставленных на полках на показ. Зрелище красивое и впечатляющее. Я никогда больше не видел такого количества золота. Можно сказать, что золотого песка в реках почти столько же, сколько кварцевого. В русловых отложениях встречаются и самородки.

Как-то в одном маршруте я спокойно набрал самородков полную бутылку из-под «Столичной» и...подарил ее знакомому деревенскому вождю. Вождь принял подарок с удовольствием, а в качестве благодарности предложил мне взять девушку, какая понравится.

Виктор выбрал девушку, какую хотел

В общем, ребята, приятного во время препровождения съемочных работ в республике Гане было значительно больше, чем неприятного. И скажу вам по секрету: приятного было даже больше, чем в нашей любимой, но холодной Арктике.

Байки геолога Ивана Рудокопова

Иван Рудокопов родился в Ленинграде в 30-х годах прошлого века. Здесь же учился в школе, потом в Горном институте, который и окончил с присвоением ему квалификации горного инженера-геолога по специальности геологическая съемка и поиски полезных ископаемых. После окончания института был направлен по распределению на Дальний Восток нашей Родины. Отработав на востоке страны 20 лет, *Иван* вернулся в Ленинград и устроился в Институт геологии Арктики, в котором и трудился, получая благодарности, грамоты и награды.

Но не наградами был известен *Иван Рудокопов*. Он прославился среди геологов устными рассказами о своей работе. Рассказы *Ивана* интересны. По форме и стилю они соответствуют байкам, правда, иногда сильно напоминающим небылицы барона *Мюнхгаузена*.

Я не хочу сказать, что байки-рассказы *Рудокопова* полностью выдуманы. Все они взяты из реальной геологической жизни. Но, видимо, ради красного словца и повышения интереса, доля мюнхгаузеновской фантазии в байках *Ивана* все же присутствует.

В реальной жизни, как известно, «Мюнхгаузен» у нас не очень любят, считая их людьми несерьезными и ненадежными. Поэтому настоящие Имя и Фамилия геолога-рассказчика изменены. *Иван Рудокопов* – это псевдоним, придуманный мной.

Как Рудокопов в дружину ходил

На дежурства в дружину я начал ходить, еще будучи студентом Горного института. И ходил не по принуждению, а добровольно и даже с удовольствием. Бывали во время дежурства, конечно, и неприятные ситуации.

Однажды на площади перед Дворцом культуры им.Кирова, называемого в народе «Камнем», завязалась большая драка между гаваньской шпаной и шпаной с набережной Лейтенанта Шмидта. Дружинникам Горного института совместно с милицией пришлось наводить там порядок. Я был активен, участвовал в силовых задержаниях, а у одного драчуна даже отобрал финку. Шпана меня заметила.

«Мы тебе припомним, активист! Повстречаемся еще на узкой дорожке!» - сказал кто-то из братвы с набережной Лейтенанта Шмидта. И мы встретились.

Как-то после очередного дежурства в дружине возвращаюсь я домой. Иду по набережной. Иду по набережной, направляясь к мосту Лейтенанта Шмидта. Иду один.

Набережная в этот поздний час была пустынна. Вдруг из старинного туалета, что стоит на набережной против 8-й линии еще со времен Петра I, неожиданно выходят пятеро здоровенных парней, идут мне навстречу и берут меня в круг.

«Вот мы и встретились, активист-дружинник. Пора и поквитаться!»

Я несколько не испугался. Даже наоборот, я сильно разозлился, можно сказать, пришел в ярость.

В том месте, где мы встретились, набережная ограничена не гранитным парапетом, а чугунными тумбами, между которыми висят толстые и тяжелые якорные цепи. Я взял двумя руками одну такую цепь, поднял ее на уровень груди и говорю: «Братва,

связываться со мной не советую!» И рванул руками цепь, что есть силы... После чего я потерял сознание.

Сколько времени я был без сознания, я не знаю. Когда очнулся, не сразу понял, где я нахожусь. Вокруг меня никого нет. Я лежу на спине и держу в руках концы разорванной якорной цепи. По 8-й линии вглубь Васильевского острова удирает шпана.

Да, ребята. Человек не знает возможностей своего организма. Тайны сознания и подсознания ему не известны. Разорвать якорную цепь, находясь в сознании, я бы, конечно, не смог. А в подсознательном состоянии я разорвал ее легко, даже не поцарапав пальцев.

Рудокопов и медведи

Поработал я и на Камчатке. И надо сказать, что работать там было не просто. На Камчатке все большое. Большие горы, вулканы и гейзеры, а вокруг них большие непроходимые леса, из-за чего даже в геологические маршруты приходилось ходить по звериным тропам. Кроме того, на Камчатке водятся очень большие бурые медведи. Взрослые самцы камчатских медведей весят больше полтонны, а отдельные экземпляры достигают в весе 700-800 килограммов. Когда такой медведь становится на задние лапы, то его рост в этом положении превышает три метра. Камчатский медведь очень силен, очень умен и поэтому опасен. Кроме человека, у него других врагов нет.

И вот, как-то раз, шли мы с напарником поисковым маршрутом по звериной тропе, и столкнулись нос к носу с огромным медведем. Тропа была узкая, нам было не разминуться, но и уступать тропу никто не хотел.

Медведь встал на задние лапы, взревел и попер на нас. Я скинул с плеча ружье и, не целясь, выстрелил в медведя почти в упор... и промахнулся. Медведь лапой отбросил меня с тропы вместе с ружьем в заросли кедрача и устремился к напарнику.

У напарника тоже было ружье, но он не стрелял. Напарник так испугался, что выронил свое ружье из трясущихся рук и, как трусливый заяц, побежал по тропе назад. Медведь бросился за ним, а напарник бежит и кричит: «Мишенька, это не я стрелял! Мишенька, это не я стрелял!» Медведь развернулся, угрожающе рывкнул и ринулся в мою сторону.

Но я к тому времени уже выбрался из зарослей на тропу, перезарядил ружье, спокойно прицелился и влил умнику пулю двенадцатого калибра между глаз. Умник не добежал до меня всего три метра и рухнул, уткнувшись мордой в тропу.

Тут подходит ко мне мой напарник и говорит: «Спасибо тебе, *Иван Федорович!* Ты спас меня от неминуемой смерти!».

- «Больше мне спасать тебя не придется. Ты трус и предатель! А с трусами и предателями я в маршруты не хожу».

Работая в Арктике, мне приходилось встречаться, в основном, с белыми медведями. Белые медведи тоже очень крупные хищники, крупнее даже камчатских. Белые медведи в 60-х годах прошлого века были внесены в красную книгу, на них была запрещена охота и даже отстрел с целью самообороны. С тех пор количество белых медведей сильно увеличилось. Особенно много их расплодилось на арктических островах. Как-то раз на Новой Земле в заливе Медвежьем через наш лагерь за один день спокойно прошло 40 медведей. Мы их не трогали и они нас тоже. Давно сообразив, что их никто стрелять не будет, белые медведи перестали бояться человека, но зато и сами стали не

опасными. Геологи даже не брали в маршруты огнестрельное оружие. На всякий случай, клали в рюкзак сигнальную ракетницу с двумя-тремя ракетами, но медведи этих ракет тоже нисколько не боялись. Опасные встречи все же случались, и то лишь, когда голодный медведь в поисках пищи влезал в жилище человека.

Была одна такая встреча и у меня. В мою палатку зашла медведица. Я в это время мирно спал на раскладушке в дальнем углу палатки. Проснулся от того, что услышал чье-то чавканье. Когда открыл глаза, увидел, что в палатке, повернувшись ко мне задом, стоит крупная молодая и красивая медведица и жрет продукты нашего отряда. Продукты находились в ящиках, сложенных в другом углу палатки. Вход в палатку был открыт, медведица открыла его сама, оторвав все застёжки.

Медведица-красавица в гости к нам пришла

Что делать? В палатке, кроме меня и медведицы, больше никого нет. Карабин мой зачехлен и лежит на ящиках с продуктами, которые раскрывает медведица. Даже если бы карабин был у меня в руках, стрелять в медведицу я вряд ли стану. Вдруг застрелишь, а потом устанешь писать объяснительные записки, что стрелял в нее в целях самообороны. И так думая, я вылез из спальника и, сидя на раскладушке, закурил.

Медведица, не обратив на меня никакого внимания, спокойно поедала банки с тушенкой. Она их прокусывала и своими мощными челюстями выдавливала тушенку прямо себе в пасть. Я тоже спокойно сидел и курил, терпеливо ждал, когда медведица насытится.

Но тут я увидел, что медведица добралась до ящика со сгущенкой и начала ее поедать. Этого стерпеть я уже не смог. Сгущенку я и сам люблю. Могу за один присест съесть пять банок. А вдруг медведица сожрет все банки, и я останусь совсем без

сгущенки?! Это уже слишком

Я встал с раскладушки, подошел к медведице и засунул ей под хвост горящую сигарету. Медведица с визгом выскочила из палатки и, громко по-бабьи охая, побежала по тундре, смешно крутя задом. Больше медвежья красавица ко мне в гости не приходила.

- Ну, ты и садист, *Иван!*
- А не надо было ей мою любимую сгущенку жрать!

Как Иван Дедом Морозом был

Работал я в Якутии в круглогодичной геологопоисковой партии. Круглогодичной называется такая партия, которая проводит полевые работы круглый год. Наша партия вела поисковые работы на уран. Стране в те времена уран нужен был, как воздух. Свои урановые месторождения в СССР были еще не открыты, урановую руду привозили из

Чехословакии. Поэтому геологам было сказано: «Даешь стране уран!» И геологи его дали. Приходилось пахать круглогодично, летом и зимой в полях.

Мой отряд пробивал разведочную штольню в подошве одной горы высотой около 800 метров. Штольня вскрывала кварцевую жилу с вкраплениями урановых руд. Кстати, замечу, что в штольне работали обыкновенные советские люди: геологи и рабочие-проходчики. Никаких смертников, осужденных на смертную казнь, к нам не направляли. Ходят и теперь еще легенды, что приговоренных к смерти преступников вместо расстрела якобы отправляли в шахты на добычу урана, т.е. отправляли, таким образом, тоже на верную смерть.

Хочу сказать, что урановый черт не так уже страшен, каким нам его малюют. Самую высокую радиацию, с какой мне приходилось встречаться, я наблюдал в кабине вертолета Ми-4. Однажды летчик попросил меня замерить радиационный фон в их кабине. Я замерил и обалдел от удивления. Мой радиометр СРП-2 показывал на уровне кресел летчиков 3000 мкр/час, а на уровне приборных щитков он зашкаливал. Все стрелки приборов в кабине были светящимися в темноте, а подсвечивались они радиоактивным фосфором.

Образцы урановой руды с промышленным содержанием урана показывали только 600-800 мкр/час, а вмещающие руду породы и того меньше – 15-20 мкр/час. Я сам занимался отбором проб урановых руд и, как видите, жив и здоров. И вертолетчики тоже не умирают от радиации. Но, извините, я немного отвлекся.

За три дня перед Новым годом начальство вызвало меня на базу для отчета о проделанной за год работе. Отчитался я благополучно: объемы выполнены, получен и важный результат – наметился новый перспективный урановый объект. Начальство предложило мне задержаться на базе и встретить вместе с ними Новый год. Я категорически отказался и настоял на том, чтобы меня отправили вертолетом в отряд. Я хотел встречать Новый год со своим отрядом.

Я погрузил в вертолет ящик спирта, и мы полетели. Пока летели, испортилась погода. Снизу поднялся густой туман, сквозь который внизу были только заснеженные вершины гор. Торчала из тумана и вершина моей горы. Вертолетчики сели на нее и говорят: «Извини, *Иван*, но сесть в такой туман в твой лагерь мы не сможем. Полетели-ка лучше обратно на базу, там Новый год вместе встретим» - «Нет, ребята, я встречу Новый год со своим отрядом!» Взял пять бутылок спирта, завернул их в свой пуховый спальный мешок, и, запихав пуховик с бутылками в рюкзак, вышел из вертолета.

Вертолет улетел, а я стал спускаться с горы в лагерь. Дорогу я знал, но из-за глубокого и мокрого снега шел медленно и потому стал опасаться, что я не успею прийти в лагерь до темноты. Начиная уже смеркаться. И я решил ускорить свой спуск.

Я снял раздутый как пузырь рюкзак, обхватил его руками и ногами, упал в снег и, как колобок, покатился вниз по склону. Снег был липкий. Он быстро облепил меня со всех сторон, и я очутился внутри большого снежного кома. Ком покатился под гору, набирая скорость. Внизу горы он катился уже со скоростью и шумом снежной лавины.

Услышав шум и подумав, что с горы сходит лавина, в лагере все повыскакивали из палаток и видят: прямо на лагерь с горы катится огромный снежный ком. Ком подпрыгнул на бугре и, не долетев до палаток несколько метров, мягко приземлился, рассыпавшись на большую снежную кучу. И тут из кучи выбираюсь я.

«С наступающим Новым годом вас, дорогие друзья! Я Дед Мороз, я подарки вам принес!» Развязываю рюкзак и достаю оттуда целехонькими все пять бутылок спирта! Надо ли говорить, что тот Новый год мы встретили очень хорошо.

Как Рудокопов халявную премию получил

Работал я на Колыме. На территории съемки нашего отряда находился золотодобывающий прииск. Золото добывали драгой.

Если кто не знает, скажу, что такое драга. Само слово «драга» - английское, переводится как «черпать». Другими словами, драга это землечерпалка. Она представляет собой самоходную баржу, оборудованную многоковшовыми ленточными экскаваторами. Этими экскаваторами драга черпает золотоносные русловые отложения реки и доставляет их в промывочный цех, находящийся в трюме баржи. Там золото мощными струями воды от породы отмывают, а образовавшуюся пульпу с пустой породой вываливают обратно в русло реки по трубопроводу.

После прохождения драгой реки, долина ее приобретает очень непривлекательный вид. Кругом одни грязные лужи и бугры гравия, песка и глины.

И вот иду я как-то раз маршрутом по изуродованной драгой реке и мысленно ругаю золотодобытчиков за то, что они испортили реку. Вдруг замечаю, что в одном из бугров что-то блеснуло. Присмотрелся я и обнаружил золотой самородок величиной с горошину. Но золота в промытых отвалах не должно быть. Значит, промывают халтурно! Я поднял самородок, положил его за щеку и пошел дальше. Пройдя метров сто, я нашел еще один самородок и положил его за другую щеку. Так, идя по отвалам, я нашел еще несколько самородков, и все положил за щеки. Щеки мои раздулись, как у хомяка. Одновременно с раздутием щек, у меня появилась злость на халтурщиков и я решил зайти к начальнику прииска. Крепко поговорить с ним.

Захожу в контору и прямо в грязных сапогах к начальнику в кабинет. Начальник меня знал.

—Что это так разнесло тебя, *Иван*? Зубы болят?

—Тьфу на тебя! — сказал я и выплюнул все самородки на полированный стол начальника. — Разве это работа?! Все это золото я нашел в отвалах!

Начальник несколько не удивился. Спокойно собрал выплюнутое мной золото в кучку, достав лабораторные весы, взвесил его и обрадованно сообщил: «33 унции, *Иван*! Это ровно столько, сколько нам не хватало до выполнения месячного плана добычи. Спасибо, *Иван*, я тебе выпишу премию».

И выписал, в размере месячного оклада с полярными коэффициентами. И я ее получил.

Как Рудокопов обманул земное притяжение

Работал я на Чукотке. Мой небольшой отряд забрасывали на территорию съемки самолетом Ан-2, или «Аннушкой», как ласково называли его в народе за надежность, неприхотливость и способность приземлиться на небольшие по размерам и неподготовленные площадки. Летчики были опытные, имели право выбора таких площадок и посадки на них.

На этот раз летчики выбрали песчано-галечную косу длиной около 80 метров в русле реки и, сделав пару кругов над косой, пошли на посадку. Я следил за посадкой из открытой двери салона, для безопасности пристегнувшись к борту веревочным фалом длиной 4 метра.

Наблюдая за глиссадой (траекторией полета при снижении самолета), я увидел, что в точке касания самолета с косой находится выпуклая наледь высотой 3 метра. Летчики почему-то наледи не увидели и наметили касание земли прямо перед наледью.

Ну, все! Столкновение с наледью, катастрофа и вероятная гибель всех неизбежны! Говорить что-то летчикам было уже поздно. Что делать?!

Решение пришло мгновенно. Я, не раздумывая, выскочил из самолета и повис на четырехметровом фале. Пока я падал 4 метра, масса самолета уменьшилась на 80 кг, т.е. на вес моего тела. Согласно закону всемирного тяготения, самолет изменил глиссаду, приподнялся и, обогнув вершину наледи, благополучно приземлился. Благополучно приземлился и я. Я просто забрался по веревке обратно в салон самолета. Никто моего прыжка даже не заметил.

—Ну, ты и мастер... точного расчета, *Иван!*

—А никакого расчета и не было. Помогла интуиция. Если бы я стал раздумывать да рассчитывать, точно бы врезались в наледь.

Иван Рудокопов показывает путь вездеходу

Над островом ужасная погода.
Не знаешь даже, что за время года

Иван Рудокопов рассказывает очередную байку

Геологическая наука в стихах

Стихи соискателя на степень кандидата геолого-минералогических наук

Данный здесь отчет по Теме
Мы представили по схеме.
От старинных схема, впрочем,
Отличается не очень.
Но зато она открыла
То, что в старых схемах было:
С геологией нелепо,
Остальное все прекрасно.

Изучать район работ
Начал мудрый наш народ
У науки на заре,
При Горохе, при царе.
Камни все усердно били
И животных находили.
Тех, которых издавна
Называли фауна.
А потом, чего не знали,
Как умели, так гадали.

Порученный нам район
Кое-где расположен,
Очень густо заселен,
Залесен и обводнен.
Реки тут текут по кругу
И вливаются друг в друга,
Летом зной, мороз зимой
И на водку спрос большой

Геология района
Начата во время Оно
И представлена она,
Как нам кажется, сполна.
Есть тут гнейсы и граниты,
Аргиллиты и кварциты.
В гнейсах залежи руды.
Под землей полно воды.

Все породы смяты в складки
В перевернутом порядке.
Все растрескано, разбито,
Кое-что и вовсе смыто.
А потом пошли разломы
Насчитали их штук сто мы.
Один из них не так уж прост,
Не то грабен, не то горст.
Сверху все покрыто лессом,
Называемым наносом.
Не дурак я, не сундук.
Дайте степень кандидата
Хоть каких-нибудь наук!

Лирическая плейтектоническая
Доктор геолого-минералогических наук Б.В.Ф.

Он делал мне субдукции, а я ему обдукции.
Со спредингом в согласии у нас были аккреции.
Случались дивергенции - большие огорчения,
Спасали конвекции, тройные сочленения.
Все ладилось и клеилось до самой той межи,
Когда из преисподней полезли плюмажи.
Нахалы, вертопрахи всю мантию прожгли
И джампинга, холеру, под спрединг завели.
Тут дрифтинг беспредельно торрейнров наплодил,
Коллаж этих ублюдков субдукцию забил.
Коллизия синформно под что-то поползла,
Сутура антиформно на суперплюм легла.
Олистостром с меланжем в субдукцию попал,
Лишь эксгуматор опытный несчастных разыскал.
Конвекция старалась из всех рэлейных сил,
Чтоб слэб у ней под мантией беды не натворил.
У палеомагнитки сорвались тормоза,
Раздраилось пространство, а ей все трын - трава.
И плыли континенты в безумствии шальном,
Дрожало мироздание пред роковым концом.
В такие бифуркации влетало естество,
Что белые горячки - ребячье баловство.
Но навигатор дока на ЭВМ играл –
Содом меж континентов он ловко обуздал.
Недолго кочевряжились и стали поумней,
Кто сомневался в радостях кладбищенский идей.
Жрецы единоумия освоили «АТУ»,
Нет места в храме истины, кто с ними не в ладу.
В конформной виртуальности теорийки творим,
А эмпиризм ползучий забвенью предадим.
МИР ПРАХУ ТВОЕМУ, СТАРУШКА ГЕОЛОГИЯ

Блицконкурс*

В начале 60-х годов прошлого столетия во многих ВУЗах и научно-исследовательских институтах Ленинграда проводились вечера поэзии, а потом - и КВНы. НИИГА не был исключением и тоже устраивал такие встречи. Проходили эти вечера после работы, чаще всего в конце недели на Мойке 120 в зале Ученого Совета (в 16-ой комнате).

Желающих поучаствовать и послушать всегда было много и в зале заседаний свободных мест не было, а опоздавшим приходилось стоять.

На одном из таких вечеров, после выступления многих известных и мало кому известных поэтов, был объявлен конкурс. Предлагалось за 5 минут сочинить четверостишие, зарифмовав слова: нога – НИИГА, ГАИ – ВСЕГЕИ. По истечении заданного срока все, пожелавшие участвовать, оглашали свои варианты, сопровождавшиеся аплодисментами. Жюри внимательно следило за всеми выступавшими и, прослушав всех, после короткого совещания объявило победителя, который, кстати, завоевал самые громкие аплодисменты. Им стал литолог отдела палеонтологии и стратиграфии *Юрий Андреевич Михайлов* (он работал в НИИГА с 1961 по 1979 гг.). Сочиненное им четверостишие запомнилось надолго:

*“На тормозе нога,
Свисток даёт ГАИ,
Хоть я из НИИГА,
Скажу – из ВСЕГЕИ”.*

Архангельск поездом

В 60-х годах теперь уже далекого прошлого столетия несколько небольших отрядов сотрудников отдела палеонтологии и стратиграфии в летние месяцы выезжали на полевые работы на Новую Землю. Путь к месту работы лежал через Архангельск. Там мы закупали продукты и горючее для вельботов и примусов** и договаривались с пароходством о доставке наших отрядов на Новую Землю. Кроме того, перед отправкой на Новую Землю, нужно было подремонтировать вельботы, которые зимовали в Соломбале – в одном из старейших районов Архангельска. Поэтому пребывание в Архангельске занимало не менее 7-10 дней. Жили мы обычно в гостинице “Интурист”, расположенной на улице Павлина Виноградова в центре города. Вечерами, закупив немудреный харч (как правило это была копченая треска и хлеб), мы собирались в одной из комнат гостиницы и “гоняли” чай. Окна этой комнаты выходили на указанную улицу и в тот год, о чем пойдет речь ниже, они были открыты, так как в городе было очень душно: в Архангельске стояла необычная для севера жара. Именно благодаря открытым окнам нам удалось наблюдать пару забавных “картинок” из жизни архангелогородцев.

---

* Этот эпизод в наших «Байках» уже вспоминал *В.Э. Волк*

** В те годы еду в поле мы готовили на примусах и даже умудрялись печь на них хлеб, захватив предусмотрительно из города чудо-печки

1. Утолил жажду. По улице ехала поливальная машина и вдруг шум воды и мотора заглохли и слышались громкие крики, состоящие в основном из ненормативной лексики.

Выглянув в окно, мы увидели на середине проезжей части улицы нетвердо стоящего на ногах мужика, который объяснял водителю, что ему очень жарко и надо бы освежиться. То ли водитель и проситель были знакомы, или же шофер просто сжалился над бедолагой, но во всяком случае он включил только слабую струйку воды. Страждущий ополоснул голову, руки, лицо и удовлетворенный освободил проезжую часть. А поливайка с включенными мощными струями воды продолжила свой маршрут по улице.

2. Спасители. Напротив гостиницы в первом этаже дома находилась парикмахерская.

В один из вечеров, когда мы снова собрались за столом, с улицы слышался звон разбитого стекла. Из окна мы увидели и слышали матерящегося пьяненького мужчину, стоящего перед окнами парикмахерской и пытавшегося поднять с земли булыжник. Он не успел этого сделать, та него с громкими криками напали две дородные тетки в белых халатах – работницы парикмахерской и стали валтузить его за разбитое стекло. Можно только догадываться, что, по-видимому, они отказались его обслуживать и выставили за дверь. В отместку он и разбил им стекло и собирался продолжить “бомбежку”. Мужик как мог отбивался, но силы были явно неравны и неизвестно, чем бы это все кончилось. Но на его “счастье” на улице появился милиционный патруль на мотоцикле с коляской. С трудом вырвавшись от разъяренных женщин, мужик, шатаясь, бросился чуть ли не под колеса мотоцикла с криком “Спасите!” Милиционеры затолкали его в коляску и увезли, а парикмахерши ещё какое-то время громко возмущались учиненным погромом. Их возмущение было вполне понятно, так как в те годы не только продукты, но вообще всё было дефицитом.

Шпицбергенско-узбекский сибиряк Боря Климов

Борис Николаевич Климов много лет работал старшим геологом в Пирамидской геолого-поисковой партии, с 1983 по 1998 гг. Себя он называл узбекским сибиряком, поскольку был он родом из Забайкалья, из Читинской области, но после окончания Иркутского политехнического института долгое время работал геологом на угольных шахтах в Узбекской ССР, в Ангрене. *Бориса* в Пирамиде знали все, да и в Баренцбурге он был человеком известным благодаря своей, безусловно, колоритной личности, живущей под девизом «Не имей сто рублей, а имей сто друзей!». Его сибирский характер был сформирован по известной сибирской поговорке: сто грамм – не водка, сто рублей – не деньги, а сто километров – не расстояние, но всё это было помножено на узбекское гостеприимство и русское хлебосольство. Поэтому Борис был незаменимым человеком во всём: и в работе, и в застолье, и в общении с начальством. Будучи потомственным сибирским охотником, он легко преодолевал десятки километров через горы и ледники, а будучи опытным среднеазиатским ИТР, он легко находил общий язык с любыми людьми, от шахтёров и геологов до завскладом или директора.

Выглядел *Боря* в те годы очень представительно: высокий широкоплечий мужчина с открытым волевым лицом, густой шевелюрой, чуть тронутой сединой, и аккуратной короткой русской бородкой. Рукопожатие у него крепкое, энергичное; все движения точные, экономные, несуетливые. Говорит он спокойно, но громко и отчётливо, чуть растягивая слова. В любой компании он замечен, к нему сразу начинают прислушиваться, его запоминают. Недавно в разговоре с коллегой я узнал, что он в давние годы бывал в Ангрене. Спросил про *Климова* и услышал в ответ: «Кто же не знает *Бориса*? Конечно, знаю!».

Показательная история, главным героем которой был *Борис*, произошла на Шпицбергене в середине 90-х годов. Норвежцам понадобилось пробурить параметрическую скважину на участке в районе мыса Лайла, вблизи русского посёлка Колсбей. Участок этот принадлежит Тресту «Арктикуголь», поэтому норвежцам пришлось запрашивать разрешение на проведение этих работ. Наши согласились на условии предоставления всех материалов по скважине, а также постоянного присутствия на буровой нашего геолога. Миссия представлять отечественную геологию выпала *Климову Б.Н.*

Скважина располагалась примерно в 300-х метрах от берега моря; это было начало весны, и вдоль береговой кромки уже появились прогалины чистой воды. Норвежцы жили в специальных балках, а *Боря* поселился в небольшом русском домике на самом берегу моря. Английского он не знал, объяснялся отдельными словами и знаками, но все его понимали; особенно прочные контакты у него наладились с рабочими-буровиками, которые сразу прониклись к нему уважением, как к человеку необыкновенному. Инженеры же относились к нему с подозрением, ибо считали его агентом КГБ. *Боре* на это было наплевать. Главное, чтобы скважина бурилась по графику, а он мог покинуть эту не слишком разговорчивую и не очень шумную компанию в точно обозначенное время.

В одно прекрасное утро он появился на буровой и с удивлением обнаружил, что станок не работает, а рабочие болтаются без дела. После тщательного опроса этой братии *Боря* узнал, что у них кончился специальный глинисто-солевой раствор, и они не могут продолжать бурение из-за опасения размыва многолетнемёрзлых пород и аварии на скважине. Опрошенный же с пристрастием инженер сообщил *Боре*, что о проблеме сообщили на материк, и через две недели необходимый реагент будет доставлен на скважину. Такая перспектива *Климову* не понравилась: сидеть лишних две недели среди неразговорчивых норвежцев ему не хотелось, но ещё больше ему не хотелось сидеть

столько времени без дела. *Боря* посмотрел на норвежцев, на скважину, на море и принял решение продолжить бурение.

Неизвестно на каком языке и в каких терминах, но *Боря* объяснил рабочим, что морская вода – отличный заменитель закончившегося реагента и она не размывает мерзлоту. Поэтому они сейчас же начнут под *Бориным* руководством монтировать трубопровод, нужны лишь насос помощнее и шланги подлиннее. Рабочие с восторгом встретили *Борину* инициативу и приступили к работе, а инженер побежал к телефону стучать на *Бориса* вышестоящему начальству. Пока на берегу моря создавалось новое техническое сооружение, инженер жаловался на сумасшедшего русского с его сумасбродной идеей и на своих рабочих, идущих на поводу у агента КГБ. На другом конце провода слушали-слушали, а потом сказали: «Пусть попробует, вдруг что-то получится».

Через несколько часов буровая заработала, и всё получилось. Рабочие смотрели на *Бориса* как на бога и благоговели. Инженер понял, что Климов не просто агент КГБ, а агент, закончивший специальную элитную школу КГБ. Ведь только в такой школе готовят агентов, которые и в геологии понимают, и в буровых технологиях разбираются, а главное – быстро находят общий язык с рабочим классом.

Бурение этой скважины закончилось в соответствии с графиком, а *Боря* от норвежцев получил премию за рационализаторство. Вся премия ушла на поддержку валютного бара в Баренцбурге, где *Боря* в течение долгого вечера делился с многочисленными друзьями своими производственными достижениями.

Моё знакомство с *Борисом Николаевичем* состоялось в то время, когда я работал в районе Пирамиды. Мы базировались в то лето непосредственно в посёлке, а в маршруты ездили либо на лодке, либо на машине ГРП, либо пешком. *Боря*, что естественно, был нашим главным и консультантом, и помощником и сотрапезником. Благодаря его деятельной натуре все двери Пирамиды были раскрыты перед нами, а все проблемы и вопросы решались с полуслова. Однажды он узнал, что я планирую маршрут к северу от горы Пирамида, с выходом на гору Красная и гору Фердинанда. Это приличный круг, да ещё надо забираться почти на километровую высоту. «Это не рационально! – сказал *Боря*. – Пойдёшь в маршрут через шахту Пирамида. Все вопросы я решу!». На следующее утро я вместе с шахтёрами получил каску, фонарь и самоспасатель и в сопровождении участкового геолога по бремсбергу поднялся к шахте на горе Пирамида. Там мы зашли в штольню, сели в вагонетку небольшого поезда и помчались на север. Ехали мы с несколькими пересадками, переходя с горизонта на горизонт. Потом мой попутчик открыл какую-то дверь, в лицо ударил свет и свежий ветерок. Мы стояли на горе Красная, на высоте почти 800 м. Я сдал горняцкое снаряжение, попрощался с геологом и, помахивая молотком, двинулся в маршрут. Настроение было отличное, сил было много, времени – ещё больше. Спасибо *Климову*!

Следующие два года мы проводили весновочные работы на Земле Бюнсва и в юго-западной части Нью Фрисланда, в относительной близости от Пирамиды. Времена были тяжёлые, мы испытывали трудности и с горючим, и с продовольствием. Нас двоих вертолётom забрасывали в горы, где мы были предоставлены судьбе и собственной находчивости, а забирали через два месяца. И здесь *Климов* оказывал нам неоценимую поддержку. Мы ездили в Пирамиду, чтобы помыться в бане, а обратно возвращались, нагруженные бензином и продуктами. И не только ими. Как-то раз майским ураганом наш лагерь был превращён в руины, и пришлось обращаться за помощью к буровикам. *Борис* и начальник ГРП организовали нам досок, гвоздей, рубероида, брезентов. На снегоходах мы поднимали эти материалы в горы, на место нашего базирования, и построили себе лагерь не хуже прежнего.

С *Климовым* мы встречались не только в Пирамиде. Однажды, это было 1 мая, погода выдалась великолепная – солнечная, тихая, морозная. Мы с товарищем решили

воспользоваться этим и съездить в сторону Ауст-фьорда. Когда мы добрались до западного борта ледника Миттаг-Лефлербреен, то увидели два свежих лыжных следа. Лыжники шли со стороны Пирамиды на север, в Ауст-фьорд.

«Кто бы это мог утром 1 мая кататься на лыжах так далеко от посёлка? – спросили мы сами себя. – Неужели это *Климов*? Поедем, проверим». И мы поехали по следу. Вскоре впереди показались две фигуры. Они остановились и стали ждать нас. Когда мы поравнялись с ними, в одном из них узнали *Климова*. Лицо его было сердитым и недовольным. Когда же мы сняли со своих физиономий защитные очки и маски, он захохотал: «А я то грешным делом подумал, что директор послал за нами своих сатрапов-гээсвешников. Ведь мы из посёлка ушли без разрешения. Решили, раз 1 мая, то кто нас хватится!». Я предложил *Боре* и его спутнику поехать к нам в лагерь. У нас там были самодельные пельмени и ещё кое-что. Всем это понравилось, и первомайский праздник получился на славу!

Но если кто-то думает, что щедрость *Климова* по отношению к друзьям-геологам ограничивалась только салом и бензином, то этот человек сильно заблуждается. Восточное гостеприимство этого узбека не знало границ, а сибирский закон, что 100 грамм – не водка, исполнялся скрупулёзно. Была середина мая, приближался день моего рождения. Решили съездить в Пирамиду, помыться, подкрепиться в местной столовой и отоспаться. Заодно отметить дату, если получится. После бани и чая сидели на квартире у *Климова* расслабленные и умиротворённые. *Борис* же, напротив, был чем-то обеспокоен и недоволен. «Ребята, извините, но я пустой. Конец месяца, и в заглазнике ни капли», – сказал он. В ту пору на Шпицбергене был «полусухой» закон, в месяц на человека продавали одну бутылку водки. – Нечем вас угостить, и день рождения *Саши* не отметить!». Мы стали его успокаивать: мол, всё это ерунда, в баньку мы сходили, чайку попили, сейчас сходим на ужин, а потом в кино. И всё будет чудесненько!

«Ага, – сказал *Боря* – в день рождения я вас в кино водить буду!». Он отвернулся, уставился в стену и стал думать. Потом достал лист бумаги и стал что-то писать. Закончив, протянул лист мне, попросив исправить ошибки и подправить формулировки. Я прочитал следующее.

«Директору рудника Пирамида *Стулишенко* от старшего геолога *Климова*.

На рудник Пирамида приехали геологи объединения «Севморгеология». Их цель – изучение геологии и сбивка границ. Для решения этих задач прошу Вас выделить нам 6 (шесть) бутылок водки. Подпись: *Климов*».

«Знаешь, *Боря*, ошибок грамматических я здесь не нашёл. А что касается формулировок, то мне почему-то кажется, что директор тебя и нас пошлёт куда подальше» – заметил я.

«Спокойно – сказал *Боря*, – я всё беру на себя». С этими словами он ушёл. Вернулся наш друг минут через тридцать, но уже в хорошем настроении. «И что? – спросили мы. – Что сказал директор?».

– «Директор задал только один вопрос: сколько приехало геологов? Когда я ему сообщил, что трое, он сказал, что трёх бутылок хватит. И написал резолюцию».

С этими словами *Боря* показал мне свою бумагу. На ней в самом деле было начертано: «Продать три бутылки водки. *Стулишенко*». В кино мы не пошли, а день рождения получился весёлым.

В другой раз, когда мы снова после бани сидели дома у *Бориса*, он виноватым голосом сказал: «Мужики, такая вот неувязочка. У меня есть бутылка, но именно сегодня крайний срок, когда я должен вернуть долг *Анне Ивановне*. Она относится ко мне хорошо и всегда одалживает, но именно потому, что я очень пунктуален. Если сегодня не верну, я подмочу свою репутацию со всеми вытекающими последствиями».

Мы стали его успокаивать, убеждая, что нам и так хорошо, что в его компании нам всегда приятно, и лучше отнести эту бутылку *Анне Ивановне*, потому что репутация дороже. *Боря* нас не слушал; он молчал и задумчиво разглядывал бутылку, стоящую перед ним на столе. Потом взял её и стал делать какие-то манипуляции с винтовой пробкой. Затем он перевернул бутылку горлышком вниз и стал внимательно рассматривать. Через какое-то время из-под пробки набежала капелька водки, затем другая. «Отлично!» - сказал *Боря* и ушёл, забрав бутылку.

Он вернулся, когда мы его уже не ждали. Поставил на стол уже знакомую бутылку и торжествующе улыбнулся: «Она наша!».

- А как же *Анна Ивановна* и твоя репутация?

- Спокойно, ребята! *Анна Ивановна* довольна и моя репутация в порядке.

- Рассказывай, мы тебя слушаем. Чем ты подкупил эту неведомую нам процентщицу?

- Я пришёл к ней и вернул долг. Она была очень довольна и стала ставить меня в пример остальным мужикам *Пирамиды*. Сказала, что я редкий мужчина, который отдаёт долг в назначенное время и в полном объёме. Я поблагодарил её за доверие и доброту по отношению ко мне, а потом показал, как из-под пробки принесённой мною бутылки набегают капельки водки. Она была очень обеспокоена и спросила, что это может значить. Я предположил, что водка может быть палёной, видимо, и до *Шпицбергена* добралась эта сволочная тенденция. Она очень расстроилась, а потом спросила, не могу ли я взять эту бутылку в долг, скажем, недели на две. Я помялся и сказал, что только из уважения к ней и только ради нашего долготелетнего сотрудничества я на это согласен.

И мы немножко выпили за нашу встречу, за мудрого *Борю* и за доверчивую *Анну Ивановну*.

Удивительным свойством *Бориса* является его интуиция и способность предсказывать события. Можно было бы назвать это преувеличением, но я сам неоднократно был свидетелем таких случаев. Вот один из них.

Летом 1993 года наш начальник партии и главный геолог *А.А. Красильщиков* отправил меня и *Андрея Бирюкова* в сложный маршрут. Мы должны были высадиться вертолётom в юго-западной части Земли Диксона, в районе долины *Зауридален* и собрать коллекцию триасовой фауны для будущего музея «Помор» в *Баренцбурге*. После этого мы своим ходом, на лодке должны были добраться до *Пирамиды*, в районе которой следовало собрать с той же целью коллекцию фауны и флоры верхнего палеозоя. И уже из *Пирамиды* вертолётom вернуться в *Баренцбург*.

Земля Диксона встретила нас ясной погодой, свежим ветром и штормовым морем. За пять дней работы мы ни разу не воспользовались лодкой из-за сильного волнения и делали только пешие маршруты. Мы спешили всё сделать к воскресенью – это был день рождения *Андрея*. Коллекция была собрана (её сейчас можно увидеть в музее «Помор»), а ветер и шторм не унимались. В воскресенье утром картина не изменилась. И тогда мы с *Андреем* стали доказывать друг другу, что ветер не такой уж и сильный, волны не столь уж и большие, и вообще солнце на улице. И уговорили друг друга! Быстро собрали вещички, столкнули «*Казанку*» на воду и двинулись в путь. Как только мы вышли из *Норд-фьорда* в *Ис-фьорд*, сразу попали в лапы яростного восточного ветра. Высокие и короткие волны начали трепать нас с такой силой, что через некоторое время мы пожалели о своей легкомысленности и беспечности. Не надо так легко поддаваться на уговоры! Но менять что-либо было уже поздно. Обратное повернуть мы не могли, выбрасываться на скалистый берег Земли Диксона было верхом безрассудства, и оставалось только двигаться вперёд, к устью *Билле-фьорда*, к знаменитым *Гусиным островам*, где можно спрятаться от ветра и волн. А пока море делало с нами, что хотело: заливало холодной водой, качало одновременно в трёх плоскостях, закладывало уши

рёвом ветра. Особенно доставалось *Андрею*, который сидел на руле. Я прятался в лодке под ветровым стеклом и, хотя был мокрым с головы до ног, чувствовал себя относительно комфортно. Оттуда я успокаивал *Андрея*, вселяя в него чувство уверенности в наше не самое безнадёжное предприятие. И ещё я говорил, что не плохо бы в Пирамиде найти *Бориса*, чтобы он организовал баньку. Уж очень хотелось нам погреться.

А вот и Гусиные острова. Мы спрятались под крутым западным берегом, вытащили «Казанку» на камни. Разожгли костёр, сделали чая, просушились, отогрелись. Мотор наш остыл и отдохнул, мы ему прочистили свечи, залили бак до отказа. И всё это время обсуждали, где сейчас может быть *Климов*. Плохо, если на буровой или в каком-нибудь дальнем маршруте. Тогда нам придётся болтаться по Пирамиде и самим искать пристанище. А вот если он в Пирамиде, то его надо побыстрее найти, и проблемы наши будут решены. И главное – баня!

Мотор завёлся, и мы выскочили на открытую воду, стремясь к высокому восточному берегу Билле-фьорда. Ещё минут тридцать нас качало и полоскало, а потом мы попали в полосу, закрытую берегом, и сразу всё переменялось. Ветер стих, море успокоилось. Мы оказались в другом мире! Мотор взревел и по штилевому зеркальному морю понёс нас на север, в сторону Пирамиды. А вот уже и Мимер-бухта, а над ней домики Пирамиды, шахтные строения, сооружения порта. Они всё ближе и ближе. А что это за одинокая фигура на причале, расхаживающая туда и сюда?

- Нет, а может это *Боря*? – кто-то робко пошутил.

Крепкая рука *Бориса* помогала нам подниматься на высокий причал. «И где это вас носило, - ворчал он – я здесь уже целый час околачиваюсь, вас дожидаясь?». А мы удивлённо спрашивали: «*Боря*, каким образом, как ты узнал о нашем приезде?».

- А чего тут узнавать-то. Сегодня у *Андрюхи* день рождения. Значит, к обеду должны быть! Баня готова, столы накрыты. Давайте, двигайте!

И в этом – весь *Борис Николаевич Климов*! Наш друг и товарищ *Боря Климов* – шпицбергенско-узбекский сибиряк.

Б.Н. Климов – старший геолог
геологоразведочной партии
треста «Арктикуголь» в посёлке Пирамида

Б.Н. Климов (справа) в совместном маршруте с геологами Шпицбергенской партии – *Б.П. Гавриловым* (слева) и *А.С. Бирюковым* (в центре). Район бухты Петунья, 1985 год.

Ближний Дальний Восток

«Как часто вижу я сон, мой удивительный сон»* ... В котором беру билет в один конец. На Ил-62, до Хабаровска. И лечу в свою молодость...

*****

Перебирая недавно свой «архив», в поисках нужных мне бумаг, случайно наткнулся на сдвоенный листок из школьной тетради – сочинение «Мой друг» ученицы 6^б класса школы № 54 г. Хабаровска *Махиной Вики*. Поскольку содержание последнего относится к моей персоне, приведу его здесь полностью.

«Мой лучший друг *Коля*. Он геолог, закончил Ленинградский горный институт и вместе с папой работает в тайге вот уже пять лет. На летних каникулах я ездила в тайгу и там познакомилась с *Колей*. В свободное время мы с ним ходили на речку, ловили рыбу, катались на резиновой лодке. Вечером иногда играли в волейбол.

Коля невысокий, отращивает усы и этим очень похож на певцов из ансамбля «Песняры». Он веселый, очень много знает и любит рассказывать мне о различных минералах и горных породах. Он добрый, честный, храбрый. Однажды он нашел половину козы, которую задрал и частично съел медведь. Сначала *Коля* испугался, но потом поборол страх, взял остатки козы и принес на стоянку. Несколько дней весь отряд питался мясом.

Я много узнаю от него интересного о жизни тайги, о свойствах камней и минералов и считаю его своим старшим товарищем и другом».

5/5 (оценка)

Это было в середине семидесятых прошлого века. Как будто в другой жизни, столько воды утекло с тех пор! Мы жили в другой стране, в воздухе еще не ощущалось признаков гибели СССР, и Крым был нашим, общим! Заканчивался (мы об этом не догадывались) золотой век советской геологии. База партии (геологосъемочной) располагалась в среднем течении реки Галам (начальник партии – *Махинин Артур Валентинович*). А наш отряд работал на самом краю листа. В тот раз я прослеживал обломочные фосфориты (в кварцитах), которые следились на нашу территорию с соседней площади. Возвращаясь из одиночного маршрута, с хребтика «свалился» в ручей и тут инстинктивно почувствовал чье-то присутствие. Оглядевшись, увидел задранную кабаргу, только что освежеванную медведем. Из оружия у меня с собой была только мелкашка (ТОЗ-8). Удобная, легонькая (приклад и ствол были чуть укороченными, по сути – обрез), которую я носил с собой на случай встречи с пернатыми и небольшими млекопитающими. В маршрутах малопульку я всегда предпочитал тяжелому карабину. Проблем с патронами к ней не возникало (благословенное советское время!). Однако, мелкашка для медведя, что слону дробина. Не раздумывая долго, я прихватил половину кабарги с собой. Украл у «хозяина». В тот день ели мясо да поглядывали в верховья, не идет ли сам «хозяин». Но все обошлось. То ли сыт был, то ли удивлен наглостью голодных геологов. А девочка *Вика* (*Витька*, как её называла мама – *Нина Николаевна Банатова*, «*Николавна*» – и с легкой руки последней – все мы, сотрудники Нижне-Лагпской партии) выросла умницей и красавицей, закончила МГРИ, работает ведущим специалистом Дальгеофизики. Уроки не прошли даром!

---

* – строка из песни А.Я. Розенбаума «Вальс-Бостон»

*****

«Где-то на сопках багульник цветет»[†] – выходя в маршрут, мурлыкаешь себе под нос привязавшуюся мелодию. Из ежедневной утренней передачи. На «Маяке» была, по заявкам строителей БАМа. Вот уж половина маршрута сделана, да и солнце припекает нешуточно. Пора для табора место искать. Где-то здесь должен протекать ручей. Вдруг замечаешь, что впереди тебя бежит курица. По-местному называется корягой (дикуша, каменный рябчик). Она гораздо крупнее обыкновенного рябчика. Бегаёт по сопкам, которые от цветущего багульника (см. начало абзаца) все сиреневые. Если не убежала, а взлетела, тут ей и конец. Выше нижней ветки ей не подняться. Сидит, смотрит, как палку с петлей (как правило, из лески, которая всегда имеется для ловли рыбы) подносишь к ее головушке. Она сама голову в петлю просунет, остается только дернуть. Жаль, не знали, что краснокнижная!

А на забросках (весновке) настреляешь рябчиков. Поутру, пока еще наст держит. Как раз для них хороша малопулька. На ужин целая сковородка только пупков (то есть желудочков). Выйдешь, посвистишь в манок – слетелись на пол-сковороды! Получается спортивный деликатес!

*****

«Слева лес, лес, лес – без начала. Справа лес, лес, лес – без конца»**. Это пел Геннадий Белов. Тот который «Травы, травы, травы не успели от росы серебряной согнуться»** исполнял. Едешь сверху на кабине вездехода, а кругом тайга. И нет ей ни конца, ни края, аж дух захватывает! То, чего нет в островной Арктике. И чего так не хватает. Зеленый цвет успокаивает.

*****

Прекрасна дальневосточная осень. Листья, кружась в неведомом танце, осыпаются в водную гладь многочисленных протоков. Желтеют листовки. Тихо, комары уже не донимают. А пока ты, вырвавшись на пару дней на базу партии, отложив ненадолго дела, принял предложение завхоза пройтись по протокам, вода в которых холодна и прозрачна, в поисках позднего икромета. Но не только наше внимание привлекли тяжелые, разноцветные (в брачных нарядах) кетины, устроившие хоровод – тут как тут «хозяин», бурый медведь. Азарт берет верх, выстрелы прерывают жизнь мохнатого представителя тайги. Перекуриваем и договариваемся, что жёлчь – завхозу, шкура – мне. Но сначала – сфотографироваться. Собачка (шерсть взъерошена) увлеченно треплет медведя, который лежит свернувшись калачиком. Так, надо за уши приподнять морду, показать «звериный оскал». В общем, в колониальном стиле – в руке карабин, прикладом в морду, одна нога на холке убитого зверя. Когда я приподнял голову медведя...

Реакция сработала мгновенно и в мозгу мелькнуло «Жив, зараза». Я прыгаю в одну сторону, фотоаппарат летит в другую (в воду, ... твою мать!***). Когда пришло понимание случившегося, меня разобрал гомерический хохот. Медведь, уже мертвый, испустил весь воздух, скопившийся у него в желудке, с шумом двигателя реактивного самолета. И не знал, бедняга, что на его останках не состоялась фотографическая сессия!

P.S. Ободранный медведь со снятой шкурой весьма напоминает человека. Мышцы у него, как у качка из ночного клуба.

** – хиты середины семидесятых годов прошлого века

*** – ненормативная лексика

*****

Ловили ленков под скалой, в яме при впадении Эльги в Шевли, чуть выше устья Лана. Не ночью – на мыша, а просто вышли днем поразмяться, блесну покидать. Тут мой друг *Витя Тельшев* на простенькую блесну-колебалку заякорил тайменя. Как ни сопротивлялся мускулистый атлет, а рыбы силы не беспредельны. Когда уставший от борьбы таймень показался на мелководье, я был допущен к контрольному выстрелу в голову. Какая рыбина – *Витя* на плече нес, а хвост волочился по земле! Вкуснее закопченного *Витей* тайменя ничего не пробовал!

*****

Женя Кораго, в финале видеофильма *Николая Трубецкого (Андреевича, потомка князей!)* на просьбу произнести хвалебную оду в честь Новой Земли, просто ответил – нет, мое сердце принадлежит Северо-Востоку. Так и мое отдано Хабаровску и Дальнему Востоку. Это как первая любовь! Много разных мест увидено и пройдено за прошедшее время, но нет ничего лучше гольцов, сиреневых сопок и бегущих с них быстрых рек Хабаровского края!

«Как часто вижу я сон, мой удивительный сон»...

Из фотоархива Н.М. Столбова

База партии на реке Галам. Перед началом сезона. Автор и девочка *Витька* преодолевают водное препятствие

60 лет Октября.
Автор со своей подопечной на
демонстрации в Хабаровске

*Н.М. Столбов и Н.Н. Банатова в
поле (в неформальной обстановке)*

Устал...
Автор после забросок (весновки).
Середина 70-х годов прошлого века

Только вперед!
В конечной точке нас ждет копченый таймень

Обнажение кембрийских известняков на берегу красавицы Шевли
Внизу для масштаба - автор

Как должны работать геологические НИИ в наше время?*

(Выступление ответственного работника Роснедр на собрании дирекции и руководителей отделов ФГУП «ВНИИОкеангеология им. И.С. Грамберга» 22 мая 2014 года)

Вот я послушал Вас (выступили заведующие ведущими отделами), прошел по Вашим зданиям, познакомился с Вашими отделами и лабораториями и вот что я Вам скажу. Сегодня надо работать не так. А как? Поясню. Получили заказ^{**}, собрали временный коллектив, арендовали офис (вот это ваше здание на Английском и набережной Мойки, 120 – это несовременно, сейчас много офисов различной стоимости, можно выбрать подходящий), подобрали офисную технику (сейчас несложно взять в аренду все, что вам нужно), нужны анализы – обратились в мощный аналитический центр (Ваши лаборатории, которые я видел, - это уже вчерашний день), там выполнили Вам анализ, Вы получили результаты, написали отчет, разбежались... Получили новый заказ^{**}, собрали новый временный коллектив... и т.д. (смотри выше).

«Лихие двухтысячные»

Человеческая память достаточно капризна, и часто люди склонны рисовать прошлое более светлым, чем оно было, отодвигая грустные события в отдаленные годы и т.п. Вот так и мы во ВНИИОкеангеологии, ругая «лихие 90-е», забываем, что начало 2000-х было не многим лучше.

Как известно, 15 июня 2002 г. исполнилось 80 лет *Игорю Сергеевичу Грамбергу*. Торжественное заседание по случаю прекрасного юбилея, как помнится, проходило 18 июня. Все было здорово: масса поздравлений и поздравляющих, масса цветов, душевного тепла... И вот, в разгар торжеств *Игоря Сергеевича* вызывает в приемную Москва. Возвратившись, улыбающийся *Игорь Сергеевич* сообщил: «Радостное известие: нам перевели зарплату за январь-май! Наверное, в качестве подарка к юбилею». Напомню еще раз: было это 18 июня 2002 года – почти полгода без зарплаты в XXI веке!

Жизнь изобретательнее

Еще в Московском нефтяном институте имени И.М. Губкина (в 1958 году он стал МИНХиГП им. Губкина) я, как и многие из моих однокурсников, поступивших в ВУЗ в 1954 году, сдружился с ветераном Великой Отечественной войны *Артемом Юновым*. Он был старше нас на 10-11 лет, но эта разница на нашем общении не сказывалась (очевидно, благодаря мудрости Артема). После окончания института жизнь нас надолго разбрасывала

---

* Авторство О.И. Супруненко в данном случае чисто условное и состоит, собственно, в почти дословном пересказе речи ответственного работника

** Выступающий словно забыл, что «получение заказа» возможно лишь по результатам конкурса (аукциона), заявка на участие в котором, помимо предложенной цены, качества работ и квалификации участников, должна соответствовать еще 9 строгим требованиям, «установленным в соответствии с законодательством Российской Федерации к лицам, осуществляющим поставку товара, выполнение работы, оказание услуг, являющихся объектом закупок»

в разные концы СССР, но в 80^е-90^е годы прошлого века, когда *Артем* осел в Мурманске (НИИ морской геофизики, МАГЭ), мы часто общались, иногда предаваясь нехитрым развлечениям. Одним из них стало придумывание «забайкальских» фамилий (типа *Седых*, *Крутых* и т.д.). Лучше всего пошли двойные фамилии:

Обещаниев-Невыполненных (трепло),
Позоров-Несмываемых,
Кранов-Неисправных (сантехник),
Продуктов-Испорченных (кладовщик),
Аномалиев-Сомнительных (геофизик-халтурщик) и т.п.

К своим удачам мы отнесли:

Успехов-Замечательных (победитель соцсоревнования),
Взглядов-Нескромных (врач-гинеколог).

Поиграли и, со временем, забыли. Но...11 января 2013 года, оформляя почтовую услугу в 121-м отделении (ул. Декабристов 62/64), я увидел, что оператором является Долгоаршинных Наиля Шарибзяновна. Вот так-то! Жизнь изобретательнее. Документ прилагаю.

* ОГУП ПИЧТА РОССИИ *
* 131000 г. Москва ш. Варшавское, д.37 *
* САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 121 *
* Адрес: ул. Декабристов, дом 62/64 *
* Телефон: 088 *
* Касса № 19012106 *
* Кассовый чек *
Оператор ДОЛГОАШИННЫХ Н
Серийный номер 3568776
ИНН 007724251610
11-01-2013 15:38 док. № 13985
Сумма документа (нал.): 6.40
Получено (нал.): 115.00
Сдача клиенту (нал.): 0.10
Торговля и услуги почты
Население, Наличные рубли
Наклейки, марки ВНУТР
3.20 руб. x 2 шт 6.40 руб.
ПРОДАЧА 6.40 РУБ
00010744 0059464 3013 1428330725

Оператор *Долгоаршинных Н.Ш.* (окно 2) №190121

Окончательный диагноз

Мой друг-коллега в начале прошлого, 2015-го, года занедужил: что-то с легкими, температура подскочила, до метро дойти сил нет. Вызвал скорую, говорят: воспаление легких, предложили лечь в больницу, отказался. Потом все-таки пошел на дневной стационар, чтобы пройти всестороннее обследование. Воспаления легких не оказалось, что-то полегче. Спустя месяц-полтора обследований, мой друг как истый естествоиспытатель спросил у лечащей женщины-врача, каков же его окончательный диагноз. Та ответила вопросом: «Вам сколько лет, уважаемый?» - «В ноябре будет 80». – «Так какой же Вам еще диагноз нужен?!»

Ученый совет СЗ филиала

Эта история произошла году в 1999-м или 2000, шел уже 8-й или 9-й год моей службы во ВНИИОкеангеологии. К этому времени мы были уже здорово дружны с Женей (*Евгением Евгеньевичем*) *Мусатовым*, недавно ставшим доктором геолого-минералогических наук и подававшим большие надежды (к огромному сожалению, летом 2001-го его не стало).

Как-то *Женя* между делом упомянул, что он стал членом Ученого Совета при Северо-Западном филиале Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. В совет входят доктора наук из различных вузов и НИИ Петербурга, в том числе из ВНИИОкеангеологии *М.А. Садиков*, *Д.А. Додин*, *М.А. Холмянский*, ну и сам *Е.Е. Мусатов*. Совет присуждает кандидатские и докторские степени по геологии и не только, а также ученые звания. Заседания совета проходят в разных местах: часто на ледоколе «Красин», иногда в зале Ученого Совета ВНИИОкеангеологии, в других залах. Присуждение степеней и званий – платное. Однажды *Женя* показал мне как нефтянику автореферат докторской диссертации, представляемой на очередное заседание Совета. Автореферат меня сильно удивил по двум причинам: 1) на докторскую степень претендовала некая дама, которая совсем недавно (месяц-полтора назад) проводила скандальную (потому и ставшую довольно широко известной) защиту кандидатской (!) диссертации во ВНИГРИ на абсолютно ту же тему, 2) ученым секретарем Ученого Совета значился *Фролов И.С.*, доктор философских наук. На мой вопрос *Женя* пояснил, что это – наш, ВНИИГовский зам. *Игоря Сергеевича Грамберга*. Мужик он был неплохой, правда, не производил впечатление ученого-философа. Ну, а заседание это, как следовало из реферата, будет проходить в зале Ученого Совета ВНИИОкеангеологии на Английском, 1.

При очередной встрече с *Игорем Сергеевичем*, решив деловые вопросы, я спросил, знает ли *Игорь Сергеевич*: о совершенно непривычной (еще!) защите докторской сразу же после кандидатской (не получившей утверждения) и на ту же тему; о том, что его зам. по хозяйству – доктор философии и что необычная защита состоится на Английском пр.1. По мере нашей беседы лицо *Игоря Сергеевича* на глазах как-то посуровело, и под конец он пообещал разобраться.

Позднее от *Жени Мусатова* я узнал, что заседание с Английского1, было перенесено, а при одной из очередных встреч выглядевший веселым *Игорь Сергеевич* сказал, что он серьезно побеседовал с членами Ученого Совета при СЗ филиале РНИИКиПС от ВНИИОкеангеологии, а потом доверительно сообщил: «А я до этой истории никак не мог понять, почему это *Иван Стефанович* надбавку за какую-то ученую степень требует».

P.S. Ну, было и прошло. Но вот 19 января 2016 г., разбирая архив одного из старейших сотрудников отдела, я обнаружил ксерокс Положения об этом самом таинственном Ученом Совете (приложение 1)... Но самое неожиданное ждало меня на 41 странице этого положения: под №14 членом Ученого Совета при СЗ филиале РНИИКиПС значился... *Супруненко Олег Иванович*.

**Международный межакадемический союз общественных
организаций по поддержке науки и содействию
подготовке научных кадров.
Высшая межакадемическая аттестационная комиссия (ВМАК).**

Решение

от 14 июля 1998г.

№23-ДС

В интересах подготовки, аттестации и сертификации научных кадров высшей квалификации в соответствии с Конституцией Российской Федерации, нормами действующего законодательства России и согласно Положения Высшей межакадемической аттестационной комиссии Международного межакадемического союза утвердить состав диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) наук и присвоению ученого звания профессора (доцента) в Северо-Западном филиале Российского Научно-исследовательского института культурного и природного наследия.

Утвердить перечень специальностей, по которым диссертационному совету разрешено проводить защиту диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) наук и присваивать ученое звание профессора и доцента: 04.00.11 "Геология, поиски и разведка рудных и нерудных полезных ископаемых, металлогеология", 03.00.16 "Экология", 11.00.11 "Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов",

07.00.10 "История науки и техники", 17.00.09 "Теория искусства". Отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени: геолого-минералогические, биологические, химические, физико-математические, географические, технические, экономические, юридические, исторические, философские, искусствоведение.

Состав совета Д 09801 НИИКПН 081/1; 081/2; 083

3. Ученый секретарь Фролов Иван Стефанович.

Зам. директора Всероссийского научно-исследовательского института геологии и минеральных ресурсов Мирового океана. Вице-президент Университета компьютерных технологий. Член-корреспондент МАИ, доктор философии, ассоциированный профессор. Специалист по организации научных исследований в арктических регионах. Шифры по специальностям 04.00.00, 11.00.00.

***Вся жизнь в НИИГА-ВНИИОкеангеологии. Наиболее запомнившиеся периоды,
эпизоды***

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Прошло уже 50 лет с тех пор как я, выпускник Горного института по специальности РМ (разведка месторождений полезных ископаемых) стал сотрудником НИИГА. И в геологии, и в институте я оказался во многом случайно. Никаких геологических корней, связей в нашей семье не было. Мой отец, мама и старший брат были врачами. Казалось бы, мне прямая дорога в медицину, в Военно-Медицинскую академию, где отец работал в клинике известного хирурга *П.А. Куприянова*, был его правой рукой. Но отец и брат, страстные охотники и рыболовы, заразили меня страстью к охоте, рыбалке, путешествиям.

В послевоенные годы отец снимал дачу за Приозерском - тогда он назывался Кексгольмом. Мы много путешествовали по Ладожским шхерам, занимались охотой, рыбалкой, сбором грибов и ягод. Тогда, в конце сороковых - начале пятидесятых, всего этого было там в изобилии. Карт у нас не было, ходили мы на веслах или под парусами, на финских лодках. Это была настоящая езда в незнаемое. За каждым мысом или островом открывались новые, неведомые дали.

В итоге, мой выбор пал на Горный институт. Главным советчиком тут был мой старший брат. В свое время он тоже хотел стать студентом Горного института, учился на подготовительных курсах, но не "прошел" по состоянию здоровья, "пошел" по медицинской линии, закончил I Медицинский институт.

Благодаря неусыпному контролю мамы, строго контролировавшей мои школьные дела, я закончил школу с золотой медалью. Для поступления в ВУЗ мне не нужно было сдавать экзамены, необходимо было лишь пройти собеседование. В приемной комиссии Горного института собеседование со мной проводил *Е.О. Погребницкий*. Он задал мне несколько не относящихся к геологии вопросов и дал добро. Кто тогда знал, что впоследствии судьба на долгие годы сведет меня с другим *Погребницким* - *Юлианом Евгеньевичем*, выдающимся геологом и человеком.

Опускаю годы учебы в институте; хочу лишь сказать, что учили нас очень хорошо. Мое поколение застало целую плеяду выдающихся геологов. Нам преподавали *М.М. Тетяев*, *В.И. Серпухов*, *Д.П. Григорьев*, *Н.И. Шафрановский*, *Д.В. Наливкин*, *В.И. Бодылевский*, *П.М. Татарinov*, *Е.О. Погребницкий*. Сами мы изо всех сил старались познать азы геологии.

На распределении весной 1960 г. я и еще 4 человека из нашей группы решили ехать на работу в Воркуту, в Полярно-Уральское геологическое управление. Тогда распределения в геологические организации Ленинграда уже не было. Прошли те времена, когда НИИГА пополнялся большими группами выпускников Горного института, создавшими своими исследованиями заслуженный авторитет НИИГА. Для меня решающим доводом при выборе места будущей работы была просьба мамы не уезжать далеко - в Сибирь или на Дальний Восток. Отец уже тогда тяжело болел, все могло случиться. А тут чуть-что можно было быстро приехать.

Неожиданно на распределении появляются *И.М. Русаков* с начальником отдела кадров НИИГА *А.Ф. Салмановым*. Им нужен геолог для работы в поле, в Корякской экспедиции. Меня знакомят с ними, я говорю, что в принципе согласен, но уже распределен в Воркуту. Они говорят, что попробуют "переиграть" мое распределение,

нужно только мое согласие работать в НИИГА. Конечно же, я согласился и через некоторое время без каких - либо действий с моей стороны получил официальное распределение в НИИГА. 20 июня 1960 г. стал сотрудником этого института, в котором прошла вся моя геологическая жизнь. Первую половину ее - до 1985 г. я занимался континентальной геологией. Вторую, несколько большую, до настоящего времени - изучением геологии Атлантического и Северного Ледовитого океанов.

Наиболее яркие, запомнившиеся периоды моей геологической жизни связаны с работой на Корякском нагорье и Кондаковском плоскогорье (правобережье нижнего течения р. Индигирки) с *И.М. Русаковым*, с геологической съемкой северной части Анабарского щита и ее обрамления, включающего Попигайскую котловину, с проблемой происхождения взрывных кольцевых структур, так называемых астроблем. Большой период моей жизни заняла работа на трансатлантических геотраверсах - Анголо-Бразильском и Канаро-Багамском под руководством *Ю.Е. Погребницкого*, где я изучал кристаллические мафиты и ультрамафиты Срединно-Атлантического хребта.

Нужно сказать, что я пишу свои воспоминания (конечно же, это были, баек тут мало), рассчитывая на геологическую аудиторию. Главное внимание в них уделено наиболее острым, занимавшим меня полностью, геологическим проблемам.

КОРЯКИЯ

Начало июля 1960 г. Мы с *Русаковым* на ТУ-104 летим в Петропавловск-Камчатский и далее на ЛИ-2 вдоль всей Камчатки с её курящимися вулканами на север, в Корякию, в поселок Ачайваям, где располагалась база Корякской экспедиции. Начальником и главным геологом ее был *Борис Христофорович Егизаров* ("БХ", как его звали в экспедиции).

Несмотря на то, что у меня был диплом горного инженера-геолога, я не имел ни малейшего представления о той работе, которой мне предстояло заниматься. Практики у меня были разведочные, соответствующие специальности РМ, - я работал старшим рабочим на буровой, на флангах железорудного месторождения г. Благодать на Среднем Урале. Крутил штанги, занимался спуско-подъемными операциями, а иногда, когда наш бурмастер - *Коля Востокин*, запивал, вставал за станок - ЗИФ-650. Породы были крепчайшие, за один спуск удавалось пройти не более 1 м. Затем снова нужно было поднимать всю колонну (около 600 м), засыпать дробь и опускать снаряд. А преддипломную практику я проходил на Ловозерском щелочном массиве, где вместе с профессором ЛГИ *Н.В. Ивановым* изучал многие сотни метров керна щелочных пород этого массива, акцентируя внимание на распределение в них лопарита.

И.М. Русаков, без сомнения, был геологическим лидером Корякской экспедиции. Он провел миллионную съемку Восточной Корякии, составил прекрасный лист Р-60 Государственной геологической карты миллионного масштаба (1:1 000 000). Наиболее интересная в геологическом отношении часть правобережья р. Хатырки (с массивами гипербазитов) была закартирована его партией в двухсоттысячном масштабе. Он был в расцвете сил. Высокий, красивый, увлеченный геологией. В геологические маршруты он ходил в фуражке горного инженера, которая ему очень шла.

Отряд *И.М. Русакова* базировался на отшибе от базы Корякской экспедиции, в Хатырке, чукотском поселке на берегу Чукотского моря, до нее мы летели через всю Корякию на АН-2, "возили" нас летчики - асы (*Завзин, Волобуев*), имевшие право подбора площадок с воздуха. Работали мы на вьючных лошадях, вездеходов у нас не было.

Прекрасная горная страна Корякия, необычайно красивые с неестественно яркими красками закаты, постоянные встречи в маршрутах с медведями, собиравшимися в

долины рек во время хода в них кеты - горбуши. Конечно приходилось много ходить - в маршруты и так. Горы у нас были невысокие - 1000-1200 м, но альпийские, относительные превышения (600-700 м) давали о себе знать. Пока не втянешься, приходилось тяжело. А я еще таскал с собой карабин в надежде добыть снежного барана. К концу сезона подошвы наших резиновых сапог истирались почти полностью, а иногда одной пары на сезон не хватало.

В Корякии я сразу же окунулся в полевые геологические исследования. Вскоре я понял, что главное полезное ископаемое для нас - точные геологические данные о возрасте пород, их составе, условиях залегания. Главный итог исследований - геологическая карта. Она синтезирует всю геологическую информацию о конкретном регионе. Недаром Геолком в свое время определил геологическое картирование как наиболее оптимальный способ изучения геологического строения тех или иных регионов.

И.М. Русаков относился к состоянию геологической карты благоговейно. Он истирал топографические карты ("сотки") до картона, раз за разом перерисовывал отдешифрованные на аэрофотоснимках структуры. Я старался перенимать у него все лучшее, объективное. Конечно же, реальной полевой геологии я научился на Корякии. Конечно же, многое я почерпнул у *И.М. Русакова*. Конечно же, я учился сам, благо поле деятельности было огромное. Конечным итогом наших исследований всегда была геологическая карта.

Реальная геология давала богатую пищу для размышлений. Много можно было видеть в обнажениях - и классические угловые несогласия, и надвиги, и опрокинутое залегание пород. Много в маршрутах при почти 100% - ой обнаженности было непонятно: появлялись какие-то мощные немые флишеидные толщи, ранее не встречавшиеся. Сейчас я понимаю, что Корякия - это весьма благоприятный объект для концепции террейнов. Проще всего обозначить террейн и не выяснять его возраст и происхождение. Как сказано в одной из последних работ *В.Е. Хаина* ("Тектоника континентов и океанов", год 2000-ый), Корякско-Камчатская позднемезозойско-кайнозойская складчатая область "...представляет собой коллаж террейнов различного происхождения и возраста, от континентальных докембрийских до океанических и новейших ... Центральная мегазона Корякской складчатой системы характеризуется преобладанием в составе слагающих ее террейнов флишевых образований J_3 -- и K_1 - возраста Широко развиты здесь и офиолиты в основном PZ_3 - MZ_1 - возраста". Замечу, что последние были открыты *И.М. Русаковым*.

Постепенно до меня стало доходить, что я нужен *Русакову* не только для выполнения конкретных исследований (ходить в маршруты, искать фауну, составлять геологические разрезы и др.). Ему необходим был объективный, ни с кем не связанный геолог, своего рода арбитр, подтверждающий его геологические построения. Последние же, как я стал понимать, вызывали у многих сомнения. *И.М. Русаков* был увлекающимся человеком, в своей деятельности он руководствовался геосинклинальной концепцией *В.В. Белоусова* и старался подогнать конкретную геологию под идею, не замечая порой противоречащих ей фактов. Я видел у *Русакова* одну из ранних составленных им Тектонических карт, где вся Корякская складчатая система была закрашена палеозойским цветом и сопоставлялась с Уральской складчатой системой.

Сомнения в неоднозначности построений *И.М. Русакова* и в какой-то степени их недоказанности у меня возрастали. Приведу 2 примера. В сезон 1961 г. он поручил мне найти фауну в одном из обнажений на правом берегу р. Хатырки, где, по мнению *Русакова*, наблюдается трансгрессивное, с конгломератами в основании перекрытие гипербазитов верхнеюрскими терригенными породами (инаськваамской свиты). Однако фауны в этом обнажении найдено не было, хотя искала ее вся партия во главе с *И.М. Русаковым* - человеком необычайно везучим на поиски фауны.

Я изучал это небольшое (не более 10×2-3 м) обнажение несколько дней, но фауны не нашел. В нем вскрывается контакт гипербазитов с круто падающими рассланцованными мелкозернистыми песчаниками с рассеянной "галькой" различных пород, в том числе и гипербазитов. Термин "галька" я ставлю в кавычки, поскольку это не галька, а закатыши пород, соприкасающихся в зоне тектонического контакта. Но это до меня "дошло" позднее, тогда же главным было найти фауну. Конечно же, я отобрал образцы всех пород, "галеков", но фауны так и не нашел. Уже собравшись уходить, с рюкзаком на плечах я еще раз детально "носом" просмотрел все обнажение. И на одной из плоскостей рассланцованных песчаников увидел отпечатки мелких раковин, которые *Ю.Н. Попов* после нашего приезда в Ленинград определил как *Halobia* (верхний триас).

И.М. Русаков был в восторге. Вскоре появилась наша статья в "Докладах" ("Первая находка триасовой фауны в Корякском нагорье..."). *И.М. Русаков* распространил значение ее на всю Восточную Корякию, обосновывая дотриасовый (позднепалеозойский) возраст развитых здесь гипербазитов. Меня это несколько покорило, но тогда я, всего год проработавший в Корякии, решил, что *И.М. Русакову* виднее. Строго же говоря, это обнажение не позволяет судить о возрастных соотношениях гипербазитов и триасовых песчаников. Кстати, судя по фауне, мелкозернистости, эти породы не "тянут" на мелководные образования, с размывом перекрывающие гипербазиты.

Другой пример относится к 1964 г. Тогда, работая на левобережье р. Хатырка, мы изучали стратиграфию позднемезозойских-кайнозойских отложений восточной части Корякского нагорья. Уже в конце сезона в одном из маршрутов мне попалось уникальное обнажение. В долине крупной реки вырывающийся из горного массива водный поток "зачистил" коренные породы на площади нескольких десятков квадратных метров. В этом обнажении можно было наблюдать постепенное превращение (в результате вторичного окремнения) алевролитов инаськваамской свиты с фауной *Aucella* в "палеозойские" яшмокарциты. От ауселл при этом оставались только светлые пятна - тени, а потом и они исчезали. Породы превращались в серовато-зеленые яшмокарциты, которые мы в маршрутах без особых сомнений считали палеозойскими. Конечно же, я рассказал об этом *И.М. Русакову* и предложил всем вместе сходить на это обнажение, изучить его, сделать определенные выводы по важному для геологии Корякии вопросу.

Под каким-то благовидным предлогом *И.М. Русаков* на это обнажение не пошел, а меня после этого стал посылать в такие длинные, с большими подходами маршруты, что я едва успевал вернуться из них засветло. Правда, в одном из них осуществилась моя давняя мечта - я наконец-то добыл снежного барана, ради которой во всех маршрутах я таскал свой карабин (ухоженный и пристрелянный).

После этого поля я понял, что от *Русакова* мне нужно уходить. Был разговор на эту тему, но Игорь Михайлович сказал, что через год-два он защитит диссертацию, мы будем заниматься всем Северо-Востоком, у меня будут самостоятельные исследования. Скрепя сердце, я согласился, но недовольство собой и, конечно же, *И.М. Русаковым* нарастало.

Геологические страсти в Корякской экспедиции кипели, постоянно велись дискуссии на различные темы. Народ в Корякии был, в основном, молодой. Большинству геологов (*Б.В. Ермаков, М.К. Косько, Н.В. Устинов, А. Успенский, С.И. Андреев, Л.И. Аникеева, О.П. Дундо, М.М. Поляков*) не было и тридцати. *И.М. Русакову*, "захватившему" войну, было в 1960 г. 33 года! (Мне тогда было 22). Конечно же, были и люди, прошедшие войну, - сам *Б.Х. Егизаров, Н.Н. Савельев, К.С. Агеев, Н.Н. Пагольский*.

В экспедиции царила творческая атмосфера. Считалось естественным уходить с работы в 7-8 часов, приходить на работу в выходные.

Непременным участником дискуссий, а нередко и их заводилой был *Русаков*. Крут бывал *Игорь Михайлович*! Иногда мне казалось, что геологов, несогласных с его

представлениями, он считает личными врагами. Характер у него был вспыльчивый, нередко в спорах он выходил из себя, начинал орать; говорят, что иногда дело доходило и до рукоприкладства. Меня тогда все это не касалось, я был в фаворе. У нас с ним были какой-то степени товарищеские отношения. Нередко я бывал у него дома, в поле мы жили в одной палатке. Всю силу русаковского гнева и отрицательные черты его характера я испытал на себе позднее, в 1968 г., после своего первого самостоятельного полевого сезона на Кондаковском плоскогорье.

Запомнилось постоянное противостояние *И.М. Русакова* с *Б.Х. Егиазаровым*. Были случаи, когда *Русаков* подписывал адресованные *Б.Х. Егиазарову* радиogramмы "...Без уважения. *Русаков*". На что *Б.Х.* отвечал "Вашем уважении не нуждаюсь...".

Вообще большинство геологов Корякской экспедиции *Б.Х.* недолюбливало, как полевой геолог он не особо котировался. Как-то после одного из полевых сезонов *И.М. Русаков* инициировал производственное собрание Корякской экспедиции. В одном из пунктов решения этого собрания отмечалось недостаточное геологическое руководство Корякской экспедицией со стороны главного геолога - *Б.Х.* и выражалась просьба к руководству института усилить геологическое руководство экспедицией. После этого у нас появился главный геолог - *Коровкин* - старший, ничего, конечно же, не изменилось, а *Б.Х.* под разными предлогами стал избавляться от наиболее активных участников этого собрания. Точно не могу сказать, по этой ли причине, но *И.М. Русаков* (и я вместе с ним) перешли в отдел металлогении, где им была поставлена многолетняя тема "Тектоно-формационный анализ Яно-Колымского междуречья как основа для составления среднемасштабных минерагенических карт". А *Б.Х.* в 1970 г. защитил докторскую диссертацию "Геология Корякского нагорья".

КОНДАКОВСКОЕ ПЛОСКОГОРЬЕ

Как я уже отмечал, в 1960 г. *И.М. Русаков* и я перешли в отдел металлогении (заведовал им *М.И. Рабкин*) и стали заниматься тектоно-формационными исследованиями Яно-Колымского междуречья. Инициатором и идейным вдохновителем этих работ был *И.М. Русаков*. Он давно уже, помимо Корякии, занимался тектоникой Северо-Востока СССР.

Первое поле у нас с было в 1967 г. С базы Приморской партии в Чокурдахе мы на барже перевозили вездеход ~ на 40 км вниз по течению р. Индигирки, где ее правый берег сложен верхнемеловыми базальтами, и можно "спустить" вездеход на твердую землю. Совсем другая страна, не Корякия. Плоские, срезанные морозным выветриванием вершины хребта Улахан-Тас. Тундра, невероятное количество комаров. Нигде ни до, ни после такого количества комаров я не видел. Необычайно активные, они облепляли тебя всего, толстым слоем комары покрывали спину, плечи. Под лямками рюкзака, ремнем полевой сумки образовывалась черная жижа из раздавленных комаров. Отдохнуть от них можно было только в палатке, под пологом. Конек палатки тоже был покрыт толстым комариным слоем.

У *И.М. Русакова* уже имелись представления, идеи, как должен быть "устроен" этот регион. Не знаю, на чем он основывался, но он считал, что здесь должны быть развиты пологие дислокации, что-то вроде германотипной складчатости. Действительно, в обнажениях по берегам достаточно многочисленных здесь рек и водотоков преобладали относительно пологие - 30-40° углы падения верхнеюрских - нижнемеловых осадочных пород, а на водоразделах *И.М. Русаков* дешифровал пологие мульды синклиналей. Маршруты вел в основном он. Я ходил с ним, изучал обнажения, нередко с ним не соглашался, считал, что геологию Кондаковки можно интерпретировать и по-другому. Вероятность русаковской интерпретации и моей я оценивал как 50 на 50. При этом мы

априорно считали, основываясь на относительно пологих углах падения пород, что залегание их нормальное. Но *Русаков* был начальник, переубедить его я не мог. Он считал, что реальная геология подтверждает его предварительные представления. При составлении полевого отчета и карты я стал придерживаться принципа "что прикажете...". В разговорах же с *И.М. Русаковым* я выражался более определенно – нам, татарам, один ... и далее по тексту нецензурной поговорки. Это *Игорю Михайловичу* не нравилось.

И вот 1968 г., я еду в поле, в тот же район без *Русакова*. Со мной едет *З.В. Осипова*, литолог; ее сопровождает муж, *Исаак Борисович Рубенчик*, полевой геолог, много лет занимавшийся геологической съемкой масштаба 1:200000 на Сибирской платформе, в Биректинской и Анабарской экспедициях. С вездеходчиком нам повезло. В нам отряд был "сослан" базовый вездеходчик Приморской партии *В. Керничшин*, "пославший", будучи пьяным, начальника базы Приморской партии в Чокурдахе. На его вездеходе все было новое - двигатель, коробка передач, бортовые передачи. Конечно же, у него был большой запас всяких запасных частей. А *Исаак Борисович*, полевой геолог, отличный мужик, все умеющий - в том числе и печь хлеб, оказался еще и очень хорошим радистом. Со связью у нас никаких проблем не было. Все необходимое для работы у нас было. Кроме того, еще ранней весной по намеченному нами маршруту были заброшены 2 лабаза с бензином и продуктами.

Зоя Васильевна и *Исаак Борисович* были платформенными геологами; в складчатых областях они не работали. Естественно, что вся геология, прежде всего, составление карты, была на мне.

И вот в начале июля мы переправились на правый берег р. Индигирки. Снова жара, снова огромное количество комаров. Конечно же, я тщательно готовился к этому полю, проштудировал классиков полевой геологии, изучил публикации по этому региону. Конечно же, большой круг вопросов, который *И.М. Русаков* поставил в геологическом задании, в известной степени "давил".

Неожиданности начались в первых же маршрутах, в которые мы ходили втроем. Я решил, что в каждом обнажении мы по комплексу признаков будем стараться определять залегание пород - нормальное оно или опрокинутое.

Оказалось, что, несмотря на относительно небольшие углы падения пород (30-40°), залегания у них, как правило, опрокинутые. В течение первого месяца маршрутов в большинстве обнажений мы фиксировали опрокинутые залегания! В 1967 г. *И.М. Русаков* и я априорно, основываясь на пологих углах падения, считали залегание пород нормальным. В какой-то момент времени я стал даже сомневаться - а правильно ли мы определяем залегание пород? Сомнения исчезли, когда в одном из крупных обнажений нам попался замок наклонной антиклинальной складки; на одном из ее крыльев мы наконец-то увидели породы с нормальным, не опрокинутым залеганием. После этого стало легче; вырисовывалась напряженная складчатая структура Кондаковского плоскогорья, состоящая из серии надвиговых чешуй, разделенных продольными разломами. Естественно, изменилась стратиграфия. У нас получался непрерывный разрез от нижнего мела - юры до верхнего палеозоя, хотя фаунистически была охарактеризована только верхнеюрско-меловая часть разреза.

Нашли мы несколько водотоков, которые пересекали нарисованные *И.М. Русаковым* мульды пологих синклиналей. На всем пересечении этих мульд в обнажениях наблюдались моноклинально падающие, с опрокинутым залеганием породы. Стало ясно, что *И.М. Русаков* ошибочно интерпретировал элювиально-делювиальные осыпи по краям нагорных террас за выходы полого залегающих пластов.

В поле мы проверяли составленную нами (во многом по данным дешифрирования) геологическую карту. Приезжали в непосещенный нами район, где по данным

дешифрирования должны обнажаться те или иные толщи с такими-то элементами залегания. Все точно совпадало.

Пожалуй, у меня не было более напряженного, прежде всего, в эмоциональном плане, сезона. На обнажениях я нередко мысленно спорил с *И.М. Русаковым*, доказывая свою точку зрения. Я работал с интересом, с увлечением и в кои-то веки, раз за последнее время был доволен собой. С *Зоей Васильевной* и *Исааком Борисовичем* у меня было полное взаимопонимание, у нас была единая точка зрения.

Нам повезло с погодой, зима в тот год задержалась. Мы вышли к Индигирке, к переправе, где-то в конце сентября. Навигация давно закончилась, необычайно пустынная река. За нами прислали большую баржу, через несколько часов мы были в Чокурдахе. Отработали мы без всяких происшествий, без малейших проколов. Теперь нам предстояло самое трудное - защита полевых материалов.

Еще до "прихода" полевых материалов в Ленинград, я рассказал *И.М. Русакову* о результатах работ. Реакция его была резко негативной и очень бурной. Он стал кричать, что мы ошиблись, что если наша стратиграфическая колонка не изменится, то либо он уйдет, либо нам нужно уходить. Когда же "пришли" карты и аэрофотоснимки, то он предложил нам изменить нашу геологическую карту и согласовать ее с его картой 1967 г. Я отказался, сказал, что мы будем защищать полевые материалы такими, какими мы их составили. Тогда *Русakov* сказал, что он доведет до сведения начальника отдела, что наши материалы к теме не подходят. Пусть начальство решает: либо вы, либо я.

Защита полевых материалов состоялась 27 ноября 1968 г. Комиссия у нас была серьезная: *В.М. Лазуркин*, *В.И. Устрицкий* и *В.А. Виноградов*. Защита проходила в 16-й комнате, длилась она с 10 до 16 часов. Народу собралось много, задавали много вопросов. *И.М. Русakov* во время моего доклада несколько раз демонстративно выходил из комнаты, выражая свое несогласие. Потом началось обсуждение. *И.М. Русakov* хотел "уесть" нас фауной. Еще на Корякии он занялся определением ауцелл и хотел показать несоответствие нашей карты палеонтологическим определениям. Конечно же, я не верил в его объективность. Поэтому, не говоря ему, я пошел к *Н.И. Шульгиной*, объяснил ситуацию и показал ей нашу фауну. Она сделала определения, которые вполне соответствовали нашей колонке. Бурную реакцию *Русakова* на это трудно описать. Конечно же, критики в наш адрес на защите полевых материалов было достаточно. Но в целом комиссия приняла наши материалы, сочла их пригодными для дальнейшей обработки с возможным внесением корректив. *В.М. Лазуркин* и *В.И. Устрицкий* дали высокую оценку материалам, отметили их новизну. *В.А. Виноградов* же записал свое особое мнение: он считал, что наши материалы заслуживают только удовлетворительной оценки. Конечно же, произошел разрыв отношений с *Русakovым*. К *Зое Васильевне* и ко мне он стал обращаться только по фамилиям. Мне же он сказал - жаль, что мы не расстались в прошлом году...Теперь ты понимаешь, что вместе нам не работать. Я не могу доверить тебе дешифрирование аэрофотоснимков и составление геологической карты и буду искать на твое место другого человека. Я, со своей стороны, не видел никакой возможности дальнейшей работы с *Русakovым*.

На следующий день после защиты я разговаривал с ребятами - коряками (*Н. Устиновым*, *Б. Ермаковым*, *С. Андреевым* и др.). Они, конечно же, были на моей стороне. *Я.И. Польшин*, один из авторитетнейших геологов НИИГА, узнав всю подноготную, сказал про *Русakова* - дурак он, я с ним больше разговаривать не буду! *С. Андреев* - Никогда не прощу *Русakovu*, я думал, что его действительно обижают. А сам-то каков! Посягнул на самое святое, что у нас есть - право иметь собственное мнение!

Конечно же, мое разочарование в *Русakове* было огромно. Человек, научивший меня геологии, казавшийся мне борцом за геологическую правду, оказался таким

необъективным, мелочным, мнительным. Мне казалось, что мы привезли настолько убедительные материалы, что нужно было с ними согласиться, и все! А мы оказались виноватыми (подошли предвзято, работы носили беглый характер и т.п.). Потом как-то в приватном, без свидетелей, разговоре со мной *Русаков* сказал: «Ты все время заставляешь меня поливать тебя грязью! Не хочу, но вынужден это делать. Ты, что, думаешь я отдам тебе материалы по тектонике и стратиграфии? Да никогда! Все сделаю, чтобы этот отчет не пропустить».

Конечно же, о дальнейшей работе с *Русаковым* не могло быть и речи. Хотя тогда мне уже стукнуло 30 лет, я по-мальчишески был непримирим ко всякой фальши и нечестности. Но после этих событий я стал понимать, что жизнь - жестче.

Нужно было определяться с дальнейшей работой. Пришлось отдать выстраданную в поле, тщательно составленную карту, все полевые материалы, фауну *Русакову*. Разные были варианты. Я выбрал предложение *А.Н. Вишневого*, начальника Анабарской партии, перейти к нему, геологом в съемочную партию. Здесь планировалась геологическая съемка масштаба 1:200000 двух листов, включающих северную часть Анабарского щита и ее обрамление; большую часть этого обрамления занимала Попигайская котловина.

ПОПИГАЙ

Весной 1969 г. я стал геологом Анабарской партии. *А.Н. Вишневский*, предлагая мне перейти на работу к нему, сказал, что он приглашает меня на амплуа тектониста. Начальником съемочного отряда, где мне предстояло работать, стал *К.С. Забурдин*; поисками, мелкообъемным опробованием и шлихованием занимался Н.Т. Ерошин. Легендарные в НИИГА личности, первыми описавшие кимберлитовую трубку и отобравшие из нее образцы. У меня остались о них самые добрые воспоминания. Еще одним геологом в нашем отряде стал *М.М. Поляков*, которого я хорошо знал по Корякской экспедиции. Там он занимался молодыми эффузивами, а здесь ему предстояло изучать вулканиды Попигайской котловины.

Совершенно новый для меня регион, совершенно новая геология, все нужно начинать с нуля. Кондиционная геологическая съемка масштаба 1:200000. После работы в Корякии и на Кондаковском плоскогорье платформенная геология представлялась мне простой. Горизонтально залегающие породы, сиди описывай слои и ищи фауну. Однако вскоре я убедился, что это совсем не так.

Район, который нам предстояло картировать, включал кристаллические породы Анабарского щита со всеми архейскими проблемами, гранитизацией и т.п. А северный наш лист почти целиком был занят Попигайской котловиной, которая в 1970 г. стала рассматриваться *В.Л. Масайтисом* как астроблема - взрывной метеоритный кратер.

К.С. Забурдин создал мне и *М.М. Полякову* все условия для работы. Мы сами выбирали наиболее интересные маршруты, а *Костя* (так мы между собой звали *Забурдина*) довольствовался тем, что оставалось - четвертичкой, осадочным чехлом. Я прежде всего столкнулся с тем, что не знал кристаллические породы Анабарского щита, не мог определять их разновидности микроскопически. Пришлось брать большое количество образцов, расшлифовывать их, изучать вместе со шлифами. Но уже после первой "камералки" мог макроскопически определять различные гнейсы, кристаллические сланцы, гранитоиды.

Спокойная жизнь у нас кончилась в 1970 г. В этот сезон мы снимали центральную часть Попигайской котловины. В этот же сезон там появился *В.Л. Масайтис* со товарищами. Изучив наиболее обнаженную северо-западную часть котловины (в 1956 г. она была закартирована в масштабе 1:200 000 партией НИИГА под руководством *Л.П. Смирнова*), они сделали сенсационное открытие: Попигайская котловина - это астроблема - метеоритный кратер; один из крупнейших на Земле. Об этом с помпой было объявлено в

1970 г., на приемке полевых материалов. Она происходила в зале Ученого Совета ВСЕГЕИ под председательством зам. директора *Д.В. Рундвикста*. Было много народу, пресса, юпитеры. Нас - геологов-съемщиков - тоже пригласили. *В.Л. Масайтис*, восторженно, озадачивая меня (и я думаю, большинство собравшихся) незнакомыми терминами (аллогенная брекчия, конусы сотрясения, зювиты, планарные структуры и др. - все на английском языке), демонстрируя фотографии и зарисовки крупных - сотни метров длиной и десятки метров высотой обнажений крупноглыбовых брекчий, излагал свою концепцию. Все выглядело очень убедительно, сомнения у меня закрались, но уже тогда, выступая на этом представительном собрании, я сказал, что, конечно же, в своих исследованиях мы будем учитывать, подтверждать или ставить под сомнение эту концепцию. Но тогда же, основываясь на результатах наших полевых работ 1970 г., я сказал, что возникают сомнения в мгновенности, одноактности формирования Попигайской структуры и слагающих ее пород. У нас имелись наблюдения, что тагамиты (лавоподобные породы, венчающие разрез вулканогенных пород) облекают рельеф, выработанный в более ранних вулканитах - зювитах по *В.Л. Масайтису*.

В 1970 г. ситуация в нашем съемочном отряде изменилась: *К.С. Забурдин* честно сказал мне и *М.М. Полякову*, что он не разбирается в попигайских породах и отдал нам "на откуп" всю коренную геологию. *М.М. Поляков* после сезона 1970 г. ушел в Антарктиду, где ему нужно было завершить работу над кандидатской диссертацией (которую он в итоге так и не защитил). *Костя* перешел на хозяйственную работу, стал зам. начальника Анабарской партии. И я стал "главным" по Попигаю, а вскоре и начальником съемочного отряда, снимавшего попигайский и смежный с ним с юга лист, сложенный архейскими образованиями.

Конечно же, я проштудировал всю литературу по метеоритным кратерам, их породам, ударному метаморфизму. Я просмотрел многие сотни шлифов попигайских пород, содержащихся в них ксенолитов, знал микроскопически все признаки ударного метаморфизма: планарные структуры в кварце, диаплектовые минералы и многие другие. Наиболее ранним признаком ударного метаморфизма в ксенолитах архейских биотит-гранатовых гнейсов был специфически смятый, не плеохроирующий биотит. Он в шлифах попигайских пород (они стали называться *В.Л. Масайтисом* импактитами от английского "impact" - сильный удар) встречался постоянно. А для лавоподобных попигайских импактитов - ударного расплава, по мнению *Масайтиса*, им был предложен термин тагамиты. Он происходит от гряды Тагаамы во внутренней части котловины. По моим же данным, тагамиты - это игнимбриты, образования наиболее раскаленного финального пирокластического покрова, несогласно перекрывающего все более древние образования - от архейских пород на южном обрамлении Попигайской котловины до "зювитов" - туфов пирокластических потоков в ее внутренних частях.

Моим сомнениям относительно генезиса Попигайской структуры положили конец шлифы пеплов нижнемеловых вулканогенно-осадочных пород с пластами бурых углей, отложений, встречающихся в виде крупных глыб или блоков как внутри Попигайской котловины, так и по ее ближайшему обрамлению. В шлифовальной мастерской НИИГА работала *Галина Кузьминична* (не помню ее фамилии), которая умела делать шлифы из рыхлых пород, предварительно их "проваривая". И она изготовила мне шлифы из вулканических пеплов из крупного, с двухметровым пластом бурого угля выхода этих пород внутри Попигайской котловины. Эндогенное происхождение пеплов не вызывало сомнения. В шлифах пеплов было полно ударно-метаморфизованного биотита (со смятыми полосами - Kink bands, не плеохроирующего), "покопавшись", можно было найти и обломки кварца с планарными структурами. Для меня стало ясно, что катастрофическим эксплозивным попигайским извержениям предшествовал обычный вулканизм в депрессии, заполненной нижнемеловыми вулканогенно-терригенными угленосными отложениями. После этого я стал отвергать имевшие место попытки

В.Л. Масайтиса "обратить меня в свою веру". У меня не осталось сомнений в эндогенном генезисе Попигайской структуры и выполняющих ее пород. Но возникла новая проблема. *В.Л. Масайтисом* и *М.А. Гневушевым* - известным "алмазником" - в тагамитах были обнаружены мелкие импактные алмазы с лонсдейлитом (алмазом гексагональной модификации). Они рассматривались как результат ударного воздействия на графит-содержащие архейские гнейсы. Конечно же, это широко афишировалось. Красноярским геологическим управлением было начато разведочное бурение на импактные алмазы. Научное руководство проблемой попигайских алмазов было поручено ЦНИГРИ, конкретно *В.И. Ваганову*. До этого он занимался петрологией ультраосновных пород и кимберлитов.

Здесь НИИГА в очередной раз попало впросак. Все шлиховое и мелкообъемное опробование в Биректинской, а затем в Анабарской партиях было направлено на поиски кимберлитовых алмазов. В каждом отряде (и в нашем тоже) был рентген, в поле на нем "просвечивался" весь материал, отобранный при мелкообъемном опробовании. Шлихи просматривались опытными минералогами (*И.Ф. Гориной*, *Н.М. Хаимовой* и др.), имевшими большой опыт в определении кимберлитовых алмазов и минералов - спутников (пиропы, пикроильмениты и др.). Но попигайских алмазов наши минералоги не знали, в рентгеновских лучах эти алмазы не "светились". Ни в одном из многих сотен отобранных нами шлихов не было установлено ни одного знака импактных алмазов!

Близился срок завершения наших работ по попигайскому листу. Пришлось мне идти во ВСЕГЕИ, на поклон к *В.Л. Масайтису* и *М.А. Гневушеву*. У них была отработана методика определения импактных алмазов; они светились в ультрафиолетовых лучах красивым красно-оранжевым цветом. Написали мы письмо с просьбой об оказании технической помощи, передал я *В.Л. Масайтису* три крупных образца тагамитов с горы Тагаамы. В каждом из них оказалось по несколько десятков мелких зерен алмазов. Места отбора этих образцов я показал на карте как их коренные рудопроявления.

В.Л. Масайтис после сообщения о результатах анализа наших образцов написал письмо в вышестоящие организации и копию - нашему директору, *И.С. Грамбергу*. В нем я обвинялся в том, что я, пользуясь своим положением (провожу геологическую съемку в Попигайской котловине), ввожу в заблуждение геологическую общественность, придерживаясь устаревших взглядов на ее происхождение. После новейших исследований - работ *В.Л. Масайтиса* с соавторами, ранее существовавшие представления об эндогенном генезисе Попигайской структуры потеряли всякое значение.

Какой-либо реакции на это письмо не последовало: времена были другие. Кроме того, специалисты ЦНИГРИ - головной организации по проблеме попигайских алмазов во главе с директором *П.Ф. Иванкиным*, придерживались мнения об эндогенном происхождении Попигайской структуры и, соответственно, импактных алмазов.

Конечно же, я неоднократно выступал с докладами о происхождении Попигайской структуры - и у нас в институте, и в Москве в АН; вызывали нас как-то с *М.М. Поляковым* на заседание секции наук о Земле, которым руководил академик *А.П. Виноградов*.

В нашем институте большинство геологов были на моей стороне (*А.Л. Гроздилов*, *М.К. Иванов*, *Э.Н. Эрлих* и другие). Особо поддерживал меня *Ю.Е. Погребницкий*. Но были и противники - *В.И. Устрицкий* и *Л.С. Егоров*, часто общавшийся с *Масайтисом* в Петрографическом комитете. После завершения съемочных работ и составления листов *Юлиан Евгеньевич* предложил перейти мне к нему, в сектор тектоники и заняться подготовкой диссертации. Для этого он поставил трехгодичную, с полевыми работами тему "Сравнительная тектоника Попигайской и Карской структур". Тогда это было возможно. *Юлиан Евгеньевич* решил получить звание профессора, а для этого нужно было быть научным руководителем не менее чем по пяти кандидатским диссертациям. Конечно же, он знал, кто в институте "на выданье", у кого есть материалы или почти готовая диссертация, и создавал для диссертантов все условия. Через его научное руководство

прошли *Г.П. Аветисов, М.К. Косько, Е.А. Кораго, Ю.В. Горячев, И.А. Соловьев*. Про себя могу сказать, что без поддержки *Юлиана Евгеньевича* я вряд ли бы "сподобился" на написание и защиту диссертации по Попигайской структуре.

Работа на Попигае и Анабаре свела меня с еще одним выдающимся геологом НИИГА - *А.Л. Гроздиловым*. В 1972 г. он был председателем комиссии по приемке наших полевых материалов. Это был один из самых напряженных сезонов за время моей работы в Анабарской партии. Мне нужно было провести увязочные работы в Попигайской котловине, просмотреть керн 6-ти наших картировочных скважин глубиной около 200 м каждая (документировал их наш опытный геолог *А.Н. Наумов*) и закончить съемку нашего южного листа, сложенную архейскими образованиями. Успели мы на пределе. Комиссия по приемке полевых материалов (*А.Л. Гроздилов, Г.Э. Грикуров, И.В. Школа*) приняла наши материалы с отличной оценкой. А *А.Л. Гроздилов* был потом и рецензентом отчета по этим работам, который он также оценил на «отлично».

А позже я еще раз "сошелся" с ним, когда он составлял миллионный лист R-48-50 (Оленек, новая серия). В него входил Анабарский щит и его обрамление, в том числе и Попигайская котловина. Конечно же, все материалы по ней я передал ему, а в Объяснительной записке к этому листу мной написаны разделы по геологии Попигайской структуры и ее генезису. Карта у *Антоня Леонидовича* получилась красивой, она демонстрировалась на Геологическом конгрессе. Эта одна из немногих (если не единственная) геологическая карта, на которой объективно, в масштабе 1:1000000, изображена Попигайская структура. Выполняющие ее брекчии и пирокластические породы датированы верхним мелом, а финальный покров тагамитов - олигоценом. После же работ *В.Л. Масайтиса* практически на всех геологических и тектонических картах эта структура показывается как астроблема.

Опускаю сезоны работы в Карской депрессии на Пай-Хое (нельзя объять необъятное). Там тоже было много интересного, и в бытовом, и геологическом плане. Конечно же, это эндогенная структура позднемелового-палеогенового возраста, сходная по генезису с Попигайской. Алмазы мы там не пропустили, наши пробы обрабатывались в ЦНИГРИ. Геологические материалы по этой структуре вошли в книгу "Взрывные кольцевые структуры щитов и платформ", вышедшую в 1985 г. Инициатором создания ее и одним из основных авторов был *В.И. Ваганов*, а разделы по геологии и генезису Попигайской и Карской структур написаны мной.

После отчета (1977 г.) по сравнительной тектонике этих структур я продолжал работу над диссертацией, работая в секторе тектоники. Там была поставлена тема по тектонике Норильского района. Ответственным исполнителем был *В.С. Голубков*, я был, что называется, "на подхвате", и мог заниматься диссертацией. Но в Норильском районе у меня был свой интерес. После работ в Попигайской и Карской структурах меня "занимал" вопрос: могут ли образовываться признаки ударного метаморфизма при заведомо эндогенных эксплозивных извержениях? Частично ответ на этот вопрос был уже получен при изучении шлифов пеплов из меловых угленосных отложений, встреченных в Попигайской котловине и по ее обрамлению.

Полевые работы по "норильской" теме у нас были запланированы; на вертолете мы могли заброситься в любой пункт Норильского района. Я воспользовался такой возможностью, и в сезоны 1978-79 гг. вместе с *К.М. Шихориной*, известным в НИИГА петрографом, мы посетили целый ряд известных по публикациям проявлений эксплозивного вулканизма. В одном из них, расположенном ~ в 30 км к югу от Норильска, на р. Б. Ергалах, мы изучили прижерловые фации туфов нижнетриасовой моронговской свиты с большим количеством ксенолитов пород кристаллического фундамента (гранитов, гранитогайеисов и др.) и нижних горизонтов осадочного чехла (кварцевых и кварцево-полевошпатовых песчаников и др.) Норильского района.

В шлифах из песчаников были обнаружены планарные элементы в кварце. Замеры на столике Федорова показали, что большинство из них ориентировано по "метеоритным" направлениям по отношению к оси С кварца: $\omega \{10\bar{1}3\}$, $\pi \{10\bar{1}2\}$ и $\{10\bar{1}4\}$. Эти планарные элементы оказались очень сходными с планарными элементами начальных стадий ударных преобразований кварца, широко распространенными в ксенолитах пород кристаллического фундамента и нижних горизонтов осадочного чехла в породах ("зювитах" и тагамитах) Попигайской и Карской структур.

Конечно, я опубликовал эти необычные материалы (в журнале "Советская геология") и использовал их в своей диссертации. Эта публикация имела неожиданный резонанс. Украинские сторонники метеоритного генезиса взрывных структур Земли - *А.А. Вальтер* и *Е.П. Гуров*, считающие, что признаки ударного метаморфизма (и, прежде всего, планарные элементы в кварце, ориентированные по "метеоритным" направлениям) являются однозначным свидетельством удара метеорита, решили присудить мне медаль Украинского метеоритного общества за открытие нового метеоритного кратера. Но я их разочаровал. Приехавшему ко мне *А.А. Вальтеру* (он показался мне нормальным человеком) я показал свои материалы по Ю. Ергалаху - составленную нами детальную геологическую карту участка распространения туфов с ксенолитами, образцы пород, шлифы ксенолитов и др. Сказал, что по геологическим данным нет никаких оснований выделять здесь метеоритный кратер.

Диссертация моя была уже почти готова, но *Ю.Е.*, прочитав ее, предложил изменить содержание и название диссертации. Он рекомендовал рассмотреть историю развития северной части Сибирской платформы в фанерозое и показать в ней место Попигайской структуры. В случае, если *В.Л. Масайтис* "завернет", раскритикует попигайскую часть, большая часть диссертации останется. Подумав, я согласился. Пришлось готовить практически новую работу. Она называлась "Эпохи тектоно-магматической активизации северной части Анабарского щита и его обрамления". Проанализировав вертикальные возрастные ряды магматических формаций фанерозойских эпох активизации, я пришел к заключению, что эксплозивные брекчии и криптовулканиты Попигайской структуры образовались в результате флюидизационно-эксплозивных преобразований и ассимиляции пород кристаллического фундамента щелочно-базальтовой магмой, необычайно богатой летучими компонентами (водородом, углеводородами и др.). В формационном отношении это образования криптротрахибазальтовой формации K_2 -Р эпохи активизации.

Защита диссертации была назначена на конец апреля 1983 г., на Диссертационном Совете Горного института. Председателем его был *Спасский*. Конечно же, я готовился к "сшибке". *В.Л. Масайтис* и его сотрудники были приглашены на защиту диссертации. И тут - подарок судьбы. В марте приезжает *В.И. Ваганов* и предлагает мне посмотреть серию шлифов. Конечно же, это импактиты - стекловатые породы с обломками ударно-метаморфизованных пород и минералов: особенно много обломков буроватого кварца с планарными структурами. *В.И. Ваганов* диагностирует эти породы так же, мнение у нас единое. Но, оказывается, эти породы отобраны ~ в 200 км от Попигайской структуры, в обнажениях по берегам р. Анабар. Здесь они залегают в форме даек и небольших штоков в пермских терригенных отложениях. Эндогенное происхождение этих пород не вызывает сомнения; но это более древние образования по сравнению с попигайскими породами. Возраст их (по радиологическим определениям) юрский, около 170 млн. лет, а галька этих пород найдена в конгломератах, залегающих в основании юрских отложений на правом берегу р. Анабар. Конечно же в диссертации я отразил эти уникальные геологические материалы (привел фотографии шлифов, геологическую карту участка их распространения и др.). Защита диссертации состоялась 29 апреля 1983 г., она прошла успешно, большинство членов Диссертационного Совета было "за". *В.Л. Масайтис* и его сотрудники на защиту не пришли, так что предполагаемой мной дискуссии не было. Мне

удалось опубликовать основные выводы и графику по диссертации в Докладах АН. Я написал академику *В.И. Смирнову* письмо с просьбой представить мою работу для опубликования в Докладах; в начале марта 1983 г. она была представлена и вскоре опубликована.

Конечно же, я следил за публикациями по Попигайской структуре. *А.А. Маракушев*, один из крупнейших петрологов нашего времени, академик, в своих работах неоднократно обращался к вопросам происхождения взрывных кольцевых структур и их алмазоносности (Пучеж-Катунской на Русской платформе, Попигайской и др.). Им было показано, что геохимико-термодинамический режим алмазоносного импактогенеза обусловлен воздействием на породы ударных волн, порождаемых мощными взрывами водородных газов, содержащих металлоорганические соединения. Плавление минералов в этом режиме происходит в изохорических условиях, в которых подъем температуры сопровождается увеличением давления ("автоклавым эффектом"), достигающего значений, необходимых для образования алмаза, лонсдейлита, чаоита, коэсита, стишовита - типичных минералов импактных стекол. Сопряженность алмазоносного плавления с привносом Cr , Ni , платиноидов (особенно иридия), Au , Cu , Zn отражает металлоорганическую составляющую водородных взрывных флюидов, генетически непосредственно связанных с ядром Земли.

Не так давно (2006 г.) мне попала работа *А.А. Кузнецова* "Системные признаки происхождения кольцевых геологических структур типа Попигайской". Я позволю себе привести несколько цитат из этой работы. "Комплексу признаков, отображенных выше (*А.А. Кузнецовым*), наиболее адекватна гипотеза *А.И. Трухалева*, *В.И. Ваганова*, *П.Ф. Иванкина*, *А.А. Маракушева* с акцентом на флюидно-взрывном генезисе Попигайской структуры". "Точка зрения о космогенном происхождении центрально-кольцевых структур Земли в необходимой степени опровергнута работами *В.И. Ваганова*, *А.А. Маракушева*, *А.И. Трухалева* и др.". "...Космогенная причина образования структур типа Попигайской - это пример красивой геологической сказки. Называя вещи своими именами - это большой мыльный пузырь, который настойчиво выдували, в том числе и на Западе, который рано или поздно должен был лопнуть".

Так что с генезисом Попигайской структуры я не ошибся. Импактные же алмазы были нами пропущены. Как показали разведочные работы (всего в Попигайской котловине пробурено 400 (!) скважин), здесь располагаются крупные коренные и россыпные месторождения таких алмазов. В свое время я ужасался, насколько калечат природу перевозки тяжелого бурового оборудования тракторами. А у нас было только 6 скважин! Трудно представить, что стало с прекрасной попигайской природой после проведения разведочного бурения.

АТЛАНТИКА

Кандидатскую диссертацию я защитил 29 апреля 1983 г. Открытка же из ВАКа с сообщением об утверждении решения Совета о присуждении мне ученой степени "пришла" только в январе 1984 г. До этого всякие мысли возникали, но *Юлиан Евгеньевич* сказал - не дергайся, если будет нужно - я знаю, куда позвонить. Радость была огромной; я сразу показал открытку *Юлиану* и мы, конечно же, "отметили" это событие. Но наиболее бурно, с поцелуями взапас, поздравлял меня *И.А. Соловьев*, "*Соловей*", как мы его звали. С ним мы познакомились в 1970 г., он пришел в партию *К.С. Забурдина*, а потом вместе с *В.М. Михайловым* мы снимали северную часть Анабарского щита и готовили листы геологической карты под руководством *Ф.Г. Маркова*. Соловей неизменно поддерживал меня в спорах с *В.Л. Масайтисом* и присутствовал на всех проводившихся во ВСЕГЕИ совещаниях по Попигайской структуре.

НИИГА "стал" ВНИИОкеангеологией. *Юлиан Евгеньевич* разработал программу фундаментальных исследований геологии и геофизики Мирового океана, в первую

очередь - Атлантического, по системе геотраверсов. В полосе шириной около 800 км, пересекавшей океан от Ю. Америки до Африки, предполагалось провести площадные батиметрические, магнито- и гравиметрические исследования. Геологические работы (опробование рыхлых отложений трубками и дночерпателями, коренных пород - драгами) проводились по осевой линии геотраверса, 12° ю.ш. Первым геотраверсом был Анголо-Бразильский. *Юлиан Евгеньевич* пригласил меня участвовать в этих исследованиях в роли петрографа. Я должен был заниматься изучением коренных пород Срединно-Атлантического хребта (САХа). Исследования проводились на судах МАГЭ. На время рейсов (декабрь - май) мы "переводились" из ВНИИОкеангеологии в МАГЭ.

Из Мурманска мы выходили во 2-й половине декабря. Там уже была зима, снег, мороз под 20°C, а вскоре, обходя Скандинавский полуостров, мы попадали в жестокие штормы в Северной Атлантике. Полярная ночь, сильнейший ветер с дождем и мокрым снегом. Наше небольшое суденышко, "Профессор Куренцов", бросает "по-черному". То оно вздымается на гребень волн, то падает в бездну, приводя нас в состояние невесомости. И так сутками.

Снова совершенно новая, на сей раз океаническая геология. Снова нужно начинать с нуля. Уже в первом рейсе, в 1984-85 гг., я понял, что из базальтов "шубы не сошьешь". Из-за сильной измененности этих пород они были непригодны для радиологических определений, возраст их невозможно было установить. И я "переключился" на изучение кристаллических пород.

Тут мне очень помогла антиалкогольная кампания. 1986 г., *Горбачев*, перестройка, строжайший запрет на употребление алкогольных напитков на рабочих местах, общества трезвости в нашем и других геологических институтах. Я собирался в очередной рейс в Атлантику. К нам нередко приходил наш с *Соловьем* хороший знакомый *В.С. Семенов*, бывший сотрудник нашего института, участник Антарктических экспедиций, перешедший на работу в институт геологии и геохронологии докембрия. Мы брали ключ от подвала на Адмиралтейском канале, где хранились каменные коллекции, и шли "работать с образцами". Там у *Л.Б. Очаповского* был оборудован чистый сухой "закуток", где можно было посидеть, поговорить, выпить. Разговоры, конечно же, шли на геологические темы. *В.С. Семенов* занимался расслоенными интрузиями Карелии. От него я узнал, что наиболее надежные определения возраста габброидных интрузий они получают по выделенным из них цирконам, что у них в институте есть специалист по выделению и изучению цирконов - *И.К. Шулешко*. Это было для меня ново; я считал, что циркон - это минерал гранитоидов, гранито-гнейсов. При этом *В.С. Семенов* сказал, что для выделения достаточного для анализа количества цирконов необходимы крупные пробы габброидов. Это была ценная для меня информация. Я "загорелся". Нужно было в рейсе 1986-87 гг. попытаться поднять крупные образцы габброидов.

В этом рейсе по проекту у нас было 20 станций драгирования. Я был старшим ночной вахты, стоял на лебедке, освоился. Получить полный разрез по грунтовой трубке или взять полный ковш дночерпателя для меня не составляло труда. Драгированием же мне заниматься не приходилось. Начальником рейса у нас был *Р.Г. Чинакаев*; он готовил диссертацию, научным руководителем у него был *Ю.Е. Погребницкий*. К тому времени у нас уже были батиметрическая карта и карты потенциальных полей по всей полосе геотраверса. Оказалось, что наиболее "интересные" для драгирования места располагаются южнее 12° ю.ш., по которому по плану должно было проводиться геологическое опробование. Мне удалось убедить *Р.Г. Чинакаева* "спуститься" на юг, до следующего поперечного разлома на 14° ю.ш. Поначалу с драгированием у нас ничего не получалось. По существующей методике драгирования судно должно было ложиться в дрейф и ждать, пока его с драгой нанесет на склон подводной возвышенности. Время "подпирало", и я решил тащить драгу судном, на малых оборотах по крутому склону, который предварительно мы "проходили" с медленным эхолотом. Поначалу ничего не

получалось. Потом, построив всю схему драгирования в неискаженном масштабе, я понял, в чем дело. Экспериментально выяснилось, что трос драги должен быть наклонен к поверхности дна под углом менее 30°. Только тогда драга начинала "цеплять" коренные породы.

Дело пошло. Самые полные драги с крупными глыбами и образцами габброидов, метадолеритов и других пород были получены в районе 14°ю.ш. Конечно же мы всесторонне исследовали поднятые породы и первым делом, с помощью *И.К. Шулешко*, попытались выделить из них цирконы. До нас, насколько мне известно, цирконы из океанических габброидов никем не выделялись. Оказалось, что содержание цирконов в поднятых нами образцах метагабброидов высокое. *И.К. Шулешко* выделил несколько десятков мг из одного штуфа! *Н.М. Васильева*, наш сотрудник, под биноклем разделила их на морфотипы. Всего она выделила 4 морфологические разновидности цирконов. Самыми многочисленными оказались длиннопризматические цирконы; возраст их, определенный *Б.В. Беляцким*, термоионным методом, оказался достаточно древним - 1859 ± 292 млн. лет. По другим разновидностям цирконов были получены цифры 1367 ± 441 , 664 ± 108 и 500 ± 156 млн.лет. Наиболее же точные датировки были получены по цирконам из метадолеритов - зеленокаменноизмененных пород с м/з магматической (офитовой) структурой. *И.К. Шулешко* выделил из пробы этих пород, поднятых вместе с метагабброидами, несколько сотен зерен очень мелких окрашенных дипирамидальных цирконов, резко отличных по размеру, габитусу от цирконов из метагабброидов. Никаких других цирконов в этой пробе не было. Главной же особенностью цирконов из метадолеритов было отсутствие в их составе обыкновенного свинца, не нужно было вводить никакие поправки. Это позволило получить очень точные датировки - 2488 ± 37 млн. лет.

Цирконы же из метагабброидов содержали значительные количества обыкновенного свинца, что вызывало необходимость внесения в полученные датировки соответствующие поправки. В итоге полученные цифры возраста цирконов из метагабброидов (различных их морфотипов) содержали значительно большие погрешности. Конечно же, мы отдавали себе отчет, что полученные нами датировки являются в какой-то степени усредненными. Но в то же время мы не сомневались, что это реальные цифры, что мы имеем дело с докембрийскими породами. Нам же предлагали считать их современными, поскольку эти породы были драгированы в пределах осевой (нулевой) аномалии САХ. Помимо древних метагабброидов и метадолеритов, нами в пририфтовой зоне САХ были драгированы и другие необычные породы - зеленокаменноизмененные ультраосновные вулканы – метапикриты, необычные для рифтовой зоны САХ магнезиальные базальты со спинифекс-структурами и др.

Для меня стало очевидной справедливость выводов *А.В. Пейве*, опубликованных в статье "Тектоника Срединно-Атлантического хребта" (1975 г.). Проанализировав все имевшиеся к тому времени материалы глубоководного бурения и драгирования, этот исследователь пришел к выводу, что САХ сложен двумя комплексами пород: вулканогенно-осадочным (I и II геофизические слои) и метаморфическим, слагающим III слой океанической коры, генетически не связанными, разновозрастными. Метаморфический комплекс состоит из ультрабазитов, габброидов, регионально дислоцированных и метаморфизованных (в зеленосланцевой и частично амфиболитовой фации) основных эффузивов. Среди метаморфических образований САХ имеются породы с различным возрастом метаморфизма, в том числе и очень древние, докембрийские.

Другой важной для меня публикацией стала книга *В.Н. Ларина* "Гипотеза изначально гидридной Земли" (1980 г.). В ней есть раздел, посвященный модели формирования океанов и интерпретации их геофизических особенностей. Предложенная *В.Н. Лариным* модель формирования океанов (она альтернативна плейттектонической) использовалась мной в качестве рабочей гипотезы при интерпретации геофизических и

геологических материалов по Атлантическому, а затем и Северному Ледовитому океанам. Последнее издание книги с изложением концепции расширяющейся Земли вышло в 2005 г. В своей работе я неоднократно убеждался в принципиальной правильности этой концепции. Несколько позже я еще вернусь к ней.

А дальше мы столкнулись с проблемой публикации полученных материалов. Мной была подготовлена большая статья по породам, драгированным в районе 14° ю.ш. В ней были приведены описания пород, их составы, составы породообразующих минералов, результаты предварительных (мы это подчеркивали) определений их возраста различными методами. *Н.А. Куренцова*, дочь профессора *Куренцова*, в честь которого было названо наше судно, очень энергичная женщина, показала эту работу *А.А. Маракушеву* и он рекомендовал ее к публикации в журнале "Известия АН, серия геологическая". Нам уже пришли гранки, а потом какая-то невнятная рецензия с отказом от публикации. Я не понял, по каким причинам нашу статью "завернули". Потом был еще более вызывающий эпизод. Мы послали в «Доклады» статью с описанием результатов исследований докембрийского (около 1,9 млрд. лет) гранито-гнейса, драгированного сотрудниками Полярной экспедиции в районе 26° с.ш. Авторами статьи были *Б.В. Беляцкий*, *Ю.Е. Погребницкий*, чл.-корр. АН и я, а статья была представлена *И.С. Грамбергом*. Но и эта статья была "завернута" *Ю.М. Пуцаровским*, "главным" по геологии в «Докладах». Потом эта статья была опубликована нами в "Геохимии". А более или менее полную публикацию результатов работ на Анголо-Бразильском геотраверсе удалось сделать только в специальном выпуске журнала "Советская геология", посвященном исследованиям ВНИИОкеангеологии в Мировом океане.

А потом наступили суровые девяностые. Все сбережения, мои и моих родителей, обесценились. Зарплату платили крайне нерегулярно, если вообще платили. Если появлялись деньги, их нужно было немедленно потратить, инфляция была очень высокая. Я зарабатывал на жизнь на своей старой-престарой "Победе", ловя случайных пассажиров. Тем не менее мы продолжали исследования. Мной, *Юлианом Евгеньевичем* и *Н.М. Васильевой* была написана статья "Древние породы в Срединно-Атлантическом хребте", где приводились итоги наших исследований. С большой задержкой (публикации тогда вообще на какое-то время прекратились) она вышла при содействии *И.С. Грамберга* в журнале "Отечественная геология" на сероватой, низкого качества бумаге. Но эта статья получила высокую оценку *Б.А. Блюмана*, занимавшегося изучением земной коры континентов и океанов. С нее началось наше многолетнее знакомство и сотрудничество с этим выдающимся исследователем.

Конечно же, мы с *Юлианом Евгеньевичем* старались участвовать в антиплейттектонических сборниках. Наиболее значимым из них оказался сборник "Спорные аспекты тектоники литосферных плит и возможные альтернативы". Он вышел в 2002 г. в Институте физики Земли под редакцией *В.Н. Шолто*, *Н.И. Павленковой*, *И.А. Резанова* и *Т.И. Фроловой*. В этом сборнике была опубликована наша с *Юлианом Евгеньевичем* статья "Проблема формирования Срединно-Атлантического хребта в связи с составом и возрастом пород его метаморфического комплекса". В ней была приведена сводная таблица с результатами имевшихся на то время радиологических определений возраста пород фундамента САХ. В ней явно преобладали докембрийские датировки. Эта статья имела большой резонанс. *Б.А. Блюман* в своих работах постоянно ссылается на наши публикации.

***

Подводя итог своим воспоминаниям, как профессиональный геолог, много лет занимавшийся изучением реальной геологии на суше и после этого геологией океанов, Атлантического, а затем и Северного Ледовитого, я позволю себе высказать несколько соображений по поводу тектоники плит.

Принято считать, что особенности строения океанов, в частности, Атлантического, свидетельствуют в пользу тектоники плит. Глобальная система срединно-океанических хребтов, полосовой характер аномалий магнитного поля, их симметричное расположение относительно рифтовой долины - все это позволило исследователям высказать идею спрединга, т.е. расширения дна океана от осевого рифта, некогда разделившего единый пракоинконтинент. Казалось бы, на основе этих данных естественно предположить расширение Земли, однако большинство исследователей посчитало возможным интерпретировать спрединг без допущения расширения планеты.

Спрединг считается краеугольным камнем "тектоники плит". Вместе с тем, спрединг должен иметь место и при расширении Земли, однако у него должны быть свои специфические особенности, которых не должно быть у "плейт-тектонического" спрединга. Этот вопрос рассмотрен в книге *В.Н. Ларина* (2005 г.). Если правомерна "тектоника плит", то трансформные разломы должны быть чистыми сдвигами с плотно притертой плоскостью смещения, поскольку протяженность зоны генерации новой коры (осевые части срединных хребтов) намного превышают суммарную длину зон поглощения коры (зон Бенъофа). Заметим, что в Атлантическом океане такие зоны отсутствуют. На их месте располагаются структуры растяжения - грабенообразные прогибы, выполненные мощными толщами континентальных, нередко с эвапоритами, триасово-юрских отложений. На это обращал внимание в свое время В.В. Белоусов, убежденный противник плейттектоники.

В случае увеличения объема Земли наряду с расширением срединно-океанического хребта в обе стороны от осевого рифта (поперечная составляющая) хребет должен одновременно вытягиваться вдоль своей оси, т.е. должна быть и продольная составляющая, равная поперечной. Продольное хребту расширение ложа океана в Атлантике происходит по большому (многие десятки) числу трансформных разломов. Поэтому раздвиговая составляющая по ним на трансформном участке должна быть в десятки раз меньше сдвиговой; поэтому она не выявляется при исследованиях сейсмических очагов. Однако за пределами трансформного участка, где сдвиговая компонента отсутствует, разлом должен быть чистым раздвигом.

Предсказанные *В.Н. Лариным* в начале 90-х годов особенности строения поперечных разломов САХ были полностью подтверждены *Г.Б. Удинцевым* и его командой в рейсах, посвященных изучению трансформных разломов Экваториальной Атлантики. Поперечные разломы, закартированные на батиметрических картах Анголо-Бразильского геотраверса, "ведут" себя так же: за пределами рифтовой зоны они являются раздвигами с увеличивающейся (по мере удаления от оси хребта) величиной зияния. Можно сказать, что спор между альтернативными гипотезами происхождения океанов по моделям тектоники плит и расширяющейся планеты самой природой решен в пользу гипотезы расширяющейся Земли.

В последние годы я занимаюсь изучением геологии Северного Ледовитого океана. Приарктические государства, особенно Россия, стремясь расширить границы своих континентальных шельфов, провели целый ряд фундаментальных геолого-геофизических исследований (профили ГСЗ, МОВ ОГТ, драгирование), которые привели к качественному скачку в познании природы и истории формирования СЛО. Однако его геология по-прежнему трактуется с позиций тектоники плит. Главным аргументом при этом являются полосовые ("спрединговые") магнитные аномалии (природа которых, заметим, не установлена). В Евразийском бассейне СЛО идентифицированы аномалии 0-24 Ламонтской шкалы; соответственно он трактуется как океанический, кайнозойский, образовавшийся при "отодвигании" хребта Ломоносова от Баренцево-Карской континентальной окраины. При этом на целый ряд вопиющих, с моей точки зрения, противоречий, не соответствующих такой трактовке, внимания не обращается. Прежде всего - это отсутствие зон субдукции на окраинах Евразийского бассейна. Их нет! Кроме

того, профили МОВ ОГТ однозначно свидетельствуют: хребет Гаккеля - это наиболее молодая морфоструктура Евразийского бассейна, наложенная на ранее образовавшийся осадочный бассейн. Из-за отсутствия буровых скважин точная стратиграфия осадочного чехла этого бассейна не может считаться установленной, однако можно уверенно утверждать, что большую его часть составляют докайнозойские отложения. Профили МОВ ОГТ показывают также, что соотношения океанического фундамента и осадочного чехла Евразийского бассейна - протрузивные, не стратиграфические. Соответственно, возраст этого фундамента очень молодой, практически современный.

Плейт-тектоническая концепция нанесла и продолжает наносить огромный вред геологической науке. Она запрещает всякое инакомыслие, а новые фактические данные по океанам - геологические, изотопно-геохронологические, сейсмические (прежде всего, результаты сейсмических исследований МОВ в океанах), она либо замалчивает, либо каким-то невероятным образом "вгоняет" в прокрустово ложе тектоники литосферных плит. В итоге получается, что никакого продвижения вперед, нового знания - нет! *Б.А. Блюман* в своей книге "Земная кора океанов", 2011 г., показал, что огромный фактический материал, полученный при глубоководном бурении, остается втуне, неиспользованным. И понятно, почему. По мнению *Б.А. Блюмана*, базовые положения тектоники литосферных плит несовместимы с результатами глубоководного бурения в Мировом океане. Еще одно, крайне негативное, влияние плейт-тектонической концепции на геологию, геологическую науку. Огромный фактический материал, накопленный при изучении геологии континентов, стал трактоваться крайне упрощенно - с позиций тектоники плит! При изучении кристаллических щитов, отличающихся крайне сложным геологическим строением с неоднозначной трактовкой стратиграфического положения метаморфических комплексов, природы их протолитов и т.п., выделяются плейт-тектонические обстановки - зоны субдукции, островные дуги, закрывшиеся океаны и т.п.

И, конечно же, самое негативное влияние концепция тектоники литосферных плит оказывает на молодое геологическое поколение. В ВУЗах эта концепция преподносится как теория, как одно из самых значительных достижений геологической науки. И с самого начала пути они все свои построения, полученные при изучении конкретных геологических объектов, обязаны согласовывать с этой концепцией, представляющей на самом деле лишь гипотезу, один из геолого-петрологических мифов современной геологии (по *А.А. Кузнецову*).

***

Несколько слов в заключение. Моя жизнь в геологии оказалась очень насыщенной и интересной. Конечно же, мечты о путешествиях сбылись. Благодаря геологии я побывал в весьма отдаленных уголках нашей планеты. Не "попади" я в Горный институт, а затем в НИИГА, это было бы невозможно. Западное Самоа, один из наиболее удаленных и наименее цивилизованных уголков Океании. Сингапур - пожалуй, самый цивилизованный на Земле город. Африка (Сенегал, Ангола), Южная Америка (Рио-де-Жанейро! - мечта Остапа Бендера, Ресифи - бразильский город на экваторе).

Но наиболее интересной, захватывавшей меня полностью, была сама геология, очень разная. Наиболее интересные ее аспекты я попытался отразить. И, конечно же, благодаря геологии я познакомился с очень интересными людьми. В НИИГА было очень много выдающихся личностей, не буду их перечислять. А работа в поле, общение в течение нескольких месяцев с сезонными рабочими, вездеходчиками позволяла видеть весь "срез" тогдашнего общества. Среди них тоже были яркие личности, всех их я хорошо помню.

Через тернии к звездам!

Уже длительное время, и особенно – сейчас, одними из наиболее острых и активно обсуждаемых являются проблемы средней и высшей школы, воспитания, отечественного образования и науки в целом.

Очевидна необходимость принятия кардинальных решений и действий по ликвидации итогов бездумных и даже варварских «новаций» и разрушения одной из признанных лучших мировых систем образования. Характерно и странно, что в обсуждениях на всех уровнях (особенно для школьно-вузовского образования) наиболее активны высказывания о якобы перегруженности программ и чрезмерности различных контрольных испытаний, многочисленных экзаменов.

Мне же представляется, что экзамены – это одна из основ контроля объема и качества проработки и усвоения данных, умения осмысливать и практически использовать знания, готовности к постановке целей и переходу на новый этап жизненного пути. Причем контроль в наиболее действенной и открытой форме. А препятствия должны быть и будут непременно. Их количество в сочетании с твоей деятельностью в основном и определяют шероховатость или тернистость пути, а также возможное появление «близкатастрофических» ситуаций.

«Перелистывая прошлое», я прошел по этапам и памятным рубежам своей «дороги жизни», которая иногда была терниста и даже могла (по выражению друзей – болгар) «катастрофировать». Так появились эти отрывки воспоминаний. И заглавие их!

Я принадлежу к поколению, на долю которого достался трудный и многоступенчатый период истории страны – с непрерывной чередой войн, разрухи и лишений, блокады, восстановления и великих строек, поисков и открытий, веры и восхвалений, разоблачений и разочарований, краха государства и олигархической вакханалии и коллизий нынешнего возрождения, изломанных и/или блистательных (в разных, до диаметральных, оценках) судеб. А в целом – жизнь насыщенная, полнокровная, небесцельная, богатая воспоминаниями и полная ожиданий интересного будущего.

Хочется подчеркнуть, что при всех общих невзгодах и житейских коллизиях детям «моего детства» оказывалось первоочередное внимание – питание, детсады, школы, ДПШ* и Дворцы, пионерские лагеря и т.д. Многие получили образование на уровне лучших традиций и мирового признания. Но так же очевидно, что тогда закаленное жизнью молодое поколение было более устойчиво (нежели современные «чада»!) к невзгодам и преодолеvalo трудовые и учебные сложности и нагрузки настойчиво и без разговоров о их чрезмерности. Это был обычный путь к цели, «тернистость» которого возникала иногда при множественной группировке барьерных рубежей в виде различных контрольных испытаний и экзаменов, а также собственного разгильдяйства и «ляпов».

При всех трудностях и жестокостях того времени люди были более человечны!

Мне повезло в жизни – я нашел свою профессию – и мне выпало увлекательное, трудное и нужное дело изучения звездных регионов Арктического ожерелья Земли. Регионов – выдающихся по положению, природным условиям, особенностям формирования, истории открытия и изучения, сырьевым ресурсам, экономическому и геополитическому значению в настоящем и будущем. Этапы моего пути кратко намечены в предлагаемых читателю воспоминаниях, где многочисленные экзамены были по сути некими контрольными рубежами, а иногда создавали не только тернистые препятствия, но

---

* Дом пионеров и школьников

и ситуации, близкие к катастрофическим.

Так получилось, что в школьные годы (с конца 40^х, когда семья наша получила жилье в Выборгском районе далеко от центра Ленинграда) и в студенчестве я фактически остался жить один в комнате квартиры дома 9/13 на углу улицы Герцена и Невского проспекта. Другие три комнаты в квартире занимали три семьи. В новый родительский дом при том «трамвайном долгопутье» я ездил в выходные дни, а по будням – после школы обычно лишь при нетерпимом желании подкормиться.

Дни были заполнены учебой, уличными делами со школьными друзьями в «своем районе» (от Невы до Фонтанки, площади Труда и Коломны), копанием в библиотеке родной школы Петер Шулле (ныне - № 122), Дворцом пионеров и Эрмитажем. Именно тогда стала крепнуть и выкристаллизовываться «тяга» к истории, новому, неизвестному, поискам и путешествиям, дальним и заманчивым землям. Итогом были занятия в кладовых мастерских Института материальной культуры, обработка и склейка черепков и горшков, а в будущем (перспективе) – археология. Но, видимо, кропотливая возня с горшками и перспективы раскопок не совсем совпадали с моим общим внутренним настроем. Мечты и колебания завершились геологическим выбором – целью стал Горный институт.

1951 - год выпускных экзаменов и поступления в ВУЗ. Привыкнув к практически ежегодным (в те времена) крупным сериям экзаменов, я так же спокойно сдал их и в «выпускном наборе» из 10 предметов. Но почему-то упустил из виду таящуюся опасность во вступительных экзаменах Горного института и возможности легкого решения проблем при получении медали. В итоге в аттестате было 2 четверки (русский и английский), а для медали можно было иметь либо 3 четверки по любым предметам при отличном сочинении, либо только одну – за сочинение. И вместо мечты о летнем отдыхе встал барьер из 8 вступительных экзаменов в Горный. Почему-то он был однозначно пройден и даже без чрезмерных усилий. Возможно, здесь, помимо школьного багажа, повлияло сочетание набранной напористой уверенности и иногда мелких, но значимых удач.

Так, в сочинении о *М.В. Ломоносове* я с удовольствием использовал цитаты из его трудов, украшавшие стены аудитории. На «английском» экзамене – достаточно было с выражением и хорошим произношением прочесть фразу о Великой Октябрьской Социалистической Революции, на испытании по химии – помогли знания о великом *Сванте Аррениусе* (в школе мы учили предмет по «вузовскому» учебнику), а при «беседе» о литературе, когда мне сообщили о пятерке за сочинение, то мой ответ, что такая же оценка должна быть и здесь, вызвал смех и положительное решение.

Итак, были пройдены крупные рубежи и через эти тернии начался новый этап жизни. Уже не мальчика – «юнца безусого», а человека, осознающего и создающего свой путь, идущего по нему и ответственного за свои дела и будущее. (То есть должно быть таким!).

Студенческие годы требуют отдельных больших и светлых воспоминаний. Здесь же отмечу лишь, что в ярком многообразии студенческой жизни трудности чаще являлись следствием собственных упущений и ошибок, а посему решать все следовало серьезно и самому. Такая стезя не обошла и меня. А основными причинами ряда личных невзгод были относительная легкость преодоления пройденного пути (в восприятии тех лет!) и уверенность в себе в сочетании с соблазнами студенческой жизни. Должен признаться, что такая, а иногда и чрезмерная безалаберность в проработке материала и подготовке к экзаменам приводила к существенному снижению итоговых оценок.

В принятом «тематическом» русле воспоминаний и размышлений для этого я хочу отметить два драматических рубежа, чуть было не ставших роковыми на выбранном пути.

Первый удар я получил в серии из 4 экзаменов – пересдач по физике. Относительно

легко, но «успеваемо» готовясь и сдавая экзаменационную сессию, я не ожидал ЧП, когда мы группой из нескольких студентов позволили себе несколько задержаться и, войдя в аудиторию, сообщили, что мы готовы экзаменоваться. Сразу же пришедший в гнев от нашего «разгильдяйского вида и поведения» экзаменатор (штатный преподаватель военного института) быстро выставил нам «пары», повторил это деяние через несколько дней (когда мы, крепко подготовившись, пришли «пересдавать несданное»), и так действовал четыре раза, пока на пятый раз не была назначена комиссия. В итоге *Г. Слонимский* пропустил год, а про меня было заявлено, что я вообще-то всегда знал предмет, но ...! Так я был проучен в этот раз.

Первыми подступами к Сибири и Арктике была профпрактика в экспедиции на р. Нижнюю Тунгуску – сердце Эвенкии – Туру. Там я наконец наяву понял, что это мое настоящее дело. Это была Сибирь, траптовые поля и исландский шпат. И это были тайга и могучая Тунгуска с «Каталинами» и оленьими аргишами, маршруты и документация итогов каторжных трудов «работяг – расконвоированных» на ручной проходке траншей в базальтах. И внезапная встреча с увлекшимся ягодами медведем, и взаимное трусливое бегство (надеюсь – без характерных следов на моей «тропе отступления»).

В 1955 г., плотно взявшись за ум и успешно сдав экзаменационные сессии, я был готов к преддипломной практике на м. Канин Нос. Это уже были почти Арктика и Океан! Осталось пройти военные сборы (вторые за время учебы). Все было в порядке, но когда мы - несколько друзей – как-то задержались и не смогли сдать «гражданскую одежду» на склад, помкомвзвода приказал оставить вещи в палатке (первый звонок!). Сборы (шагистика, наряды, стрельбы, экзамены и т.д.) прошли нормально, и вот на утро был назначен отъезд, но когда вечером я сдал сменщику свой последний пост, он сообщил мне, что я должен спешить, ибо друзья собираются уехать вечером, т.к. есть гражданская одежда (!), а командир предупрежден. И я спешил! И я успел! И мы уехали! (И даже не остались, как нам предлагали, на ночной преферанс!). А наутро был распушен слух, что 11 человек дезертировали, командир – срочнотрудовой испугался трибунала и подал рапорт, дело дошло до военного округа. И через несколько дней разбирательства в безуспешных попытках выявить «зачинщиков», четверо, видимо, наиболее злостных, были отчислены из института за дезертирство. Волею судеб трое связали свою жизнь с НИИГА: *Г.Э. Грикуров*, *Б.Г. Лопатин*, *Н.К. Шануренко*, а четвертый – *В.Г. Гаскелберг* – был одним из ведущих специалистов в Апатитах и СЗГУ. А тогда я – экс-студент и возможный рекрут – поехал на практику в Архангельск и далее на корабле «Мудьюг» на Канин Нос. Это была первая встреча с Ледовитым океаном. И это была настоящая профессиональная работа. Но и это еще было не совсем то – не российская Арктика во всем многообразии. И не вполне то, что нужно профессионально, ибо, когда после восстановления осенью в институте и составления дипломного проекта, я защищал его весной 1956 г., председательствовавший *П.М. Татаринов* сказал, что помнит, как посылали туда экспедицию и особых перспектив там нет. Я вынужден был согласиться с ним. Но я прекрасно помню и тот радостный день 15 лет спустя, когда я защищал диссертацию по флюорит-барит-радиоактивно-редкоземельному оруденению в Быррангской структурно-металлогенической зоне Таймыра. И он, председательствовавший, поздравляя меня, сказал: «Молодец! Хорошая работа!». И в этом я тоже согласен с ним.

В связи с этим вспоминается эпизод из сдачи кандидатского минимума по месторождениям. Пока я готовился продемонстрировать свои знания по металлогении меди, экзекуторы – *П.М. Татаринов* и *И.Г. Магакьян* – в беседе о разном особо активно обсуждали качества кавказских вин. Когда же я удачно охарактеризовал, помимо прочего, Каджаранское, Агаракское и Дастакертское месторождения и, получив одобрение,

рискнул внести и свою лепту в это обсуждение, один из великих сказал: «Зачем его дальше мучить – он знает!». И я был благословлен и выпущен в соискательское плавание.

Закончилось незабываемое студенческое время, пройден – с розами и терниями – еще один этап пути. Но настоящая звездная Арктика была впереди. И пару месяцев спустя, в июне 1956 г., мы: *Грикуров Г.Э.* и *Шануренко Н.К.*, – друзья, свежесвыпущенные горные инженеры и теперь – сотрудники Диксоновской экспедиции НИИГА – летим в сердце Арктики на о. Диксон. Диксон тех лет – это один из ключевых центров арктической навигации, полярной метео- и авиаслужбы и организации экспедиционных исследований. Центров, где много кораблей и самолетов, где бурлит жизнь на земле, в море и воздухе. Недавно я смотрел ролик в интернете о Диксоне сегодня. Как это ужасно! И какие рвущие душу «Почему!?!» вызывают эти сравнения. И остры невольные мысли о жизненности прошлых и нынешних прогнозов и ожиданиях. И поиски объяснений сегодняшней действительности. А тогда для нас начиналась новая жизнь – настоящая геологическая, увлекательная, романтическая, строго профессиональная и ответственная, трудная и радостная жизнь с невзгодами и утратами, но открытиями и победами, терниями и звездами на пути.

Их было много (в том числе другие края и зарубежные дали), но здесь скажу только о поисках и изучении наиболее интересных природных кладовых в Североземельско-Таймырском регионе – центре Российской Арктики. Это – молибденовые скарны островов Каменных (начиная с первого в наших с *Г. Грикуровым* полярных трудах, а посему особо памятного о. Моржово); мусковит-бериллиеносные пегматиты района Бирулей – Нансена, Фрама; медно-никелевые рудные объекты северного сегмента Норильской провинции от Западного Таймыра до плато Тулай Кирыя; свинцово-цинковые месторождения Центрально-Таймырского и Восточно-Таймырского районов. Особо интересны для нас тогда в 60^х были карбонатные метасоматиты и инъектиты Быррангской структурно-металлогенической зоны в сопоставлении с карбонатитами Маймеча-Котуйского региона, в обоснованиях характера и степени их генетического родства, проблем и перспектив рудоносности. В них были обнаружены многочисленные и нередко хорошие концентрации комплексного флюорит-барит-радиоактивно-редкоземельного оруденения с перспективами находок промышленно-значимых концентраций.

Вот почему родились и торжественно звучали в небе Таймыра стихи:

«Небо-купол, Бырранги – глыбы. Гаммы щелкают счетами!

А ты бы мог покорить Везувий, не пользуясь вертолетами!»

Странно, что в одной из недавних публикаций наших коллег-таймырцев из ВСЕГЕИ (бывших питомцев НИИГА) они самоутверждаются как первооткрыватели карбонатитов Таймыра. К сожалению, это не редкость и в разных вариантах. Но ... *c'est la vie!*

Многое из отмеченного выше было пережито и совершено в дружном коллективе Диксоновской экспедиции, под руководством *Ю.Е. Погребицкого*, а также в последующих разработках, сопряженных с исследованиями этого выдающегося ученого. Интересно, что старший *Погребицкий Е.О.* – декан геологоразведочного факультета ЛГИ, узнав о нашем приходе в НИИГА, отметил удрученно, что сын взял на работу самых отъявленных разгильдяев. Но через несколько лет заявил, что изменил свое мнение!

История Таймырских дел требует глубоких, объемлющих и красочных воспоминаний. И талантливых авторов! Оценивая итоги исследовательских и съемочно-поисковых работ, отметим, что обоснованы и очевидны общие высокие перспективы создания промышленной сырьевой базы по ряду полезных ископаемых в этих регионах. Особое значение в последние десятилетия приобрела проблема золотоносности региона, где выделена и обоснована новая крупная провинция страны, найден ряд промышленных

золотороссыпных объектов (часть которых уже отрабатывается) и обнаружены эндогенные рудоконцентрации (с параметрами месторождений) и рудные узлы, рекомендуемые для разведки и освоения.

Мне посчастливилось активно участвовать во всех перипетиях разноуровневных обсуждений и прогнозирования, проектирования (и проталкивания!), организации и проведения целевых тематических исследований и поисковых работ по золотоносности Североземельско-Таймырского региона – новой золотоносной провинции страны! Полученные результаты исследований геологии и рудоносности региона, изучения выявленных эндогенных и россыпных объектов, их генетических типовых характеристик и параметров вкупе с анализом богатейших данных по другим «золотым провинциям» России и зарубежья убедительно показывают перспективы выхода на месторождения «Большого металла». Хочется дожить до того времени! Или хотя бы явственно убедиться, что наступила пора возрождения, пора умного целевого комплексного планирования и форсирования деятельности по изучению, освоению и развитию арктических регионов в общем подъеме страны.

В завершении этого цикла воспоминаний моей «повести временных лет» хочется сказать о непонятном возможном «психодействии» «желтого дьявола». Впервые я столкнулся с этим на юге Сахары на плато Аххагор недалеко от бывшего французского полигона, когда в составе так называемой «Mission mobile» алжирского SONAREM (на машине Landrover – трое руководителей департаментов, я – иностранный специалист, особо отмеченный за успехи, и водитель – туареги) посетил жильные золотопроявления. Несмотря на пустынную жару, выбивая обломки кварца с видимыми золотишками, я бил и бил молотком и хотел бить еще в жажде новых находок.

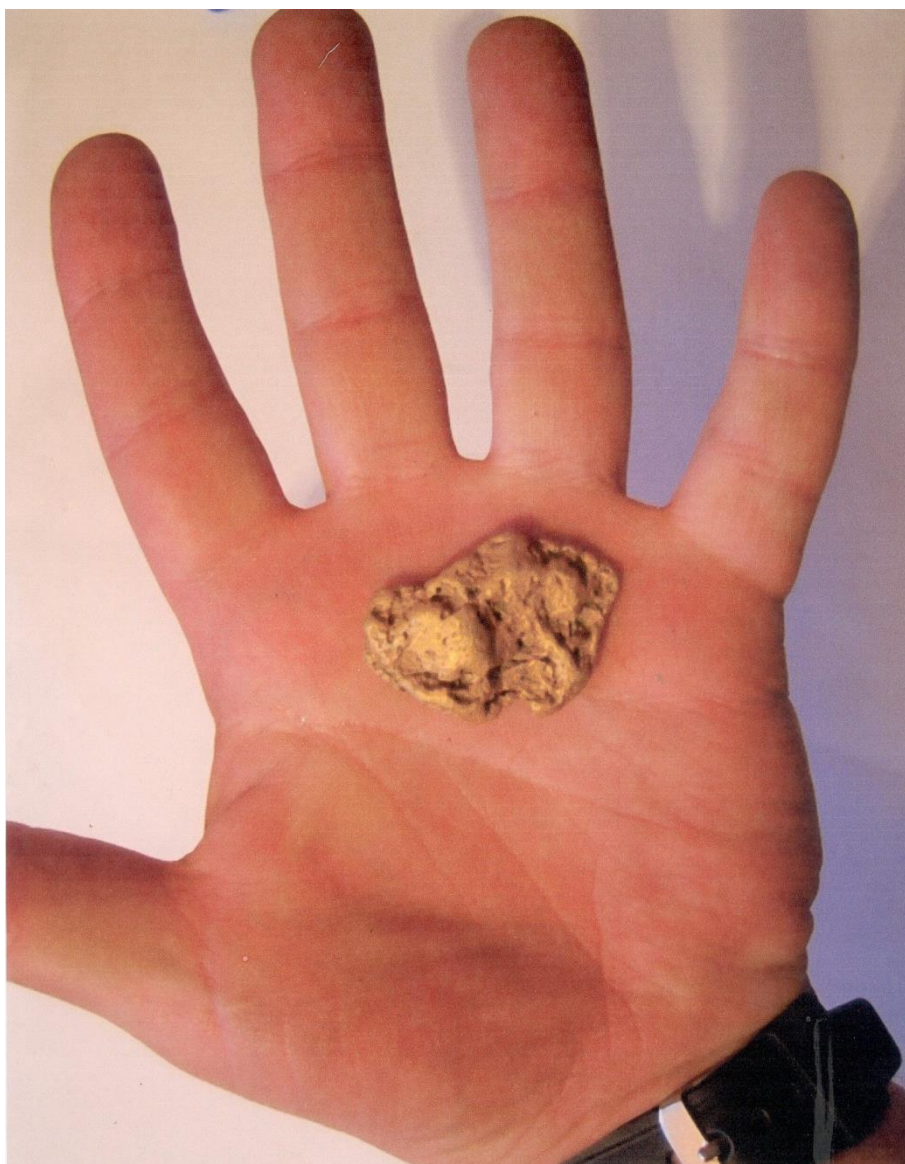
Через несколько лет на о. Большевик в морозный майский день (праздника победы) я обходил утром полигоны россыпи на р. Студеной и стал свидетелем того, как старатель артели «Полюс» (мы работали в альянсе) остервенело бьет каблуком в каменно-мерзлую почву (практически обнаженную часть золотоносного пласта) и кричит: «Вот оно здесь, золото здесь, я знаю, нужно его взять!». Я пытался объяснить ему, что нужно сначала провести опробование и оценку запаса и только потом оформить официальную передачу участка в отработку. Когда затем, обходя другие участки, я услышал рев мотора и срочно вернулся, то увидел, что он загоняет громадный бульдозер «Комацу» на россыпь. Мне пришлось встать на его пути перед ковшом. Крики, ругань. Странно – я не чувствовал страха! Ничего – только бездумная белая «бессловесная» ярость и остервенелая готовность на все. Прошло несколько минут (? сколько - не знаю) и мы как-то одновременно пришли в себя. Он с бранью убежал, а я пошел «качать права» к бригадиру старателей. Естественно, выяснилось, что никто не собирался начать самовольную отработку россыпи, что это был только самоуправный срыв и «нехороший» член артели будет наказан. Посему пришлось срочно делать аврал по расшурфовке участка, дабы не оправдалась поговорка, что от золота одни судимости.

В связи с этим вспоминается, что, когда мы с *А.Н. Вишневым* шли на первую встречу в Красноярске с главными золотопромышленниками (их «офис» был вместе со зданием тюрьмы!), глухие ворота раскрылись и мимо пронеслась закрытая машина, а до нас донесся крик: «За что?»

И в заключение – несколько слов о непонятном и весьма тревожном. Богата Россия практически всеми полезными ископаемыми, в том числе и благородными редкими и редкоземельными металлами. Богаты ими и обширные территории российского Заполярья – от Карельско-Кольского до Чукотского регионов. Издревле была велика добыча из недр! Богатства золотых кладовых позволили правящей семье Российской империи фактически единолично обеспечить создание т.н. резервного банка в Америке. Срок выплаты взноса и процентов (общая сумма по намекам кажется невероятной) истек, но позитивных

движений не видно и ожидания вероятно бессмысленны. Также непонятна и загадочная история лихорадочно-поспешной «продажи» (точнее – просто передачи) Аляски и фактического отказа от деятельности России на территориях ее влияния по Тихоокеанскому побережью Америки до Калифорнии. А сколько заброшенных, отданных или лишь частично и неполно (до промежуточных промпродуктов) отрабатываемых объектов в стране. Свертывание производств, действовавших в СССР, с переходом на импорт. Или – неиспользование уникальных месторождений с полезными ископаемыми, жизненно необходимыми для «прорывных» инновационных технологий и резкого роста экономики.

Общепризнано, что история учит! И она должна учить! Не пора ли по-хозяйски рационально относиться к неисчерпаемым (?) богатствам страны, не используя их для мгновенного латания прорех – при непрерывной утрате их большей части в широко открытых бездонных пастях отечественных или иноземных грабителей. А использовать их для нужд своего народа, для развития регионов и страны в целом. Для создания всех условий счастливой жизни и труда уже в ближайшем завтра и уверенной перспективы светлого будущего!

Золото россыпи руч. Ковалева (о. Большевик)
Фото РБК «Сервис-Сезар» (Сезар-Аркаим)

Жертва апартеида

В первые антарктические экспедиции, начиная с 1955 г. и по, примерно, 1965 г., экспедиционные суда, следующие в Антарктиду и обратно на Родину, постоянно заходили в порт Кейптаун. Этот порт, расположенный на самом юге Африканского континента, был и остается по настоящее время очень удобным для заходов судов, обеспечивающих доставку грузов и персонала на наши действующие антарктические станции. Здесь суда заправлялись топливом и пресной водой, закупались свежие овощи и фрукты для полярников, остающихся зимовать на ледяном континенте. Для экспедиционного состава, следующего в Антарктиду, это было последнее место пребывания на теплом континенте, где можно было слегка расслабиться, купить кой-какие африканские сувениры и еще кое-что. Стоянка в порту обычно длилась 3-4 дня. Для полярников, возвращающихся на Родину, это было место тяжелого труда – нервной беготни по магазинам и универсамам для покупки всяких дефицитных товаров (а тогда у нас все было в дефиците) для ближайших родственников (обычно по заранее составленному списку) и подарков для друзей и коллег. Закупка колониальных товаров – так это называлось в те времена.

В середине шестидесятых годов дипломатические отношения СССР с Южно-Африканской республикой (ЮАР) были прерваны в знак солидарности с другими странами, объявившими бойкот ЮАР из-за проводившейся в этой республике политики апартеида. Наши суда перестали заходить в порты ЮАР. Возобновились дипломатические отношения только в конце девяностых годов после отмены в этой стране политики расовой дискриминации.

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел в 1961 году. Мы возвращались домой на д/э «Обь» и зашли в порт Кейптаун. Кейптаун – красивый, большой город на побережье Атлантического океана на южной оконечности Африки. Он растянулся на несколько километров вдоль побережья у подножья Столовых гор. Это второй по численности населения город (после Йоханнесбурга) в ЮАР. В то время в республике расцветала политика расовой дискриминации – апартеида. Все население делилось на белых (меньшинство) и цветных (негры, арабы, индийцы). В стране происходило раздельное обучение, пользование общественным транспортом, развлекательными учреждениями, медицинскими услугами и пр. Странно было видеть для нас – жителей СССР – надписи на многих магазинах, ресторанах и кафе «только для белых». Так же как при проезде на 2-х-этажном городском автобусе, где африканцам разрешался проезд только на втором этаже. В случае же одноэтажных автобусов при наличии в них «белых» пассажиров проезд «цветным» в них был запрещен.

В те годы выход в город с судна в иностранных портах членам экспедиции и экипажа разрешался только в группах не менее трех человек. Списки «троек» составлялись начальниками отрядов и утверждались первым помощником капитана («партайгеноссе»). В группу, в которую я был прописан, входили *Д.С. Соловьев*, *М.Г. Равич* и примкнувший к нам *П.К. Сенько*. *Д.С. Соловьев* был начальником геологического отряда, зимовавшего в составе 5 САЭ, с которым мы проработали 2 летних сезона в горах Земли Королевы Мод, а в межсезонье отзимовали в Мирном. *М.Г. Равич* (зам. директора по науке НИИГА и ответственный за программу геологических исследований в Антарктиде) был начальником геологического отряда в сезонной экспедиции 6 САЭ и присоединился к нашим исследованиям в горах в середине второго для нас полевого сезона. *П.К. Сенько* был сотрудником ААНИИ и примкнул к нашей тройке, поскольку они с *Равичем* были давно знакомы и на д/э «Обь» жили в одной каюте.

После продолжительных хождений по различным магазинам и покупок в них разнообразных «колониальных» товаров для подарков родственникам и сувениров для

друзей и коллег, мы изрядно утомились. Этому способствовала и чрезвычайно положительная температура африканского воздуха, от которой мы отвыкли за долгое пребывание на ледяном континенте.

Д.С. Соловьев предложил отдохнуть и охладиться в каком-нибудь близрасположенном баре или кафе с кондиционированным воздухом и охлажденным пивом. Мы его с радостью поддержали. Мы – это *П.К. Сенько* и я. *М.Г. Равич* с нами не соглашался. Он попытался нас убедить в том, что в тенистом парке на скамейке мы так же сможем отдохнуть и прохладиться, а потом у него почти не осталось рендов (местная валюта), чтобы тратить их на охлажденное пиво и полагающуюся к нему закуску.

Соловьев сказал: «*Михаил Григорьевич*, я за вас заплачу». *Равич* сразу же согласился и мы подошли к кафе, над которым висела вывеска «только для белых», а у входа стоял швейцар. Первым шел *Соловьев*, за ним *Равич*. Замыкающими были *П.К. Сенько* и я. *Соловьев* переступил порог кафе, а перед *М.Г. Равичем* швейцар преградил дорогу и, указывая рукой на вывеску и словесно дублируя ее содержание, не пускал его в вожаденно желаемое охлажденное помещение. Нужно сказать, что *М.Г. Равич*, с его курчавыми волосами и сильно загорелым под антарктическим солнцем лицом, мало был похож на типичного европейца, а скорее походил на человека арабского или индийского происхождения. *Равич* стал себя рукою бить по груди, при этом произнося одну и ту же фразу: «Ай эм рашен!». И тут *П.К. Сенько*, повернувшись ко мне, но довольно громко произнес: «И тут соврал!»* На швейцара словесные заверения *Равича* о его национальности не подействовали и вход в кафе и получение вожаденной прохлады для него были закрыты. Естественно, мы все развернулись и пошли в парк. Там *Равич* разрядился продолжительной тирадой по поводу исключительно плохой страны, в которой мы находимся, здешних порядков и людей, в ней проживающих. Он говорил, что интуитивно предчувствовал, что все так получится, и поэтому не хотел идти, и мы виновны в том, что втянули его в эту авантюру. Немного успокоился он лишь тогда, когда мы стали его называть незаконной жертвой апартеида.

Кейптаун

---

* Устные рассказы об этой истории давно ходят в разных вариантах по институту и его окрестностям. Поэтому особенно ценен рассказ её непосредственного участника (прим. ред.)

Ночной Кейптаун

Адерлей стрит – одна из центральных улиц в торгово-деловом центре города

Мыс самой Доброй Надежды – место воссоединения двух океанов

Бегемот на закуску

В конце 60-х и 70-х годах прошлого столетия многие сотрудники ВНИИОкеангеологии (в те годы еще НИИГА) смогли поработать в зарубежных странах. В основном, это были слаборазвитые страны Азии и Африки, где для проведения геологических изысканий требовались квалифицированные специалисты. Для выполнения таких работ при Министерстве геологии была создана организация «Зарубежгеология», которая занималась заключением государственных договоров на производство различных видов геологоразведочных работ, материально-техническим обеспечением этих работ и подбором специалистов из геологических организаций нашей страны.

В те годы геологи и геофизики нашего института могли практически продемонстрировать свои знания и опыт, приобретенные и отшлифованные при полевых исследованиях в полярных широтах, при работах в Ираке, Иране, Сирии, Вьетнаме, Алжире, Монголии, Мали, Тунисе, Танзании, Мозамбике и даже на острове Куба. Командировались туда специалисты сроком на 2-3 года с женами. А иногда даже с малолетними детьми.

Мне посчастливилось три года поработать в восточной Африке, в Танзании с 1970 по 1973 год. Танзания относительно незадолго до этого стала независимой объединенной республикой (1964 г.), соединив в своем составе два бывших государства – Занзибар, Пемба и Танганьика, которые до этого находились под опекой Великобритании. Символическим знаком этой страны, как когда-то у нас были серп и молот и пятиконечная звезда, стали изображения заснеженной вершины вулкана Килиманджаро и жирафы. Стилизованные картинки этих символов нередко можно было увидеть на входах правительственных учреждений, а также на бумажных денежных купюрах.

Жирафы на фоне г. Килиманджаро. Гора Килиманджаро (3° ю. ш., высота 5855 м) и жирафы являются государственными символами Танзании

Договор на проведение геологоразведочных работ, заключенный «Зарубежгеологией», был первым государственным договором между СССР и Танзанией на выполнение подобных работ. Согласно контракту, необходимо было провести геолого-съемочные и поисковые работы масштаба 1:125 000, направленные на выявление рудопроявлений россыпного и коренного золота и разведочные работы с бурением на ранее обнаруженных рудопроявлениях в западной части Танзании (район, примыкающий к восточному берегу озера Танганьика). Дело в том, что предшествующими работами английских геологов были найдены коренные рудопроявления золота в кварцевых жилах,

проведено разведочное бурение и другие виды горных работ, но документальные результаты этих исследований не были переданы правительственным органам (были увезены англичанами в связи с образованием республики и ликвидацией работ).

В соответствии с контрактом были организованы три съемочных и одна разведочная партии с соответствующими службами технической поддержки. Инженерный и технический персонал в партиях комплектовался из советских специалистов, рабочие и водители автомашин подбирались из местного населения. Наши специалисты были, в основном, из Казахстана, частично из Москвы и даже с Чукотки. Ленинградцев было трое.

Экспедиционная база располагалась в маленьком городке Мпанда, где специально для наших специалистов был построен небольшой «коттеджный» поселок с отдельной клубной постройкой, где по вечерам, и особенно в праздничные дни, собирались все поселяне. Всего, вместе с женами и детьми, наших было около 40 человек. Камеральный офис находился примерно в 1 км от российского поселка.

Зеленые холмы Африки

Несмотря на то, что этот район Танзании находится в экваториальной зоне (5° ю.ш.), климат там вполне приемлем для европейцев. Все это благодаря тому, что большая часть страны расположена на великом африканском плато, возвышающемся на 1,2-1,5 км над уровнем океана. В отличие от климатических периодов нашей страны, в Танзании нет таких понятий как лето, зима, весна, осень. Здесь годовой период подразделяется только на два сезона: сезон дождей, продолжительностью 4-5 месяцев и сухой сезон – все остальное время года. В дождливый сезон геолого-съемочные партии занимались камеральной обработкой собранных материалов, в сухой сезон проводились полевые работы.

Следует сказать, что в те годы эта экзотическая страна была очень мало посещаемая европейскими и американскими туристами. Леса и саванны в районах, где нам пришлось работать, были мало заселенными и изобиловали всякой африканской живностью. Кстати, о живности, которая была представлена не только разнообразными антилопами, зебрами, жирафами, обезьянами и пр., но и хищниками – львами, гепардами, гиенами и очень опасными «зверюшками» - буффалами (дикими буйволами) и слонами. Танзанийская сторона выдала для самозащиты при полевых исследованиях по одному «винчестеру» (нарезная винтовка типа нашего карабина) на каждую съемочную партию, а российская по одному охотничьему ружью без патронов и ракетнице (с ракетами). Выданный винчестер мне впоследствии очень пригодился и отнюдь не только для самозащиты (хотя с ним в маршрутах, особенно многодневных, я чувствовал себя более комфортно), но и для охоты

В геологическом маршруте

В отдельных лесных районах, окружавших наш городок, изобиловала муха це-це, которая пагубно воздействовала на домашних животных. Поэтому местное население не занималось животноводством, а только земледелием. Главным образом, выращивало и потребляло в пищу кукурузу. Для личных нужд и иногда на продажу некоторые держали кур и изредка «сухопутных» уток (сухопутных, потому что никаких водоемов в поселках не наблюдалось).

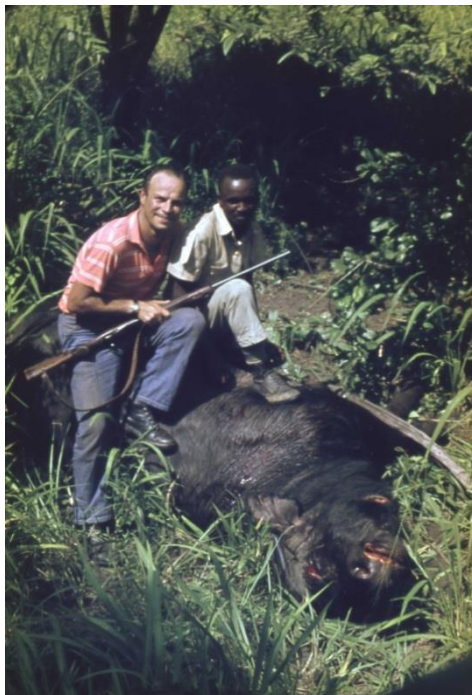
Африканские слоны в буше

Довольно быстро российское поселение раскупило на базаре всех продающихся кур, и, таким образом, возник мясной дефицит (в немногочисленных магазинах городка свежее мясо практически не продавалось). В это время к нам с инспекторской проверкой приехал начальник департамента геологии при правительстве Танзании (в этой стране нет министерства геологии, а только департамент), африканец по происхождению, но получивший геологическое образование в Англии. Мы ему пожаловались, что русские геологи не могут работать, если в их пищевом рационе отсутствует мясо. На что он ответил, что в его департаменте нет специальной интендантской службы, которая могла бы обеспечивать нас мясными продуктами, и единственно, чем он может нам оперативно помочь, так это получить именную лицензию на отстрел диких животных, если в нашем коллективе найдется человек, владеющий навыками охоты.

С этого момента мясная проблема была решена полностью. Кроме меня, был еще один геолог, до этого работавший в Средней Азии и там получивший опыт охоты на

сайгаков, но у него не было нарезного оружия. Я же практику охоты получил, работая в Арктике - в северной Карелии, на о. Новая Земля, на п-ве Таймыр, в Попигайской котловине и в тайге на правом берегу р. Енисей. Лицензия нам была дана на отстрел почти всех видов антилоп, буффало, кабанов (бородавочников) и птиц (фазанов, гусей).

Мой первый буффало

В дождливый сезон (камеральный период наших работ), когда у большинства наших кончались мясные запасы, я обычно брал машину, 2-3-х рабочих и ехал на охоту. Охота всегда была удачной. После возвращения происходила справедливая делёжка дичи на всех. Не оставались обделенными и мои африканские помощники по охоте. Хочется похвастаться. Из крупной дичи 11 буффало на моём счету! А охота на них порой бывает очень опасна (Э. Хэмингуэй «Зеленые холмы Африки»).

Хочу поделиться еще одной интересной деталью. Африканские рабочие, трудившиеся у нас в геологических партиях, давали русским свои прозвища, которые употребляли при разговорах между собой. Я случайно узнал, что меня они нарекли «**мистер Няти**». Я знал только одно значение перевода с суахили (танзанийский государственный язык) на русский язык слова «**Няти**» - это **зверь** или **звери**. Очень обиделся и свою обиду высказал моему африканскому хозяйственному ассистенту, работавшему у меня в партии. Я ему сказал, что, по-моему, хорошо отношусь ко всем рабочим, не перегружаю их лишней и тяжелой работой и не унижаю их. На что он мне ответил: «Что Вы, мистер *Шулятин*, это очень почетное прозвище. На суахили это слово еще имеет значение «**мясо**». И наши рабочие очень благодарны вам за то, что вы всегда делитесь с ними дичью. Поэтому и появилось в прозвище слово мясо. Вот если бы вы одаривали их чем-нибудь сладким, то нарекли бы другим прозвищем».

Кабан-бородавочник был частым блюдом в нашем меню

«Мясная карусель» - делёжка отстрелянной дичи на всех наших.

Но все это присказка, а главное впереди. Приближался День Геолога, а с ним и заботы, как отпраздновать этот день вдали от Родины. Была создана инициативная группа по подготовке к празднику. На ней, помимо организационных мероприятий, решался также вопрос о меню за праздничными столами. Единогласно было одобрено предложение о том, что главное горячее или закусочное блюдо должно быть приготовлено из мяса животного, которого никогда не было на праздничном столе геологов в такой день на Родине. Было сделано несколько предложений. В основном, они сводились к редкому виду антилоп, бородавочников (кабанов) или дикобразов. И тут же прозвучали голоса оппонентов – антилопы мало чем отличаются (по вкусовым качествам) от наших оленей или лосей, бородавочники – те же кабаны, только бесшерстные, а дикобразы, хоть и очень вкусные, но их едали геологи, работавшие в предгорьях Средней Азии. Кто-то предложил бегемота! Все сразу поддержали это весьма неординарное предложение. Вопрос с получением лицензии на отстрел бегемота был решён очень оперативно и, конечно же, положительно.

Бегемоты в большом количестве обитали в заболоченных озерах и впадающих в них мелких речках, находящихся недалеко от нашего города. Это была заповедная территория, но, тем не менее, некоторый отстрел там отдельных видов животных по лицензиям разрешался.

На сей раз я поехал на охоту на грузовой машине (ГАЗ-66) и взял с собой 5 рабочих. Со мной также поехал геолог *Сергей Семьянов*. Места скопленного обитания бегемотов нам были известны и мы сразу же направились туда. Это была небольшая речка шириной метров 15-20 и глубиной 1,5-2 м. Двигаясь на машине вдоль берега, мы вскоре обнаружили бегемотов в воде вблизи противоположного берега речки. Их было штук 10-15. При нашем приближении они не разбежались, а так и остались стоять погруженными в воду, периодически поднимая и раззевая свои огромные пасти. Находясь в кузове, я выбрал среди них не очень габаритную особь (помоложе) и выстрелил. От звука выстрела бегемоты разбежались, а один завалился на бок, немного подергался и затих. Вот тут и начались некоторые проблемы. Для того чтобы вытянуть огромную тушу на берег, разрубить на части и погрузить в кузов машины, был взят с собой металлический буксировочный трос и топоры. Но рабочие-африканцы наотрез отказались заходить в воду, чтобы накинуть на ногу бегемота петлю троса. Свой отказ они объясняли тем, что в этой реке, помимо бегемотов, обитают и крокодилы, а удовлетворять их пищевые запросы своими собственными телами они крайне не хотели бы.

Скопление бегемотов в речке в сухой сезон

Положение было патовым. Некоторые угрозы с нашей стороны, что они и их семьи останутся без мяса и пр., остались безрезультативными. Тогда *Сергей Семьянов* с криками: «Трусы, бездельники, дармоеды!..» и некоторыми другими словами, редко употребляемыми в общепринятой лексике, схватил трос и ринулся в воду. Он быстро набросил трос на ногу бегемота и благополучно вернулся на берег. Далее проблема была решена с помощью технических средств (буксировка) и мускульных усилий африканцев, разрубивших бегемота на части и погрузивших его в грузовик. И, как оказалось, не совсем был прав *Корней Чуковский*, стихи которого мы декламировали в далеком детстве: «Ох, и не легкая эта работа из болота тащить бегемота». После возвращения в наше геологическое поселение и раздачи мяса было объявлено, что на праздничном пиршестве будет вручен специальный приз тому столу, на котором будет самое вкусное блюдо, приготовленное из бегемота.

И вот наступил праздничный день. Большинство получили поздравительные телеграммы от родных и друзей. Официальное поздравление пришло и от Министра геологии СССР. Вечером все собрались в нашем клубном помещении, где женщинами

были уже накрыты праздничные столы. Каждый стол был на четыре персоны, определившиеся заранее. Столы едва выдерживали нагрузку от закусок (ломались), приготовленных из местных продуктов (разнообразные фрукты, фруктовые и овощные салаты, рыбы с озера Танганьика и пр. и пр.). Спиртные напитки были представлены многими сортами виски, джинами и южноафриканскими винами. Только за столом у нашего доктора красовалась бутылка водки «Столичной». Как потом выяснилось, водка была самопальная, приготовленная из медицинского спирта и залитая в сохранившуюся бутылку «Столичной». После многочисленных тостов, иногда озорных и очень веселых, был объявлен тайм-аут.

Такие рыбки водятся в оз. Танганьика.

Мясо дикобразов относилось к категории деликатесной дичи

После перерыва, выбранная конкурсная комиссия из трех человек приступила к работе по дегустации блюд, приготовленных из бегемотины. Как нам ранее представлялось, мясо бегемота должно быть сродни свинине. Но оказалось (при разделке и приготовлении блюд), что оно крупноволокнистое и жесткое. Тем не менее, наши женщины приготовили из него самые разнообразные блюда – отбивные и обычные котлеты, бефстроганов, бифштексы, гуляш, мясной салат, жареные пирожки и пр. На одном столе был даже студень из бегемотины.

Мнение дегустационной конкурсной комиссии было единогласным. Лучшим изделием, приготовленным из мяса бегемота, были признаны жареные пирожки с бегемотиной. Многие, сумевшие попробовать мясные блюда не только за своим столом, но и на соседних, с восторгом присоединились к решению высокой комиссии.

Начальник экспедиции под бурные аплодисменты вручил столу-победителю главный приз. Это была большая фигурка, сделанная танзанийскими мастерами (племя маконде) из черного дерева, бутылка настоящей «Столичной» водки (1 л.) и буханка привезенного с Родины черного хлеба, который многие из нас не пробовали уже 2 года. Этот хлеб показался вкуснейшим, настоящим деликатесом для тех, кого призы угостили им.

II. Нашим юбилярам

Ю.Ф. Манухин

Ярославу Владимировичу Неизвестнову

*неутомимому исследователю шельфа Северного Ледовитого и Тихого океанов
к 85-летнему юбилею*

Достань, Стрелец, каленую стрелу
и натяни потуже тетиву.
И выстрели, чудес не ожидая.
А цель близка, и, как тут ни крути,
стрела к ней, худо-бедно, полетит,
но попадет ли, нет - никто не знает.
Ты сам не раз испытывал судьбу.
Бывало, метко попадал в суму,
набитую грядущими делами.
И многие из них ты воплотил,
идя к свершеньям, не жалея сил.
И, как пример, всегда был перед нами.
В колчане нынче нет избытка стрел,
но каждой суждено наметить цель,
достойную всего людского рода.
И тщательно прицелиться... И вот
стрела победно в небе запоет
и распахнет нам тайнства природы.

Архангельский мужик сказал:
«Сибирью могущество России прирастёт».
Но знать не мог он, что часы пробили,
и мир на шельф российский западет.
Российский сектор Арктики бесспорно
включает шельфы северных морей.
Для нас, друзья, все это аксиома,
но англосаксы не согласны с ней.
Чтоб доказать, здесь нужен ум глубокий,
широкий взгляд и взвешенный подход.
И вот герой наш, край окинув оком,
нашел методу и махнул вперед.
По *Неизвестнову* материка законы
не грех распространить на глубину.
И выявляются структуры, склоны, зоны,
и всем понятно стало, что к чему.
Насколько хватит нам воображенья,
структуры можно к полюсу тянуть, ведь шельф,
он сути нашей продолженье.
И, не сомнясь, по божьему веленью,
мы вправе флаг на полюсе воткнуть,
тем более, что свойства «инженерки»
что тут, что там попробуй отличи.

И даже, если выпить. На поверку
для донных тайн мы подберем ключи,
усвоив диалектики законы
и смелый неизвестновский демарш.
Теперь поставим мы вопрос резонно:
«Шельф чей?», и мы ответим: «Наш!»
И нефтегазоносные богатства
на шельфах наших северных морей
по всем законам нам должны достаться,
коль пофигистских избежим идей.
И руды Клариона-Клиппертон
когда-нибудь ресурс казне дадут,
коль те, по ком в наш век рыдает «зона»,
народную моржу не украдут.
А мы всегда стремились к жизни честной.
Порукой в том наш пионерный труд
и наш вожатый *Слава Неизвестнов*,
с которым мы продолжим славный путь.

Да здравствуют гуру и аксакалы,
приверженные таинствам Земли!
Они по жизни сделали немало,
за что почет и славу обрели.

7 декабря 2015 г.

Негасимые искры нашей памяти (стихи хорошим людям)

Наш институт, был, является и надеюсь всегда останется нашим Родным Домом, «живые» его сотрудники, это ощущаем каждый день. Те, кто оставил свою работу по возрасту или другим причинам, оказался далече «за бугром», сохраняют в душе самые теплые чувства о счастливом времени пребывания в стенах НИИГА, а ныне ВНИИОкеангеология. Понять и объяснить секрет этой гипнотической ностальгии невозможно. Это нужно принять как «божью данность» судьбы, обрекшей сначала место на Мойке 120, а теперь и на Английском проспекте 1, быть обителью успешно и счастливо сложившейся ситуации в жизни многочисленной когорты геологов, тех кто когда-либо открывал двери нашего заповедного учреждения. Стихи, сопутствующие этот текст, написаны *Александрой Исааковной Данюшевской*, доктором г.-м. наук, известным геологом нефтяного профиля, бывшим сотрудником отдела нефти и газа Арктики, сподвижника академика *Игоря Сергеевича Грамберга* в эпоху расцвета геологии в нашей стране (1960-1990 гг.). В настоящее время *Александра Исааковна* живет в Германии, в г. Лёрих, перезванивается и переписывается со своими институтскими друзьями, в частности, с *Хованской Юлией Петровной*, зав. библиотекой института. Стихи соединяют в себе, с одной стороны, нежное дружеское расположение к духовно близкому человеку, с другой, переполнены теплым воспоминанием о замечательном институте, особом месте его расположения на р. Мойке, рядом с Новой Голландией и нашим прекрасном незабываемом городе Санкт-Петербург.

Посвящается Ю.П. Хованской

Данюшевская А.И.
Германия, Лёрих.

В глазах голубых и ярких,
Огонь то блистает, то сталь.
Новой Голландии арка
К каналу торопится вдаль
Внезапно на долгое время
Судьба нас свела в доме том.
Геологов славное племя
Без Вас обойтись не смогло
Разведка, походы, маршруты,
Шпицберген, Норильск и Ямал,
Но все начиналось с распутья,
Где книг был немереный вал.
Ушли и пришли поколения,
Иначе зовется страна.
Но тихое Мойки течение
О прожитом помнит всегда.
Как прежде Вы с книгами рядом
Остались на месте своем.
И доброй лучистой улыбкой
Друзей согреваете в нем.

Михаилу Константиновичу Косько – 80!

Родился 12 ноября 1936 г., в 1959 г. окончил в Ленинградский Горный институт, геологический факультет. Работал начальником геологической партии в Южной части Корякского нагорья; на о. Врангеля, на о. Котельный (Ляховские острова) в Северном Ледовитом океане – всюду вел успешные геолого-съемочные работы. Участвовал в составлении «Геолого-минералогической карты Мира» (1:15000000) – Северной Полярной области Земли (2000 г. Гл. редактор *Л.И. Красный* (ВСЕГЕИ). Автор монографии о геологическом строении и полезных ископаемых о. Врангеля на английском языке. В 2008 г. принимал участие в работе Международного Геологического Конгресса, в г. Осло (Норвегия). Последние годы активный участник и один из главных разработчиков геолого-тектонической основы и проблемы нефтегазоносности Восточно-Арктических морей, а также в обосновании внешней границы континентального шельфа России, по правилам Международной конвенции по морскому праву (1982 г.).

Мне все чаще Корякия снится
Ее реки и горный простор
Незабытых геологов лица
Их открытый и дружеский взор.
Что за прелесть было то время
Мы не знали пределов своих
Не колеблясь влезали в стремя
В неизвестность стремглав неслись.
    Был нам чужд расчет и зависть
    Не считали своих и чужих
    Жадно вглядывались в дали
    С честью долг и заботы несли
Труд геолога был священен
Нарушение его – моветон
Это просто утраченный ныне
Безнадежно забытый закон
    На столе лежал *Белоусов*
    Чуть поодаль открыт *Ажчигей*
    Наколенный диспутом воздух
    Сотрясал кабинет до дверей
Мы, как дети, читали книги
Познавая Мир и себя
Шли в маршрут с надеждой увидеть
Неоткрытые чудеса.
Мне все чаще Корякия снится
Ее реки и горный простор
Незабытых геологов лица
Их открытый и дружеский взор.

Посвящается Юбиляру – *М.К. Косько* и славному коллективу Корякской экспедиции (1955-1969 гг.): *Б.В. Ермакову, Н.В. Устинову, А.М. Трухалеву, Н. Радченко, Ю.Г. Закржевскому, И.В. Губанову, И. Любичу, Э.Н. Эрлиху, О.П. Дундо, Н.Н. Пагольскому, А.Б. Коровкину, И.М. Русакову, Л. Василенко, Г.И. Каменевой, В.А. Даценко, Н.Н. Куликову, А.В. Дитмару, Л.И. Аникеевой, К.С. Агееву, Е. Белкову, Б.Л. Генину, Э.А. Ланда, В.Ф. Маркову Г.К. Пичугиной, Н.А. Савельеву, Н.И. Савельевой, Л. Бочковскому, А.Г. Якубовскому.*

С.И. Андреев

Ст. геофизик Корякской экспедиции НИИГА с 1961 по 1966 гг.

Юрию Константиновичу Бордукову – 70!

И в фас, и в профиль, и с боков,
Весьма недурен *Бордуков*
Всегда в задоре, шутит с толком
Без грусти «обнулил» семерку
В застолье лидер он всегда
Незаменимый тамада
Неисправимый оптимист,
В общенье тонкий интимист
Ему заряд природой дан
С одними друг, к другим дружбан
Но неизменна в нем черта.
Его душа добром полна.
И без расчета и лимита
Она для каждого открыта
Так воздадим мы честь и славу
В застолье нашем Юбиляру.
Пушай горит его звезда
Всегда с утра и допоздна
А по велению зодиака
Живи с размахом и со вкусом!

Юрий Константинович Бордуков – «старый» в хорошем смысле этого слова НИИГовец, к тому же Норильчанин. Всегда в хорошем настроении, нацелен на активную жизнедеятельность, внимательный, хорошо воспитанный наш коллега. Пожелаем ему здоровья и всех ныне доступных благ. Он умеет ими пользоваться всегда со щедрой улыбкой доброжелательного общительного человека.

С.И. Андреев, 14.04.2016

III. Фотоархивы

Е.А. Кораго

Новая Земля

Рис.1. Изоклиная складка в тайнинской свите девона. 1977 г.
Фото Р.А. Щеколдина

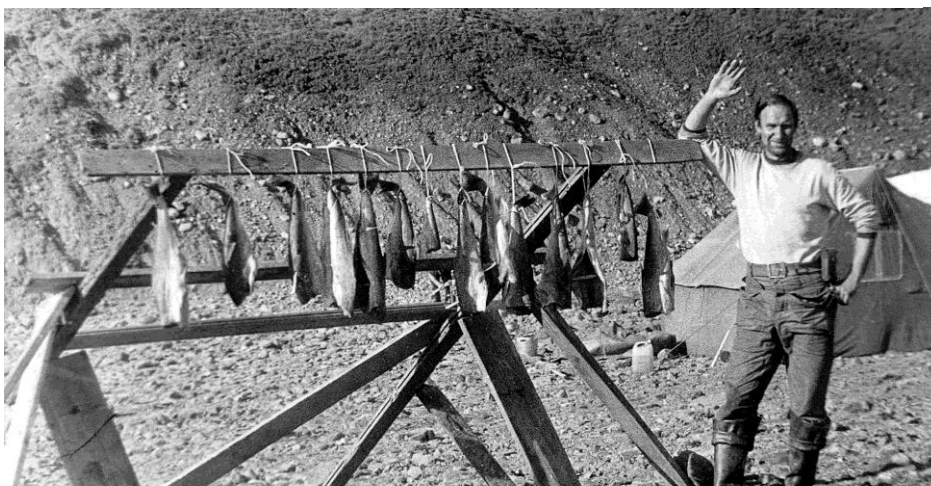

Рис.2. Погода – sehr gut. Южное побережье Новой Земли. 1978 г.

Рис.3. Ловля гольца на спиннинг в реке Сахалина. О. Южный Новой Земли. 1979 г.
Фото В.Ф. Ильина

Рис.4. Хороший улов. Поисковой отряд Западно-Арктической партии АКГГЭ. Второй справа – начальник отряда *В.Ф. Ильин*. 1979 г.

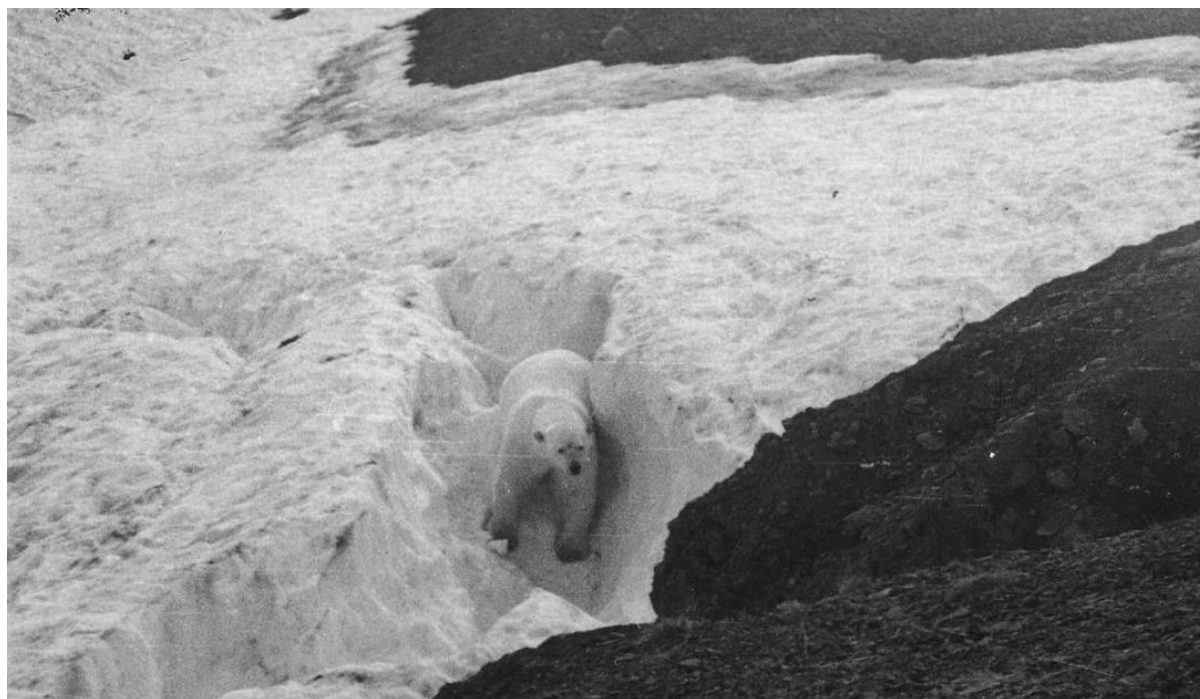

Рис.5. Встреча в маршруте. Юг Южного острова Новой Земли. 1979 г.
Фото *Р.А. Щеколдина*

Рис.6. Перекус перед установкой нового полевого лагеря.
О. Южный, Новая Земля. 1979 г.
Фото *В.Ф. Непомилуева*

Рис.8. Застряли. Юг о. Южный, Новая Земля. 1979 г.
Фото *Р.А. Щеколдина*

Рис.7. *Кораго Е.А.*
выпендривается. Пролив Карские
Ворота. 1979 г.

Рис.9. В проливе Карские Ворота. 1979 г. Фото *В. Заикина*

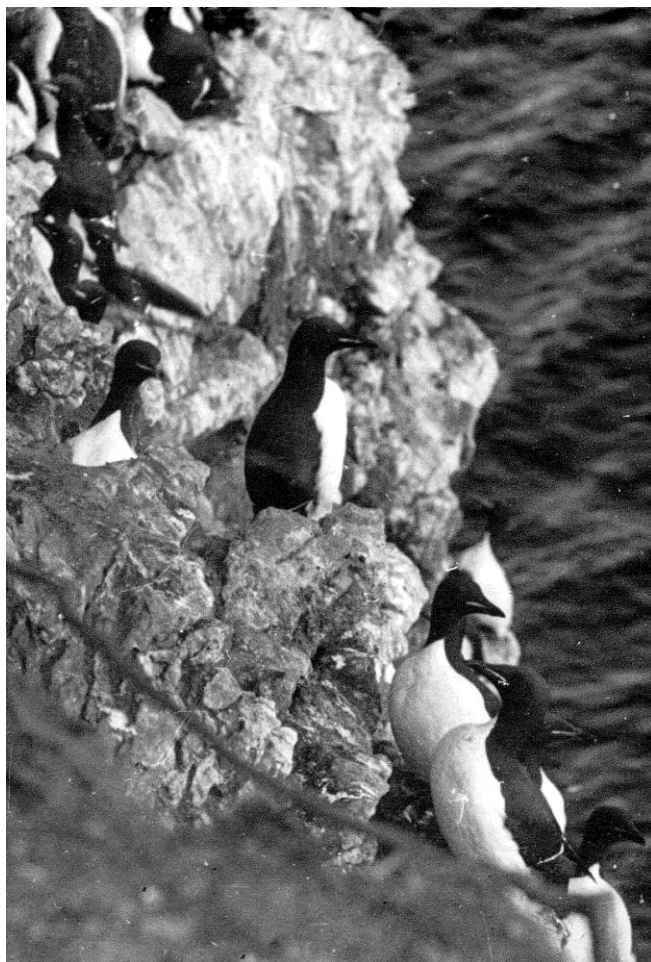

Рис.10. Птичий базар. Кайры. Южный остров
Новой Земли. 1979 г.

Рис.11. Птичий базар. 1979 г.

Рис.12. После полевого сезона 1979 г. Слева направо: *Н.Н. Соболев, В. Заикин, Е.А. Кораго, и правое плечо А.С. Красножен.* На базе Западно-Арктической партии.
Фото *Р.А. Щеколдина*

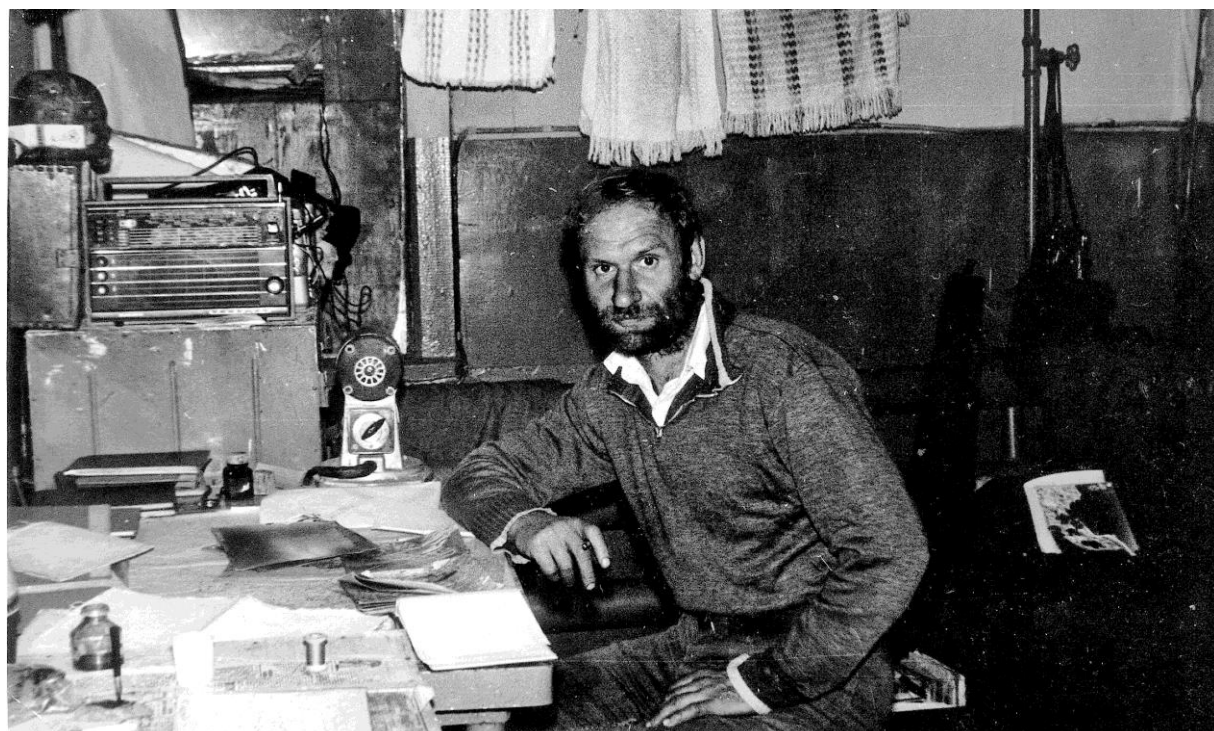

Рис.13. *Кораго Е.А.* на радиосвязи с базой. Точка ПВО на юге о. Южный Новой Земли.
1979 г. Фото *Р.А. Щеколдина*

Рис.14. Полярная сова. Южный остров Новой
Земли. 1980 г.
Фото *Р.А. Щеколдина*

Рис.15. Студенты-практиканты из ЛГУ им. Жданова. 1980 г. Фото *Р.А. Щеколдина*

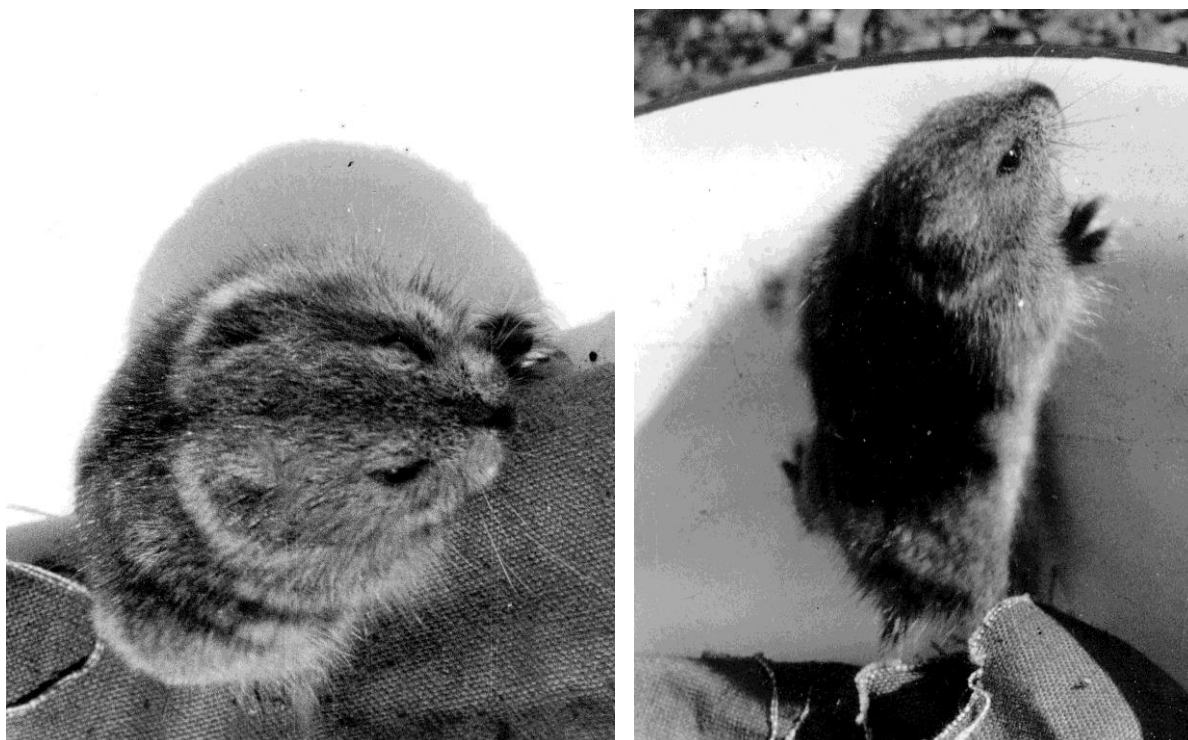

Рис.16. Страхнее лемминга зверя в тундре нет. Новая Земля. 1980 г.
Фото *Р.А. Щеколдина*

Рис.17. С собакой Лайдой на берегу Карских ворот о. Южный Новой Земли. 1980 г.
Фото *О. Фалькова*

Рис.18. Переплываем на вездеходе залив Рогачева; люк открыт. 1980 г. Фото *Т.Н. Ковалевой*

Рис.19. Каньон. Обнажаются рифогенные известняки нижнего девона. О. Южный, р. Сахалина

Рис.20. Студент у снежника. 1980 г.
Фото *Р.А. Щеколдина*

Рис.21. И никто не хотел уступать! Север Новой Земли. Метеостанции «Мыс Желания». Начало 80-х годов XX века. Фото одного из зимовщиков

Рис.22. Южный берег губы Сев. Сульменевой. На левом берегу – выходы кембрийских отложений в снегу. Западное побережье о. Северный, Новая Земля. Август, 1982 г.

Рис.23. Промысловая губа в губе Сев. Сульменевой.
Слева направо: *И.В. Смирнова, Е.А. Кораго,*
И.А. Соловьев, О.Н. Виноградова. О. Северный
Новой Земли. 1982 г.

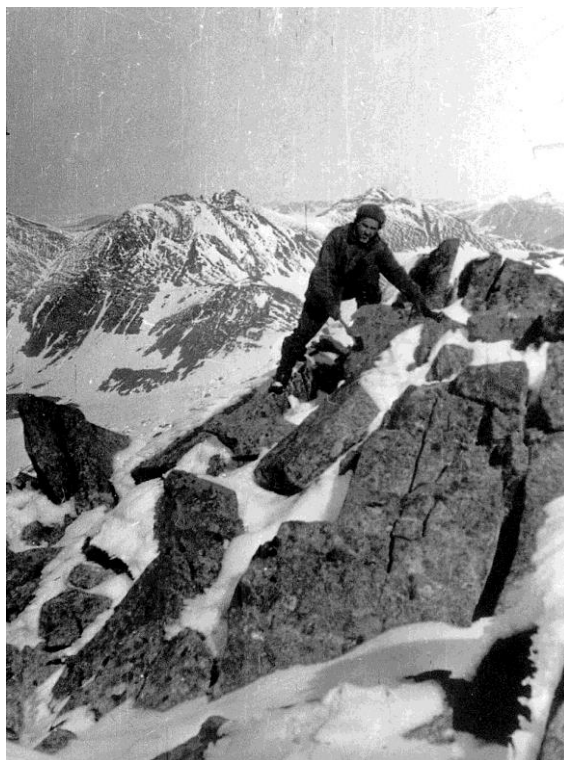

Рис.24. *Соловьев И.А.* среди девонских
габбродолеритов. Район отм. 922.0 м.
О. Северный, середина июля 1982 г.

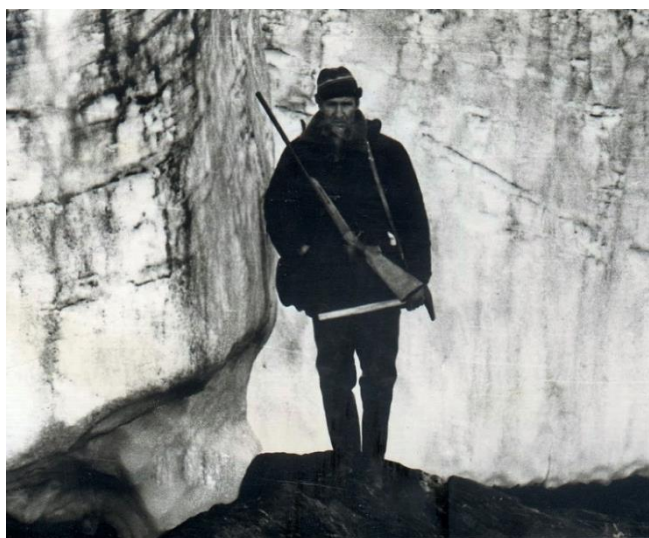

Рис.25. У ледяного уступа. 1982 г.
Фото *И. Соловьева*

Рис.26. Первый улов гольца на спиннинг на Карском побережье о.
Северный. Район горы Черной. 1983 г.

Рис.27. Залив Ледяная Гавань. Крест поставлен архангелогородцами в честь зимовки
В. Баренца (1994-1996 г)

Западная Чукотка

Рис.28. Хребет Уш-Урэкчан. Западная Чукотка. Кедонская вулканическая серия (D₂₋₃kd) Омолонского массива. 1975 г.

Рис.29. Уш-Урэкчан - горная гряда на Западной Чукотке. 1975 г.

Рис.30. Перевал: через хребет Уш-Урэкчан. 1975 г.

Рис.31. Зап. Чукотка. В центре – мерин Яшка. 1975 г.

Северо-Восток Азии. Колымо-Омолонское междуречье

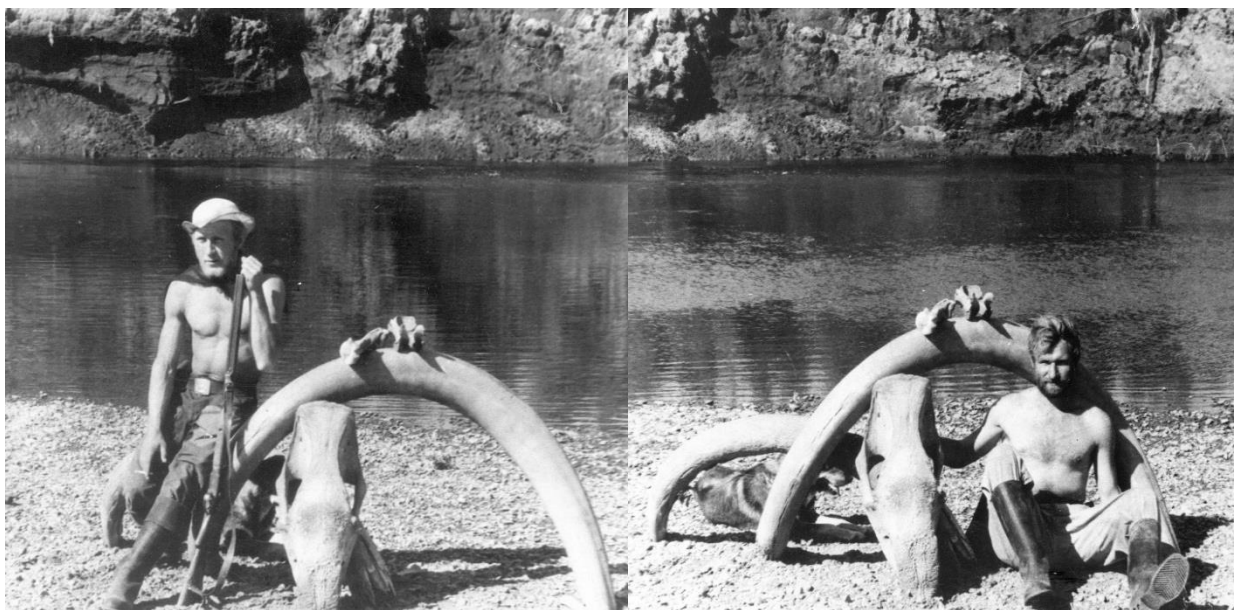

Рис.32. Северо-Восток России, р. Монокова. Слева – В. Свистунов, справа – Е. Кораго. 1968 г.

Рис.33. Местный ветеринар и стадо оленей в районе гряды Захаренко. Кодонская гряда.
1969 г. Фото И. Ю. Габака

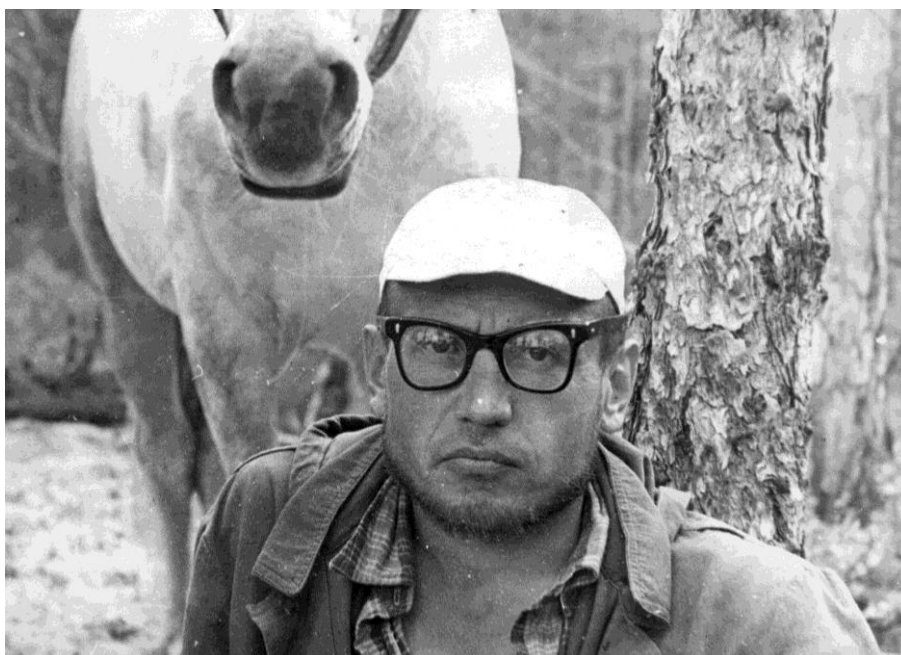

Рис.34. Алик. Ручей Малиновский, Колымо-Омолонское междуречье. 1971 г.

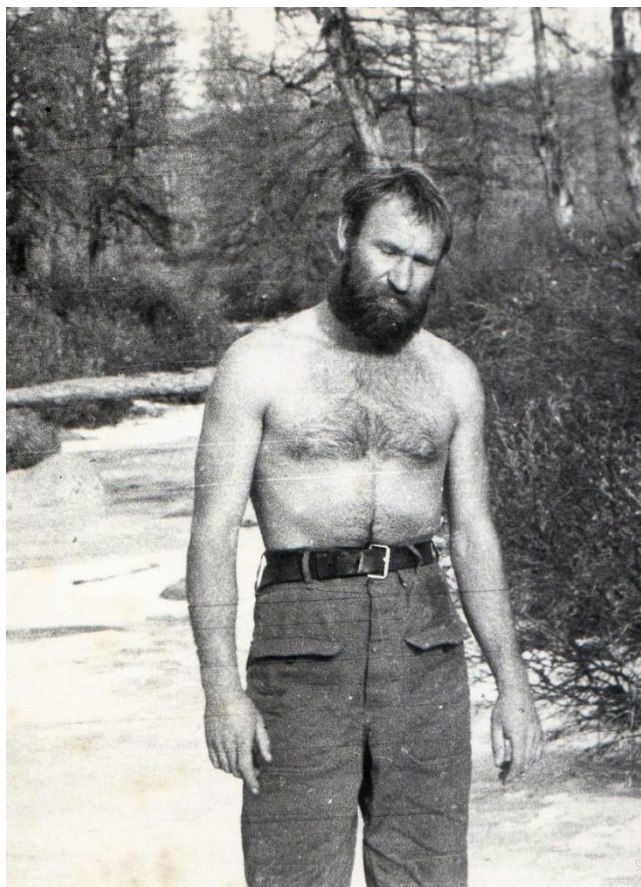

Рис.35. Ручей Малиновский, правый приток р. Токур-Юрях. Конец сентября - начало октября 1971 г.

Фото *О.Л. Леонидова*

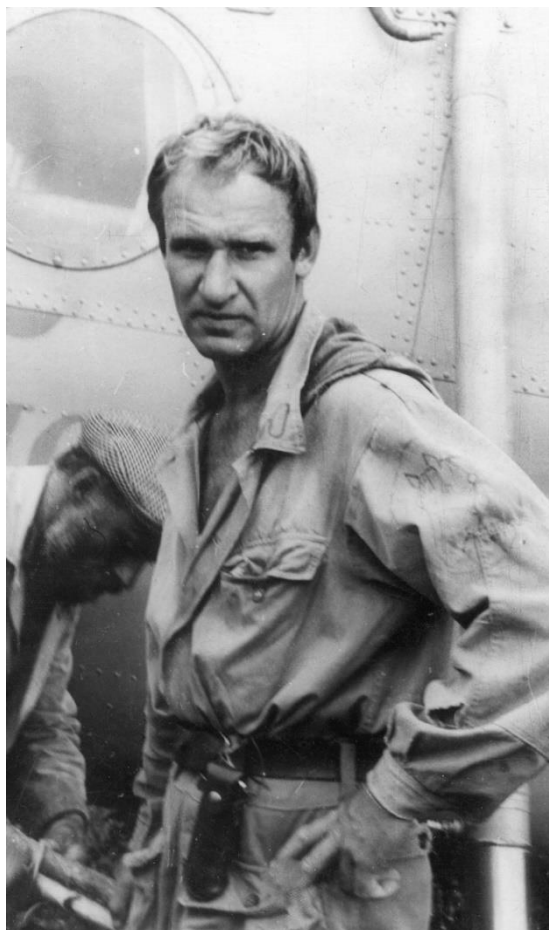

Рис.36. У вертолета Ми-4. *А. Сергеев* и *Е. Кораго*. Колымо-Омолонское междуречье. 1972 г. Фото москвича-физика доктора физ.-мат. наук, работавшего коллектором у доктора г.-м. наук *А.С. Дагиса* (Новосибирск)

Рис.37. Рэд. 1971 г.

Рис.38. Впереди мерин Яшка. Бассейн р. Коркодон – крупного правого притока р. Колымы. 1971 г.

Рис.39. Фото студента Киевского университета *В. Бондаренко*. Полевая база в долине р. Алы-Юрях. 1972 г.

Рис.40. Вид на реку Сеймчан с сопки Пионерской. Бассейн р. Колымы. 1973 г.
Фото *В.А. Шишкина*

Рис.41. Замковый перекат. Р. Колыма. 1973 г. Фото *В.А. Шишкина*

Рис.42. Умная и воспитанная собачка Булька

Рис.43. Геолог *Леонидов О.Л.* и бортмеханик Ми-4 забирают лабаз.1974 г.
Фото *И. Ю. Габака*

Рис.44. Иглу на водоразделе р. Сеймчан. Сложили *Шишкин В.А. и Кораго Е.А.*
Март, 1974 г.

Рис.45. Кедонская гряда. 1974 г. Фото *И.Ю. Габака*

Рис.46. *Николай Николаевич Сергеев и
Слава Егоров. Каюры, бассейн р. Омон.*
1975 г.

Рис.47. Каюр *Слава Егоров*. Слева – мерин Яшка, справа – кобыла Трехлетка. Бассейн
р. Омон. 1975 г.

Рис.48. Хелемендик, р. Русская (Коркодонская), бассейн р. Омон. 1976 г.

Рис.49. Будем выючить! Слева направо: *Н. Усачев, Е. Кораго*. Бассейн р. Омон. 1977 г.

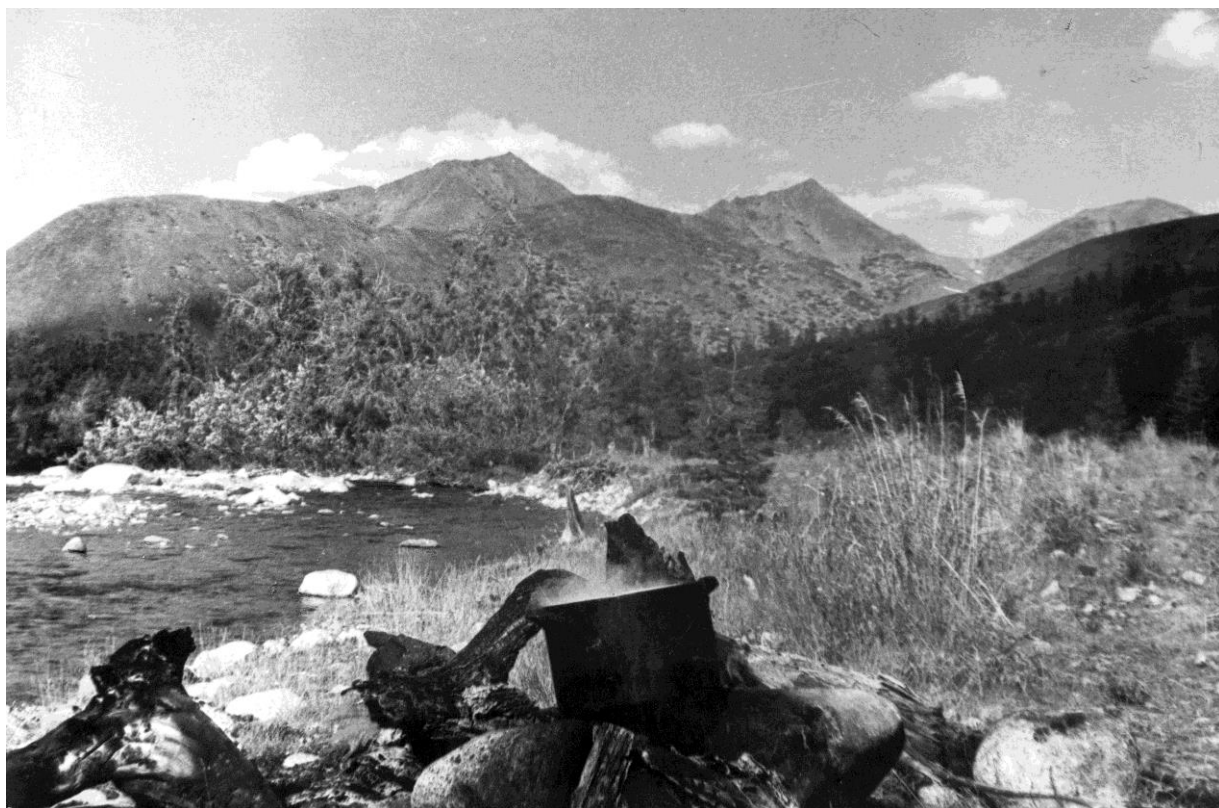

Рис.50. Северо-восток Азии. Кедонская гряда. Фото *И.Ю. Габака*

Рис.51. Рабочий-радиометрист Хелемендик со своим псом. Среднее течение
р. Омон. 1977 г.

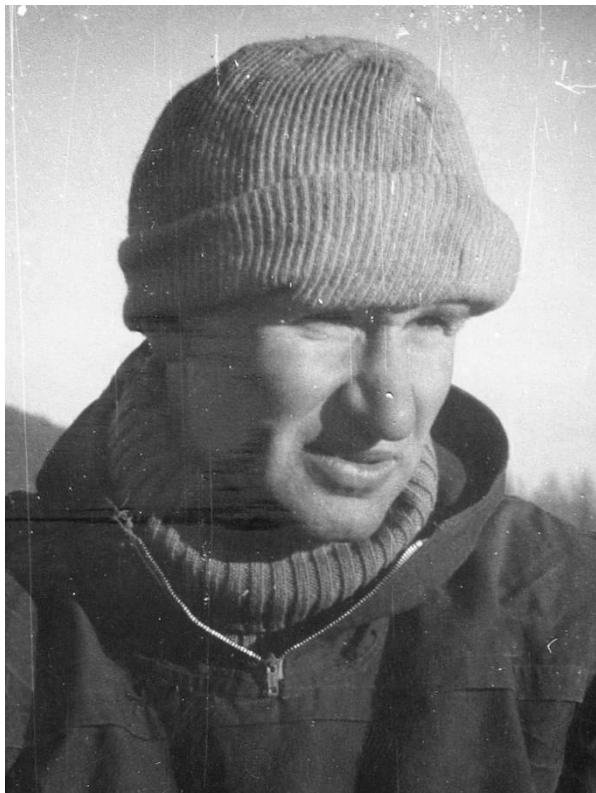

Рис.52. Конец полевого сезона 1979 г.
Колымо-Омолонское междуречье

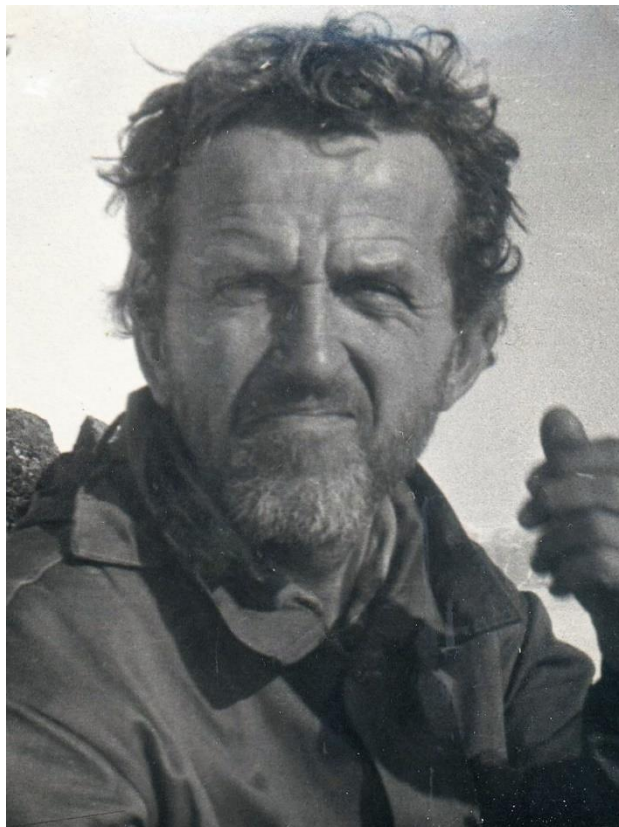

Рис.53. *Игорь Соловьев* на отметке 922.0 м в
районе Главного Новоземельского разлома.
1982 г.

Рис.54. Лыжные места. Левый берег р. Сеймчан
(левого притока р. Колымы). Фото *В.А. Шишкина*

Рис.55. Река Сеймчан – левый приток р. Колымы. На заднем плане – голец Попутный высота около 900 м. 1979 г. Фото *В.А. Шишкина*.

Рис.56. Рабочий на найденной нами лодке-долбенке. Р. Вилюй. 1963 г.

Рис.57. Вылетаем с поля. В самолете начальник отряда - *Юра Сафьянников*. Справа - старший техник *Марат*. Рядом со мной - трое рабочих. Октябрь 1963 г.

Рис.58. Гранитоидный массив Митюшев Камень (г. Монах и Монахиня). Превышение над морем более 900м. Новая Земля, запад о. Северный. 1981 г.

Рис.59. Разрез PR2. Новая Земля, о. Северный, залив Иностранцева, южный берег. 1984 г.

Рис.60. Метеостанция. Новая Земля, Мыс Желания. 1984 г.

Рис.61. Полярный Урал, р. Лонгот-Юган, на заднем плане массив Харче-Рузь. Июль 1997 г.

Рис.62. «Величайшие» съемщики современности
Е.А. Кораго и *Р.А. Щеколдин*. О. Новая Земля,
восточная оконечность, мыс Озерный. 2004 г.

Рис.63. *Д. Джи и Н. Трубецкой* выходят на берег. О. Северный, кут залива Легздина. 2005 г.

Рис.64. О. Западный Шпицберген. Земля Норденшельда. Август 2006 г.

Рис.65. Наш полевой лагерь. О. Западный Шпицберген. Земля Норденшельда. 2006 г.
Фото *Н.М. Столбова*

Рис.66. Бухта Мака. 7.08.2015 г.

Рис.1. Подъем гидростатической трубки в районе острова Генриетта

Рис.2. Люба Панова за изучением образцов. ДЛ «Капитан Драницын»

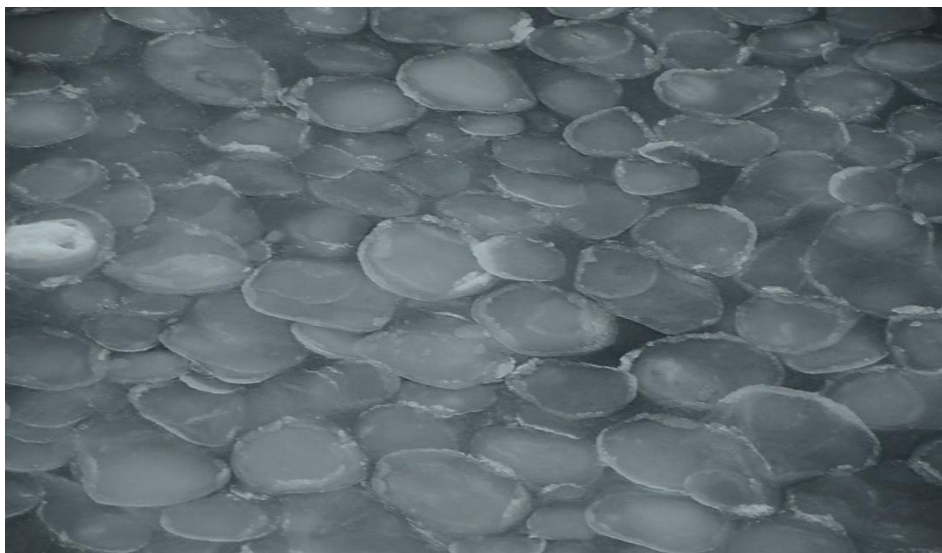

Рис.3. Блинчатый лед - предвестник конца полевого сезона

Рис.4. Ледокол «Диксон» за работой. За бортом сейсмическая коса и две группы сейсмопушек

Рис.5. Размыв пробы на борту ДЛ «Капитан Драницын». Этому не научат в университетах

Рис.6. Добыча. Обломки, поднятые со склонов горы Трукшина

Рис.7. Лена Миролюбова за работой

Рис.8. Льды. В поисках надежного ледяного поля для СП-35 пройдена не одна сотня миль

Рис.9. Ледяные узоры

Рис.10. Ледяные узоры на такелаже

Рис.12. Сортировка добычи на борту. Ищем самые красивые камушки

Рис.13. Этим языкам не учат в «Горном». Павел Рекант и спуско-подъемные операции

Рис.14. Елена Миролубова и Ирина Латышева все могут разделить и подписать

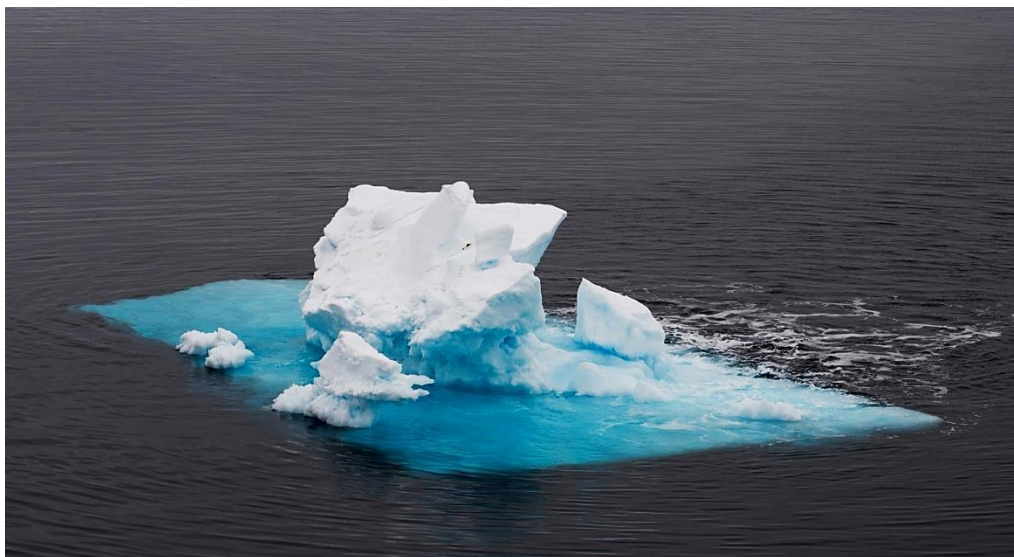

Рис.15. Первый предвестник ледяных полей

Рис.16. Мы встретились. Комментарии излишни

Рис.17. Ночь в полярный день

Рис.18. Тишина

Рис.19. Два ледокола. «Капитан Драницын» проламывает путь для «Диксона»

Рис.20. Третьи сутки пробоотбора, каюта люкс. Завтрак включен

Рис.21. Труба пошла за борт. Неважно, что через всю палубу трос, зато мы в касках и рабочих ботинках

Рис.22. Пришел с проверкой

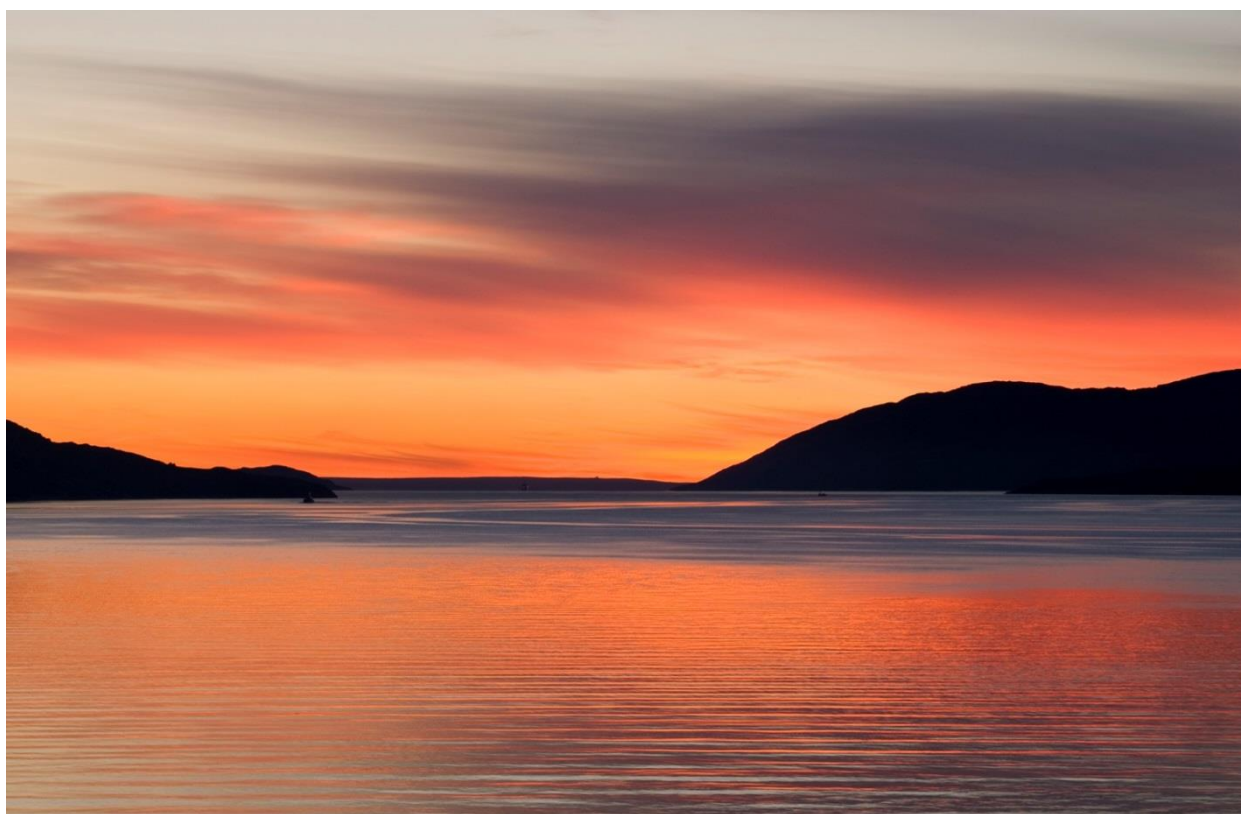

Рис.23. Фьорд в Киркинесе. Стоим на переоборудовании

Рис.24. ДЛ «Капитан Драницын»

Рис.25. Здесь будем взрывать

Рис.26. Два Павла и одна труба. Ремонт при помощи лома и какой-то матери

Рис.27. Молодой медведь. Просто молодой медведь

Рис.28. АЛ «Россия» в поисках границы расширенного шельфа России

Рис.29. Арктическое лето где-то на 84-ом градусе северной широты. За ночь полынья затягивается молодым ледком

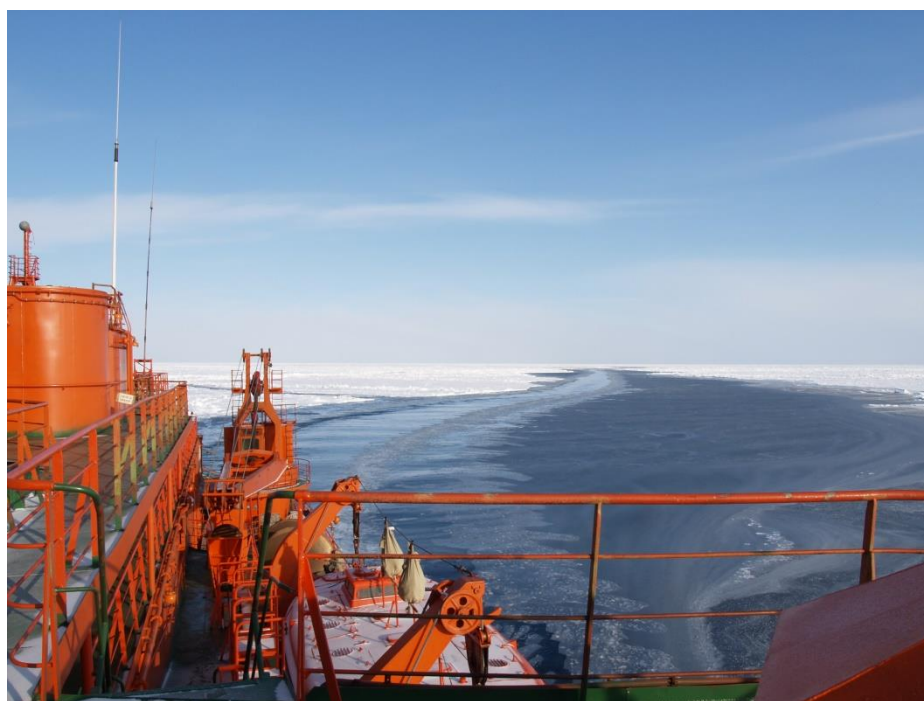

Рис. 30. Идем 15 узлов. Лед до 2-х метров не оказывает значительного влияния на скорость